

**Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова**

Центр общественных наук
Экономический факультет

**Уральский технический институт
связи и информатики**

Академия философии хозяйства

Российская хозяйственная мысль: своеобразие, история, перспективы

Под редакцией

д.э.н., проф. Ю.М. Осипова,
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотовой

**Москва
2013**

ББК 65
Р76

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ МОНОГРАФИИ:

д.э.н., проф. Ф.И. Гиренок; к.э.н. Е.С. Зотова; д.э.н., проф. В.М. Кульков;
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов; д.э.н., проф. М.Г. Покидченко;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский; к.э.н., доц. М.А. Румянцев (Санкт-Петербург);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.ф.н., проф. Л.А. Тутов;
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский

Редактор — *Т.Г. Трубицына*
Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, С.С. Нипа,
С.Ю. Синельников, Т.С. Сухина*
Оригинал-макет — *С.С. Нипа*
Компьютерная верстка — *О.Б. Лемешонок, С.С. Нипа, Л.Г. Полунина*
Дизайн обложки — *А.А. Барыкина*

По итогам международной научной конференции «Своеобразие отечественной хозяйственной мысли в контексте мировой экономической науки и современный поиск новых парадигмальных решений», проведенной на экономическом факультете с участием Центра общественных наук в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова
20—21 июня 2013 г.

Р76 **Российская хозяйственная мысль: своеобразие, история, перспективы** / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. — М.: ТЕИС. 2013. — 389 с.

В монографии рассматриваются своеобразие российской хозяйственной мысли в контексте мировой экономической науки, исторические и современные аспекты отечественного мышлеизъявления, поиск новых парадигмальных решений, становление и развитие оригинального направления российской мысли — философии хозяйства. Необходимое внимание уделено проблемам практической экономики в свете текущих научных изысканий.

Для ученых, преподавателей, аспирантов и студентов экономических специальностей, для всех, кто питает интерес к гуманитарной мысли России.

ISBN

ББК 65
© Коллектив авторов, 2013

Предварение

Пророков, как известно, в своем отечестве не бывает, но речь тут не о пророках, хотя и о них тоже, а о мыслителях российских, причем разных: от домостроевского Сильвестра и универсального Ивана Посошкова до выдающихся М. Туган-Барановского, Н. Кондратьева, А. Чаянова и беспрецедентного С. Булгакова. Сильвестров «Домострой», никем толком и не знаемый, заведомо презирается на родине как замшело-анахронический; «Книга о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова, предвосхитившая смитовское произведение о богатстве народов на целых полвека, никак в России не почитается, да, собственно, как и тот же «Домострой», особенно не знается; гениальный М.В. Ломоносов не более чем обычный физик и химик, но никак не экономический мыслитель, хотя всю жизнь заботился о производственном и народонаселенческом процветании России; гениальный Д.И. Менделеев — не более чем химик и замечательный изобретатель-де водки, каковую вовсе и не изобретал, но уж совсем не выдающийся экономист-практик, хозяйственный просветитель и проектант; кто в России из экономистов-современников знаком с трудами, к примеру, А. Шторха, Н. Мордвинова, А. Бутовского, ежели имен-то таких никогда не слыхивал: а кто сейчас похвастается знанием В.И. Ленина, И.В. Сталина, того же Ф.Э. Дзержинского, Г.М. Кржижановского, не говоря уже о С.Г. Струмилине, К.В. Островитянове, Е.С. Варге, В.С. Немчинове, Н.А. Цаголове или А.И. Анчишкине?

Да, совсем не склонен наш ученый россиянин пригибать свою интеллектуальную выю перед соотечественниками, будь они и содержательными, и оригинальными, и выдающимися, и даже гениальными. Имей они хоть сто пядей во лбу, а на пьедестал из них никого, ибо вся весомая экономическая мысль там, на Западе, в Европе, за границей, — и с превеликим удовольствием преклоняется наш соотечественник перед А. Смитом, К. Марксом, А. Маршаллом, Дж. Кейнсом, П. Самуэльсоном,

М. Фридманом, да все равно перед кем, лишь бы оттуда, из-за бугра, из земель обетованных, из наипервейших источников!

Можно согласиться с тем, что экономическая мысль развивалась более там, — на Западе, где и более было собственно *экономики*, этого однеженного хозяйства с его капитализмом и финанризмом; как и можно признать, что российская собственно *экономическая* мысль была в основном западной, а потому исключая И. Посошкова, вторичной; но при этом следует указать на то важное обстоятельство, что российская мысль вовсе не сводилась к собственно экономической, а была по преимуществу мыслью *хозяйственной*, т. е. более объемной и содержательной, чем мысль чисто экономической, что и отличало фундаментальным образом российскую мысль от западной. Не капиталостроительной, а домо-строительной была российская мысль, она никогда не исходила из того, что чем больше денег, золота, капитала, рынка, предпринимательства, конкуренции, вещественного богатства, колоний, эксплуатации труда, производства, продаж, потребления, то тем лучше, ибо умела видеть общий интерес, осознавала социальность и социальную этику, привлекала духовное начало, различала скудость человеческую посреди нечеловеческого богатства, понимала узость и опасность чистого и безудержного экономизма, не восторгалась безоглядно западным капитализмом, отдавала должное государственности, прозревала иные — не западные — социохозяйственные алгоритмы и перспективы.

Российская хозяйственная мысль была, разумеется, разной: от явно подражательной западной (что буржуазной, что «пролетарской») до сугубо почвенной (народничество, славянофильство; общинничество, артельничество, аграрничество; государственничество, дирижизм, планизм). И в своей почвенной ипостаси российская мысль была вполне самостоятельной, своеобразной, смыслонасыщенной, источниковой, мало того — исторически оправданной и проективно перспективной. Даже в особое по господствующей единой идеологии (марксистской) советское время отечественная мысль была богатой на знания, идеи и новации.

Мы совсем не случайно применительно к отечественной мысли употребляем более слово «хозяйственная», чем «эконо-

мическая», ибо, повторяем, российским мыслителям было явно тесновато в сфере собственно экономики, понимаемой по-западному «денежно», и они вольно или невольно выходили за пределы такого узко экономического подхода, обращаясь к воспроизводству человека вообще и общества вообще, не увлекаясь ни «экономическим человеком», ни «экономическим обществом», а тяготая к человеку хозяйствующему и обществу хозяйствующему, еще и не пренебрегая моральным критерием. Недаром в России получили распространение и укоренились нравственно-социалистические идеи, обусловившие затем и возможность масштабного социалистического эксперимента, пусть на практике оказавшегося и весьма далеким от полагавшейся в мечтах реальности. Метакапитализменность, или метаэкономичность, России, ее, так сказать, домохозяйственность, проявилась и в другом факте — в возникновении особого течения мысли, альтернативного не только западному капитализму-экономизму, но и сначала западному, а потом и доморощенному социализму, а именно — *философии хозяйства*, правда, как видится, не оцененного в России по достоинству ни тогда — в 1912 г., когда С.Н. Булгаков защитил в Московском университете одноименную диссертацию, ни сейчас, когда школа философии хозяйства вновь возродилась во все том же Московском университете.

Вышло так, что Россия со своим своеобразием хозяйственной мысли оказалась подходящей средой для возникновения оригинального философско-хозяйственного учения — философии хозяйства, но та же умственная Россия, поработанная западным интеллект-экономизмом (политической экономией, научной экономией) не смогла найти в себе идейно-духовных ресурсов, чтобы оценить и признать сделанное на ее интеллект-территории великое открытие. Так и остается философия хозяйства как бы незаконнорожденной дочерью России, хотя и предлагает не просто новое видение хозяйства и человека хозяйствующего, открывает новые познавательные-размыслительные горизонты, но и преодолевает те противоречия и неразрешимости, которыми давно уже грешит научная экономия, что в политэкономической, что физической, что математической интерпретациях.

Хозяйство, а вместе с ним экономика, не так физичны, как *метафизичны*, о чем и твердит упорно философия хозяйства, но, увы, почти безрезультатно. Не хочет «истая» наука (сциентизм, физикализм, математизм) отойти от... «чистой» же науки, выйти за ее пределы, чтобы, обогатившись новым видением, придти к иным парадигмальным заключениям. Да и привыкшая находиться под западным прельщением, отечественная наука очень боится не угодить своей замысловатой заграничной наставнице, всячески избегая всего национального, почвенного, доморощенного, то бишь своего, стараясь не замечать не только философии хозяйства, но и вообще любого своеобразия отечественной мысли.

В таком вот почти что дьявольском раздвоении находится до сих пор российская хозяйственная мысль: героического выделывания *своего* текста и его же унылого незамечания, но при этом стойкого преклонения перед... э-э... *мировой* ... наукой и соответствующего ему бодрого умаления своей собственной мысли, которой, кстати, на мировом направлении в России попросту и нет (одно подражание, но зато какое восторженное!).

20 и 21 июня 2013 г. в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по инициативе Центра общественных наук при МГУ и лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ прошла на базе и с участием экономического факультета МГУ международная научная конференция «Своеобразие отечественной хозяйственной мысли в контексте мировой экономической науки и современный поиск новых парадигмальных решений».

Конференции предшествовал следующий концептуальный анонс.

Считается, что самое большое, на что будто бы была способна и остается способной отечественная экономическая мысль — повторять и в лучшем случае приспособливать к российскому контексту внешнюю для России, в основном европейскую (западную), науку, идти в ее фарватере. Нельзя сказать, что таковой весьма незавидной данности в стране нет, но, содержание и значение российской мысли к столь не благовидной ситуации, конечно же, не сводится. Отечественная эко-

номическая мысль всегда отличалась своеобразием, обусловленным исторической, культурно-цивилизационной, институциональной спецификой России, ее элитарного и общественного сознания, национального менталитета. Недаром в России был создан глубокомысленный «Домострой», имевший, кстати, западноевропейские аналоги, а также появились такие мыслители, как И. Посошков со своим поразительным учением о скудости и богатстве, о вещественном и невещественном богатствах, как и о многом другом жизненно важном, что содержалось в его комплексном труде «Книга о скудости и богатстве», на полвека опередившем известное смитовское сочинение «Исследование о природе и причинах богатства народов», в котором знаменитый шотландец уделит внимание лишь материальному богатству, как «второй Посошков — В. Кокорев», продолживший посошковское учение о правде, духовности и праведных законах, указывающий на феномен духоугашения как главную причину экономических провалов Российской империи, как личность-университет, мыслитель-энциклопедист М. Ломоносов, стоявший у истоков создания Императорского Вольного Экономического Общества, целью которого было «приращение земледелия и домостройства», как выдающиеся экономисты А. Шторх с его теорией цивилизации, а также Н. Мордвинов, А. Бутовский, видевшие и фиксировавшие особенности российской хозяйственной жизни и в силу своего лояльного отношения к российскому феодализму зачисленные советской и либерально-буржуазной историей науки, как, собственно, и гениальный Посошков, в разряд ретроградных крепостников, достойных лишь осуждения и забвения, как замечательные хозяйственные практики А. Болотов, А. Фет (автор «Лирического хозяйства») и А. Энгельгард («Письма из деревни»). Бесспорный вклад в отечественную и мировую экономическую мысль внесли так называемые русские народники: А. Герцен, Н. Чернышевский, Н. Огарев, П. Лавров, Н. Михайловский, М. Бакунин, П. Ткачев, В. Воронцов, С. Южаков, Н. Даниельсон, С. Кривенко, а также опять же так называемые славянофилы: И. Киреевский, А. Хомяков, Ю. Самарин, К. Аксаков, идеи которых были прямо обусловлены самобытностью России, существенным отличием ее хозяйственной жизни

ни от по-капиталистически развивавшейся Европы. Плодотворно трудились в России и своеобразно мыслили вполне общечеловеческие М. Туган-Барановский, А. Чупров, Д. Менделеев, Н. Кондратьев, А. Чаянов. В начале XX в. усилиями выдающегося мыслителя С. Булгакова в России возникла не имеющая аналогов в мире философия хозяйства — вполне самостоятельное и истинно новаторское учение — обязанная своим появлением кризису широко распространенным на Западе и в тогдашней России политической экономии, позитивистской философии и атеизма. Брошенная в забвение в советское время, тотально окрашенного марксизмом, отечественная философия хозяйства возродилась на рубеже XX — XXI вв. и имеет возможность ныне плодотворно развиваться. Не смогли обойти специфику России и не отразить в своих трудах и сторонники западных научно-практических школ — что смито-рикардианской, что той же марксистской — в частности В.И. Ленин и И.В. Сталин — уже как строители нового, социалистического по замыслу, хозяйства. Несомненным своеобразием отличилась и советская экономическая наука, создавшая целостную систему общественного — государственного и кооперативного — планового хозяйства. Настало время непредвзято и основательно «осмыслить мысль» — российскую экономическую мысль, и сделать это в контексте мировой экономической мысли, причем осмыслить как мысль своеобразную, принадлежащую российской цивилизации, отражающую отечественные реалии. Это было бы верно и справедливо как с патриотической, так и с международной, а лучше бы сказать — с мировой, точек зрения, и тем самым обогатить содержательно поиск новых парадигм экономической науки и хозяйственного развития

Замысел конференции пришелся по вкусу многим российским и зарубежным ученым, и конференция прошла в рамках двухдневного пленарного заседания живо, с большим интересом, с добротной дискуссией, на одном дыхании. Любопытно, что конференция ознаменовалась не просто обменом мнениями по животрепещущей проблематике, в том числе и о судьбе политической экономии, ряда научных экономий, как и той же философии хозяйства, но и... *открытием...* э-э...

родной хозяйственной (и экономической) мысли — живой, богатой, актуальной, проективной, плодоносной! Оказалось вдруг, что нынешние ученые россияне — наследники, владельцы, пользователи, актуализаторы и продолжатели отменной отечественной мысли, мысли волнующей, укрепляющей, бодрящей, творящей, спасающей! И как было приятно участникам конференции почувствовать нежданно-негаданно свое тесное родство с национальной мыслительной сокровищницей; уловить ее ковчегное значение для подрастерявшихся в мировом интеллект-круговороте, если не калейдоскопе, если не в вертепе, россиян-современников; нет, конечно, не схватить жар-птицу за хвост удалось «конференционерам», а всего лишь коснуться перышка от жар-птицыного хвоста, милостиво брошенного ею на конференционную столешницу по велению хитроумного отечественного промысла!

Да, это была не просто хорошая конференция, это была конференция-откровение, что и намерена подтвердить нижеследующая коллективная монография, разумеется, отдающая себе отчет в невозможности оказаться достаточно адекватной счастливому конференционному происшествию!

Авторы монографии выражают искреннюю признательность сотрудникам лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ за подготовку книги в печать и Екатеринбургское представительство Центра общественных наук МГУ в УрТИСИ (ректор профессор Е.А. Субботин) за ее выход в свет.

Ю.М. Осипов

Раздел I

Отечественная хозяйственная мысль под углом зрения современности

Ю.М. ОСИПОВ

Своеобразие отечественной хозяйственной мысли: наследие и новый парадигмальный поиск

Отечественная хозяйственная мысль давнего, как и у всех укорененных народов, происхождения. Сначала она содержалась в устных наставительных изречениях, а затем в письменных поучительных текстах: от того же приснопамятного силвестровского «Домостроя» XVI в. до вполне уже самобытного просветительского труда рубежа XVII—XVIII вв. «О скудости и богатстве», исполненного гениальным И.Т. Посошковым.

Посошковский труд стоял у истоков отечественной экономической науки, хотя сам еще никакой наукой не был. В науку российская хозяйственная мысль превратилась уже по заимствованию из-за западного рубежа предназначенной для университетов *политической экономии*, рожденной во Франции и систематически развитой в Англии. В основание университетской политической экономии в России был положен тогда замечательный труд шотландца А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776), а посошковское произведение либо оставалось неизвестным, либо бессознательно забытым, либо вполне сознательно игнорируемым. Посошков писал свой труд для Петра I, а Петр с записками Посошкова так вроде бы и не успел ознакомиться, внезапно скончавшись, зато с «крамольным»-де текстом хорошо ознакомились другие — из «гнезда Петрова», и немедленно отправили автора на голодное умерщвление в Петропавловскую крепость. В итоге в российских прозападных университетах (включая и иные светские учебные заведения, существовавшие в усиленно догонявшей Европу российской стороне) победила не отечественная мысль, а западная наука *политэкономия*, причем более всего в

английской версии, хотя и не без влияния в последующем других европейских школ — французской, германской, австрийской.

С момента утверждения политической экономии в российских очагах иноземного образования отечественная хозяйственная мысль развивалась либо прямо в рамках, если не в матрице, политической экономии (можно даже сказать — официальной политэкономии), либо рядом с университетской наукой (Н.С. Мордвинов, М.М. Сперанский), либо параллельно с официально принятой наукой и ей альтернативной (славянофилы, народники, демократы-просветители, анархисты, первые русские марксисты), либо в университетах, но рядом и даже вопреки общепринятой политической экономии (математическая школа, философия хозяйства).

В советское время, контролируемое и руководимое большевиками-марксистами, политическая экономия не только не была забыта, но пережила как бы второе рождение, разумеется, в марксистской интерпретации, но, что особенно важно — в классической, т. е. в основе в общем-то смитианской, парадигме. Вся же отечественная мысль, даже и собственно политэкономическая, была отведена в разряд второстепенной и либо подвергнута забвению, либо переведена в статус ушедшей навсегда истории, либо тщательно пересмотрена — в угоду доминировавшему в ленинско-сталинской версии марксизму. Мало чему из русской экономической мысли повезло остаться в университетских курсах политэкономии (немножко от М.М. Туган-Барановского, чуть-чуть, да и то очень уже поздно и, естественно, критически, от Н.Д. Кондратьева, потом и от В.В. Леонтьева).

Разумеется, отечественная хозяйственная мысль, как и вся мировая экономическая наука, не ограничивалась политической экономией — этой общепризнанной фундаментальной наукой, а развивала и прикладные знания, имея немалые достижения, к примеру, в сельскохозяйственной (земельной, природопользовательской, лесной) и той же финансовой (налоговой) областях. Но главный размыслительный поток в университетах был всегда связан так или иначе с политической экономией, что в известной мере то же самое с фундаментальной экономией, с экономической теорией, с хозяйственно-экономической идеологией, с хозяйственно-экономическим мировоззрением.

Феодализм, капитализм, социализм; этатизм (абсолютизм), либерализм (фритредерство), дирижизм (протекционизм, догоняющее и опережающее развитие); государственный бюджет, налогообложение, таможня; регионализм (континентализм), национализм, мондиализм; частность, общественность, тотальность; доверие,

справедливость, честность; порядок, свобода, законность; деньги (меркантилизм, монетаризм), капитал, кредит; промышленность, торговля, транспорт, услуги; товар, рынок, цены; накопление, инвестиции, ценные бумаги; государственные финансы, национальная денежная система, валютные курсы; конкуренция, солидарность, взаимовыгодность; пред-принимательство, труд на себя, наемный труд; эксплуатация труда, природы, машин; собственность, распределение, присвоение; производство, обмен, потребление; традиция, нововведения, модернизация; промышленная революция, машина и фабрика, научно-технический прогресс; кризисы, циклы, трансформации (стадии развития). Вот те вопросы, как и многие другие, ставившиеся политической экономией и ею так или иначе решавшиеся.

Итак: *какой была, какой могла и какой должна была бы быть хозяйственная (экономическая) жизнь людей, коллективов, обществ, стран, всей планеты?* Таков, наверное, комплексный лейтмотивный вопрос, он же и основной вопрос, политической экономии вообще и, конечно же, отечественной политической экономии тоже, как раз представлявшей собою и основную часть российского мыслительного наследия в хозяйственно-экономической области. Заметим, что политическая экономия не только занималась предстоявшей перед нею реальностью, но и задумывалась над переменами в реальности, причем не только естественно происходившими, но и субъективно желаемыми, а потому и вполне проективными. Политэкономия интересовалась поэтому не только собственно реальностью, но и *образом* реальности, придавая этому образу и вполне онтологическое значение. Выходило, что наряду с отражаемой политэкономией реальностью и образом такого отражения, втиснутым в науку — *реальностью как образом*, имел место и выдвигаемый той же наукой воображаемый образ — уже *образ как реальность*, что придавало политэкономии характер вполне провиденциального учения, т. е. дважды мифотворческого — через отражение, которое дает всегда в той или иной степени миф, а также через воображение, прямо уже миф созидующее. Для убеждения в этом достаточно упомянуть тот же смитовский миф о трудовой стоимости, как и марксистский миф о бесстоимостном социализме-коммунизме.

Приняв на вооружение западную политэкономия, отечественная наука оказалась, скажем так, в не самом ловком положении, если не прямо в интеллект-западне, ибо Россия не была, при всем своем внешнем западнизме, собственно буржуазной страной, тем более «рыночно-демократической», а была страной монархически-феодальной, самодержавно-крепостнической, в основ-

ном сельскохозяйственной, помещичьей, крестьянской и менее всего промышленной, предпринимательской, фабричной, не говоря уже о машинах. Так что та же принятая в университетах смитианская политэкономия не столько отражала российскую реальность, сколько повествовала о другой — западной, европейской, капиталистической — реальности, которая, кажется, и должна была бы в основе своей когда-нибудь определенно наступить и в России. Так что пришлось русским экономистам всего более рассуждать о том, чего не было или почти не было в России, а как бы должно было быть, а обращаясь к собственно российским реалиям, более всего говорить об устаревших в общем-то хозяйственных укладах, их какой-то рационализации и модернизации, о недоразвитом экономическом укладе — торгово-промышленном, его непременном развитии, о государственных финансах, о возможном в будущем передовом промышленно-предпринимательском укладе.

Речь тут не могла не идти не просто об особенностях российской хозяйственной жизни, но и о ее принципиальных отличиях от еврозападной, уже денежно-капитало-экономически обустроенной или же лихорадочно в этой манере обустраивавшейся, как раз тех самых отличиях, не позволявших вполне и от всего сердца стать на позицию смитианской и какой-нибудь еще западной политэкономии. Отсюда особое внимание русских официальных экономистов-преподавателей к таким вещам, как «общий дом», «национальное (страновое) хозяйство», «общественная польза», «хозяйственная этика (моральность)», а также повышенный интерес к человеку хозяйствующему (не «экономическому»), к культуре, цивилизации, государству. В учебниках по политэкономии появляются разделы о национальном хозяйстве, общинном хозяйстве, российской цивилизации, нравственном (православно-христианском) начале. Все русские политэкономы первой половины XIX в. признавали факт крепостного права, либо его при этом оправдывая, либо почитая за тяжкую неизбежность, либо высказываясь за его скорейшее преодоление. Думая о будущем России, они полагали возможность либо смешанного феодально-общинно-капиталистического бытия, либо все-таки по преимуществу капиталистического, но менее всего думали (уже за пределами университетов) о социалистической версии бытия. Хотела того политэкономия или нет, но она так или иначе готовила переход к более денежно-товарному хозяйству со свободной частной инициативой и развитым промышленным предпринимательством, хотя и считалась при этом с самодержавным устройством страны и феодально-общинными установлениями.

Положение политэкономии и политэкономов стало резко меняться с отменой крепостного права в 1861 г. и последовавшими за этой отменой либеральными реформами. С одной стороны, политэкономия стала очищаться от «отеческих предрассудков», оставляя их на попечение славянофилов и народников, и все более стала насыщаться собственно политэкономией — учением об экономике, денежно-товарно-рыночном хозяйстве, свободном капитализме, государственном экономическом хозяйстве, финансизме; а с другой — политэкономия стала разворачиваться (хотя и более всего поначалу за пределами университетов) от политэкономии капитала к политэкономии труда, все более увлекаясь марксизмом и грядущим-де социализмом.

Отечественная хозяйственная мысль конца XIX и начала XX вв. — весьма пестрая в концептуально-функциональном отношении мысль: здесь тебе и традиционное смитианство, и какое-то подобие немецкой исторической школы, и марксизм, и подобие раннего институционализма, и элементы маржинализма с математизмом, хотя при этом и вполне почвенная аграрная школа, весьма учитывавшая своеобразие аграрной сферы России. Можно сказать, что это уже был целый букет политэкономий и просто экономий, в котором выделялись, безусловно, такие яркие цветочки, как смитианство и марксизм, бывшие в основе, по истокам и категориальному аппарату вполне еще и классическими в научно-идейном разрезе, хотя и в сердцевинах своих взаимоотрицательными.

Тут важно заметить, что *расцвет политэкономии* в пореформенной России совпал неожиданно-негаданно с... *кризисом политэкономии* на Западе, когда, во-первых, явился яростно критикующий только что утвердившуюся — уже буржуазную — политэкономия пролетарский-де марксизм; и, во-вторых, повыскакивали разные неклассические теоретические экономии вроде того же маржинализма, которым уже были совершенно безразличны такие пережитки классики, как сущность, противоречие, мера, диалектика и т. п. философические заумы. Теоретическую экономию теперь интересовали более всего феноменальные моменты, параметры и связи между ними, их конкретная динамика, системные модели, количественные оценки, ну и, конечно же, текущая фактология. С классической политэкономией на Западе было если и не покончено насовсем, то весьма от нее «отрешено»: устарела и все тут! А что, собственно, было в ней отвергнуто? Ничто иное, как остатки философии, даже вроде бы научной, совсем, как казалось, еще молодой, сочной, плодоносной. Победивший в XVIII в., но впавший в острый кризис к концу XIX в., сциентизм пошел не на ослабление

себя и ответное усиление метафизического начала, а как раз на усиление себя и окончательное изгнание из экономической и прочей социально-антропологической науки всякого намека на метафизику. Физика тогда полностью одолела метафизику — и на научную арену стали выбегать одна за другой сугубо и даже строго научные, почти что и... точные, экономии — вроде той же математической.

Нельзя сказать, что на Западе не было попыток выйти за рамки политэкономии в сторону неэкономического контекста — социального, психологического, правового, этического, идеологического, но верх одержали все-таки формально-логические подходы внутри самой экономии — тогда казалось, что все можно смоделировать, просчитать, исчислить, опираясь на ту же экономическую статистику и применяя «точные» математические методы. Соблазн перехода к чистой науке, свободной от «неопределенной» и «фантазийной» философии, даже и научной-де философии, был настолько велик, что от еще все-таки социально-антропологической экономии Запад легко перешел к экономии механико-физической, тем более что последняя решительно отпрянула от таких каверзных вопросов, как собственность, классы и распределение богатства, социальная справедливость, эксплуатация человека человеком, уровень жизни, воспроизводство трудящегося человека. На первый план вышли проблемы эффективного использования предпринимателем (промышленником, «услужником», банкиром, инвестором, финансовым дельцом) хозяйственных ресурсов: денег, труда, материалов, техники, земли, недр, инвестиций, кредитов, ценных бумаг, а мериллом эффективности служили для науки лишь конкурентная устойчивость и доходность на вложенный денежный капитал. Любопытно, что слово «капитал» все более увязывалось со средствами производства, а не с авансируемыми на предпринимательство и хозяйственную деятельность деньгами. В конце концов появился даже «человеческий капитал» — слышите, не труд, а капитал! — что позволило капиталисту стать «трудовиком», а трудящемуся — «капиталистом». Ах, эта нейтрально-истинная наука? Где стоимость, где ее самовозрастание, где *капитал*? Ну, и где сам человек?

А что российская хозяйственно-экономическая мысль, как она отреагировала на кризис политической экономии? Не совсем так, как в Европе, уже испытывавшей первый долговременный кризис реального и вполне развитого капитализма и немало приветствовавшей в связи с этим альтернативный буржуазной науке марксизм, вызывавший дурманящую тягу к неведомому, но очень уж манившему «лучшие европейские умы» социализму. Русский ученый

мир хотя и не отверг столь же решительно классическую политэкономия, ибо капитализм в России еще только развивался и пока еще не удостоился сходного с Европой негативного коллапса, но зато весьма увлекся тем же марксизмом, тем более что в России вовсю нарастало революционное движение, нацеленное в основе против царизма, феодализма и имперскости, но и против капитализма тоже, а социалистический проект казался кое-кому в России ей — православно-де соборной и совсем не протестантской стране — очень даже подходящим. Чистая физикалистская наука тоже нашла некоторый приют в России, овладевая российскими пытливыми умами в заметно меньшей степени, чем в Европе, ибо молодые пытливые умы России были более заняты революцией, чем наукой. Россия оставалась еще в плену политэкономической классики (с учетом и марксизма) и не спешила, все еще очарованная этой классикой, в плотный захват к неклассике. Так или иначе, но политэкономия получила в России как бы новое дыхание — что буржуазная, что, так сказать, пролетарская, причем не только в университетах, а и во внеуниверситетских кругах, в том числе и нелегальных кружках. И в силу того, что Россия шла к революции (вполне и антироссийской!), за которой маячила Новая Россия — либо капиталистическая, либо социалистическая, но только не имперо-российская, российская политэкономия начала в XX в. весьма уже рассталась с прежней — XIX в. — национально-почвенной спецификой (исключая разве лишь аграрное направление) и все более представляла чистой, т. е. и западной, политэкономией — не смитианской, так марксистской, а кое в чем уже и вульгарно-маржиналистской.

Однако Россия не была бы Россией, если бы не выкинула какого-нибудь совершенно неожиданного номера. И она таки этот номер выкинула, вдруг уйдя в сторону не только от классической политэкономии, все еще отягченной-де научной философичностью, включая и марксизм, но и от неклассической, уже предельно научной, экономии. Россия вдруг родила в это кризисное для Европы и России, для экономизма, либерализма и гуманизма, для политэкономии и сциентизма время не что иное, как *философию хозяйства*, которая была уже не только не продолжением политэкономии, но даже и не ей альтернативой, как не была она и альтернативой физической экономии, с которой, в отличие от политэкономии, вообще не имела ничего общего (политэкономия хотя бы страдала остаточной философичностью, пусть и в основном научной).

Философия хозяйства предпочла физике и научной философии *метафизику и метафизическую (метанаучную) философию*, а

накопленной в ученом мире интеллект-философии — *философию реальности* (из реальности, от реальности, для реальности), причем реальности возможно более полной, ничего из нее заведомо, как те же политэкономия с точной наукой, не исключая: ни материального, ни идеального, ни духовного; ни феноменального, ни ноуменального, ни трансцендентного; ни явленно-фактического, ни сущностно-смыслового; ни предельного, ни беспредельного; ни пространственного, ни временного, ни беспространственно-безвременного; ни видимого, ни осязаемо-чувствительного, ни прозрачно-проникательного; ни сеюмирного, ни, пардон, потустороннего, в общем — ничего из возможного и невозможного, из действительного и воображаемого, из предметного и мыслимого, из вещественного и виртуального, то бишь не исключая ничего из всего *физического* и всего *метафизического*.

Если это, выражаясь модно-вычурно, холизм, то холизм самый полный, объемный, целостный, пожалуй что, и беспредельный. Человек здесь как физическо-метафизическое целое; общество тоже; хозяйство — тем более; такая же и философия хозяйства, вбирающая в себя все ей необходимое от философии как таковой (как знания), но и созидающаяся сама по себе — под покровом, выучкой и контролем хозяйства, бытия, реальности.

Выход к философии хозяйства, совершенный впервые С.Н. Булгаковым в 1912 г. посредством опубликования книги «Философия хозяйства» и защиты в Московском университете одноименной докторской диссертации, был выходом не к новой теоретической парадигме, не к новой научной концепции, даже не к новой отрасли гуманитарного знания, а в *новый смысловой мир*, не исключавший вообще ни науки, ни философии, ни религии, ни той же литературы с искусством, но бывший от них вполне самостоятельным, и никаким не синтезным перед лицом всех этих знаниевых сфер, что невозможно из-за разности парадигм, аксиоматики и принятых в них языков, а попросту изначально и целостно сложным, а лучше бы сказать — сложно-единым, если не попросту — *своим!* Здесь никакая не смесь знаний, даже не смешанное знание, а органичное внутри и для себя же особое, вполне и самодостаточное, знание, впускающее в себя всю реальность, выраженную в феномене хозяйства или через него, и дающее целостное об этой реальности представление.

Что же это такое — *хозяйство*? Для философии хозяйства это все жизнеотправление человека, берущееся по преимуществу со стороны его — этого жизнеотправления — организации, причем организации по преимуществу деятельной. *Человек — дело —*

организация — течение реальности — хозяйство. Вот в главном и все! Можно и по-другому: субъект — объект — взаимодействие — процесс — итог. Или еще: субъект — контекст — движение реальности — новая реальность. И все это про целостное жизнеотправление, про делание жизни, про организацию жизни, про жизнеосуществление. От обеспечения питанием, одеждой, убежищем, очагом, теплом и продолжения рода человеческого до производства социальных организаций, культур и цивилизаций, работы духа и эманации идей, отправления культов и реализации права, ведения кровавой войны и проведения буйного карнавала. Вся жизнь (на уровне организма-субъекта) — хозяйство, все хозяйство — жизнь!

Почему же здесь все-таки философия — философия хозяйства, а не наука, не теория, не прикладное хозяйствоведение? Исключительно по причине присутствия в хозяйственной реальности, в самой жизни, в бытии человека, даже и в мироздании, не только и даже не столько *физиса*, сколько *метафизиса*, а к последнему относится все, включая и какую-нибудь последнюю «темно-материальную» частицу, не говоря уже о живом и животном мире, человеку как именно человеку (сознание, разум, ум, язык, интеллект — что это, если не метафизис?), народе, обществе, культуре, цивилизации, государстве, нации, ну и науке, философии, религии, как и вообще о всяких смыслах, идеях, знаках, символах, проектах (что это все?). Именно так: что это, если не метафизис, отражаемый метафизикой? Даже наука физика в общем-то сплошь метафизична, а что говорить о той же политэкономии, в которой ничего, кроме метафизики, и нет, правда, как бы офизиченной по преимуществу метафизики, так сказать, находящейся на услужении у физики. А разве самая что ни на есть точная математика не метафизична? Такая абстрактная, таинственная, в одно и то же время вольная и определенная, если не предельная? О-ох, метафизика это вовсе не ненаука, а как раз самая настоящая наука, хотя и почему-то стыдящаяся метафизики, ее из себя изгоняющая, да вот обойтись без нее никак не могущая. Наука сейчас — как бы отрицательная метафизика, а потому и в некотором роде... лжеметафизика, да и в немалой мере... лженаука тоже, ибо надуманно неметафизична.

Да, наука вроде бы располагает точными, верифицируемыми, доказательными знаниями. И очень хорошо! Эти-то знания обычно и принимаются за физические, что совсем и не плохо. Однако далеко не везде и по каждому поводу возможны физические умозаключения, позволяющие накапливать и физические истины. Человек и его хозяйство, рассматриваемое и как общественное хозяйство, и как природно-неприродное, и как вообразимо-невообразимое, и как,

пардон, имманентно-трансцендентное, по большей части совсем не физичны, а потому не очень-то и научны — как в аспекте познания и осмысления, так и в плане деяний, они более всего метанаучны и метафизичны, а потому требуют не столько науки с ее теориями, сколько философии с ее неопределенными суждениями и нежесткими умственными построениями. Целостный подход к хозяйству требует и целостного его познания (не просто системного, а именно целостного: как по горизонтали, так и по вертикали; как поверхностно-плоскостного, так и содержательно-объемного; как феноменального, так и сущностного; как «ухватывающего», так и только предполагающего). И дело тут не только в познании, но и в применении знания, а потому философское знание о хозяйстве, которое при этом еще и знание-размышление, должно достаточно корреспондировать с метафизической природой объекта знания и действия. Наряду с физикой (вроде той же статистики) тут должна всю фигурировать и метафизика, однако не столько как готовое знание, сколько как вырабатываемое непрерывно суждение.

Это был настоящий революционный прорыв — в совершенно иную, чем стало привычным для науки и научной философии, сферу, что знаменовало собой не прекращение науки и научной философии, не их приращение и развитие, а выход за их пределы, но не назад — к старой, так сказать, метафизике, как раз круто осужденной где-то в XVIII—XIX вв. сциентизмом и им пренебрежительно отброшенной, а к метафизике новой — уже *постнаучной*, а не *донаучной*. Получилось так, что прорыв этот произошел на экономическом мыслительном векторе, причем посредством диалектического отрицания (снятия) научного экономизма и политэкономизма, включая смитианство, марксизм и тот же маржинализм, но это не было только продолжением или даже развертыванием данного вектора, а было вхождением в совсем иное мировоззренческое пространство с обретением и иных познавательно-проективно-деятельских возможностей. Наука с научной философией, как и вообще философия, как и те же религии с их богословиями, оставались на своих местах, но наряду с ними появилось новое *знание-размышление*, имеющее не столько свой собственный объект с предметом, сколько свое собственное (самостное) бытие в человеческой мировоззренческой (идейно-духовной) сфере, причем непосредственно, непрерывно и плодотворно соприкасающейся с реальностью — *хозяйственной реальностью*.

Вряд ли Булгаков чего-то подобного хотел, но так у него получилось, причем не столько в высказанных им словах, сколько в выказанном им намерении: вроде бы разбирал докучливо философию

и экономизм, ища выход из политэкономического тупика, не пренебрегая ни капитализмом, ни социализмом, а вышло что-то совершенно ото всего этого особенное — *софийное*, не только не строго научное, не только не философийное, но никак и не собственно религиозное, а какое-то совсем другое, идущее прямо к Софии и от Софии же приходящее, причем не нейтрально исследовательское и не предвзято догматическое, а всюю живое, свободное, актуальное, хотя и трудно, почти что невозможно, уловимое.

Нет, конечно, российская мысленная субстанция, широко и глубоко зараженная вполне еще молодой наукой, весьма ухваченная передовой-де нововременской философией и частично удерживаемая религиозной догматикой, никакого восторга по поводу булгаковского прорыва в новую мировоззренческую сферу посредством философии хозяйства (а хозяйство, повторяем, вся жизнь человеческая, причем субъектно-деятельская, ничего и не исключаящая, даже и таких штук, как широко действующих безумия, бесовства, inferнальности) не продемонстрировала, посчитав булгаковское деяние за сугубо личное и ко всему мыслящему сообществу отношения не имеющее. Учебное сообщество в своей ученой сердцевине так и осталось тогда либо уныло (смитианство), либо азартно (марксизм) пережевывающим политэкономическую классику и где-то сбоку второпях вываривающим неклассическую экономическую физику.

Тут в России наступил коварный 1917 г., и когда грянула российско-антироссийская революция, поначалу вроде бы классическая буржуазно-демократическая, подтвердившая высокий провиденциальный статус классической же политэкономии — смитианской, но мгновенно превратившаяся в неоклассическую пролетарскую, утвердившую прагматическую правоту уже неоклассической политэкономии — марксистской. Политэкономия в целом получила явное историческое оправдание и, сжавшись потом до марксистской, заняла наряду с марксистской же философией первенствующее положение на российско-советском мировоззренческом небосклоне.

А что философия хозяйства? Она была попросту сознательно и вполне физически отброшена в... небытие, ее как будто бы и не было: мелькнула яркой кометой, никого при этом серьезно не задев и обстоятельно не просветив, и исчезла где-то в темном пространстве воззренческого мироздания — и то хорошо! Самым потрясающим здесь было то, что в конспиративную отставку была отправлена единственно национальная, совершенно отечественная, почвенная и русская, абсолютно оригинальная, впервые в истории России вдруг

явившаяся, не имевшая аналогов в мире, вполне самостоятельная и самодостаточная, новая и перспективная мысль! Отсюда лишь одно заключение: на протяжении XIX в. отечественная хозяйственная мысль, все более подпадая под влияние западного политэкономизма вкупе с оголтело научным экономизмом и все более утрачивая свою специфику, жестко, неуклонно и неумолимо расправлялась сама с собой, круша не только почвенных домостроителей — тех же славянофилов и народников, но и сколько-нибудь учитывавших специфику России катедер-политэкономов, в итоге чего предстала к XX в. совершенно уже в западных мировоззренческих образах, сделавшись окончательно и бесповоротно производной, вторичной, периферийной.

Русская-де мысль жаждала прозападной в России революции — либо буржуазной, либо пролетарской, либо еще какой, но в любом случае антироссийской, — и на такое неожиданное событие, как явление философии хозяйства, в прозападной революции в России совершенно не заинтересованной, не могла не встретить не только равнодушно, но даже и враждебно, мало того, с немалым и страхом... за саму себя, ибо с адекватным признанием философии хозяйства ей пришлось бы очень сильно, если не трансгрессивно, измениться, чего она совсем не хотела и попросту даже боялась. Конечно, столь неожиданное, чувствительное и значимое новое никак не могло сразу же встретить восторженного приема, но... все-таки... отсутствие хотя бы попросту заинтересованного к новой мысли внимания не означало ли тогда самого обыкновенного... э-э... предательства — России, русского ума и духа, российского самосознания, самой отечественной мысли? — и вопрос этот совсем, знаете ли, не риторический!

Да, разумеется, не поняли, не встряли, не оценили! Все это так, но ведь не кто-нибудь, а русские мировоззренцы, так и не уразумевшие, что Россия — не Европа, что нельзя насильно делать из России Европу, что у России свой, вполне и имперский, путь, что Россия нуждается не в беспутных анархических переворотах, а в большой, каждодневной и систематической работе по переустройству и достижению не какой-нибудь, а вполне развитивной социо-хозяйственной гармонии, что целеположенная, рассчитанная и упорная эволюция для России важнее, нужнее и предпочтительнее любой «безбашенной» в ней революции. Соблазн Европы и Революции, а потому и Революции и Европы, оказался сильнее тяжкой работы по переустройству и развитию страны; прельщение западной мыслью было могущественнее обращения к собственному, почвенному и вполне суверенному мышлению; интеллектуальное потребление (иждивенчество) превосходило потребность в

самостоятельном творческом интеллектуализме. Да, не поняли, не встряли, не оценили, но и не могли ничего подобного сделать, ибо слишком уже увлеклись не своим и слишком уже презирали свое — оттого и весьма плачевный результат — что интеллектуальный, что исторически реальный!

Случайно ли именно в России и как раз именно в начале XX в. возникла философия хозяйства — как целостное и вполне, повторяем, самодостаточное учение-размышление, а не как прихотливый набор философско-хозяйственных измышлений? Нет, конечно, не случайно — и дело тут в основе в трех обстоятельствах — объективном, объективно-субъективном и субъективном.

Обстоятельство объективное — кризис. Общая кризисная ситуация, сложившаяся в Европе и России; разгул революционного движения; подготовка к крупной европейской войне; кризис идеологии гуманизма и классической гуманитарной культуры (наступление Серебряного века); кризис социальной науки и расцветшего в ней сциентизма. Кризис этот чувствовали и осмысливали везде, по всей Европе, но в России в особенности: здесь он обрел явно апокалиптический характер, что и было хорошо и удачно подтверждено российско-антироссийской революцией. Кризис стимулировал концептуальный поиск, но в Европе он привел более всего к отрицанию научной классики и переходу ей в противовес к еще более-де научной неклассике, а вот в России он привел к бурному развитию на русской, так сказать, почве европейского марксизма и некоторых ростков неклассического интеллектуализма, но... еще и к неожиданному отрицанию европейского сциентизма вообще, что и выразилось в преодолении политической экономии и научного экономизма, как и того же утопического, но в основе своей крайне взрывоопасного, марксизма, правда, в преодолении сугубо точном — через струйчатый извод философии хозяйства, и только!

Обстоятельство объективно-субъективное — историческая специфика России и российской мысли. Не пройдя собственной глубокой Реформации, а лишь насильственно подражая Западу, Россия, окончательно въехавши в итоге прозападных-де петровских реформ в самодержавие и крепостничество, не выдала на гора ни капитализма, ни индустриализма, ни саморазвивающегося сциентизма, а потому, воспроизводя почти рабски западную мысль и лишь частично ее подправляя, не выработала и никакого самобытного, целостного и способного к развитию собственного мировоззрения, хотя и пыталась это сделать, отыскивая свою специфику и вроде бы на нее упирая. Ни имперско-православное самодержавство («Самодержавие, православие, народность»), ни

славянофильство (почему же, однако, не русофильство?), ни обращенное против самодержавно-феодальной России народничество не дали сколько-нибудь ощутимого и полного результата в слишком уже зараженной Западом незападной стране и победу на мировоззренческом поле одержал в конце концов западный сциентизм. Но кое-что из западного русские мыслители все-таки выразили, сосредоточивая свое внимание на соборности, общественности, целостности; на общем благе, общем деле, общем доме; на этике, морали, честности; на (sic!) хозяйстве, а не экономике, на благочестивом хозяйствовании, а не экономической выгоде, на общественной (национальной) пользе, а не частном интересе. Хотели того русские мыслители или нет, но они вольно или невольно указывали на необходимость какого-то альтернативного взгляда на хозяйственную жизнь, достаточно отличного от европейского, закладывая так или иначе основы какой-то иной хозяйственно-экономической идеологии, что как раз и нашло известное воплощение в булгаковской философии хозяйства. Здесь также уместно вспомнить о И.Т. Посошкове, этом уникально-универсальном мыслителе рубежа XVII—XVIII вв. — первом русском философе хозяйства, еще донатурном, предтечевского, так сказать, порядка, незаслуженно затертом и забытом, — и это воспоминание наводит на мысль, что первое пришествие философии хозяйства на русскую землю состоялось не в XIX в., а еще в начале XVIII в., и имело оно те же примерно последствия, что и второе — уже постнаучное, как раз булгаковское: невнимание, оттеснение, забвение (Посошков был уморен голодом в Петропавловке, в Булгаков выслан за границу без права возвращения на родину под угрозой расстрела). Заметим, что Булгаков был хорошо знаком с трудом Посошкова и придавал ему очень большое значение. Двести лет потребовалось России, чтобы вернуться на посошковскую стезю, правда, уже не по-предтечевски, а вполне уже фундаментально — сквозь *философию хозяйства!*

Обстоятельство субъективное — авторское. Нет нужды рассказывать о всех перипетиях жизни, деятельности и творчества С.Н. Булгакова, этого воистину великого русского мыслителя, но важно отметить, что с детства религиозный (православный, из семьи священника), в юности и молодости атеистический и вполне сциентический, по-европейски образованный и просвещенный, интеллигентский, в зрелости... вновь религиозный (возвращенец), антисциентический, противинтеллигентский: от атеизма, материализма и марксизма к православию, идеализму и... *софийности*, а в итоге, аккурат к сорока годам — *от политэкономии к философии хозяйства*. Не будучи сторонником самодержавия и

русской имперскости, он не стал и гонителем оных — отъявленным революционером, а, попытавшись ревизовать марксизм, вполне и безуспешно, выступил за религиозный ренессанс («новую церковь») и в его свете за историческую самобытную Россию, ее собственное, хотя и не автаркическое, развитие. Стажируясь после окончания Московского университета в Германии, не только усваивал марксизм и социал-демократизм, но и, по-видимому, уловил первые тенденции к «философизации» экономизма, выказывавшиеся тогда М. Вебером, В. Зомбартом, Г. Шмоллером, что и вылилось в конце концов, уже в России, по разочаровании в марксизме, материализме и революционизме, в такой замечательный интеллект-продукт, как философия хозяйства. Все тут как-то сошлось на Булгакове и из него в свет и вышло! Заметим, что Булгаков был блестящим политэкономом, он читал лекции по истории экономической мысли, отлично знал европейскую науку, был хорошо знаком и с отечественной хозяйственной мыслью. В то же время Булгаков был и вполне квалифицированным философом. И вот именно в уже контрмарксистском и постсциентическом сознании Булгакова зародилось и вышло намерение не нанизывать дополнительный сучок на уже высохшем древе западного мыслиезъявления, а высадить совершенно новое мыслительное древо — на русском просторе, в русской земле, посреди русской ноосферы, вне западной искусственной оранжереи. Посадить-то посадил, да вот вырастить древо ни ему, ни еще кому-нибудь тогда не удалось, но тут уже была не вина Булгакова и его возможных последователей, а множества российских обстоятельств, среди которых центральное место занимало общее неприятие российской ученой общественностью почвенной, да еще и постнаучной, еще и метафизической (неометафизической), еще и софийной, мысли.

Отвлечемся на время от русской философии хозяйства, сверкнувшей было ярко посреди русского мирознания, почти что обжигающе, да вот нарочито и не замеченной, не поддержанной и быстро отправленной, правда, уже полновластными большевиками-марксистами, в «национальный отстойник» — в библиотечный спецхран, и уделим некоторое внимание победившей в пореволюционной России, ставшей вдруг СССР, марксистской политэкономии вкупе с марксистской же философией. Хотя и в особой — пролетарской-де — интерпретации, но классической политэкономии весьма тогда повезло — именно она, пусть и только в марксистском образе, была принята на идеологическое вооружение в СССР, а не более поздняя и, казалось бы, более современная неклассическая научная экономия. Жизнь классики была продлена,

что было в общем-то хорошо, но... сама классическая мысль мало в чем соответствовала реальности, которая была ни буржуазной (капитал-экономической), ни собственно пролетарской (социально-хозяйственной), а была попросту этато-мобилизационной (армейского более всего образца).

Марксистская политэкономия была четко и беспощадно разделена на политэкономиию капитализма, которого в стране уже не было и не должно было быть, и политэкономиию социализма, которого в стране еще не было, но который непременно должен был стать. Политэкономия капитализма раскрывала чуждый (заграничный и для России прошлый) строй хозяйственно-экономической жизни, который марксизм наяву отрицал и с которым идейно и деятельно боролся, а политэкономия социализма была призвана обосновать и оправдать сначала строившийся, а затем и вроде бы построенный, социалистический-де строй жизни, хотя таковым «по гамбургскому счету» он, конечно же, не был, он был в лучшем — символическом — случае сталинизмом, а в худшем — уже реальном — попросту тотальным этатизмом, вполне и ордынским: все трудились за определенную свыше платно-распределительную меру — кто управляя (номенклатура), кто попросту работая: рабы и полурабы (эки, крестьяне-колхозники, рабочие) и недорабы — служащие, «интеллигенция». «Политэкономия социализма», толкуя об общественной собственности, государственном централизованном управлении, планомерности, общественных фондах потребления, растущем жизненном уровне и т. д., ничего не говорила о фактической реальности, создавая самый обыкновенный, но при этом очень примитивный и чересчур уж лживый, идеологический миф, обязательный для распространения и усвоения всеми грамотными и неграмотными элементами общества. Однако миф мифом, а реальность — реальностью! Последняя хоть и не была в полном смысле слова социалистической (впрочем, может, и была!), а, будучи в основном армейско-мобилизационной, оказалась на определенный период весьма и весьма действенной: сталинизм за короткий срок осуществил (широко заимствуя западные технику, технологии, заводы, оборудования) целостную индустриализацию производства с его возможной на тот момент модернизацией (за счет сельского хозяйства, крестьянства, а также реквизиций всяких ценностей у богатых и зажиточных слоев населения, у церкви с последующей реализацией этих ценностей за границей), провел образовательную революцию, подготовив многочисленные специализированные кадры для производства, науки, техники; создал мощный военно-оборонный комплекс с новой, технически быстро оснащавшейся армией;

соорудил потребную для нового хозяйства и общества инфраструктуру, включая современный транспорт... в общем вывел страну на современный материально-технический уровень, реализовав фактически то, что в Европе называлось материально-технической базой капитализма, причем смог затем достичь, уже после победоносной и щедрой на развитие Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., и большего — создать атомное оружие, баллистические ракеты и первым в мире вырваться в космос, опередив развитые, мощные и вовсю передовые США.

Политэкономия мало соответствовала бытовавшей в СССР реальности, но зато этой реальности вполне соответствовала, как и в ней попросту участвовала, прикладная экономическая наука, усилиями которой был создан весь *организационно-экономический механизм* — вполне и уникальный (система централизованного управления хозяйством на основе и в рамках тотального планирования; оригинальная денежно-финансовая система, включая банковско-кредитное дело, бухгалтерский учет, ценообразование, капиталовложения; статистический учет; экономика труда и заработной платы; система денежно-натурального распределения потребительских продуктов и т. д.). Как бы то ни было, но созданная советской наукой (в основном, экспертной) хозяйственная система не только функционировала, но и имела выдающиеся конечные результаты, хотя и до поры до времени, как раз до того предела, за которым армейско-мобилизационное хозяйствование перестает давать достаточные, а главное — новые и разнообразные, плоды.

Данная система, более или менее обоснованная и весьма отраженная в «политэкономии социализма», бывшей по сути более всего теорией не социализма (что же он такое — социализм?), а государственного централизованного хозяйствования, не могла долго и с необходимым позитивным эффектом существовать, лишенная внутренней потенции к развитию, нововведениям, разнообразию, удовлетворению многих, тем более — существенно новых, потребностей. Казарма есть казарма, в ней может быть строй, порядок и мера, но не может быть *из*-внутреннего творчества, самовозникающей новизны и органичного самоперестроения. Так называемая «рыночная реформа» 1965—1970 гг., известная также как косыгинская, была первой и последней крупной попыткой плавно перестроить сталинский «социализм» во что-то более жизнеспособное, но из этого в общем-то ничего не получилось: послесталинская номенклатура не на шутку дрогнула и в страхе потерять удобный ей «социалистический строй» предпочла ограничиваться даже не полумерами, а квазимерами, пытаясь лишь

как-то усовершенствовать и «одинамить» уже «приказывавший долго жить» постсталинизм. В конце концов общество, устав от навязанного «равенства» и вынужденной аскезы, включая и весьма заметное недопотребление, стало тем или иным путем преодолевать «социализм», стремясь не просто к личным потребительским успехам, но и к личным обогащениям уже вполне буржуазного толка. Часть номенклатуры тоже не избежала подобных увлечений, фактически отрицая «социализм», но уже не снизу — как какие-нибудь цеховики, а сверху — как формальные управители. К 1980-м гг. уже было ясно, что загнивавший на корню «социализм», прозевавший к тому же новую большую волну научно-технического прогресса, идет к своему концу. Горбачевская «перестройка» ему не помогла, оказавшись, как это не раз бывало в истории страны, ни достаточно адекватной исторической ситуации, ни достаточно решительной, и «социализм» вместе со своей «политэкономией» рухнул, немало, кстати, к такому исходу самой этой политэкономией и подготовленный.

Политэкономия социализма, бывшая, скажем так, европосоветского происхождения, имела место в советских университетах и вне их, но вследствие своей чрезмерной идеологической заданности, оторванности от реальности и недюжинной мифологичности в золотой фонд мировой политэкономической мысли не вошла; зато советскую прикладную экономическую науку вполне можно почитать за полезный, по-своему и выдающийся вклад в мировую экономическую науку и хозяйственную практику. Сегодня вроде бы нет большой потребности в советском хозяйственном опыте и соответствующей ему научно-экспертной мысли, но завтра... о-о... завтра может все измениться, ибо кругом кризис (причем кризис не так даже перепроизводства или перенакопления, как кризис перепотребления, а это куда как страшнее по возможным в будущем последствиям), во всем развитом мире явный избыточный продукт при обостряющейся нехватке ресурсов, освобожденный от труда и забот «человече» не знает, куда себя деть, и т. д., а потому, чем черт не шутит, потребуется вдруг и что-то близкое к планово-административному, в основе неэкономическому или же постэкономическому, вполне и натуральному, опыту «казарменного» СССР — почему нет?

Крах советского социализма, включая и крах всего его идеологического оснащения (пусть и временный, но все-таки крах, а не какой-нибудь кризис), заставил большинство «новорооссийских» интеллектуалов оставить марксизм и броситься в противоположную сторону — уже к как бы совершенно современной и чуть ли не истинной западной науке, давно уже расставшейся с классикой и

занятой самым что ни на есть неклассическим научным экономизмом. Никакого органичного освоения западной мысли тут не было и быть не могло, а случилось самое обыкновенное — не только не осторожно-критическое, а всюду даже восторженно-потребительское — заимствование. Так в стране стало быстро распространяться, усиленно при этом и насаждаемое, западное экономическое мышление, но вполне, знаете ли, периферийно-колониального свойства (делать было нечего: проиграли, потерпели поражение, сдались на милость победителю, так что ничего тут не оставалось, как только учиться, учиться и учиться — у современного, так сказать, капитализма, финансизма, глобализма, империализма — вот и стали учиться, перенося «ихние» знания в свои либо не очень-то еще освобожденные от марксизма, либо вообще вдруг опустевшие головы).

Нет, советская марксистская школа не вывернулась из весьма худого положения, в которое вдруг попала, ничего приемлемого, кроме арьергардной критики новой буржуазности и лобовой защиты ушедшей в небытие пролетарскости, так обновлявшемуся интеллекту и не предложив. Повторы, повторы, повторы! Никакого глубокого пересмотра, никаких отчетливых нововведений, никаких осовремененных интеллект-комбинаций!

Итак: с одной стороны, передовая-де, хоть и с заметной уже гнильцой, западная научная комбинаторика — механическая, пустотелая, калейдоскопная, а с другой — постмарксистское суесловие — слабое, охранительное, вероподобное.

Однако случилось в стране и кое-что другое: не от капитализма и не от социализма, не от политэкономической классики и не от научно-экономической неклассики, не от точной науки и не от догматизированной религии, не от идейного убеждения и не от чувственной веры, а всего лишь от... проникновения в реальность, правда, уже за пределами самонадеянной науки, вне уже все познавшей философии и помимо все уже установившей для себя религии, как и вовсе не среди них, не между ними, не в их невозможном соединении, а как-то само собой, в стороне — на своей стороне. Да, да, речь идет о вновь явившейся в России (еще в СССР)... *философии хозяйства*, ее третьем с учетом посошковской предтечности и втором уже после Булгакова пришествии, состоявшемся определенно в 1990 г. с выходом независимой от Посошкова и Булгакова работы автора этих строк «Опыт философии хозяйства».

Примечательно, что автор «Опыта» не был тогда знаком ни с трудом Посошкова (да и вряд ли посчитал бы сей великолепный труд

за философско-хозяйственный), ни тем более с трудом Булгакова, прочно застрявшем в библиотечном спецхране. И оттого новое рождение в России философии хозяйства особенно знаменательно: надо, так надо, и никуда от этого не уйти! Новое рождение оказалось не просто новым (третьим или вторым) пришествием, а и новым или очередным возрождением философии хозяйства, происшедшем, кстати, не вследствие какого-то физического краха европосоветской политэкономии, а вследствие ее практически полной реально-метафизической несостоятельности. На базе и в рамках зарпортованной политэкономии ничего не то что нового, а попросту адекватного реальности сказать было уже нечего, да и... нельзя! Требовался выход за пределы политэкономии, как и державшего ее на плаву, но при этом и в плену, физикалистского сциентизма. Отсюда и *философия хозяйства*: хозяйство, а не экономика, и философия (мировоззрение), а не наука (теория).

Одной из примечательных особенностей отечественной (еще русской) хозяйственно-экономической мысли был вольно-невольный упор на слове «хозяйство» в ущерб, хотя, быть может, и не в противовес, слову «экономика». Русское сциентизированное сознание почему-то сопротивлялось «экономике», отдавая предпочтение вроде бы всего лишь синонимичному «хозяйству»: домашнее хозяйство, крестьянское хозяйство, общинное хозяйство, помещичье хозяйство, фабричное хозяйство, армейское хозяйство, городское хозяйство, сельское хозяйство, лесное хозяйство, народное хозяйство, мировое хозяйство, даже и хозяйство поэта (А.С. Пушкин). Обратим внимание: не «экономика», а «хозяйство»! И ежели посчитать это не за недоразумение, а за пусть инстинктивную, но содержательную особенность, свойственную российской практике, русскому сознанию и тому же русскому языку, то можно при желании обнаружить очень важную смысловую вещь: хозяйство все-таки не совсем экономика, не только экономика, а то и вовсе не экономика, точнее бы — экономика, конечно, всегда хозяйство, а вот хозяйство — вовсе не всегда экономика. Последняя есть не более чем однеженное, товарообменное, стоимостное хозяйство, а потому и не более чем частный случай хозяйства, его особенный способ — и не более того! Хозяйство возможно и без экономики, а экономика без и вне хозяйства — нет, невозможна, — как, к примеру, та же политика, совершенно возможная без и вне экономики, оказывается невозможной без и вне хозяйства, хотя в цивилизационной практике имеет и свою экономику, вполне, так сказать, политическую, а то и попросту реализуется как экономическая (та же денежно-финансовая).

Отечественная хозяйственная мысль давно чувствовала, что экономика с ее деньгами, товарами, обменами, ценами, капиталами, банками, инвестициями, рынками вовсе не объемлет всего, что входило так или иначе в хозяйство, хотя и не поставила до Булгакова знака равенства между хозяйством и жизнью, немало из-за этого путаясь во вроде бы лишь синонимических понятиях — русском «хозяйстве» и западной «экономике». А ведь за этим почти бессознательном различии стояло очень многое, возможно, и самое главное, что отличало отечественную мысль от западной. Русская мысль вглядывалась в жизнь, в западная — лишь в один из ее искусственно созданных механизмов!

Хозяйство не очень-то подвластно науке, ее точному-де подходу, а потому хозяйством может заниматься по преимуществу и в полном объеме только философия, причем философия мировоззренческая. Отсюда как раз и философия хозяйства, а не наука о хозяйстве, которая, безусловно, возможна, но лишь в определенных границах. В целом же и на весь простор — философия хозяйства, способная увидеть и не отвергнуть свойственной реальности неопределенности, сокрытости, разнообразности, идеальности, духовности, трансцендентности, даже и чудесности, достигаемая этим необходимой познавательной адекватности и размыслительной полноты. Философия — без границ, хозяйство — тоже — и только хозяйственная реальность ответственна и гранична, что как раз и делает философию хозяйства не вольной интеллект-словесностью, а сообразованной внутри себя и в связи с контекстом смысловостью.

В освобожденные от монопольного давления марксизма и обретшие кое-какую мировоззренческую полифонию 1990-е гг. вновь возникшая в стране философия хозяйства, сойдясь вплотную со взглядами неожиданно тогда открытого основоположника русской философии хозяйства С.Н. Булгакова, получила немалое развитие, превратившись из инициативного авторского начинания в активное и плодотворное течение мысли, оформившись к 2000 г. институционально (научная школа, специальный журнал, одноименная лаборатория в МГУ). Нет, это не было ни булгаковедением, ни булгаковизмом, ни булгаковизмом, как и не было и нет никакого в адрес великого русского мыслителя кумирства, — признание, уважение и внимание — не кумирство! Булгаков — зачинатель, первооткрыватель, основоположник, мало того, гениальный «вкладчик» в основы философии хозяйства, но никак для современной философии хозяйства не объект культа и безоговорочного «адепства». Важнее не то, что сказал Булгаков, хотя это и важно, а то, что заставило его именно так высказаться, как и

важен путь, на который он вступил и впервые обосновал. Современной философии хозяйства нет без Булгакова, его идей и устремлений, но, повторим, это никак не булгаковедение, а самостоятельно бытующая и развивающаяся — вместе с Булгаковым — мировоззренческая мысль. Никакого буквоедства, лишь свободное творчество, а ежели обращение к предшественникам, то сугубо содержательное, в согласии более с их мыслями, а не словами, хотя и со словами, конечно же, тоже!

Так или иначе возникнув, сформировавшись, обогатившись мыслями и понятиями, насытившись кое-какими текстами — размыслительными, образовательными, просвещенческими, философия хозяйства принялась за новое осмысление (и переосмысление тоже) мировоззрения, накопленного знания, утвердившихся трактовок — и не только в хозяйственно-экономической сфере, что понятно, но и в других сферах — социальной, политической, исторической, как и в научной, философической, практической. Будучи вроде бы абстрактным и по преимуществу метафизическим знанием-размышлением, философия хозяйства вовсе не чурается практической стороны человеческого бытия, наоборот, к ней заинтересованно устремлена и ею продуктивно занимается, замечая и обнаруживая то, что обычно не видится другим отраслям и типам знания, соответственно и выдавая на гора *свои* трактования фактов, деяний, событий, процессов, не пренебрегая и потребной при этом проективностью. Познавательльно-осмыслительно-трактовочная особенность философии хозяйства не в том, что она сторонится физиса бытия, а в том, что, отдавая должное метафизису, стремится постигать физическое через метафизическую призму, а потому и по-иному постигать и понимать окружающий мир, чем это может предложить физикалистская наука, научная философия или та же «заоблачная» религия.

Сегодня, в 2013 г., можно утверждать, что философия хозяйства уже сложилась в целостное, при этом и открытое, знание-размышление, способное к самостоятельному существованию и развитию. По поводу и вокруг философии хозяйства сообразовалось значимое ученое сообщество (Философско-экономическое ученое собрание, Академия философии хозяйства), систематически проводящее научные форумы, издающее содержательные тексты, отвечающее на актуальные запросы времени, вполне, заметим, и времени кризисного (мирового, странового, воззренческого). Однако формирование философско-хозяйственного направления мысли и уже завоеванное им положение в сочетании с немалой известностью ни в коей мере не означают какого-либо «триумфального шествия»

философии хозяйства по идейно-воззренческому пространству, прочно занятому давно уже возникшими, внутренне консолидированными и ставшими вполне привычными знаниями, но в то же время и торопливо заселяемому «новейшими» импортными интеллект-соблазнами. Нет, путь философии хозяйства вовсе не усыпан розами, он пролагается, скорее, через густые тернии, растущие по преимуществу на почве непонимания, неприятия и охранительно-предосудительного отвержения.

Очередное пришествие философии хозяйства, а это, вновь особо подчеркнем, самое отечественное из отечественных мыслительных достижений в гуманитарной сфере, служит не столько признанию философии хозяйства и взлету оригинальной мировоззренческой мысли, сколько новому приступу желания поскорее покончить с неудобным для устоявшейся традиции и неприемлемым для постмодернистского наукообразия оригинально-прорывным знанием-размышлением. Главное сейчас: ограничить, оградиться, не допустить, сдержать, не дать развиваться и распространяться, упрятать в резервацию, создать сектантский имидж, исказить реальный образ и действительную суть, преуменьшить значение, на всякий случай сдиффамировать, да и попросту оболгать. Увы, все это есть, — и от этого никому уже не уйти — ни тем, ни этим!

Современная экономическая теория, отвергнув политическую экономию с ее онтологической социальностью и остаточной (научной-де) гносеологической метафизичностью (все-таки думала еще, старушка, о сущности вещей), а также увлекшись физикалистским математизированным подходом (системно-физическим моделированием), незамедлительно ушла даже от чисто экономической, не говоря уже о целостно-хозяйственной, реальности, превратившись в интеллектуалистскую «игру в бисер», ведущуюся по преимуществу уже ради самой себя, а не какой-то там реальности. Так называемые «неоклассика» (точнее бы — «неклассика») и «экономикс», претендующие хотя бы на системно-формальную целостность, изображают не что иное, как некую виртуальную реальность, свободную от всякой верификации относительно реальной реальности: трудно найти хотя бы одно воистину реалистическое и реально доказуемое положение в этих теориях. В действительности ведь всё не так, всё совсем по-другому, но что поразительно — это совершенно не беспокоит блистающую чистым интеллектом науку, ибо в ее задачу входит не отражение реальной реальности, а не более чем выдвигание «новых» синтетических (искусственных) мозгов для их применимости в виртуально-

симуляционной... э-э... ирреальности, подменяющей собою реальность как таковую (компьютеры, модели, инструкции, сети).

Ближе к реальной реальности расположен так называемый «новый институционализм», но он, во-первых, не слишком все-таки онтологичен, во всяком случае целостно он не онтологичен, как и совершенно не онтологичен ноуменально; во-вторых, ограничен правоинституциональной практикой, призванной управлять экономическими процессами без адекватного постижения самого объекта управления и «уважительного» к нему отношения, а потому легко соскальзывающей на принцип «экономика для института» в ущерб принципу «институт для экономики».

«Новый институционализм», в отличие от «старого» или «классического» институционализма, не признает необходимости, самоценности и практической незаменимости для хозяйства и экономики такого института, как государство, враждует с ним, называя не более, не менее, как «бандитом», и склонен воспевать фактически асоциальный анархизм, за которым маячат, как хорошо известно, мощные негосударственные субъекты управления, устанавливающие свой порядок, но непременно через стихию, произвол, кризисы, войны. Строго говоря, «новый институционализм», как и частично «старый», не строго экономическое учение, скорее — политико-юр-управленческое, что говорит не о «площести» самого учения, а лишь о его онтологической относительно экономики «внепредметности» («парапредметности»).

Главная неприятность научно-экономической современности — слабость или даже отсутствие фундаментальной онтологической концептуальности, сходной по значению с той, которая имела место при доминировании политической экономии классического образца. Ни «неоклассика» («неклассика»), ни родственной ей «экономикс» данной миссии не только не выполняют, но и склонны вообще отвергнуть любую мировоззренческую фундаментальность. Отсюда две попытки: 1) возродить, как-то осовременив, бывшую политическую экономию; 2) предложить новую, уже совершенно современную, политэкономю. Так или иначе, но это не что иное, как быть или не быть ныне политэкономии?

Основная трудность тут в том, что несмотря на свою вроде бы фундаментальную онтологичность политэкономия XIX в. была не столько нейтрально-объективной онтологией, сколько... ангажированно-субъективной идеологией: либо ангажированным учением о капитале и ради него, включая подотчетный капиталу предпринимательский индустриализм, либо же не менее ангажированным учением о труде и ради него, не исключая все того

же, но уже подотчетного-де труду... э-э... коллективно управляемого... индустриализма. Один ствол политэкономии вовсю оправдывал капитал, другой — «лоббировал» труд. Были попытки и создать политэкономии социальной гармонии, но уже не столько между капиталом и трудом, сколько между работодателем и работодателем — не без посредничества государственных инициатив.

Никто не против того, чтобы обстоятельно рассуждать о капитале и его пользе, о свободном товарно-денежном хозяйстве, о важности предпринимательства и труда, как и тех же... банков, о необходимости взаимоприемлемого сотрудничества между капиталом и всеми на него трудящимися работниками, о доходах, богатстве и их распределении, о значении растущей экономики в целом и значимости экономизма, но... ахиллесовой пятой знания, пытающегося до сих пор называться политической экономией, остается онтология — та самая реальность, о которой вроде бы старательно повествует политэкономия, но которая далека от адекватного с ее стороны восприятия и понимания: да, стоимость (ценность), да — субстанция, но причем тут либо поиск материального основания для этой субстанции — вроде того же труда, либо попытка вностоимостного трактования стоимости, как и всех стоимостных параметров-величин, через сидящие-де в вещах полезности и их предельные рыночные выражения? Научная гносеология тут подвела реальную онтологию, ибо стоимость не только не вещественна, не материальна, но, что особенно важно, никаким внешним для нее образом не измеряется: стоимость метафизична, идеальна, эфирна, трансцендентна и, что особенно важно — сама себе мера, чего не могла и не может никак понять ни классическая политэкономия, ни ее славный наследник — неклассический экономизм. Не объяснив «как следует» стоимости, а стоимость есть не что иное, как *самое экономическое в экономике*, нельзя объяснить и практически ничего из вообще экономического — объяснить не идеологически, а как раз онтологически, совершенно и нейтрально относительно текущей реальности.

Физический подход нельзя переносить на нефизическую реальность — которая как раз по преимуществу метафизическая; стоимость со всеми своими параметрами-величинами — не физис, а сплошной метафизис; да и экономика в целом в своей онтологии — все тот же метафизис.

Возможно ли сегодня какое-то возрождение политэкономии: пусть лишь подновленной, пусть и совершенно новой? Ответ даст сама научная, так сказать, жизнь, но на наш философско-хозяйственный взгляд — нет, ибо для этого политэкономии (как бы

она ни называлась) надо... перестать быть... собственно политэкономией, что для политэкономии, которая все-таки не так адекватное реальности содержание, как его — этого возможного содержания — неясный символ, совершенно неприемлемо.

Автор этих строк не принципиальный противник политэкономии, хотя и не безоговорочный ее сторонник. Все дело в том, что в рамках неясной, ограниченной, расплывчатой, фрагментарной, «ни нашим, ни вашим», а по большому счету попросту невозможной, парадигмы, упорно притягиваемой к политической экономии, никакой убедительной в онтологическом плане политэкономии быть не может, а может случиться лишь очередная — вполне, наверно, и надуманная — идеология, оправдывающая, к примеру, тот же финансовый глобализм или, напротив, его же решительно осуждающая, что, собственно, есть одинаково плохо!

Политэкономия — не вечное вообще учение, а вполне временно-временной взгляд на хозяйственно-экономические вещи, возникший на потребу эпохе Модерна и ее важнейшему атрибуту — капиталу. Взгляд вполне тогдашний — наивно-научный, не более того! Сегодня на мировом дворе не что иное, как Постмодерн, для которого такие понятия, как реальные деньги и реальные товары вместе с реальными капиталами, банками, кредитами и ценными бумагами, не более чем ушедший в прошлое «материальный» анахронизм. В том же анахроническом забвении труд, производительность труда или то же самое частное предпринимательство. И рынок сегодня не рынок, и валюта не валюта, и цена не цена. Ныне в почете вещи виртуальные, прозрачные, мимолетные, когда не хозяйственная реальность ведет экономическую виртуальность, а экономическая виртуальность владеет хозяйственной реальностью! Краеугольным камнем в «эфирном» экономическом здании служит не товарное отношение, не сами по себе деньги и даже не капитал, а направленное на реальность (сверху вниз) *управленческое решение*, вполне и *ирреальное*. Хозяйственно-экономический мир совершенно перевернулся, выставив наружу и вперед не реальность, а *ирреальность*. Тогда причем тут политэкономия со всеми ее традиционными идейно-выверенными материальными атрибутами? А-а, *may be новая политэкономия*? Тогда какая же? Ведь кругом теперь сети, а не рынки, структуры, а не свободно складывающиеся отношения, системы управления, а не самоорганизации, пирамиды, а не нейтральные среды. Условно говоря, не физика вокруг, а *алфизика*, где господствуют не причинно-следственные связи, а управляемый и управляющий произвол любых управляющих миром сем, вообще не отрицающих перманентного тотального кризиса всего мирового

хозяйственно-экономического контекста, а его — этот кризис — органично предполагающие, активно пролонгирующие и старательно использующие. Никакой ныне субъектной атомарности, никаких складывающихся между самостоятельными-де субъектами отношений, никаких свободных и несвободных между ними конкуренций! Теперь лишь сети и центры управления ими да подотчетная центрам экономическая агентура, включая и там и сям действующую резвую резидентуру. Другой мир, другая реальность, другая онтология, другая и гносеология! И никакой тебе в привычном понимании политической экономии, которая так и не выяснила до сих пор, что понимается ею под «экономией», а что под «политической»!

Философия хозяйства — не политэкономия, но вышла в свет философия хозяйства как раз из-за политэкономии, фактически занимавшей место философии хозяйства, но, увы, не слишком все-таки достойно и успешно. И философия хозяйства существует сегодня совсем не случайно: выход философии хозяйства на мировоззренческую арену — не чья-то субъективная прихоть, как и не какая-то научная закономерность, это — трансцендентное веление метафизиса, столь пренебрежительно отвергаемого до сих пор физикой и той же политической экономией, но при этом всегда в мире бывшего, ныне всю бытующего и на будущее в своем онтологическом значении лишь усиливающегося.

Достоинство философии хозяйства в ее органической и в то же время неограниченной целостности — что онтологической, что гносео-логической, она ничего из реального, включая и ирреальное, не чурается, всё принимает и ничего от себя не гонит. Кредо философии хозяйства не в поиске несокрушимых истин, обычно выливающих в невозмутимую догматику, а в утверждении *правды*, какой бы неприглядной и горькой она ни была. В философии хозяйства не может быть ни правых, ни ошибающихся, ни тем более «правых» и «левых», как и тех же «центристов», ибо для философии хозяйства, озабоченной человеком-человечеством и его бытием-хозяйством, бытием-историей, бытием-телеологией и бытием-эсхатологией, какие-либо идеологические предпочтения, да еще и между собой враждующие, попросту лишены всякого смысла. Философия хозяйства не разъединяет, а объединяет, что не значит, что она монофонична, нет, она вполне полифонична, но не какофонно, а как раз вполне симфонично, что совсем не мешает быть в ее музыкальном поле ни чудным голосам, ни смелым партиям, ни насыщенным мелодикой содержательным струям.

Вывод: отечественная мысль пришла к философии хозяйства, уйдя от политэкономии, и не придя, естественно, к

постмодернистскому научному экономизму; непризнание загода и надолго хорошо внутри себя сбитой научной общественностью философии хозяйства не означает, что последняя не заслуживает бытия, развития и распространения; возрождение политической экономии, себя очень уж не оправдавшей, вряд ли возможно, хотя и возможен еще всплеск какого-то ее постмодернового заместителя; познавший философию хозяйства, в нее вошедший, ни в какой политэкономии не нуждается, что не значит, что в ней не нуждается научное сообщество, столь упорно отвергающее философию хозяйства.

Не в силе Бог, а в правде!

Л.А. ТУТОВ

Философия хозяйства и кризис неоклассики

Философия хозяйства является в настоящее время одной из наиболее актуальных и динамично развивающихся отраслей мировой экономической мысли. Резко возросшая потребность в организации исследований в данной области обусловлена, в первую очередь, глубоким кризисом, охватившим современную экономическую теорию. В настоящее время господствующая в экономике неоклассическая теория сталкивается с целым рядом теоретических и практических проблем и парадоксов, которые невозможно разрешить, основываясь исключительно на положениях существующей парадигмы. Следует отметить, что в качестве одной из основополагающих проблем неоклассической парадигмы эксперты неизменно называют позитивистскую философско-методологическую позицию, заложенную в основание неоклассики М. Фридменом и его последователями, когда теории практически уравнивались с рабочими гипотезами и считались ценными лишь постольку, поскольку они содействовали получению тех или иных эмпирических результатов. Такой подход сформулировал М. Фридмен в работе «Методология позитивной экономической науки» [1], провозгласивший, что качество теоретических моделей не зависит от реалистичности предпосылок, положенных в ее основу, и всецело определяется способностью теории давать достаточно точные предвидения.

Внимание М. Фридмена к проблемам методологии привлекла дискуссия вокруг принципа максимизации прибыли как стандартной предпосылки микроэкономической теории. Благодаря проведенным

эмпирическим исследованиям были получены результаты, которые показали, что реальное поведение субъектов и процессы рыночной экономики существенно отличаются от того, как их представляют себе экономисты, что поставило вопрос о теоретической и практической ценности неоклассической экономической теории. М. Фридмен выступил в качестве защитника неоклассики, заявив, что требование реалистичности предпосылок теории в реальности невыполнимо, так как никакая теория не может претендовать на полное описание действительности. К тому же научная гипотеза должна быть экономной в средствах. М. Фридмен сделал вывод о том, что чем более важной является теория, тем более нереалистичны ее предпосылки.

Идеи М. Фридмена оказали влияния на всю мировую экономическую науку последней четверти XX в. Сформировалась позиция, согласно которой приобретенные знания фрагментарны по своей природе и применимы постольку, поскольку реальные условия соответствуют условиям и предпосылкам, для которых эти результаты получены. Очевидно, что применимость таких знаний обусловлена достаточно редкими и уникальными обстоятельствами. Поэтому значимость теоретических обобщений мало отличается от значимости простого описания исторического опыта.

Данная ситуация поднимает ключевой для современной экономики вопрос о радикальной перестройке всей системы экономического знания. Этот вопрос может быть переформулирован следующим образом: является ли необходимой и достаточной мерой разрешения этой проблемы модернизация существующей неоклассической парадигмы или же необходимо кардинальное изменение фундаментальных теоретических оснований экономической теории? Многообразные направления неортодоксальной экономической теории (неоавстрийская школа, традиционный институционализм, марксизм, посткейнсианство, поведенческая экономика и пр.) предлагают собственные варианты ответа на данный вопрос. Однако многочисленные теоретические дискуссии по данной проблеме неизбежно заходят в логический тупик, связанный с крайней неразвитостью философских и методологических оснований современной экономической теории. В настоящее время экономической науке не удалось выработать такой системы основополагающих теоретических постулатов, которые характеризовались бы оптимальным уровнем абстрагирования, т. е. отвечали двум наиболее общим условиям — реалистичности и операциональности. Это, в свою очередь, предполагает поиск ответа на такие важнейшие вопросы, как сущность экономической жизни общества, характер ее динамики; предмет, цели и задачи экономической

теории, сущностные характеристики ее теоретического инструментария и пр.

Не менее ярко потребность проведения фундаментальных исследований в данной области проявляется и при рассмотрении реалий российской экономической теории и, что особенно важно, российской экономической политики. После разрушения научной монополии марксизма в российской экономической теории интеллектуальная жизнь нового экономического сообщества России подверглась влиянию разнообразных теоретических инноваций. При этом далеко не всегда проводились четкие границы между механическим заимствованием и творческим переосмыслением; органичным синтезом и грубым соединением достижений методологически различных школ научной мысли; подлинными достижениями лидеров мировой экономической науки и работами эпигонов. Наконец, еще одним негативным явлением стала реидеологизация экономической науки, доверие к достижениям которой в России стало во многом определяться не строгостью логического обоснования теоретических выводов, а степенью их соответствия либеральной экономической идеологии. Закономерным следствием данных теоретических недостатков обновленной российской экономической мысли стали хорошо известные провалы в сфере экономической политики, планирование и организация мероприятий которой проводились при активном участии отечественных экономистов, так или иначе воспринявших достижения мировой экономической науки.

В наше время ученые ведущих западных университетов проводят научные исследования, посвященные проблематике философии и методологии экономики (Philosophy and Economics). Среди наиболее влиятельных подразделений, занимающихся научной деятельностью в этом направлении, можно назвать Институт философии экономики Эразма, действующий в рамках Роттердамского университета (Нидерланды), Гуверовскую кафедру экономической и социальной этики в Лувенском католическом университете (Бельгия), Центр философии естественных и социальных наук Лондонской школы экономики (Великобритания). В других университетах — таких как Гарвард, Стэнфорд, Оксфорд — в учебных планах имеются программы «философия экономики». Кроме того, издается целый ряд авторитетных периодических изданий, самыми известными среди которых являются журналы: «Философия и экономика», издаваемый Кембриджским университетом; «Эразмовский журнал философии экономики» (Роттердамский университет); «Журнал экономической методологии», издаваемый Международным сообществом экономического метода; «Философия

и общественные отношения»; «Политическая теория, философия, экономическая наука».

В современной западной экономической мысли представляется близкой по подходам философии хозяйства институциональная теория, которая дает более объемное видение хозяйственной деятельности, расположившись на стыке экономической теории, философии, истории и права. Основным ее понятием является «институт», под которым понимают, во-первых, правила, нормы, регулирующие поведение человека, создающие условия для его стабильного существования и воспроизводства; во-вторых, господствующий способ мышления, а также стереотипы поведения, общественные привычки, народные предрассудки; в-третьих, коллективные действия по контролю, освобождению и расширению индивидуального действия; в-четвертых, словесный символ для лучшего обозначения группы общественных обычаев; в-пятых, правило, или совокупность правил, имеющее внешний механизм принуждения индивидов к его исполнению.

Существуют различные разновидности институционализма, порой значительно различающиеся по отдельным аспектам своей теории. В настоящее время набирает силу так называемый неoinституционализм (Д. Норт и Р. Коуз) и новая институциональная экономическая теория (О. Уильямсон), которые получили распространение и в нашей стране (А.А. Аузан, В.С. Автономов, Р.И. Капелюшников, В.Л. Тамбовцев, А.Е. Шаститко и др.). На первый взгляд, новый институционализм — совершенно новое направление. На Западе он получил распространение чуть более трети века назад. Однако необходимо сделать некоторые уточнения, которые бы прояснили его происхождение (генетические корни).

Во-первых, неoinституционализм использовал базовые идеи институциональной теории (Т. Веблен, У. Митчелл и др.) и продолжил традиции социальных наук прошлого. Так, в XIX в. немецкий социолог М. Вебер, используя деятельностный подход при определении общества, связывает его с возникновением устойчивых смысловых связей в обществе. У Э. Дюркгейма общество, возникая как результат многообразных взаимодействий индивидов, образует внеиндивидуальную и надиндивидуальную реальность. Или уже в XX в. у американского социолога Т. Парсонса социальная система любого масштаба предполагает существование неких, разделяемых всеми, общих ценностей и нормативных стандартов.

Во-вторых, принципиальным отличием неoinституционализма от неоклассической экономической теории и институционализма является фактор неопределенности при построении модели человека.

Фактор неопределенности вызван ситуацией ограниченной рациональности, которая в свою очередь распадается на такие компоненты, как ограниченность внимания, ограниченность интеллекта и несовершенство информации. Другим важным моментом, различающим неоинституционализм и институционализм, является объяснение института не как совокупности стереотипов мышления, поведения, правил, а как формальных и неформальных правил, созданных людьми и выполняющих для них функцию ограничений в ситуации выбора.

Неоинституционализм активно развивается в нашей стране, в том числе и благодаря специфике русской духовности, для которой характерна размытость границ между сознанием и бессознательным, поскольку «коллективно-бессознательное русского народа лежит, как бы ближе к поверхности сознания... оно не так вытеснено из сознания, не так проработано сознанием, как на Западе» [2, 732]. Поэтому совершенствование неоинституциональной теории в плане ее реалистичности связано с изучением бессознательных факторов и архетипов как коррелятов бессознательного при построении институциональной модели человека.

Институционализм и его продолжение в форме неоинституционализма являются существенным шагом вперед в плане объяснения хозяйственной деятельности, по сравнению с кейнсианством и неоклассической экономической теорией, поскольку они рассматривают не просто абстрактного человека, нацеленного на максимизацию прибыли при минимизации издержек, а стремятся исследовать особенности поведения хозяйствующего субъекта как принадлежащего определенной социальной группе, этносу, культуре, придерживающегося соответствующей морали, в условиях конкретно-исторической ситуации. Институциональная теория существенно расширяет категориальный аппарат экономической теории, вводя в активный оборот такие понятия, как способ мышления, стереотипы, предрассудки, обычаи, интересы личности, нравственные предпочтения, символы и т. д. Кроме того, институционализм анализирует функции, которые выполняют институты. Это, прежде всего, наиболее общие функции, такие как опосредование в отношениях взаимодействия между индивидом и миром и, близкая ей по содержанию, координационная функция, а также более конкретные функции ограничителя поведения и формирования предпочтений, понижения степени неопределенности для человека и защитная функция. Такой многоаспектный подход к индивиду позволяет решать вопросы психологической комфортности человека, сохранения его здоровья и природной среды, защиты от других внешних угроз. Однако имеются и «слабые места» в институциональной теории, которые не позволяют ей претендовать на роль

эпистемологической базы. Прежде всего, институционализм плохо адаптирован к российской действительности, ее многоукладной экономике, существующей системе ценностей и жизненных ориентиров. Используемые в институционализме модели являются односторонними экономическими системами. Несмотря на то, что институциональная теория исследует такие важные явления хозяйственной жизни, как нелегальная экономика, бюрократизм, трансакционные издержки, она не изучает онтологические корни этих явлений, не выявляет скрытых смыслов. Это способна сделать только философия хозяйства.

В качестве другого современного аналога философии хозяйства может быть представлена «этическая экономия», разрабатываемая немецким мыслителем П. Козловски, представителем культурно-социологического подхода к изучению хозяйства. По словам П. Козловски, «этическая экономия объединяет этические и экономические суждения, соответствует политической экономии и дополняет ее» [3, 7]. Необходимость объединения экономического и этического подходов при изучении человеческой деятельности вытекает из самой ее природы, предполагающей как экономическую, так и этическую ориентацию поведения человека. С точки зрения П. Козловски, этическая экономия представляет собой нечто большее, чем результат суммирования экономической науки и этики. Позднее к экономике и этике он добавил эстетику, определив в качестве трех главных ценностей культуры и хозяйства эффективность, нравственность и красоту [3, 148]. Ценность для философии хозяйства представляет анализ взаимоотношений экономики и культуры, прежде всего в аспекте влияния на экономику культурных и этических норм и ценностей.

Несмотря на большие эвристические возможности представленного подхода к пониманию современной науки о хозяйстве, он имеет и существенные недостатки. Во-первых, теория хозяйства фактически сводится лишь к двум сторонам жизни: экономической и этической. Во-вторых, хозяйственная деятельность основывается на теории рациональной деятельности в том виде (узко-специализированном), в каком ее разрабатывает микроэкономическая теория. В-третьих, предлагаемый рационалистический инструментарий сочетается, по словам самого П. Козловски, с такими направлениями этики, как кантовская этика и утилитаризм, однако ничего не говорится о возможностях его использования в сопряжении с другими этическими концепциями. В-четвертых, утверждая, что наука о хозяйстве в своем самоопределении колеблется между естественной и социальной, или гуманитарной, наукой, П. Козловски естественнонаучный аспект редуцирует к механике и, тем самым, излишне упрощает механизм хозяйственной деятельности.

В современной российской мысли можно выделить следующие основные подходы к трактовке философии хозяйства: философская дисциплина, изучающая хозяйство через призму онтологии, космологии и антропологии; междисциплинарное образование, расположившееся на стыке экономической теории, философии, истории и права; наука хозяйственная, а затем уже философская; этическая экономия; модифицированная политическая экономия; экономическая концепция, использующая теологический подход. Несмотря на такое многообразие и отсутствие единого методологического основания, рассмотрим взаимоотношения философии хозяйства и экономической теории в различных сферах. Одной из таких областей является проблема человека.

Философская модель человека, представляемая исследователем, отражает его общую мировоззренческую установку, т. е. зависит от того, что выдвигается в качестве высшей ценности, определяется в качестве смысла жизни, в то время как рабочая (экономическая) модель человека основана на сложившихся исследовательских конвенциях, которые далеко не всегда в полной мере соответствуют мировоззрению исследователя. На этой основе возникает различие между философской и экономической моделями человека.

Экономическая модель человека, так же как и философская модель, учитывает природную сторону человека, принимая во внимание биологическую наследственность, непосредственно не зависящую от социального окружения. Однако отношения между природным и социальным в экономической модели рассматриваются как данность.

При философском подходе к человеку его духовная сторона проявляется в разумном, моральном и эстетическом поведении (разумность, моральность, эстетизм — основные характеристики человека как существа социального) и при рациональном выборе предполагает движение по направлению к таким высшим человеческим ценностям, как истина, добро и красота.

В отличие от философского рассмотрения человека, экономическая теория имеет дело с характеристиками, связанными с оптимальным результатом — максимизацией целевой функции при данных ограничениях.

Очевидно, что философский подход к пониманию человека предполагает большее разнообразие и индивидуальность по сравнению с экономическими системами, где в каждый данный момент существует конвенция или набор конвенций относительно ограничений, связанных с характеристиками человека, которые не вписываются в логику модели, а также системы моделей.

В экономической науке модель человека есть изолирующая абстракция, обостряющая специфические черты поведения человека. Поэтому объективно существует несоответствие между философской и экономической моделями человека.

Существенным изъяном экономической модели человека с точки зрения этического подхода является ее интерпретация рациональности, которая означает максимизацию целевой функции при существующих ограничениях. При таком подходе отсутствует содержательная оценка разумности как цели, так и средств хозяйственной деятельности. И то, что является рациональным в определенных узких границах, может быть вовсе не рациональным с точки зрения универсальных человеческих ценностей. Кроме того, «экономический подход не проводит концептуального разграничения между решениями важными и малозначимыми... такими, которые касаются вопросов жизни и смерти, с одной стороны, и выбором сорта кофе — с другой» [4, 29]. Экономический человек выступает, прежде всего, в роли потребителя различных благ, при этом все остальные его стороны жизни оказываются за рамками рассмотрения. Ограниченность бытия экономического человека (как он понимается в неоклассической экономической теории) обусловлена следующими объективными обстоятельствами: мир как хозяйство заменен миром потребления; человек превращен в функцию процесса потребления; удовлетворение бесконечных потребностей представлено как цель экономической деятельности; многообразный мир общественных потребностей сведен к материальным потребностям индивида; крайний индивидуализм и принижение значения духовной жизни человека; «постоянное сравнение предельных издержек и предельных выгод как высшее проявление экономического мышления» [5, 96—98]. Такой подход, конечно же, обедняет представления о человеке и не раскрывает его подлинной природы как субъекта хозяйства.

Кроме проблемы человека и различных аспектов его жизнедеятельности, сферу пересечений интересов экономической теории и философии следует искать в области экономической методологии. Данное положение подтверждают слова В.С. Автономова, написанные им в предисловии к книге М. Блауга «Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют», что «в экономической теории методологические проблемы в принципе стоят острее, чем в других общественных науках, поскольку, благодаря использованию модели человека, максимизирующей целевую функцию, и связанного с ней математического аппарата, степень абстрагирования от реальности в ней намного выше, и теоретические модели могут развиваться до некоторой степени независимо от объясняемых и моделируемых явле-

ний» [6, 11]. Действительно, под влиянием неопозитивизма (К. Поппер), а позднее постпозитивизма (Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд) и постмодернизма (Д. Макклоски) в экономической теории и ее методологии произошли значительные изменения, которые, по мнению известного экономиста-методолога О.И. Ананьина, могут быть сведены к следующим: во-первых, «методология из преимущественно нормативной... стала преимущественно дескриптивной и позитивной, стремящейся описывать и осмысливать фактически сложившиеся структуры экономического знания, тенденции его эволюции, реальную практику научной деятельности»; во-вторых, «радикально расширилось предметное поле экономической методологии, охватившее ныне широкий спектр не только собственно методологических, но и философских проблем экономической науки» [7, 136]; в-третьих, «изменилось само восприятие экономической науки как объекта методологического анализа. Образ науки... уступал место новым представлениям, рисуящим мир экономической науки плюралистичным, а само знание — ограниченным и фрагментарным» [7, 136]. Таким образом, экономическая наука трансформировалась в сторону метанаучных (философских) представлений об экономической реальности, а круг ее интересов включил в себя как онтологическую, так и эпистемологическую проблематику — анализ экономического знания и познания.

Между философией хозяйства и экономической теорией существуют не только точки пересечения, но и противоречия. Так, в основе неоклассической экономической теории лежат три основные взаимосвязанные идеи: идея равновесия, идея возможности математически строгой интерпретации экономических явлений и идея чистой экономической науки. Идея чистой экономической науки предполагает исключение из ее предметного поля всяких ненаучных знаний, двусмысленностей (метафизики), мифологизации и строгое предметное разграничение с другими общественными дисциплинами. Однако, борясь за предметную чистоту, неоклассическая теория сама приходит к мифологизации числа, последствием которого является механицизм. Излишняя математизация экономической теории приводит к тому, что она абстрагируется от реальной экономической жизни и теряет ее предметную определенность. Точнее, предмет экономической теории приобретает свойства условности, парадоксальности, искусственности. Как написал известный западный экономист Кеннет Дж. Эрроу в работе «Возможности и пределы рынка как механизма распределения ресурсов», «выводы неоклассической теории справедливы только при выполнении определенных, возможно, чрезвычайно опрошенных предположений,

касающихся экономической сферы, а также общественных и частных предпочтений» [8, 56]. Все условности, искусственности в неоклассической теории появляются потому, что она превращает ценовой механизм спроса и предложения в единственный и абсолютный механизм движения экономической реальности, считая все остальные аспекты экономической жизни вторичными и производными от вышеуказанного. Философия хозяйства не строит искусственных моделей, абстрагированных от реальной действительности и базирующихся на ограниченных предпосылках. К тому же философия хозяйства рассматривает хозяйство как организм, в отличие от неоклассики, трудности которой обусловлены тем, что «идеи и закономерности, почерпнутые из анализа механической части айсберга экономической реальности, она пытается распространить на подводную часть, которая в существе своем немеханистична, а скорее органична» [8, 67]. Неслучайно в рамках неоклассической теории не получили адекватного разрешения такие проблемы, как соотношение микро- и макроэкономики, спрос и предложение денег, случай несовершенной конкуренции.

Многие западные экономисты считают, что экономическая теория превратилась в царицу социальных наук. Это единственная отрасль социальных исследований, по которой присуждается Нобелевская премия. «Она удостоилась издания фундаментального четырехтомного энциклопедического словаря, насчитывающего 4 миллиона слов, через которые как нить Ариадны проходит мысль о том, что экономическая наука, наконец, вышла за узкие пределы ее прежнего царства — царства производства и распределения — и может теперь заявить свои права на обширную территорию, простирающуюся от семейных отношений до спорта, от антропологии до государственного права» [9, 265]. Тем не менее, сами же экономисты признаются в том, что без философии экономическая теория была бы беспомощной в методологическом плане и далека от понимания целостного человека.

Подводя итоги, следует отметить, что философия хозяйства играет важную роль в формировании отечественной экономической теории. Во-первых, она позволяет рассматривать экономическую сферу как часть, фрагмент более широкой реальности, тем самым показывая ее связи с другими неэкономическими областями. Соответственно философия хозяйства расширяет горизонты экономической теории, раскрывает роль неэкономических факторов при описании поведения субъекта хозяйства. Во-вторых, философия хозяйства, подталкивая экономическую теорию к преодолению узкоспециализированного, утилитаристского подхода к пониманию экономического

бытия, выявляет его скрытые смыслы, что крайне важно для формулирования ориентиров для дальнейшего развития. В-третьих, философия хозяйства формирует реальное мысленное поле, в рамках которого совершаются акты научного познания, нацеленные на комплексное социоэкономическое объяснение явлений и процессов, системный подход, учет специфики российской духовности. В свою очередь, экономическая теория на примере модели человека обостряет его специфические черты поведения (эгоизм, альтруизм, рационализм) и дает возможность философии хозяйства получить представление о человеке «практическом», выявить новые свойства и факторы, определяющие поведение человека, и тем самым получить целостную картину о человеке.

Литература

1. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Т 2. Вып. 4.
2. Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии // Философия России XIX—XX столетий. М., 1995.
3. Козловски П. Принципы этической экономики. СПб., 1999.
4. Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Вып. 1.
5. Фадейчева Г.В. Мифологичность бытия «экономического человечка» в свете философии хозяйства // Философия хозяйства. 2001. № 6.
6. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М., 2004.
7. Ананьин О.И. Экономическая наука в зеркале методологии // Вопросы философии. 1999. № 10.
8. Эрроу К. Возможности и пределы рынка как механизма распределения ресурсов // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем.. 1993. Т. 1. Вып. 2.
9. Хайлбронер Р.Л. Экономическая теория как универсальная наука // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1. Вып. 1.

Ф.И. ГИРЕНОК

Горизонты русской философии хозяйства

Цивилизационный кризис, случившийся в самом начале XXI в., некоторые ученые связывают с исчерпанием возможностей цивилизации, основанной на замещении сил человека силами природы, и формированием нового технологического уклада, который выводит человека за пределы не только материального производства, но и духовного производства. А это значит — за пределы производства вообще, которое начинает мыслиться вне связи с человеком. Новый технологический уклад объективирует интеллектуальные способности человека и в существовании человека уже не нуждается. В экономическую деятельность встраивается виртуальная реальность. Попытка объяснить происходящие изменения приводит нас к необходимости понимания той рефлексии, которая сопровождала переход России от традиционного общества к индустриальному. Я имею в виду сочинения Стебута, Чаянова и Кондратьева. Теория длинных волн Кондратьева сегодня хорошо известна. Менее известны так называемые «кривые Чаянова». И совсем не известны идеи И. Стебута.

Соприкасаясь с духовным наследием России второй половины XIX в., не перестаешь удивляться подвижничеству тогда еще небольшой группы образованных людей — русской интеллигенции. В русской интеллигенции выкристаллизовывался особый тип человека, постоянно готового к самообновлению. Эта интеллигенция училась испытывать мир не «миллиметром рассудка», а своей собственной жизнью. У нее слова переставали быть словами, а мысли — мыслями. Ведь слово как Логос, а мысль как личностный акт жизни перестают быть словами и мыслью о жизни. Они становятся частью самой жизни, и поэтому для тех, кто причислял себя к интеллигенции во второй половине XIX в., было далеко не безразлично, окажутся ли их слова пустыми, а мысли — ложными. Иными словами, это было время слов, не бросаемых интеллигенцией на ветер.

Люди с лоскутным мирозерцанием, сшитым из обрезков газетных и журнальных статей, не готовы к состраданию и бескорыстию. Но именно эти человеческие качества определяли космос души русской интеллигенции, целостность ее мировоззрения. Это было время, когда профессора не брали взятки, а амбиции и аппетиты литераторов не заменяли им мысли и честь.

К этому времени принадлежит и профессор И.А. Стебут (1833—1923). К его трудам восходят истоки русской классической

аграрной мысли. В течение 50 лет Стебут был ведущей фигурой в развитии агрономической и аграрной мысли в России [1, 3].

Идеалы крестьянской цивилизации

Наиболее ценные работы Стебута, в которых он излагает свою «социальную философию» — «Статьи о русском сельском хозяйстве, его недостатках и мерах к его усовершенствованию» (1883), «Сборник статей о русском сельском хозяйстве» (1897), «Несколько мыслей и соображений по поводу аграрного вопроса» (1906). Оригинальность взглядов И.А. Стебута на проблемы развития деревни легко установить, сопоставив их, например, с «Азбукой социальных наук» В.В. Берви-Флеровского, которая появилась в 1871 г. Это, с одной стороны, а с другой — сопоставив их с мировоззрением А. Чайнова, описанном во время путешествия «в страну крестьянской утопии». А. Чайнов (1887—1929), на наш взгляд, развил некоторые идеи И.А. Стебута [2].

В чем суть этих идей? Стебут различает сельскохозяйственный промысел и сельскохозяйственное производство. Последнее есть всякое производство сельскохозяйственных продуктов. Старушка, выращивая укроп, занята сельскохозяйственным производством. Под сельскохозяйственным промыслом Стебут понимает прежде всего доходное занятие им. От чего зависит поход? Конечно, от спроса и предложения, от цен на сельхозпродукты и цен на промышленные товары, от стоимости рабочей силы, от умения вести хозяйство и т. д. «Но есть еще одно весьма важное условие, которое наичаще упускается из виду, это, — пишет Стебут, — размер хозяйства...» [3, 7]. Определение оптимальной величины хозяйственной единицы решается следующим образом. Согласно Стебуту, сельские хозяева бывают или исключительно, или преимущественно, или побочно сельскими хозяевами. В соответствии с этим величина хозяйственной единицы, при условии ее доходности, может быть наименьшей у последнего рода хозяев, больше — у сельских хозяев второй категории, наибольшей — у хозяев первой категории. На величину хозяйственной единицы оказывает влияние применение машинной техники и технологии.

Составляет хозяйственную единицу союз семей на экономической основе. Этот союз нельзя людям навязывать помимо их сознательного в нем участия. Парадоксальность ситуации, в которой находился русский крестьянин, заключалась в том, что он занимался сельским хозяйством лишь побочно, в лучшем случае преимущественно. Но вынужден был вести образ жизни исключительно как сельский хозяин; т. е. сельское хозяйство не приносило доход и не покрывало расходов на жизнь крестьянина.

«Крестьянин наш, — писал Стебут, — когда-то с любовью занимающийся сельским хозяйством, теперь, видя, насколько другие занятия выгоднее для тех из его братьев, которые находят их, готов бросить землю» [3, 21]. И далее: «Не удивительно поэтому, что крестьянин, отдавая своего сына в школу, делает это в надежде, что школьное образование даст сыну возможность заняться чем-либо другим и тем создаст ему лучшее положение, чем положение его родителя; поэтому же он отдает сына и в сельскохозяйственную школу не для того, чтобы сын вернулся снова в крестьянское хозяйство, создающее для отца такое тяжелое положение. Справедливо ли после этого ставить в вину сельскохозяйственным школам, как это делают многие, то, что выпускники или ученики из крестьянских детей возвращаются к занятиям своих родителей лишь в виде редкого исключения» [3, 22].

Размеры хозяйства лимитируются и личным трудом хозяина или хозяев. Стебут выступал против общинного землепользования, но за развитие общинного землевладения. В решении аграрных проблем он видел две стороны: экономическую и социальную. Достижение доходности хозяйства — это экономический вопрос, а вот положение рабочего в хозяйстве — социальный. «Аграрный вопрос, который есть вопрос не только экономический, но в еще большей степени социальный, может разрешаться, да и разрешается часто удовлетворительно частновладельческим хозяйством как экономический вопрос, но не разрешается им как социальный вопрос; крестьянским хозяйством он не разрешается... ни как социальный, ни как экономический вопрос. Не могу не высказать попутно моего убеждения в том, что едва ли... этот вопрос разрешается или может считаться разрешенным удовлетворительно где бы то ни было как социальный вопрос; как экономический же, полагаю, он разрешен наиболее удовлетворительно в Северо-Американских штатах, где соответствующая величина хозяйственной единицы (при ведении хозяйства почти исключительно самими хозяевами) вполне обеспечивает доходное сельское хозяйство...» [3, 29].

Поиски образа такого хозяйства, которым разрешались бы оба вопроса, составляет смысл жизни Стебута. Это хозяйство должно быть общественным. В этом Стебут не сомневался. Его прообраз — община. По отношению к государству она должна рассматриваться как кооперативный частный землевладелец. Слова «частная собственность» указывают лишь на ту сферу отношений, которые складываются вне зависимости от государства. Больше ничего в этих словах нет. А вот будет ли она трудовой или нетрудовой — это уже другой вопрос — социальный, а не экономический. В общественном

хозяйстве выполняются работы по переработке и сбыту сельхозпродуктов. Оно берет на себя расходы по содержанию общественных учреждений и т. д. Члены земельной общественной единицы, где бы потом они ни работали, сохраняют связь с этой единицей не только как со своей родиной, но и (что Стебут считал особенно важным) как с организацией, обеспечивающей своему члену приют и помощь в случае надобности. Стебут часто говорил, что при частном землевладении далеко не все люди связаны с землей, при государственной все связаны с ней, но все стоят очень далеко от нее и поэтому не заинтересованы в ее производительности.

Однажды И.А. Стебут с грустью заметил: «Если бы крестьяне не были так темны, то, конечно, они сохранили бы разваливающуюся теперь большую крестьянскую семью, существующую в виде союза семей на экономическом начале» [3, 69]. Позднее и более резко о необходимости сохранения семейного хозяйства высказался Чайнов: «Хозяйство крестьянское есть прежде всего хозяйство семейное, весь строй которого определяется размером и составом хозяйствующей семьи, соотношением ее потребительских запросов и ее рабочих рук» [4, 2].

Но семья эта распадалась, и ничего с этим нельзя было поделать. На горизонте хозяйствующей души замаячили призраки социализма и фермерства. Еще в 1870-е гг. Стебут попытался было приучить крестьян к артельному способу обработки арендуемой земли, сдал в аренду часть земель своего имения «Кроткое», оговорив условия. Спустя какое-то время он заметил, что вместо 40 арендаторов-крестьян появляются два-три крепких мужика, т. е. хозяина-кулака. А это было уже не интересно. «Я нанимал рабочего за цену, — вспоминал Стебут, — которую он требовал за свой труд, если эта цена не превышала лучшей обычной в местности и я имел основания считать нанимающегося подходящим для себя работником. Если он оказывался таким и не прочь был остаться у меня, то он ежегодно получал надбавки к жалованию... пока ежемесячное жалование не достигало недопустимой по доходности хозяйства величины. Кроме того, рабочие получали у меня премии за выдающееся исполнение некоторых работ» [1, 133]. Но одно дело самому вести свое хозяйство, а другое — наниматься, т. е. продавать свою рабочую силу, если даже за нее и хорошо платят. И вот эта разница не могла не сказаться на отношении крестьян к тому хозяйству, в котором они выступали как наемная рабочая сила. Крестьянин должен быть хозяином. Это хорошо понимал Стебут. Эти же идеи определили и отношение Чайнова к крестьянскому трудовому хозяйству.

Стебут и Чаянов не были, по всей вероятности, знакомы, но Чаянов заканчивал Московский сельскохозяйственный институт по кафедре А.Ф. Фортунатова — ученика Стебута. Если Чаянов делает упор на семейный состав крестьянского хозяйства, то Стебут — на доходность этого хозяйства. Согласно Чаянову, «трудовое крестьянское хозяйство будет работать и при пониженной оплате труда, в условиях явно убыточных для капиталистического хозяйства» [4, 3]. Стебут же называет такое хозяйство производственным, т. е. при таком производстве крестьянская семья может заниматься сельским хозяйством лишь побочно и самое большее преимущественно. Если десятина дает 10 р. дохода при прочих равных условиях, а годовой бюджет хозяйственной единицы — 300 р., то эта хозяйственная единица не может быть меньше 30 десятин. Крестьянин, отмечает Стебут, «силой условий, при которых приходится вести хозяйство, вынуждается быть сельским хозяином исключительно» [3, 11]. Оптимальный размер хозяйства определяется, согласно Чаянову, размером крестьянской семьи. Согласно Стебуту — доходностью хозяйства.

Пока, по словам Стебута, существует разделение труда на сельскохозяйственный и промышленный, пока существуют потребители и производители, пока есть рынок, до тех пор немислимо бездоходное сельскохозяйственное производство. Любительское сельскохозяйственное производство является вредным, если в земле, которую оно использует, нуждается доходное хозяйство. Конечно, мечтал Стебут, настанет время, когда люди не будут беспокоиться о своем пропитании. Это «беспокойство» возьмет на себя общество. Но до этого как далеко, что не стоит об этом и думать [3, 11].

Чаянов усматривает в перенаселенности деревни и ее малоземелье главный бич народного хозяйства. «Хозяйство трудовое, как обеспечивающее наибольшую трудоемкость земледелия, и должно, — считает Чаянов, — лечь в основу нашего земледелия» [4, 3]. Стебут так не считает. Наиболее трудоемким является натуральное хозяйство, когда крестьянин кормит себя и еще несколько человек впридачу. А наименее трудоемкое хозяйство кормит 60—70 человек да еще и себя. Крестьянское хозяйство не решает ни экономического, ни социального вопроса. И поэтому поиски оптимального хозяйства должны идти не по пути частного нетрудового хозяйства и не на стороне трудового натурального хозяйства, а на пути развития коллективной частной собственности, а также кооперирования трудовых крестьянских хозяйств. «Идеальным нам мыслится, — писал Чаянов, — крестьянское семейное хозяйство, которое выделило из своего организационного плана все те его звенья, в которых

крупная форма производства имеет несомненное преимущество над мелкой, и организовало их на разные степени крупности в кооперативы» [4, 4].

Близкие взгляды мы находим и у Стебута. Идеальным для него является общественное хозяйство, владеющее определенным участком земли. Оно же занимается переработкой сельскохозяйственной продукции. «Насколько успешнее, — писал Стебут, — могла бы развиваться сельскохозяйственная промышленность, если бы все люди... были теснее связаны с землей и производством на ней продуктов, чувствуя себя землевладельцами и заинтересованные в выгодной производительности земли. Это же не может быть ни при частном, ни при государственном землевладении» [3, 34]. В сельскохозяйственной экономике, подчеркивал Фортунатов, вопросы о величине хозяйственной единицы, о товарищеской аренде, о мелком движении кредите, о терминологии систем хозяйства и многие другие связываются для нас с именем Стебута.

Современное состояние аграрного вопроса группируется вокруг одной проблемы — проблемы собственности. В чем ее суть? До недавнего времени вопрос о землевладении считался у нас решенным. Нерешенными признавались лишь проблемы, связанные с методами землепользования. Считалось само собой разумеющимся, что владел землей народ. Непонятно было одно: как это владение использовать в аграрном строительстве. А поскольку туман в решении этого вопроса не рассеялся, постольку аграрная политика строилась на принципах социальной алхимии, вся хитрость которой состоит в организации универсальной системы производства, предполагающей хозяина в центре, а чувство хозяина у тех, кто на периферии этого производства. В условиях государственной собственности в качестве собственников-владельцев стали выступать не люди, а учреждения и организации, т. е. анонимные социальные образования. В результате чудес алхимии появилась собственность без собственников, а распорядителем этой собственности стал чиновник. Тем самым собственность распалась на три не связанных друг с другом социальных акта: владение, распоряжение, использование, т. е. на распоряжение без владения, на использование без распоряжения и на владение без использования. Но этот результат означает, что в нашей стране исчезли отношения собственности как общественного отношения, а вместе с ними граница между государством и обществом, т. е. исчезло общество [5].

Ситуация, сложившаяся после расщепления собственности на три обособленных друг от друга момента, нашла выражение не только в формах распределения доходов и расходов, но и в том, что правами

стали наделяться не люди, не группы людей, а организации и предприятия. И поэтому никого не удивляет расширение прав предприятий, потому что в этом расширении они не зависят от прав людей. Расширение прав предприятий совсем не означает, что одновременно расширяются, например, и права рабочих.

Государственная собственность является предельным вариантом осуществления частнособственнических амбиций. Вместе с ней появляются ведомственные интересы. Вообще-то ведомственных интересов нет, существуют интересы людей и классов, но разрыв в связях между владением, распоряжением и использованием порождает превращенную форму интереса — ведомственную. Восстановление разорванных связей как раз и является той меткой, по которой узнается современное аграрное движение. В первую очередь восстанавливаются связи между распоряжением и использованием. Это происходит в виде развития так называемых арендных и кооперативных форм. На этом уровне появляются собственность на продукты труда и соответствующая ей форма распределения доходов. Но на этом уровне еще нет собственности на собственность, т. е. нет владения в чистом виде. А без этого владения вряд ли удастся соединить «распоряжение» и «владение», т. е. возродить общественные отношения собственности. Без этих отношений, в свою очередь, нельзя общество отделить от государства [6].

В основе социальной философии Стебута лежит идея о том, что жизнь людей вообще — это не логический процесс, а реальный. Какими бы хорошими не были наши представления о формах жизни, как бы мы ни стремились сделать человека счастливым, не нужно делать одного: не надо навязывать эти представления людям, а тем более устраивать их счастье насильно. «Ведь навязать им этого, — замечает Стебут, — ни чего-либо другого людям нельзя; людей нельзя производительно или благотворно устраивать помимо их сознательного в этом участия. Они должны сами устраиваться, и те, на ком может лежать такая общественная и нравственная обязанность, могут и должны лишь помогать другим устраиваться. Известное общественное и связанное с ним личное устройство людей достигается лишь нормальным постепенным общественным развитием в соответствии с развитием культуры масс, а это требует немало времени: ни годов, ни десятков лет, ни столетий, даже, а и того больше» [7, 23]. Вот эта мысль Стебута не могла не сказаться и на его отношении к частному хозяйству. Крестьянское хозяйство и частновладельческое дополняют друг друга. Сами по себе они не вызывают у него восторга, но Стебут понимает, что из их взаимо-

действия вырабатывается новая форма хозяйствования — общественная. «В этом, — писал Стебут, — заключается историческая миссия частновладельческого хозяйства, и пока оно ее не исполнит, оно должно существовать и развиваться сообразно требованиям времени наравне с крестьянскими общинами, и всякий ущерб как тому, так и другому будет ущербом для всего народного хозяйства». Для того чтобы возникла новая форма собственности необходимо, согласно Стебуту, выполнять два условия. 1. Хозяйство должно определить себя по отношению к государству как частная собственность. 2. По отношению к внутренним механизмам распоряжения и использования оно определяется как общественное хозяйство.

Пока нет ни того ни другого, возможны экономические чудеса. Например, рассказывает Стебут, в Тобольской губернии, где есть и простор, и обилие сена и выгонов, но нет обилия городов, ежедневно нуждающихся в свежем молоке, мы развиваем производства молока. Между тем, в Туле, близкой к массовому потреблению молока и не имеющей ни просторов, ни сена, ни выгонов, под покровительством правительства находятся производство мяса и разведение скота. Не оттого ли, спрашивает Стебут, в направлениях нашей внутренней политики в отношении сельского хозяйства рождаются те причины, следуя которым мы начали ввозить сало из Австралии, а в Туле ведро молока стали продавать от 90 коп. до 2 р. Тогда как, в 100 верстах от Тулы за пуд молока были бы рады иметь 50 коп. Такая наша политика, говорил Стебут 100 лет назад, приводит к тому, что скоро повышением цен мы будем менять формы владения землей [7].

Кооперативный социализм

Свою первую небольшую работу «Кооперация в сельском хозяйстве Италии» Чаянов написал еще студентом. В этой работе он приводит рассказ одного русского крестьянина московским статистам. «Везу я сенцо продавать, — рассказывал крестьянин, — а сенцо-то плачет, а я его утешаю: вот погоди, придет зима и я тебя вгрядорога выкуплю». Другими словами, настало время платежи делать, а денег у крестьянина нет. Вот и везет он в неурочное время сено продавать. Смысл этого рассказа столь же прост, сколь и поучителен. Крестьянину нужно снять с себя ярмо посредников и перекупщиков. Но как ему это сделать? И Чаянов отвечает: при помощи кооперации. Кооперация хороша не сама по себе. Она нужна для того, чтобы крестьянин мог обойтись без посредников. А для этого ему нужно по-новому организовать земледельческое производство, обобществляя в нем такие функции, которые можно обобществить. «Но напрасно бы мы приписали кооперации

универсальное значение, — писал Чаянов, — оно дает благоприятные условия только тем, кто еще может встать на ноги, т. е. средним классам общества». Если крестьянин еще стоит на ногах, то ему поможет и кооперация. А если нет? «Для низших слоев общества кооперация еще не дала ключа в царство небесное», — отвечает Чаянов. Для тех, кто и встать-то на ноги уже не может, предназначена коллективная аренда.

В 1912 г. в двух своих работах («Крестьянское хозяйство в Швейцарии» и «Очерки по теории трудового крестьянского хозяйства») Чаянов формулирует главную свою мысль. «Задача трудового хозяйства — доставление средств существования хозяйствующей семье, и поэтому экономическая деятельность в нем направляется соизмерением степени удовлетворения потребностей с тягостностью добывания средств существования, а вовсе не исканием высшего процента на капитал или высшей оплаты труда» [8, 19]. Позднее Чаянов придаст этой мысли математическую формулу, и она станет известна в научном мире под названием «кривые Чаянова».

Крестьянское хозяйство ищет не прибыль. Оно ориентировано на валовый доход. Доходное хозяйство не всегда прибыльно, а прибыльное — не всегда доходно. Крестьянин скорее выберет большой валовый доход и меньшую прибыль, чем большую прибыль и малый доход. Но если подмеченная Чаяновым особенность крестьянского трудового хозяйства верна, то в лице этого хозяйства капитализм встречает серьезное препятствие для своего распространения. Самое удивительное состоит в том, что трудовое хозяйство сохраняет в системе товарно-денежных отношений какую-то внутреннюю независимость от этих отношений. Подчиняясь правилам игры на рынке, трудовое крестьянство выпадает из этой игры в непосредственном процессе производства, демонстрируя элементы семейного труда. Капитализация сельского хозяйства ведет к раскрестьяниванию деревни. Окрестьянивание села — к декапитализации. «Сельская жизнь, — скажет Чаянов в 1928 г., — естественное состояние человека, из которого он был выведен демоном капитализма». Путь фермерский нами всегда отрицался.

Понимая природу трудового крестьянского хозяйства, Чаянов видел опасность в бездумной коллективизации. Наивно полагать, говорил он, что управлять народнохозяйственной жизнью можно из одного центра, «только распоряжаясь, подчиняя, национализируя, запрещая, приказывая и давая наряды, словом, выполняя через безвольных исполнителей план народнохозяйственной жизни». Видимо, не без оснований в наши дни Чаянова станут называть, как пишет профессор социологии Манчестерского университета Теодор

Шанин, «новым крестьянским Марксом, создавшим принципиально новую политэкономиию» [9, 148]. Но, как известно, нет пророка в своем отечестве.

В апреле 1917 г. создается Лига аграрных реформ, членом распорядительного комитета которой стал А. Чайнов. «Трудовое хозяйство, — говорил он в одном из своих выступлений на Лиге, — должно лечь в основу аграрного строительства России».

«Нам не нужен, — развивал свою мысль Чайнов, — черный предел наличного количества материальных благ, нам нужно перераспределить национальный доход», — так формулирует свою позицию Чайнов. Необходимо поддержать хозяйства, которые не нуждаются в наемном труде. Вполне возможно и укрупнение хозяйства. Важно только помнить о том, что крестьянское трудовое хозяйство не безразмерно. Оно не может укрупняться сверх определенного оптимума. «Сама природа земледельческого производства ставит естественный предел укрупнению сельскохозяйственного предприятия». Если «пространственно» крестьянское хозяйство не может расти вширь, то оно имеет все возможности расти вертикально, т. е. обобществлять свои функции через кооператив и кооперативные комбинаты. Такого рода укрупнения позволяют использовать результаты технического прогресса, одновременно сохраняя индивидуальность отдельного крестьянского хозяйства и не разрушая традиционный способ соединения крестьянина с землей [10, 25—29].

В 1918 г. Чайнов обобщает свои идеи в книге «Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации». После Октябрьской революции 1917 г. широкое распространение получила идея коммуны, в которой предлагалось обобществить все процессы сельскохозяйственного производства. Но трудовая коммуна, по словам Чайнова, всегда будет слабее трудового кооперированного хозяйства. Она будет проигрывать во внутривоспроизводственных связях. Переход от частичной кооперации к полной, к коммуне с технической точки зрения, не может считаться, доказывал Чайнов, явлением прогрессивным.

«Можно ли крестьянину привить социализм и сколько лет нам на это потребуется?» — этот вопрос для Чайнова не имел смысла. Он знал, что в деревне ничего не прививается, кроме земли и воли. Согласно Чайнову, капитализм — это и не эпоха, и не этап, а уродливый припадок в народном хозяйстве. И чем скорее он пройдет, тем лучше. Социализм был зачат как антитеза капитализму, а не крестьянству. Зачем же его прививать деревне? А родился социализм где? В застенках германской капиталистической фабрики. Выношен

же он был психологией измученного подневольной работой городского пролетариата. А ведь что такое пролетариат? Нам говорят, что это гегемон. «Может быть, и так, но ведь прежде всего это люди, говорит герой повести Чайнова «Путешествие моего брата Алексея», поколениями отвыкшие от всякой индивидуальной творческой работы и мысли. Пролетарий мог мыслить идеальный строй только как отрицание строя, окружающего его. А государство — это ведь, конечно, не лучший прием организации социальной жизни. Его бы разгрузить от всяких общественных дел, смотришь, и тогда бы мы с вами встречались с ним гораздо реже. Разве это плохо?

Революция 1917 г. породила у крестьян и крестьянских идеологов надежду на то, что аграрный вопрос в России наконец-то будет решен. Эту надежду питал не только «патриарх русского земледелия» И.А. Стебут, представлявший умонастроение народников 1860-х гг., но и новое поколение теоретиков трудового крестьянского хозяйства, которые сами себя относили к «неонародникам». Ведущее место среди них, бесспорно, занимал А. Чайнов.

Но шло время, вернее, уже наступил четвертый год революции, а никаких признаков того, что аграрный вопрос будет решен в пользу крестьянства и всего экономического организма страны, не было заметно. Для многих «неонародников» идеалы революции потускнели. И хотя некоторые из них были на виду у новой власти и участвовали в разработке планов преобразования деревни, все же нельзя было не видеть, как их усилия, не встречая поддержки у руководства молодой республики, уходили в песок. А.В. Чайнов часто размышлял о причинах такого положения дел. Ведь ему, к примеру, было грех жаловаться на невнимание лидеров новой России. «Оставьте в покое Чайнова, нам нужны умные головы». Эти слова Ленина дошли и до Александра Васильевича. Революция дала ему должность директора Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики. Он профессор Петровки, читал лекции в престижном Коммунистическом университете им. Свердлова. В конце концов, он член коллегии наркомата земледелия, является фактическим руководителем кооператоров России. Его знали многие видные большевики, с ним общались В.П. Ногин, М.М. Литвинов, Л.Б. Красин [11, 11—13]. И все же...

На многое ему открыл глаза «главный литератор партии» Вацлав Вацлавович Воровский, который прочел лекцию о Герцене и затем опубликовал ее под названием «Был ли Герцен социалистом?». Конечно, Герцен по-прежнему стоял слишком далеко от народа. Но ведь он-то, Чайнов Александр Васильевич, сын крестьянина и сторонник крестьянских методов ведения хозяйства, лишен, кажется,

этого недостатка. Тогда почему же Воровский мимоходом, пробегая по одному из чиновных коридоров, как-то бросил фразу, из которой следовало и то, что Чайанов ему симпатичен, и то, что у него (у Чайанова) нет будущего. Нет будущего... Что бы это значило?

Ответ на этот вопрос дает предисловие к книге Чайанова «Путешествие моего брата...». В этом предисловии было сказано много интересного. Написал его П. Орловский. Этот псевдоним, видимо, памятуя о своей ссылке в Орел, взял себе Вацлав Воровский. С присущим ему литературным даром Воровский прочертил линию, по одну сторону которой оказались революция и марксисты, а по другую — Чайанов и мелкие производители. Ни один марксист не сомневается в том, что пролетариат ведет крестьянство к социализму. Проблема здесь состоит в другом. Пролетариат ведет, а крестьянство сопротивляется. Но почему? И Воровский тактично, но твердо поясняет: да потому, что сам крестьянин до социализма не дойдет. Ему мешает хозяйство. Крестьянина надо освободить от этого хозяйства, а такие люди, как Чайанов, этому делу мешают. Ведь что говорит Чайанов: ну, хорошо, вы освободили крестьянина, так и оставьте его при своих интересах, зачем же его еще и вести куда-то. Теперь, может быть, он и сам куда-нибудь дойдет.

Комментируя взгляды Чайанова, Воровский разъясняет азы научной идеологии, внять которым «неонародники» почему-то никак не могут. Разве так трудно понять, что пролетаризация крестьян революционна, и если вы против пролетаризации, то вы против революции. А «пролетаризация» — это всего лишь условное обозначение обезземеливания крестьян, которое тоже революционно, и если кто-то не может себе представить крестьянина без земли, то он наверняка контрреволюционер. Как, например, Чайанов. Ведь еще сам Маркс писал о том, что мелкие крестьяне не только не смогут додуматься до обезземеливания, но они, как дети малые, не смогут даже представить себя в парламенте. Они должны быть в нем кем-то представлены, и этот представитель будет вместе с тем и их господином. Воровский, разъясняя эту мысль, говорит о том, что представлять крестьян и решать за них могут интеллигенты-партийцы, но уж никак не интеллигенты-кооператоры, как думает Чайанов.

Дай волю Чайановым, так они, пожалуй, и «грядковую культуру» сохраняют. А разве эта «культура» допускает интенсивность труда? И отвечая на этот вопрос, Вацлав Вацлавович делает вывод о том, что это они (Чаянов и др.) не хотят освобождения крестьянина от проклятого труда. Труд человека надо заменить машиной, но разве поместится машина на крестьянской грядке? Нет, не поместится. Вот

и держится крестьянин, да и вся система сельского хозяйства трудового крестьянства на самоэксплуатации. Разговорами о том, что машина может заменить труд, но не может заменить личность крестьянина, на самом деле прикрывается стремление сохранить «забитого» мужика. В то время, когда стоит задача по его социалистической переделке [12, 9].

Диалектическая мысль Воровского настойчиво держалась одной позиции: Чайанов толкает крестьянина на путь самоэксплуатации, разрушения его организма от физиологически тяжелого труда, а революция спасает крестьянина от гибели. Для того чтобы крестьянин жил хорошо, у него нужно отобрать землю. Чем больше будет сельскохозяйственное предприятие, тем меньше будет забот у крестьянина. Чайанов никак не может понять, что государству нужна большая масса прибавочного труда, которая пошла бы на содержание общественных институтов. Мелкое же хозяйство работает на самого крестьянина и дать этой массе не может. В какой-то момент государство будет вынуждено насильно устранять мелкое производство и создавать хозяйство, основанное на машинной технологии и наемном труде. Только нанимать уже теперь будет государство, владеющее рабочими местами.

Более того, иронизировал Воровский, Чайанов реакционен еще и потому, что лишает крестьянина картин Боттичелли, музыки Моцарта и романов Горького. Ведь с мелким хозяйством, за которое ратует Чайанов, «внутренне неразрывно связаны колокола, белые рубашки половых, бабки», но не высокая профессорская культура. Ростовский звон колоколов плохо гармонирует с музыкой слов «Мы наш, мы новый мир построим». Через десять лет вспомнит о колоколах и Е. Ярославский: «Для Чайанова является крайне обидным, что сняли колокола, к которым он привык прислушиваться, потому что эти колокола говорят о том, что для него является родным, близким» [13, 56]. Чайанов этого и не скрывал. По словам героя его повести, в умах людей все еще блуждала какая-то смутная жалость к прошедшему, а паутина буржуазной психологии все еще затемняла социалистическое сознание. И никакими химикатами эту паутину не вытравить.

Свое предупреждение Чайанову Воровский написал дружелюбно и незлобиво. Он еще разъясняет идеологические заблуждения «неонародников». Через два года А. Крицман повторит эти упреки более обстоятельно и научно. Он будет изъясняться определеннее, и в голосе его уже зазвучит идеологический металл. Еще бы. Теория концепции Чайанова намекала на какой-то третий путь развития страны. Она не требовала никаких новых начал хозяйствования. Крестьянин, как заметил Александр Васильевич, туго

подавался коммунизации. По его мнению, задача состояла в утверждении старых вековых начал, испокон веков бывших основой крестьянского хозяйства. Эту свою мысль он выразил и в записке на имя Молотова.

Экология традиции

Никакая наука не может заменить тот опыт, который столетиями накапливался крестьянами и земледельцами. Но она и не должна его заменить. Его можно лишь расширить при помощи науки и систематизировать. Уже при Петре I регламентом от 1719 г. на камер-коллегию возлагалась обязанность «земледелие, скотские приплоды и рыбные ловли по-возможности умножать, к приращению приводить...». В «Наказе» Екатерина II писала: «Не может быть там ни искусное рукоделие, ни твердо основанная торговля, где земледелие в уничтожении пребывает и незначительно производится» [14, 48].

В XVIII в. российские агрономы знакомились с основами сельского хозяйства по «Флориновой книге», изданной в переводе С. Волкова в 1737 г. Но эта книга рассказывала об опыте, полученном в иных странах, с иным климатом, с несхожими природными и экономическими условиями. Длительное время в России был популярен «Домострой» священника московского Благовещенского собора Сильвестра, жившего в XVI в., т. е. при царе Иване IV Грозном. Какие-то сведения можно было почерпнуть и из замечательного сочинения И.Т. Посошкова (1652—1726) «Книга о скудности и богатстве». Правда, издана она была только в 1842 г.

Книг и пособий, как видим, у крестьянина было не так уж и много. Их заменяли опыт и традиции. Мир человека вообще устроен так, что в нем всегда еще вещи, которые мы не можем не узнать, если на кон поставлена наша жизнь. Вот с этим риском (риском для жизни) и складывался опыт общения российского крестьянина с природой. Выветривание этого опыта привело к разрыву отношений между человеком и землей. Символом разрыва служит сегодня экология.

Слово «экология» не сходит с уст. «Безмолвная весна» Карсона, увидев свет в 1965 г., вызвала шок у цивилизованного человека. Ученые всерьез стали разрабатывать этику отношений человека к природе. Благодаря экологической этике мы сейчас узнаем то, что наши предки знали под давлением традиции и опыта. Например, если мы срываем плоды на общественном участке, то стоит ли нам, как каким-нибудь манихейцам, задумываться над тем, что дереву больно. Ведь мы уже научно образованы и знаем, что ему не больно, а плоды на нем уже спелые [15, 6].

И.А. Стебут был менее всего склонен усматривать предрассудки там, где их не было. Вполне возможно, что славяне (когда они были еще язычниками и не учились в сельхозинститутах) не очень беспокоились о «плодах». Но они умели объединять себя с тем, что их окружало, развивая культ Рода. Однако нужно ли нам (их потомкам) придерживаться культа Рода и находить одно творческое начало для народа и природы, для родины и родника. Ведь в таком случае мы можем дойти и до метемпсихоза душ. А это ведь совершенная субъективность, т. е. ложная картина мира. Конечно, нам не нужно, как нанайцам, прежде, чем убить медведя, вступать с ним в разговор, сочинять похвалу его достоинствам, просить согласия на убийство и т. д. Нас интересует шкура медведя, а не выяснение вопроса о том, что за душа находится под этой шкурой. Мы — умные, а наши предки — глупые. Но они могли регулировать свои отношения с природой, а мы разучились это делать.

И.А. Стебут в своих лекциях постоянно напоминал о том, что существуют определенные опытом правила в отношениях крестьянина к природе. Например, «Домострой» — это не теория в современном смысле этого слова. В нем формулируются строго определенная норма и образец жизнеустройства человека. В традиционной русской культуре роль такого нормативного предписания играл месяцеслов, т. е. календарь. В нем была развита символическая структура языческого, а затем и христианского сознания наших предков. Ведь что такое символ? Это природное или социальное событие, которое воспринимается так, что оно никогда не означает то, что оно означает. В месяцеслов, замечает А. Стрижев, «органично были вплетены приметы развития природы, животного и растительного мира, солнечного и лунного цикла, соответствующие правила питания и труда, нормы социальной организации, семейных отношений и почитания предков. Месяцеслов — это целостный космос традиционной русской культуры, свод примет, метких речений и нормативов поведения» [16, 63]. Благодаря символической структуре сознания крестьянину Древней Руси и Средневековья удавалось объединить в одно целое, в один упорядоченный космос ритмы своей жизни и ритмы природы. Например, каждый день церковного года имел свое имя. Он был связан с тем или иным святым и поэтому не отражал, а организовывал совместную жизнь людей под знаком того или иного дня. Месяцеслов указывал время сева, ухода за посевами, уборки урожая. Он отделял рабочие дни от праздничных, когда строжайше запрещались всякие работы. Нарушение трудового ритма и моральных установлений могло поставить мир на грань хаоса и неустроенности. Для того чтобы в мире и душе был порядок,

крестьянину нужно было соблюдать этот ритм и установления. Например, в «Домострое» силвестровского извода мы можем прочесть о наставлении отца к сыну: «Благославляю аз грешный... и поучаю, и наказую, и вразумляю сына своего... и его жену, и их чад и домочадцев: быти во всяком христианском законе и во всякой чистой совести и правде... Аще сего моего писания не внемлите и наказания не послушайте, и потому не учнете жити и не гоко творити, яко же есть писано, — сами себе ответ дадите в день страшного суда, и аз вашим винам и греху не причастен» [17, 3].

Онтология ума наших предков координировала не только естественное течение природных процессов и трудовой ритм, но и общение в миру, с домоустройством, с правилами питания и семейных отношений. Мир рушился, и космос терял свой порядок, если не соблюдались правила общежития. Нравственно-воспитательное значение имел обычай прощать друг другу обиды в последнее воскресенье масленицы. В день, когда «Козьма и Демьян с гвоздем» (14 ноября) заковывают землю началом зимы, одновременно куются и невидимые цепи нравственных отношений, связывающих семью. В синкретическом миросозерцании пересекались линии, которые, казалось бы, не имеют друг к другу никакого отношения. Так, в этот же день святых Козьмы и Демьяна молились о «прозрении ума к учению грамоте» [15, 18].

Наши предки, не зная научных основ экологии, спонтанно стремились предупредить экологически опасные события. Например, охота на птиц запрещалась до Петрова дня (12 июля), а рыбная ловля разрешалась с Ивана постного (11 сентября) [15, 19].

Основной опыт социальной (и экологической) философии нашего народа обобщен в притче о Правде и Кривде, завершающей космологию «Голубиной книги». «От Кривды земля восколебалась, — говорится в ней, — от того народ весь возмущается; От Кривды стал народ неправильный, неправильный стал, злопамятный: они друг друга обмануть хотят, друг друга поесть хотят» [5, 305].

В образе двух зайцев (серого и белого) Правда и Кривда ведут вековой спор-борьбу. И не всегда побеждает Правда. «Было добро, — рассказывается в «Голубиной книге», — да миновалось. Будет добро, да того долго ждать» [15, 305—306].

Заключение

«Чем проще, тем лучше». Этой формулой выражается дух нашего времени — времени упрощений. Не укладываемое в схему упрощенного сознания вызывает сегодня презрение и именуется заумью — тем, что лежит за пределами ума, нашего ума. Запредельное мало кого из нас вдохновляет. Но чем лучше становится

мир, тем чаще в нем встречаются предметы, для обозначения которых у нас нет языка.

В этой безъязыкой ситуации нужно, казалось бы, жить просто. Нужно всего лишь предположить, история знает, куда идет, чтобы идти с ней в ногу. Но что делать, если на этом пути нет того, что может быть, если мы хотим, чтобы оно было. Если идеи не овладевают массами, а интересы превращаются в пустой звук, в лозунги и манифестации сознания интеллектуалов, работающих не на массу, а на публику, то горизонты хозяйствующей души кажутся нам наиболее ясными и прозрачными. В этой ясности совершается забвение первослова души.

Литература

1. *Балашев Л.Л.* Иван Александрович Стебут. М., 1966.
2. *Балязин В.* Возвращение // Октябрь. 1988. № 1.
3. *Стебут И.А.* Несколько мыслей и соображений по поводу аграрного вопроса. СПб., 1906.
4. *Чаянов А.В.* Природа крестьянского хозяйства и земельный режим. М., 1918.
5. *Васильчиков Б.Б.* Землевладение и землепользование. СПб., 1881.

М.Г. ПОКИДЧЕНКО

Адаптация, инновация и вновь адаптация — история российской экономической науки

Российскую экономическую науку нередко сравнивают с мировой экономической наукой — иногда пессимистически, иногда с позиций «квасного патриотизма» (по принципу «Россия — родина слонов»). В любом случае такие сравнения не корректны.

Дело в том, что «мировая экономическая наука» — понятие абстрактное. Она состояла и состоит из национальных экономических наук, которые в процессе своего развития оказывают друг на друга взаимное влияние. В то же время среди национальных представителей мировой экономической науки всегда были лидеры и аутсайдеры. Лидерами я называю те страны, в которых выдвигаются оригинальные экономические теории, воспринимаемые и адаптируемые под свои социально-экономические условия странами-аутсайдерами. Степень адаптации зависит от дистанции между уровнями исторического раз-

вития страны-лидера и страны-аутсайдера. Разрыв между уровнями развития может быть так велик, что новая экономическая теория не будет воспринята страной-аутсайдером. На каждом этапе истории мировой науки ее творцами являются разные страны-лидеры. Например, классическую политэкономия создавали только ученые Англии и Франции, в то время как остальные страны Европы и Америки принимали ее и адаптировали. Далее, в середине XIX в., в лидеры мировой экономической науки вышла Германия с исторической школой и марксизмом и т. д.

Лидерство в науке, как правило, соответствует лидерству в области экономики, политического развития и культуры. Экономика предоставляет материальную базу для развития науки, политическая свобода обеспечивает условия свободного научного творчества, а развитая культурная среда дает возможность взаимного обогащения ученых информацией и идеями. В качестве примера можно привести эпоху Возрождения, которая в XV — XVII вв. перемещалась вслед за сменой европейского экономического лидерства из Италии на север Западной Европы. Конечно, степень соответствия между собой всех трех компонентов (экономики, политики и культуры) в каждой стране бывает различна.

Кроме того, история демонстрирует нам феномен, который я пока не могу объяснить, когда отдельные страны, не являющиеся лидерами в области экономики и политического развития, осуществляют мощный подъем в области науки и искусства, предлагая миру целый ряд оригинальных творений. Предположительно, этот культурный подъем предшествует подъему в экономическом и политическом развитии данной страны. Такую творческую пассионарность имела, например, Германия в первой половине XIX в., в то время представлявшая собой конгломерат 36 полуфеодальных государств и отстававшая в области экономики от Англии и Франции. На рубеже XIX и XX вв. такую же творческую пассионарность демонстрировали Россия и Скандинавия, опять-таки не будучи мировыми экономическими лидерами. В частности в России этот творческий подъем, получивший название «Серебряный век», обычно связывают только со взлетом литературы и изобразительного искусства. Но в этот же период в России были массовые достижения мирового уровня в области науки и техники. Кроме того, обратим внимание, что эта творческая пассионарность продолжалась также в 1920-е и в начале 1930-х гг., пока в Советской России она не была задавлена сталинской диктатурой, а в эмиграции — тяжелыми материальными условиями жизни российской творческой интеллигенции.

Перейдем теперь непосредственно к истории экономической науки России и ее пути от аутсайдерства к лидерству. Начнем со второй половины XVI в., с царствования Ивана Грозного. В истории мировой экономической мысли период с XV по XVII в. считается периодом господства меркантилизма. Однако точнее, мне кажется, формулировка Й. Шумпетера, считавшего меркантилизм частным случаем камерализма. Термин «камерализм» (от слова *Kammer* — палата (государственная)) существовал в Германии, в других странах Западной Европы были другие термины, но общий смысл концепции камерализма сводился к поискам путей повышения эффективности национальной экономики. Неслучайно французский камералист А. Монкретьен создал термин «политическая экономия», т. е. экономика полиса (государства). Это был период завершения феодальной раздробленности и образования централизованных государств, в рамках которых стали формироваться нации со своим национальным самосознанием. Соответственно в экономической мысли появилось понятие «национальное богатство», причем некоторые камералисты уже различали понятия «богатство нации» и «богатство короля (государства)». В этот же период начинается зарождение капитализма, прежде всего во внешней торговле, и многие камералисты уделяли внимание именно этой сфере увеличения национального богатства с помощью государственной политики протекционизма, что и породило термин «меркантилизм» (от итальянского *mercante* — купец).

Московская Русь как централизованное государство сформировалась на рубеже XV — XVI вв., т. е. одновременно с некоторыми западноевропейскими государствами. Но если на Западе возникновение централизованных государств происходило на соответствующем этапе социально-экономического развития общества, то в России причины объединения удельных княжеств были не социально-экономическими, а военными — создание единого мощного государства было обусловлено необходимостью завоевать независимость от Золотой Орды. Поэтому в российской экономике никакого зарождения капитализма в XVI в. еще не было и идеи меркантилизма, пришедшие с Запада, не воспринимались. Так, в своей переписке с английской королевой Елизаветой I Иван Грозный упрекал ее в том, что она в своих письмах главное внимание уделяет торговле, а не государственным делам, и даже язвил, что, видно, у нее всем владеют «не только люди, но и мужики торговые» [1, 106].

Как мы видим, в переписке состояли хотя и современники, но по сути люди разных эпох. В Англии в XVI в. в условиях зарождения капитализма внешняя торговля была уже одним из важнейших государственных дел, купцы считались людьми нужными и уважаемыми,

их принимали при дворе и даже королева вкладывала свои деньги в их торговые операции. В России же торговля еще признавалась делом не государственным, а только объектом налогообложения, а купцы, по словам Ивана Грозного, даже не люди, а «мужики торговые».

Идеи меркантилизма были восприняты в России только через сто лет, при Алексее Михайловиче, когда уровень российской внешней торговли существенно вырос. В 1667 г. был издан разработанный А. Ордин-Нащокиным «Новоторговый устав», основанный на принципах «раннего меркантилизма» (в то время как в Англии господствовал «поздний меркантилизм» и уже появлялись первые работы представителей классической политэкономии). Таким образом, происходило не прямое заимствование западных экономических идей, а выбор того, что соответствовало российской действительности. Даже в эпоху Петра I идеолог российского меркантилизма Ф. Салтыков в своих письмах царю из Англии оговаривался, что не все английские порядки для России годятся.

Однако в целом России во второй половине XVI — начале XVIII в. был больше присущ камерализм, не выделявший внешнюю торговлю в качестве главного источника национального богатства. Это было связано с тем, что в экономике России внешняя торговля не занимала такого большого места, как, например, в Голландии и Англии (поэтому именно Англия была на завершающем этапе развития меркантилизма его основным источником). Российский камерализм был ближе к французскому и немецкому и трактовал экономику в масштабе государства как большую феодальную вотчину. Здесь можно назвать сочинения от «Блага хотящим царям правительницы и землемерия» Ермолая-Еразма времен Ивана Грозного до «Книги о скудости и богатстве» Ивана Посошкова времен Петра I. Кроме того в течение всего XVIII в. российский камерализм испытывал влияние немецкого камерализма, преподававшегося до начала XIX в. в германских университетах, где учились российские студенты и откуда приезжали преподаватели в российские учебные заведения.

После камерализма в истории экономических учений следует классическая политическая экономия. В Россию она пришла в лице теории физиократов. Она появилась в России почти без отставания — в 1765 г. в Петербурге было создано Вольное экономическое общество (по аналогии с существовавшим уже пять лет парижским клубом «экономистов», как сами себя называли физиократы). На рубеже 1767—1768 гг. в Россию приезжал физиократ Лемерсье де ла Ривьер, но вот только теория физиократов была воспринята в России не буквально, а в адаптированном для российских социально-экономических условий виде. Напомним, что ключевой фигурой в теории физиокра-

тов был свободный фермер, а в России в это время был апогей крепостного права.

Рассмотрим эту адаптацию более широко, поскольку теория физиократов пришла в Россию в общем течении французской просветительской философии. Уже петровская «ученая дружина» (Ф. Прокопович, А. Кантемир, В. Татищев и др.) была знакома с сочинениями современных им английских, французских и немецких философов. Так, например, Ф. Прокопович в своем сочинении «Правда воли Монаршей», несмотря на то, что он был представителем церкви, обосновал свои положения не только ссылками на Священное Писание, но и «естественными» законами.

Из идеи о всеобщих «естественных» законах, вытекающих из природы человека, во Франции в итоге сделали вывод о «свободе, равенстве и братстве» всех людей, но в России это положение трансформировалось, благодаря Манифесту о вольности дворянской (1762), в «свободу, равенство и братство» только для дворян (правда, для России и это было прогрессом). «Мы все дворяне, мы все равны!» — говорит один из персонажей Фонвизина. Более того, российские авторы «естественными» законами обосновывали крепостное право. В. Татищев, один из образованнейших людей России первой половины XVIII в., писал тем не менее, что «всякий шляхтич по природе судия над своими холопами, рабами и крестьянами» (цит. по: [2, 19—20]).

Поэтому и идея физиократов о том, что главное в жизни человека — это труд на земле (имея в виду свободного крестьянина), трансформируется в Вольном экономическом обществе в тезис о том, что дворянин должен трудиться на земле, т. е. лично управлять своим поместьем, для чего ему нужны экономические знания. Таким образом, хотя со времен Ивана Грозного прошло уже двести лет, людьми в России продолжали считаться только дворяне.

Следующим представителем классической политэкономии, надолго определившим ее развитие, был А. Смит. В России теория А. Смита, а также теории его последователей начала XIX в. Ж.-Б. Сэя, Т.Р. Мальтуса и Д. Рикардо также не могли быть приняты буквально. Дело в том, что в Англии во второй половине XVIII в. существовала развитая мануфактурная промышленность, в конце XVIII в. началось внедрение машинного производства, во Франции активное развитие капитализма началось после Революции 1789 г., поэтому в теории классической политэкономии, создаваемой англичанами и французами, главным предметом изучения было промышленное производство в условиях относительно свободной конкуренции, а по поводу роли государства в экономике провозглашались концепция экономического либерализма в целом и концепция фритредерства во внешней торгов-

ле в частности. В экономике же России в первой половине XIX в. основной отраслью было сельское хозяйство, преобладал ручной труд крепостных, абсолютная монархия стояла незыблемо, а общество было разделено сословными правами и привилегиями. В результате в это время в России наблюдается еще один вид трансформации экономической науки: она развивается в двух разных плоскостях — теоретической и практической.

Теоретическая, университетская наука следовала передовым английским и французским образцам, лишь иногда с некоторым усилением внимания сфере обращения и государственному регулированию экономики. Теоретическая политэкономия рассматривалась в российских университетах как некая абстрактная наука типа философии. Практическое же направление, представленное в основном проектами социально-экономических реформ, использовало скорее либеральный дух, чем само содержание классической политэкономии, и поднимало вопросы не эпохи промышленного капитализма, а эпохи первоначального накопления капитала, т. е. рассматривало проблемы денежного обращения, кредита, финансов, внешней торговли, государственного регулирования экономики, а также проблемы хозяйственных прав отдельных сословий (дворянства, купечества, крестьянства и др.).

Примером адаптации идей классической политэкономии к российским реалиям могут служить сочинения Н. Мордвинова. Разбирая вопрос о свободной конкуренции и доказывая необходимость протекционизма для защиты слабой еще российской промышленности, он писал в работе «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе»: «Соревнование может существовать между россиянином и россиянином, но не может существовать между россиянином и англичанином» [3, 96]. Критиковавшим же его фритредерам, ссылавшимся на Смита, он отвечал, что «никакое правило отвлеченное не может служить верным и жизненным руководством» [3, 100] без учета развития каждой страны.

Только с началом царствования Александра II (1855), снявшего целый ряд экономических препонов, главной из которых было крепостное право, в России началось активное развитие капитализма (в сфере промышленности, пока преимущественно легкой; в сфере железнодорожного строительства, кредита и т. д.). В результате в российской экономической науке середины XIX в. наконец происходит соединение теоретической и практической линий. Университетские профессора (И. Вернадский, И. Горлов, В. Безобразов и др.) в своих научных трудах стали все больше уделять внимания реальной экономике России, приветствуя прогресс в сфере производства и в капиталистиче-

ских отношениях в целом. В то же время следует отметить определенный парадокс — в то время как российская классическая политэкономия получила дополнительный стимул к своему, если не развитию, то, во всяком случае, окончательному становлению, мировая экономическая наука в середине XIX в. уже подытоживала теоретические достижения классической политэкономии. Правда, как в мировом масштабе, так и в России она еще формально продолжала господствовать до конца XIX в.

На смену классической политэкономии с середины XIX в. приходили последовательно историческая школа, марксизм, маржинализм и уже в начале XX в. — институционализм. Историческая школа возникла в 1840-е гг. в Германии и просуществовала во всем мире до 1930-х гг. Историческая школа критиковала классическую политэкономия, а с 1870-х гг. — маржиналистскую теорию, за универсализм и абстрактность и утверждала, что при исследовании экономики каждой страны нужно учитывать уровень ее исторического развития и ее национальные особенности. Последний тезис лег в России на подготовленную почву. Идея об особых национальных чертах России, в том числе области социально-экономических отношений, уже вовсю использовалась нашими «самобытниками» (термин М. Туган-Барановского) — как правыми (славянофилами-почвенниками), так и левыми (народниками). Правда, были и отличия. Историческая школа, во-первых, указывала не только на национальные, но и на исторические особенности и, во-вторых, признавала национальные особенности за всеми странами (в отличие, например, от славянофилов, противопоставлявших Россию всем остальным странам Запада). Тем не менее распространение идей исторической школы в России шло более активно, чем, например, во Франции и Англии, так как социально-экономические отношения в Германии и России были более близкими. Одним из первых сторонников и популяризаторов исторической школы в России был профессор Московского университета И. Бабст. Уже в своей статье 1856 г. «Исторический метод в политической экономии» он указывал, что критикуемая исторической школой классическая политэкономия «вдавалась в односторонность теории и забывала, что не одно у ней общество перед глазами, но целый ряд народностей с особенными условиями быта (бытия. — *М.П.*), народностей на различных ступенях развития, и вследствие этого с различными экономическими потребностями» (цит. по: [2, 79]).

Российская историческая школа достигла апогея своего влияния в 1880-е гг. Кстати, в эти же годы в России происходило усиление славянофильских настроений, которым покровительствовал новый царь Александр III. Известные строчки Тютчева «умом Россию не

понять, аршином общим не измерить...» относились к этому времени. Среди российских представителей исторической школы можно выделить в это время две группы. Одна представляла часть университетской профессуры, симпатизирующей народникам (И. Иванюков, А. Исаев, Н. Каблуков, Н. Карышев, А. Посников, А. Чупров (к концу своей деятельности) и др.) и занимающейся в связи с этим «аграрным вопросом» (крестьянской общиной, земствами и т. п.). Другая интересовалась прежде всего проблемой государственного регулирования экономики, чем историческая школа также занималась в отличие от классической политэкономии с ее «экономическим либерализмом». Здесь можно назвать прежде всего С. Витте и профессора Московского университета И. Янжула. Так же, как их германские коллеги, российские представители исторической школы считали, что, поскольку каждая страна имеет экономику со своими национальными и историческими особенностями, для ее изучения следует создавать особую, национальную экономическую теорию. Так, в частности, в 1883 г. Витте писал, что «...до тех пор, покуда русская жизнь не выработает своей национальной экономии, основанной на индивидуальных особенностях русского грунта, до тех пор мы будем находиться в процессе шатания между различными модными учениями» (цит. по: [2, 85]). (Эта идея греет сердце нашим «самобытникам» по сей день.)

Теории социализма, как домарксистские, так затем и теория Маркса, также были известны и адаптированы в России. Еще начиная с Герцена и Чернышевского развивалась теория «русского социализма», согласно которой Россия, в отличие от других стран, перейдет к социализму минуя капитализм и опираясь на такие изначальные формы «народного» социализма, как крестьянская община и рабочая артель. В 1860—1880-е гг. на эту теорию опирались народники. Им были известны работы Маркса, из которых они брали прежде всего критику капитализма как дополнительный аргумент, доказывающий необходимость миновать капитализм в России или, как писал родоначальник теории «русского социализма» А. Герцен, «избавить русских народ от язвы пролетариата». У народников были прямые контакты с Марксом и Энгельсом, и первый в мире перевод I тома «Капитала» был опубликован в 1872 г. в России. Сделали это народники Г. Лопатин и Н. Даниельсон. Даниельсон затем многие годы переписывался с Энгельсом и искренне считал себя марксистом, хотя в действительности его взгляды по ряду позиций не совпадали с марксистской теорией. Например, Даниельсон считал, что открытие Марксом социальных законов позволяет «подчинить себе их» и не допустить, «чтобы колесо истории... давило бесчисленное множество людей» (цит. по: [2, 91]). Следует отметить, что не все народники считали се-

бя марксистами. Так, видный народник В. Воронцов утверждал, что марксизм не годится для страны, где «пролетарий тонет в массе крестьянства».

В 1890-е гг. в России появились «марксистские» марксисты во главе с Г. Плехановым, которых вначале называли «неомарксистами», и начали борьбу с «народническими» марксистами. (Интересно, что на неоднократные обращения Плеханова к Энгельсу с просьбой поддержать марксистов и, в частности, выступить с критикой Даниельсона Энгельс ответил отказом, не желая разрушать свою дружбу с Даниельсоном.) В начале XX в. российские народники оформились в партию социалистов-революционеров, а марксисты — в партию социал-демократов и продолжили свои дискуссии и борьбу за влияние в массах, правда, эсеры ориентировались прежде всего на крестьян, а эсдеки — на рабочих.

Социал-демократы в России претендовали на звание истинных последователей Маркса, тем не менее им тоже пришлось заняться адаптацией. Особенно этим отличались большевики, пришедшие к власти в октябре 1917 г. и начавшие строить новый, социалистический строй. В результате этого строительства реальное социалистическое общество все больше отличалось от модели Маркса, но поскольку марксизм в СССР был сродни религии, все изменения в практике строительства социализма в СССР затем теоретически обосновали ссылками на Маркса, как в теологии — ссылками на Библию. Приведу два примера.

По Марксу, при социализме товарно-денежные отношения заменяются натуральными и неэквивалентными отношениями прямого распределения продуктов. Поэтому в новой программе партии, принятой после Октябрьской революции, одной из задач построения социализма была провозглашена ликвидация товарно-денежных отношений. Эта задача решалась весьма успешно, и в 1920 г. товарно-денежных отношений в Советской России уже практически не было. Но экономика стала пробуксовывать, начались крестьянские восстания, а затем и Кронштадтский мятеж, отчасти поддержанный петроградскими рабочими, и в 1921 г. большевикам пришлось ввести рыночную экономику нэпа, трактовавшуюся как «временное отступление» от социализма. Но нэп в конце 1920-х гг. закончился, а товарно-денежные отношения, пусть и в весьма своеобразной форме, остались. Позже было придумано оправдание, что коммунистическая формация состоит из двух фаз и все, что писал Маркс о социализме, якобы относилось к высшей фазе, которая наступит в будущем.

Другой пример. По Марксу, социалистическая революция должна была быть всемирной и начаться в группе наиболее развитых

капиталистических стран, где пролетариат составляет большинство населения. Россия под это определение не подходила, и меньшевики сделали отсюда логичный вывод, что социалистическая революция для России — задача будущего, и занимались текущими делами (борьбой за права рабочих, организацией профсоюзов и т. п.). Большевики как представители более радикального крыла социал-демократической партии ждать не хотели и придумали следующее обоснование своему желанию совершить революцию — революция в России послужит детонатором для мирового революционного взрыва и построение социализма в России произойдет вместе и с помощью более развитых стран. Поэтому после октября 1917 г. мировую революцию ждали в России со дня на день, но к 1925 г. ожидания иссякли и на XIV съезде ВКП(б) была принята деликатная резолюция — «мировая революция запаздывает». Отсюда следовал вывод о необходимости «построения социализма в одной стране», причем с учетом того, что «СССР находится в кольце врагов». Следовательно, надо было срочно создавать мощный военно-промышленный комплекс. Поэтому на том же XIV съезде был принят курс на ускоренную индустриализацию.

Поскольку требовалась именно «ускоренная» индустриализация, она осуществлялась вопреки закономерностям индустриализации других стран. Обычно в них происходило «первоначальное накопление капитала» в сфере обращения, затем за счет этого капитала происходила индустриализация легкой и пищевой промышленности, и наконец накопления в этих отраслях позволяли начать индустриализацию тяжелой промышленности. Советская индустриализация, наоборот, началась с тяжелой промышленности, потребовав невероятного напряжения сил и средств всей страны (в первую очередь коллективизации сельского хозяйства, доходившей до «голодомора»), а способом для осуществления этого напряжения стала сталинская тирания. Естественно затем все это трактовалось как закономерности построения социализма.

Сейчас иногда можно слышать от некоторых «левых» как в России, так и за рубежом, что в СССР был «неправильный» социализм, который дискредитировал социализм «истинный». В действительности же социализм в СССР был самым правильным, т. е. соответствующим и адаптированным к реалиям России — страны, в которой еще в значительной мере сохранялись феодальные черты. Поэтому на место царя естественно пришел генеральный секретарь коммунистической партии. Адаптация теории социализма к реальной исторической действительности разных стран дает нам самый широкий спектр вариантов — от «шведского социализма» до режима Пол

Пота в Камбодже и наследственной социалистической монархии в Северной Корее.

Вернемся теперь к рубежу XIX — XX вв. В мировой экономической науке в последнее тридцатилетие XIX в. происходила «маржиналистская революция», а в первое тридцатилетие XX в. формировалось институционалистское направление. В «маржиналистской революции» российские экономисты еще не участвовали. Родоначальниками ее были представители Австрии (Менгер, Визер, Бем-Баверк), Англии (Джевонс, Маршалл), США (Кларк) и Италии (Парето). В Россию маржинализм пришел в 1890-е гг., причем в силу того, что теория эта была абстрактной и в значительной степени математизированной, проблемы адаптации не возникло, если не считать попытку Туган-Барановского соединить маржинализм с марксизмом. Что же касается формирования институционалистского направления в экономической науке, то в нем приняли участие представители США (Веблен, Коммонс, Митчелл), Германии (новейшая историческая и социальная школы), Франции (Симиан, Пиру, Ногаро) и России (Струве, Булгаков и отчасти Туган-Барановский). К сожалению, из теорий российских экономистов широкое признание на Западе получила только «социальная теория распределения» Туган-Барановского, так как была опубликована не только в России, но и в Германии.

Итак, мы подошли к рубежу XIX и XX вв., к периоду, когда российские науки и искусства перестали быть «догоняющими» и «адаптирующими» и вошли в группу лидеров, т. е. достигли мирового уровня, создавая оригинальные произведения, получавшие развитие в других странах. В российской экономической науке в этот период теориями мирового уровня были: в рамках исследований экономических циклов и конъюнктуры — первая эндогенная теория средних циклов М. Туган-Барановского и теория больших циклов Н. Кондратьева, в рамках маржиналистского направления — теории В. Дмитриева, Е. Слуцкого, В. Базарова, Г. Фельдмана и Л. Канторовича, в рамках институционалистского направления — теории П. Струве, С. Булгакова и М. Туган-Барановского. «Организационно-производственная школа», где наиболее крупной фигурой был А. Чаянов, дала теорию трудового семейного хозяйства, историческая школа — до сих пор цитируемые в мире сочинения И. Кулишера.

К сожалению, последующий советский период, поставивший российскую экономическую науку в жесткие идеологические рамки, снова отбросил ее назад. В настоящее время в новой России формируется капиталистическая экономика, а российская экономическая наука адаптирует теории более развитых стран. В целом в этом нет ничего плохого и униженного. Большинство национальных наук занима-

лись и занимаются этим. Главное состоит в том, чтобы перенимать иностранные теории и иностранный опыт не буквально, а применительно к нашей российской социально-экономической, политической и культурной реальности, т. е. правильно их адаптировать. И в то же время надо создавать условия для развития нового поколения российских ученых-экономистов, не связанных никакими догмами, которые снова смогут достигнуть мирового уровня.

Литература

1. *Иван IV Грозный*. Соч. СПб., 2000.
2. *Покидченко М.Г., Сперанская М.Л., Дробышевская Т.А.* Пути развития экономики России: теория и практика. М., 2005.
3. *Мордвинов Н.С.* Избр. произвед. М., 1945.

В.М. КУЛЬКОВ

Интегральность российского экономического мышления

Российская экономическая мысль — понятие широкое и разнородное, вбирающее в себя представителей разных исторических эпох и научных школ. Это понятно. В то же время это достаточно целостное и идентифицируемое явление, имеющее свой стержень, свои скрепы — и не только русский язык, на котором разговаривают российские мыслители, и не только само по себе внимание к российской экономике как к предмету научного и гражданского интереса. Среди этих скреп — широкий взгляд на экономику, комплексное социально-экономическое восприятие явлений, внимание не только к «сущему», но и к «должному», социальная ответственность и социально-заостренный взгляд на экономическую жизнь, особое внимание к народно-хозяйственному уровню экономической деятельности, признание особой роли государства в России, нацеленность на «общую пользу», на учет национальных интересов, национальной экономической безопасности и суверенитета страны. Это, так сказать, научный *национальный мейнстрим*.

Кто-то скажет, что это узкий социально-государственный образ российской экономической мысли. Отнюдь. Если взять известного либерала, блестящего финансиста и правительственного деятеля Вите, то он бы вполне вписался в эти характеристики. Так же как и Чупров — самый известный экономист в истории Московского университета, которого называли представителем «либеральной профессуры» рубежа XIX—XX вв. Кстати, оба были приверженцами истори-

ческой школы Листа. Другое дело, что мы отвыкли видеть таких национально-ориентированных либералов в последние 20—30 лет — и не только в науке, но и в общественной жизни.

Важно понимать, что указанные характеристики российского экономического мышления — не есть результат каких-то исторических перекосов, отсталости, азиатчины, ущербности. Они объективно выросли из глубин российской жизни — из ее уникальных факторов (пространственного, природно-климатического, геополитического, социокультурного и иных), из жизненно необходимых потребностей сохранения страны и российской цивилизации. Эти факторы объективно обуславливают наличие многих государственно необходимых барьеров, негативных с точки зрения либерально-неоклассических стереотипов, определяют специфическое соотношение рынка и государственного регулирования, степень социальной ориентации экономики, определенную структуру хозяйства, тип национального воспроизводства. В экономической теории часто говорят о «провалах рынка» в рыночной экономике, пытаясь показать его ограничения: эти провалы тем более глубоки в России, а в определенной степени сама Россия есть большой «провал рынка», и это надо понимать, учреждая и расширяя либеральные механизмы в ее экономике.

Это касается и особой роли государства. Россия в этом плане не просто специфична: здесь государство имеет глубокие цивилизационные основания. Оно есть единство экономической, социальной и цивилизационной сторон, не допускающее узкоэкономического подхода. В большей или меньшей степени это понимание главенствовало в российской экономической мысли.

Этим объясняется также и укорененность *холизма* (методологического коллективизма) как методологического стержня экономического анализа, в отличие от главенствующего в мейнстриме принципа методологического индивидуализма. Не случайно так скупы достижения российских ученых в области микроэкономической теории, где методологический и поведенческий индивидуализм наиболее выражен — в отличие от политэкономии или макроэкономики. Им претило то, что все это мелко, далеко от общей пользы и что акцент на этом может вести к нарушению консолидации и целостности России. Уже названный Чупров в своем курсе политической экономии, обозревая основные экономические научные школы, почти не упоминает ни о теории предельной полезности, ни о маржинализме в целом, ни о неоклассике — и это в конце XIX — начале XX в.

Холизм был методологической основой интегральности российского экономического мышления: возьмите многих известных российских экономистов: Посошкова, Туган-Барановского, того же

Чупрова. Возникали, к примеру, вопросы: куда отнести Посошкова: к меркантилизму, физиократам, классике, а может, ретроспективно — к институционализму? Те же вопросы можно задать и по Ломоносову — в той степени, в какой его можно считать экономистом (об этом немало говорилось в год его недавнего юбилея). А тот же Чупров? Выделяя три школы (классику, историзм и марксизм), он замечает: «при беспристрастном взгляде на дело в каждой из трех школ есть своя доля истины» [1, 14]. Эти интегральность, синтетичность, междисциплинарность подпитывались и мощной социокультурной, православно-философской традицией, принявшей в науку форму «*философии (или диалектики) Троичности*» (Булгаков, Бердяев, Лосев и др.) и восходящей к особому почитанию культа Троицы в русском православии. Особый вклад в это почитание внес Преподобный Сергей Радонежский, учивший (эти слова вошли в духовную историю России): «Троицею побеждать ненавистную рознь мира сего, от противоречия уклоняться». А что есть для экономиста «третья ипостась» анализа?

Применительно к научному экономическому анализу троичность может быть реализована как влияние «надэкономического» полюса в экономической системе с учетом того, что данный полюс может принимать разные формы выражения: духовное, этическое, национально-государственное («державное»), цивилизационное, социокультурное, экологическое и т. п. Это важно для адекватного понимания структуры смешанной экономики (см.: [2]) как адекватной формы современной экономики. Особо следует отметить значение «диалектики троичности» для отражения национальной специфики экономики. Именно она позволяет включить в анализ в качестве важной черты социально-экономической системы «национальный полюс», соотнеся его с экономическими полюсами этой системы. Это позволяет лучше определить параметры национальной модели экономики. В целом сопоставление «диалектики двойственности» и «диалектики троичности» представляет интерес не только для философов, но и для экономистов (см.: [3]).

Обратим внимание на следующие слова, обращенные к философии хозяйства как оригинальному направлению отечественной мысли, основанному С. Булгаковым: «Философия хозяйства не разъединяет, а объединяет... она вполне полифонична» [4, 34]. Данное утверждение, как представляется, может быть отнесено не только к философии хозяйства, но и ко всему «национальному мейнстриму» отечественной экономической мысли. Таким образом, российское экономическое мышление по своим основам синтетично, интегрально, междисциплинарно, а это выражение того качества, которое востре-

бовано сегодня и в мире — и не только экономическом, это — важная потребность и тренд развития мировой современной науки

Теперь о «*связи времен*». В последнее время в российском экспертном сообществе и в более широких рамках развернулась дискуссия по поводу того, что должен быть единый учебник по отечественной истории, который подчеркнет «непрерывность российской истории». Это важный посыл и для экономистов. В самом деле: а что есть непрерывность национальной экономики, экономических законов, национальной экономической истории? Как нам, экономистам, выразить связь разных российских времен, не разрывая их формационными и идеологическими границами? Каковы эти скрепы? Мы можем говорить о необходимости национальных иллюстраций в учебниках по экономике, о национально-специфических формах проявления общих экономических законов — и это правильно, и должно делаться. Но это все же еще не национальные экономические скрепы. Таковыми можно признать непреходящие, и это не только названные выше, национальные факторы и цивилизационные основания. Это, как нам представляется, должно воплощаться в самих экономических законах как «национально-экономических отношений» (термин Листа). *Национальные экономические законы* это законы, которые выражают устойчивые необходимые связи, характерные для национальной экономики, независимо от конкретно-исторического типа отношений, и принимают ту или иную специфическую форму в разные эпохи. Для России один из них — это особая роль государства в экономической и общественной жизни независимо от исторической специфики. Можно выделить и другие законы: вот они и обеспечивают, в первую очередь, связь времен и непрерывность национальной экономики. Та или иная степень такого понимания присутствовала в российской экономической мысли, несмотря на мощное универсалистское давление и необходимость играть по установленным правилам.

Могут сказать: неужели и в советской формационной экономике действовали эти национальные законы? Давайте возьмем некоторые законы, известные из советской политэкономики. Насколько они формационны? Скажем, «закон планомерного развития» — это закон социалистической экономики? — Не вполне: во многом это закон, выражающий необходимость более регулируемого развития национальной экономики России в целом, что предполагает более сильное участие государства в экономической жизни страны. Или те законы, которые мы называли «основным экономическим законом» и «законом распределения по труду» — они во многом отражали национальную необходимость большей социальной ориентации экономики, большей социальной консолидации общества на основе трудовой мо-

рали. Не все, находящееся в формации, формационно — а этого российские рыночные реформаторы 1990-х гг. не хотели или не способны были замечать. Наклеивая на все законы формационные ярлыки, они игнорировали национальные характеристики: образно говоря, «с формационной водой выплескивали и цивилизационного ребенка». Можно привести здесь и другую, ставшую уже известной, фразу: «Целились в социализм, а попали в Россию» или ближе к нашей теме: «Целились в советскую политэкономю, а попали в российскую экономическую науку». Думали, что за «формационным кителем» никого нет, а там оказались Россия, русская цивилизация и отечественная научная мысль.

Российские реформаторы исходили из другого представления о российском государстве. Они не понимали сути российской цивилизации и не считали себя ответственными за нее — «своей» она становилась только тогда, когда в ней утверждались новые социально-идеологические ценности в духе «западного пространства». А если бы те реформаторы были другими, то видели бы связь времен, нанизанных на один цивилизационный стержень.

Но этот упрек можно адресовать и их предшественнику — Горбачеву и его близкому окружению. У них также не хватило здорового национализма. Ни один политик такого ранга никогда не действовал бы столь национально безответственно. В советском руководстве того времени не оказалось нормальных, ответственных национально ориентированных политиков. Причины этого разные: и субъективные; и исходящие из долго господствовавшей интернационалистской идеологии и из советского опыта, совершенно лишенных здорового национального эгоизма — и по отношению к так называемым странам-«союзникам» и к союзным республикам; и непонимание сути национальных интересов, прикрытое наивным увлечением «общечеловеческими ценностями» и т. п. Известный исследователь Ципко, находившийся в то время в этой среде, откровенно писал: «Ставка Горбачева была сделана на идеологов, трактующих марксизм в социал-демократическом духе, на интернационалистов-шестидесятников. При таком раскладе и таких планах даже самые просвещенные и самые либеральные патриоты не могли появиться рядом, влиять на события, помогать спасению страны» [5, 3]. Красноречивое признание.

Эти свойства проявилось и у последующих российских реформаторов, среди которых было немало хорошо образованных людей — в том числе выпускников экономического факультета МГУ, ведущих петербургских (ленинградских) вузов. А кого из них формировали тогда на студенческих скамьях? — Материалистов, приверженцев «прогрессивных» тенденций мирового социально-экономического

развития, сторонников исторически определенной социальной системы ценностей, которую легко можно сменить на другую специфически-историческую систему социальных ценностей (в данном случае, социалистические на либеральные, хотя это носит и более общий характер). Либо одно, либо его противоположность: «прогрессивный» ход истории это оправдывает и избавит от угрызения совести. Переход прост, так как нет цементирующего стержня. А вот если готовятся и выпускаются национально ориентированные экономисты, то их поведение будет другим. И если они даже из марксистов превратятся в либералов, это будет для них вторичным, а не главным. А главное — их национально ориентированное кредо, национальная и цивилизационная ответственность, понимание «связи времен», из чего они будут исходить в первую очередь, даже участвуя в рыночных преобразованиях и организуя их. Таких экономистов мы, увы, не готовили, не готовим их и сейчас. И в этом трагическая ошибка и советского, и современного экономического образования.

Можно ли, делая акцент на национальном своеобразии, сохранить связь с общим научным трендом, с мировой экономической наукой? Не означает ли это национальный изоляционизм? Вовсе нет. Российская мысль активно вбирала в себя достижения *мировой экономической мысли*, причем ее разных направлений, делая попытки их синтеза, о чем говорилось выше. Легко говорить об этом применительно к досоветскому и постсоветскому периодам. Но можно показать это и на примере советской политэкономии — примере, казалось бы, обратном.

Что происходило во второй половине XX в.? Западный мейнстрим формировался в русле неоклассического синтеза Самуэльсона, соединяя кейнсианскую макроэкономику и неоклассическую микроэкономику. А что делалось в «Курсе политической экономии» Цаголова? Сочетание народнохозяйственного и хозрасчетного и уровней и критериев эффективности (во многом то же). В экономиксе Тобин вводит понятие чистого экономического благосостояния, дополняющего представление о ВВП, в советской политэкономии дают расширительную трактовку «основного закона», дополняя его нематериальной составляющей (вновь общее направление). В неоинституционализме развивается теория прав собственности с расщеплением пучка правомочий, в упомянутом «Курсе» расщепляют собственность по разным уровням экономической системы (вновь близость научного движения). Достаточно и этих примеров для подтверждения сформулированного ранее тезиса, хотя, понятно, абсолютизировать их нельзя. Другое дело, что отечественная экономическая наука не умела должным образом оформить и преподнести свои результаты, часто

разговаривала на замшелом языке, исключавшем вступление в мировой научный диалог, ей не хватало детализаций, технологичности, практичности. Однако следует при этом видеть и другие, приведенные выше характеристики.

В целом, российская экономическая мысль показывает свой большой научный потенциал, богатые возможности интегральности, синтеза и междисциплинарности анализа, понимания непрерывности национальной экономики, ее истории и отечественного научного опыта, способность и умение соединять национальное своеобразие и мировую мысль. Именно поэтому ее изучение актуально, важно и продуктивно.

Литература

1. *Чупров А.И.* О современном значении и задачах политической экономии. М., 1874.
2. *Кульков В.М.* Смешанная экономика (теоретико-методологические аспекты) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 1996. № 5.
3. *Кульков В.М.* Логика экономического противоречия (к 200-летию выхода в свет «Науки логики» Гегеля) // Философия хозяйства. 2012. № 6.
4. *Осинов Ю.М.* Отечественная мировоззренческая мысль: наследие и перспективы. М., 2013.
5. *Ципко А.* О Горбачеве, «предателях» и русской душе // Независимая газета. 1995. 6 апр.

М.А. РУМЯНЦЕВ

Путь российского хозяйства и отечественная мысль

В статье речь пойдет не о безусловном вкладе российских экономистов в развитие мировых научных школ (политической экономии, теорий экономических циклов и кризисов и человеческого капитала, институционализма и др.), а о принципах национального экономического мышления, выражающего самобытность *российского хозяйства*.

Характеристика отечественного мышления о хозяйстве

Заметим, что хрупкость всего идущего от экономики явно проступала в архетипической для России византийской традиции. Хозяйственная деятельность воспринималась там подобно

педагогической задаче. Хозяйственное право основывалось на христианских принципах, согласно которым грех был тождествен преступлению. Казалось бы, безличные нормы знаменитого римского права при продаже земли и имущества должны были гарантировать реализацию частновладельческих прав. Но не рынок и право, а воля императора и христианская этика обеспечивали легитимность частной собственности. Особенно уязвимыми ввиду постоянных конфискаций в казну были крупные состояния. За счет конфискаций у богатых финансировалось широкомасштабное строительство инфраструктурных сооружений и храмов. Причем бедные получали оплачиваемую государством работу. Например, при строительстве храма Святой Софии в Константинополе работу получили 10 тыс. человек [1, 173]. Автократор (Самодержец) и народ против «сильных мира сего» — так можно выразить ведущий принцип византийского, а затем и российского хозяйства. Ясно, что на практике этот принцип часто нарушался, но пока он имел значение общественного идеала, хозяйство Византии развивалось поступательно.

Если бросить панорамный взгляд на труды отечественных мыслителей, то, несмотря на неизбежные для нескольких веков расхождения в уровнях понимания, темах и литературном стиле, можно сказать, что сочинения русских авторов представляют собой какую-то до конца не определенную, многосмысленную и во многом гениальную творческую лабораторию мысли, нежели строгую научную школу с выверенной последовательностью направлений и четко сформулированной исследовательской программой.

Феномены хозяйства в сочинениях отечественных авторов даны не в качестве обособленного объекта скрупулезного изучения и анализа — они раскрываются в виде функции от идеи, религии, политики государства или природно-географического фактора. Едва ли в какой-либо другой национальной экономической школе, включая немецкую историческую, так откровенно и с таким размахом утверждается мысль о безусловном приоритете внеэкономического начала над материальным экономическим бытием. А также о приоритете субъектного, идущего от сознания человека рукотворного начала над объективными экономическими закономерностями, будто бы «от воли людей не зависящими».

Славянофилы подходили к изучению хозяйственной жизни с точки зрения справедливого устройства всего общества, государства, сельского мира. При связи всех со всеми в патриархальном русском обществе, считали они, безусловной частной собственности на землю не может быть. Как выразился К.С. Аксаков, «частной собственности нет» [2, 157]. Через собственность реализуются взаимные обязанности

людей и потому отношения собственности на землю есть не более чем взаимные права владения, распределяющиеся между крестьянами, сельской общиной, помещиком и государством — в той мере, в которой они выполняют свою миссию в рамках единого российского жизнестроя. Следовательно, в основе права собственности лежат не вещные, а личные отношения. Или, словами И.В. Киреевского, «в устройстве русской общенности личность есть первое основание, а право собственности только ее случайное отношение» [3, 209].

В свой черед евразийцы обычно рассматривали экономические проблемы в свете определения роли природно-географического фактора в организации больших пространств Евразии. Экономист и географ П.Н. Савицкий показал, что экономика России и других континентальных государств подчиняется иным закономерностям, чем экономика «океанических государств», имеющих выход к морю и богатеющих на морской торговле. При этом «наиболее обездоленной» в смысле размера пространств, удаленных от моря и замерзаемости большинства морей, является Россия. На цифрах и фактах он доказал, что интеграция России в мировой рынок будет носить заведомо разрушительный характер и приведет к перспективе быть «задворками мирового хозяйства». Российский путь состоит во всемерном развитии «системы внутриконтинентального обмена» — в создании самодостаточного евразийского хозяйственного мира, объединяющего Россию и сопредельные государства [4, 169—177], в следовании исторической парадигме Российской цивилизации. Для евразийцев, от Л.П. Карсавина до Л.Н. Гумилева, общественным субъектом является коллективная историческая личность, народ или этнос, что коренным образом отличает их идеи от методологического индивидуализма англосаксонского мейнстрима.

Вообще, русские ученые были мало озабочены изучением экономики, ее институтов, законов и категорий самих по себе. Экономические вопросы излагаются у них порой кратко, в смешении с другими исследовательскими задачами. Из-за постоянных экскурсов во внеэкономические темы экономические проблемы не получают систематического определения, что несколько не мешает читателю уяснить глубинные и в то же время практически насущные вопросы хозяйственной жизни. В идеях отечественных ученых просматривается один из интереснейших разделов мировой экономической мысли, в котором сугубо экономическое исследование реальности органично включено в познание физической и метафизической архитектоники больших пространств России. Где же обнаруживается подлинная предметность русской мысли?

Россия — невероятно мощная духовно-пространственная целостность. Искания, брожения и водовороты русской мысли находят свое выражение, свой предмет в сакрально-пространственном своеобразии и в сакрально-пространственных сдвигах России. Обширные территории с разнообразием природных ландшафтов и условий хозяйствования требуют особого волевого, гибкого и долговременного управления, необходимой для этого управления глубоко и своеобразно развитой человеческой личности, основанной на синтезе предельного универсализма и предельного субъективизма, небывалой метафизики и самобытного практицизма, вековой косности и прорывной инновационности. И именно в понимании пространства как «месторазвития» всей общественно-хозяйственной демиурги и расходятся пути отечественной и западной мысли.

Онтология российского пространства. Русское и европейское понимание пространства — это два образа мира, которые вмещают две альтернативные логики экономического мышления. В Новоевропейское время утвердилось понимание пространства, породившее все дискурсы капитализма. Суть его выразил Гегель, понимавший под пространством чистую абстракцию, предшествующую вещам, самую бессодержательную характеристику инобытия идеи. Это пустое «Ньютоновское пространство», бесформенное, однородное и бесконечно делимое, лишено качественных различий — а значит, и границ. Согласно ироничному приговору А.Ф. Лосева, «что это как не черная дыра, даже не могила и даже не баня с пауками, потому что и то и другое все-таки интереснее и теплее и все-таки говорит о чем-то человеческом. Ясно, что это не вывод науки, а мифология, которую наука взяла как вероучение и догмат» [5, 405]. Но именно на основе такой картины мира и оказался возможен капитализм как интенция к безграничному, бескачественному и безразличному к жизни самовозрастанию капитала (стоимости). Бесконечное разворачивание «черной дыры» пустого пространства типологически подобно не имеющему границ самовозрастанию денег как долга и долга как денег.

Снятие территориальных и культурных границ с движения капитала есть истинная цель капиталистической истории. Вполне показательно, что такой знаток истории капитализма, как Джованни Арриги, различает две — альтернативные — стратегии государства: капитализм и территориализм. «В территориалистской стратегии контроль над территорией и населением является целью, а контроль над мобильным капиталом — средством укрепления государства». Напротив, «в капиталистической стратегии отношения между целями и средствами переворачиваются: контроль над мобильным капиталом

является целью, а контроль над территорией и населением — средством» [6, 76]. Экономика, свободная от естественных ограничений, в которой территория становится всего лишь разновидностью транспортных издержек, состоялась. По выражению современного социолога З. Баумана, «капитализм — это конец географии». Понятно, что мышление в такого рода вымороченной реальности может быть либо спекулятивно-категориальным, либо формально-математизированным или имитационно-фрагментарным. Так произошло фатальное разделение экономики и жизни с утратой чувства живой и подлинной реальности и заменой ее «холодным и сухим блудом» (А.Ф. Лосев).

Иное понимание пространства мы находим в отечественной традиции. Пространство в традиционном Космосе — живой организм, изначально неоднородное «вместилище вещей», единораздельная иерархичная целостность, имеющая свою структуру, цель и форму движения. Если пространство имеет собственную структуру, то оно имеет свой Центр и свои границы — и, стало быть, разворачивается из центра вовне, к периферии. Пространство здесь не пустая форма для «научного мышления». Оно разворачивается во времени, «распространяется», «обустройствается», «обрастает». «Идея прогрессивно нарастающего разворачивания, распространения особенно ярко выражена, — резюмирует В.Н. Топоров, — в русском слове “пространство”, обладающем исключительной семантической емкостью и мифопоэтической выразительностью. Его внутренняя форма (pro-stor: pro-stirati) апеллирует к таким смыслам, как “вперед”, “вширь”, “вовне” и далее — “открытость”, “воля”. Попробуем прислушаться к языку. О чем он говорит в слове “пространство”? В нем говорит простор. Это значит: нечто простираемое, свободное от преград. Простор несет с собой свободу, открытость для человеческого поселения и обитания» [7, 336—337].

Метаисторически стрела русской истории направлена к победе Пространства как Божественного устройства над Не-пространством как изначальным Хаосом. В этом можно усмотреть борьбу мировых и даже вселенских метафизических сил, борьбу бытия и ничто. Собрание и обустройство территорий, освоение «неудобий» (термин Л. Бадалян и В. Криворотова) определяют ход российской хозяйственной эволюции. Ось разворота отечественной истории ведет из центра к окраинам, к границам, к пограничной общественно-хозяйственной ситуации. Но что значит путь к границе как особенная ситуация именно русской истории?

Струнно-колебательные ритмы российского хозяйства

В истории известны две формы общественной динамики — линейное движение от низшего к высшему, или логика прогресса, и циклическое вечное возвращение от конечного к начальному и обратно. Динамика России, если использовать выражение Л.Н. Гумилева, «струнно-колебательная». Когда очередная модель общественно-хозяйственного устройства исчерпывает себя, в России происходит смена центров власти и типов развития. Тогда новый центр развития дает первотолчок, струны русской истории натягиваются и звенят, импульсы от сверхнапряжения расходятся во времени и пространстве — и затухают. Ясно, что длительность каждой «струнно-колебательной волны» определяется мощностью властного первотолчка, уровнем энергичности элит и народа. Новый тип развития базируется на открытии новых природно-географических горизонтов, новых центров и новых метафизических смыслов.

Новый имперский центр проводит долговременные стратегии — большие инфраструктурные проекты, в которых хозяйственное обустройство земель становится целью, а государственный контроль над движением денег и капиталов подчиняет экономику этой хозяйственной сверхзадаче. Бенефициаром таких проектов в кратковременном периоде являются новые элиты, экспроприрующие активы прежних элит и присваивающие прибавочный и, частично, необходимый продукт. Однако в долговременном периоде главным выгодополучателем оказывается российский народ.

Россия самоутверждается в истории благодаря череде духовно-материальных сдвигов, приводящих к периодической смене сакрально-природных горизонтов развития.

В Киевской Руси после Крещения сформировались две новые доминанты мировидения: христоцентричность и софийность. Христоцентричность означает направленность ума не на отвлеченные сущности, а на Лицо Спасителя. Смысл жизни открывается здесь через образ и жизнь Христа. Софийность мышления исходит из того, что «Благодать есть истина» и истина раскрывается только через благодать, ведущую к преобразованию земного бытия в Боге. Древнерусская софийность открыла источники духовной энергии, питающей хозяйственное развитие России. Но Киевский центр был внешне ориентирован (активное участие в мировом торговом пути «из варяг в греки», культурные заимствования из Византии).

Большой проект, обращенный внутрь России, связавший ее земли воедино и сформировавший Великороссию, начался с перехода центра развития во Владимир и Суздаль. Духовным первоначалом Великороссии явилось почитание Богородицы. После создания во Владимире храма Святой Богородицы Золотоверхой князем Андреем Боголюбским, храмы, посвященные Богоматери, стали строиться по всему Северо-Востоку. Введенное Андреем Боголюбским почитание Богородицы как Матери — заступницы Русской земли одухотворило жизнедеятельность суровых великороссов, администраторов, воинов и пахарей. Тогда возник новый великорусский тип власти, отличающийся упорством, искусством «наряда» (организации), стремлением к единодержавию. Хозяйственное освоение лесных массивов Северо-Востока России, строительство новых городов и культурный подъем были прерваны татаро-монгольским нашествием.

Великое княжество Московское, а в дальнейшем православное Московское царство основывалось на духовном первообразе Пресвятой Троицы. П.А. Флоренский писал: «Византийская держава выродилась в «грекосов», а из русских болот возникло русское государство. Символом новой культурной задачи было видение Троицы» [8, 196]. Из религиозного архетипа единосущной и нераздельной Троицы произошла русская идея всеединства, данная политически как самодержавное государство с обязательным «всеобщим тяглом» для всех сословий, и хозяйственно — в качестве многоукладной экономики, базирующейся на синтезе государственных и частных, рыночных и натуральных сегментов, и разнородных по природным условиям зон в единый народно-хозяйственный комплекс. Расцвет Московии проявился в монастырской и крестьянской колонизации «дремучих лесов» Заволжья, в развитии речных коммуникаций по Волге и другим рекам России, давшем рост городов, ремесел и торговли, в культурно-хозяйственной экспансии России на Восток. Тогда же Россия начала освоение важнейшей приполярной коммуникации — Северного морского пути.

Петербургская империя, получившая мощный идеологический импульс от квазирелигии европейского Просвещения, была обращена и на Запад и на Восток. Санкт-Петербург стал мировым центром, через который в Россию транслировались достижения (и не только) европейской культуры. В то же время Россия продолжила движение на Восток. Строились железные дороги, ставшие движителем технологического прогресса. Бюрократия и дворянство осуществили имперский проект развития страны, которая достигла своих естественных геополитических границ. Русская наука и искусство

приобрели всемирное значение. Однако снижение уровня правящих элит и рост социальных противоречий привели Империю к гибели.

Советский проект вырос из марксистской версии идеологии прогресса. Перенос столицы в традиционный сакральный центр, в Москву, привил державное начало коммунистическому интернационализму. Мегапроект создания принципиально новой энергетической коммуникации — план ГОЭЛРО — дал первотолчок всему советскому индустриализму. Такие достижения СССР, как ускоренная индустриализация, победа в Великой Отечественной войне, создание социального государства, развитие науки и образования, космонавтика, имеют всемирно-историческое значение. Однако социалистическая квазирелигия прогресса, оборвавшая всякую интимную связь человека с религиозными и метафизическими установками, довольно быстро обнаружила ограниченность своих творческих ресурсов. Если первые поколения советских людей наследовали от своих предков крестьянскую нравственность, солидарность и христианскую этику долга, то их потомки постепенно утратили национально-культурную идентичность. Еще одной причиной гибели советской цивилизации была незавершенность сдвига производительных сил и центров развития на Восток. Исход России к Востоку, который чаяли евразийцы, пока так и не состоялся.

Принципы осмысления российского хозяйства. Даже такой краткий обзор позволяет определить логику исторического движения России и принципы ее осмысления — те специфически национальные методы мысли, о которых должна идти речь в отношении хозяйственного своеобразия России. Глубинные течения отечественного мышления связаны с невероятной для учебников и трактатов по экономической теории логикой хозяйственного развития. Но, как заметил И.А. Ильин, «человек должен приспособляться к тому способу бытия, который присущ данному предмету; он должен ставить в его распоряжение всю клавиатуру своих способностей» [9, 327].

Если западный капитализм размывает и уничтожает границы вещей, то российское хозяйство свои текущие границы преодолевает, всякий раз видоизменяя свое метафизическое и природное пространство. Россия пульсирует вверх-вниз, вперед-назад, вправо-влево. Она периодически оказывается в пограничных ситуациях выхода за свои мировоззренческие, хозяйственные и природные горизонты. Тогда разворачивается драма смыслового преобразования и хозяйственного приращения России, тогда запускаются механизмы антропологических, территориальных и хозяйственных сдвигов. Граница — особая реальность России, ее экзистенциально-

антропологический смысл, когда нечто может существовать только вместе со своим иным. На границе происходит взаимопроникновение раздельно существующих процессов и сфер, там действует особый способ смыслообразования и высвечивается подлинность предельных значений бытия.

Подлинность бытия — это воспроизводство жизни во всей ее полноте и предельности. А предельность жизни есть смерть. Вот почему для С.Н. Булгакова хозяйство есть «функция смерти» — необходимость поддержания жизни человека, «трудовое воспроизведение и расширение жизни» [10, 41—43]. Тогда делается понятным онтологическая подлинность русской мысли, руководящим принципом которой оказывается стремление к живой предметности и духовно-практическому опыту, а не к изоциренному позитивистскому или к вычурному спекулятивному знанию. По заключению Ю.М. Осипова, «русская мысль вглядывается в жизнь, а западная — лишь в один из ее искусственно созданных механизмов» [11, 26].

Таким образом, отечественная мысль по своей основной направленности есть идея домостроения как первопринципа воспроизводства жизни. Человеческое домостроение есть образ и проекция своего первообраза — Божественного домостроения. Отсюда проистекает хозяйственная задача человека, состоящая не в восстановлении наличного бытия, но в творческом превышении его, в воспроизводстве жизни. Домостроение, несмотря на свою всеохватную всеобщность, в то же время содержит в себе нечто максимально личное и интимное для любого человека — в качестве домостроя каждой семьи, каждой отдельно взятой человеческой личности.

Этот первопринцип развертывается вовне, в мир и природу в виде державной сверхзадачи хозяйственного устройства больших пространств России. Большие инфраструктурные и интеллектуальные имперские проекты устройства российских территорий с точки зрения локальной рыночной эффективности кажутся раздаточными и нерезультативными, но в долговременной перспективе именно они создают новые системы жизнеобеспечения, воспроизводящие жизни нынешних и будущих поколений.

Своего самопознания русская мысль достигает в философии хозяйства, поскольку хозяйственно-экономические отношения не есть простые функциональные отношения, но отношения между физическими и метафизическими уровнями хозяйства самой разной смысловой сложности. И, поскольку само хозяйство, по Ю.М. Осипову, есть абсолютная тотальность, охватывающая все жизнеотправления человека, его сознание и сверхсознание.

Этого, однако, недостаточно для определения перспективы русской мысли. Нынешний системный кризис капитализма провоцирует цивилизационные и антропологические катастрофы, деформирует базовые структуры воспроизводства жизни. Западная экономическая наука с ее пристрастием к конструированию абстракций оказалась не готовой к исследованию девиантных тенденций и тем более — к разработке альтернатив. Исконный антикапитализм российских экономических школ (славянофилы, народники, государственники, евразийцы) становится привлекательным и востребованным. Антикапиталистическая хозяйственная альтернатива содержится в глубинах русской мысли и требует своего творческого переоткрытия.

Литература

1. *Вальденберг В.Е.* История Византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008.
2. К.С. Аксаков — А.С. Хомякову // Хомяковский сборник. Т. 1. Томск, 1998.
3. *Киреевский И.В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Киреевский И.В. Полн. собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1911.
4. *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М., 1997.
5. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990.
6. *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006.
7. *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Семантика и структура. М., 1983.
8. *Флоренский П.А.* Вопросы религиозного самопознания. М., 2004.
9. *Ильин И.А.* Путь к очевидности. М., 1993.
10. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990.
11. *Осинов Ю.М.* Отечественная мировоззренческая мысль: наследие и перспективы. М., 2013.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

**Философия хозяйства — оригинал будущего в мире
без будущего**

Философия хозяйства представляет собой и *феномен*, и *ноумен*; потому она не дефинируется стандартными логическими правилами. По Канту, ноумены («вещи-в-себе») — непознаваемые метафизические реалии (Бог, свобода, душа, человек, мир, человек и др.); диктуя поведение разуму, ведя свою тайную работу в его органах, они не позволяют ему определить («обнять») себя. Если разум пойдет на эту авантюру, то демоны диалектики запутают его в неразрешимых противоречиях (антиномиях), в которых доказуемы и опровержимы как тезис, так и антитезис (например, Бог есть — Бога нет); и каждый из них требует полноценного сертификата истины, грозя отправить разум на скорой карете религии в «палату № 6».

Определение требует указать индивид, вид и род. Например, собака есть лающее животное. С философией хозяйства такой номер не проходит, хотя в конце этого правдивейшего сказания будет и этот номер. Философия хозяйства наука, но она и *метанаука*, нечто большее, чем наука; можно увидеть в ней синоним экономики, но она и *метаэкономика*, выходящая за ее рамки; можно считать ее частью философии вроде философии права, философии истории, но она не только философия, но и *метафилософия*, выходящая в миры софисофии¹. Можно считать философию хозяйства междисциплинарной наукой, но во всех «щелях-между» заводятся плесень (растение смерти!) и тараканы. Или в научных щелях обитает нечто иное? Нет ни одной междисциплинарной науки, имеющей плоды и потомство. Как феномен, философию хозяйства можно сравнивать с другими экономическими дисциплинами, но как ноумен она остается неопределимой метафизической реалией. Нет термина, который охватывает ее содержание.

Определить философию хозяйства трудно и потому, что хозяйство и философия суть предельные категории, которые не развертываются через родо-видовые отношения, ибо они являются и определяемыми, и определяющими, и определителями, и самоопре-

¹ Многие народы видят в хозяйствовании род искусства (и сегодня есть садово-парковое искусство, искусство пчеловодов и др.). В философии хозяйства есть моменты искусства, но есть в ней еще и многослойный пирог «метаискусства», содержащего в себе технические умения, творчество, священную одержимость, вдохновение и озарение, искушение, ремесленную прагматику, вид знания, демонизм, поиск материей своей красоты, и др.).

делениями. Есть высшие роды, не имеющие вида и есть низшие виды, не имеющие рода. Бог, мир, творчество, идеи, первоматерия неопределимы, выступая только определяющими субъектами, а первоматерия не имеет ни рода, ни вида. Философия хозяйства тоже сама по себе и род, и вид; и ее о-предел-ение есть ее же родо-видовое пространство смыслов.

Сравнивать философию хозяйства не с чем, как не с чем сравнивать иррациональные числа, что не мешает им хорошо работать в рациональных измерениях. А философия хозяйства есть особый вид софийной рациональности, понимающей беду безъязыкой иррациональности.

Как ноумен философию хозяйства не постичь, ибо в ней действуют софийные смыслы, которые отчасти открываются человеку, но не подлежат мыслетехнике рассудка. Но философия хозяйства неопределима и потому, что сегодня она сама *определяет* логичность сущего, смыслы, человека, экономику, вообще все существующее, выступая как их определитель. Также неопределим и человек, ибо именно он является определителем сущего и несущего, а сам остается загадкой, тайной, неопределяемой величиной. И если бы, не дай Бог, кто-то определил человека, мир сразу бы сгинул в бездне! Это не парадокс, а предупреждение мудрости. Определить — значит поработить, высосать и убить!

Вообще, даже в учебной логике определяется только объект, а субъект остается неопределимым, являясь единством определяющего и определяемого. Гегель увидел в научном фанатизме определений стремление не к знанию, а к смерти. Право в этой ситуации видит жажду деспотической власти: «Был бы человек, а определение всегда найдется!».

Итак, философию хозяйства трудно определить, ибо она сама определяет качество мысли своих определителей, решая вопрос о допуске их к столь серьезному делу², оставаясь при этом неопределенной и самоопределяемой реалией, готовой принять любые определения и любые реакции ученых и власти научного сообщества.

Но философия хозяйства очень серьезно ищет изобретателя первого определения. Что и как он определил? Каково было это первое золотое определение³? И, вообще, зачем нужны определения, ведь

² Ап. Павел очень глубоко заметил, что определять могут лишь те, кто сами определены Господом и допущены к столь опасной работе, как познание, из которого-то грех и пороки выползли; а мы сегодня, по-научному выбивая клин клином, сами становимся клином, который выбивает лишь смерть.

³ Попытка определить, поставить предел беспредельному близка к безумию, «ибо представленный в определении предел оборачивается вдруг незаконнорожденным беспре-

все вещи уже определены своим бытием, которое хранит в себе их причины и смыслы. Вещи, человек не определяются извне, а самоопределяются изнутри своим назначением и своим смыслом. Поэтому нужно не определять, а смыслы искать, в том числе и смысл своего искания определений, и то единственное определение, которое получил каждый определитель от рождения! А чтобы смыслы искать, нужно Софию Премудрость Божью принять, созерцать и умерять ею свою «мудрость»! А для поиска Софии ты должен быть нужен ей, и она тебя сама найдет!

Логос сотворил из определений научный культ, забыв при этом определить себя, определение и его задачи. У юристов определены каждая пташечка и букашечка, а хаос в этой мегамашине определений растет! Определение в ней стало не средством поиска правды, а орудием расправы.

Поэтому суть философии хозяйства следует искать в ее самоопределении: нужно войти в мир ее смыслов, стать ее гражданином, получить допуск к ее идеям и сокровищам. Нужно забыть о себе, как зерно, чтобы стать колосом многознающим! Нужно мыслить, не мысля, отдав мысль хозяйству, которое само скажет о себе. А этикетки определений водят за нос даже безносых, потерявших нос в поисках дефиниций страсти⁴.

Но один факт, загадочный и магический, говорит о том, что философия хозяйства — это не только дело людей — ее речами говорит уже другая эпоха. Она даже родилась дважды (1912 и 1991 гг.), чтобы видящие прозрели. Нет ни одного случая, чтобы наука, религия, искусство рождались дважды; ибо дух не возрождается, а творит новое. Философия хозяйства пришла в мир не случайно: она кому-то и для чего-то нужна («если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно»!); кто-то ее позвал из метамиров, и она откликнулась на вопль человека среди симулякров.

Каковы основные свойства этого странного феномена?

Философия хозяйства появилась на свет в начале миросменяющего кризиса XX в., решившего судьбу человечества и его «достижений». Оно само прокляло себя, ринувшись в кровавую метель военно-революционных суицидов классов, сословий, культур, наук, экономик, людей, империй. Кризис поразил и евронауку, которая завопила суицидом: «Материя исчезла!». В экономике исчезла «материя труда», оставив ценные бумаги; на голову ее ничто не упало, ибо го-

делом — диктатурой предела, беспощадно приканчивающей не только определяемое, но и самого определяющего» (см.: [1, 29]).

⁴ «Этикетка системы взглядов отличается от этикетки других товаров, между прочим, тем, что она обманывает не только покупателя, но часто и продавца» [2, 405].

лову она потеряла вместе с хозяйством и Софией. Но в этом кризисе не заметили главное: выявился кризис не только экономики, культуры, человека, но и глубинный, неисцелимый кризис самого *Логоса, его логики и свободы*, составляющих научное, правовое, прогрессивное основание Европы, ее миротошнотворных инициатив.

Европа до сих пор не видит, что человечество живет, опираясь на два крыла мудрости — на Логос (закон) и Софию (смысл). В Античности, когда Европа была нормальной, т. е. когда ее не было еще вовсе, жизнь, культура и эсхатология людей, которые еще не знали, что из них вырастут «гейцы»-европейцы, были пропитаны логосной Софией и софийным Логосом. Затем вместе с христианством, усыновившим Логос и Софию, Запад отрекся и от Логоса, узрев в нем скрытый деспотизм, несвободу. А это отречение стало привлечением Мефисто; он-то и стал демиургом Европы, превратив ее экономику, да и все общественные институты в различные системы организованного тотального безумия.

По логике и по смыслу части меньше целого: они должны служить ему, выполняя его функции, для чего им дана относительная свобода. И какими бы важными ни были части, например, сердце и мозг организма, они все же должны покоряться целому, ибо забвение самой малой «железки» грозит бедой. Но это онтология и биология, а они не могут принудить капитал, золотого тельца и США считаться с какой-то логикой и смыслом. И США насильем навязывают человечеству и биосфере отрицание аксиомы разума: «Часть меньше целого». Но отрицание этой аксиомы ведет индивидов сначала в полицию, а затем — в клинику Стравинского. И сегодня США принуждают всех людей к безумию, дабы они вкусили ценность свободы, т. е. стали свободными от логики и смысла.

Да, есть и в безумии своя *логика свободы*, обусловленная разрушением и гибелью. Труп делает части-органы организма свободными. Свобода есть негатив, признающий только власть несвободы, греха и пороков. Но под гипнозом лжи люди не замечают: свобода не означает, что людям «все позволено» делать, а она означает лишь то, что с ними и над ними позволено вершить любые бесчинства. Свобода есть *произвольный, незаконный исход бытия из небытия*, и она работает только в «клетке» такого творческого самоограничения своего беспредела. Парадокс! Но парадоксы не имеют причин, иначе они не были бы парадоксами — офшорами метафизики, свободной от ига причин. Парадоксы ничего не объясняют, парадоксы ничем не объясняют, а их лишь принимают, не дожидаясь, когда их молнии достигнут их научных определителей.

Экономика же безумствует (кризисует) по двум причинам. Будучи частью и средством общества, ее принудительно возводят в ранг целого общества со своими целями, а общество делают ее уродливой американской частью. Экономике принуждают жить алогизмом: «Часть больше целого», приговаривая, что это и процветающая экономика, хотя алогизмы процветают только у нормально устроенного безумия.

Но экономика безумствует и потому, что ей не позволяют быть экономикой. Эта инициативная матрона говорит: «Люди! Вы сотворили меня, чтобы я создавала для вас различные вещи для удовлетворения ваших потребностей, даже самых наигнуснейших, но не для самоэвтаназии. И что же! Я честно решаю эту задачу, готова обеспечить своим производством, которое В.И. Вернадский сравнил с геологическими силами, уже сегодня все население Земли не только необходимыми, но и ненужными, даже — опасными товарами, изделиями. А вы мне не позволяете выполнять эту благую роль, требуя, чтобы я обеспечивала только рост «золотого тельца». Значит, я должна услужать ему, а людей обеспечивать так, чтобы неволить их к рабской покорности этой твари! Но я создана не для службы «золотому тельцу», а принуждение к противоестественному сожительству с ним вызывает у меня отвращение, именуемое у вас кризисом. Вы насадили экономику на рог «золотого тельца», пичкаете ее алогизмами, грезя при этом о нормальной экономике. Нет ее и не будет, пока из-под ее компаса не вынут топор хрематистики, не вручат его пришедшему с каторги Раскольникову, который уже знает тайны виртуального топора России. Как может матадор, попавший на рог разъяренного быка, давать интервью НТВ, болея за «Реал»?

И нелады с Логосом вынудили Европу принять «тройной стандарт»: с общелогосными папуасами она говорит алогизмами, со своими толпарями — пороками, а с «золотым тельцом» — голубым языком его финансов.

Итак, материя исчезает, экономика без работы, алогизмы, безумие теснят Логос и смыслы, свобода исчезает в произволе, человек лезет в бездны своих гениталий. И кризис Логоса в культуре, экономике вызвал философию хозяйства, которая не могла не возникнуть, ибо Логос ослаб до неприличия. Возможны четыре исхода этой бифуркационной ситуации.

1. Можно спасти Логос, пожертвовав Россией, которую нужно принудить к службе прогрессу, «золотому тельцу» и «благу народа». Но советская Россия полуживой еле выскочила из ловушки социализма.

2. Логос — это Слово, а всякое слово имеет значение, смысл. Логос у его первого пророка Гераклита обозначал закон всех законов: смысл дан в законе, а закон и есть смысл. Но Логосу грозят беззаконие и безумие в виде огня, который поставит точку в миротворном проекте Логоса, ибо огонь — это физическое безумие, а безумие — психодный огонь. И Европа, не найдя в Логосе смыслов, вкусив безумие фашизма, обратилась к технике Логоса, из которой создала искусственный интеллект. И он изрек: «Зачем вам искать эти смыслы, жить, строить, если бомба превратит все в мусор? Может, передать все проблемы программам, а самим блаженно эвтаназировать?». Европа серьезно восприняла этот проект своего искусственного Учителя.

3. Можно выпустить подпольного человека со всеми его страшными пороками, направив его энергию на саморазложение, подслащенное африканскими эвокациями, на превращение его в нового зверя, который оживит Дарвина для интимных бесед о чуде эволюции. И Европа выпустила возвращенного в ее чреве неозверя, вооружив его компьютером, сотовым телефоном, электронным ошейником и неизвестным языком (филологи уверяют, что это бывший английский). Даже фашисты присмирили при виде этого чудо-зверя. Да и фашизм даже в случае победы рухнул бы сам по себе, ибо это был опыт подчинения Логоса безумию и беззаконию; но эти стихии не автократические начала, а зависимые свойства честных субстанций.

4. Но есть и *настоящий выход*, найденный русской софийной философией и софиологией: причем они не отвергли Логоса. Европа не хотела видеть, что в древности мудростью ведал не только Логос Гераклита, ставший затем аристотелевской логикой, но и София Пифагора, ставшая затем христианской Премудростью Божьей, слугой которой была изначально философия хозяйства. Поэтому только религия может прояснить ее смыслы, ибо философия хозяйства не только создает средства жизнеобеспечения, но и сохраняет сознание и разум для общения с небом. Философия хозяйства незримо растит наиглавнейшее благо — веру, которая хранит идентичность Логоса, человека и тайну его спасения от небытия. Если временем правит вечность, то лишь вере она дает заем для настоящего, ибо есть лишь то, во что люди верят! Л.Н. Толстой повторял, что жить — это верить во что-то, хотя бы в то, что ты живой! Эти миротворные проекты философии хозяйства обусловлены тем, что именно София составляет ее основание, метод, антропологию и доктрину, которая несет в себе не спасение *экономики* (если она сама не может спасти себя, то ее не спасет никто!), а *экономику спасения*.

Видимо, России суждено испытывать все идеи, учения, проекты, ценности, институты, средства и цели. И она ценой величайших жертв выполняла эту роль, пока не иссяк креатив прогресса. И вот теперь последнее испытание последней креатуры Запада — экономики. Что это за чудо-юдо такое, экономика? Поистине — Протей многоликий, неуловимый, алчущий человеческих жертв на алтарь свой голубой и коварный.

«Кризис» на древнегреческом языке означает суд; будучи дитя кризиса, философию хозяйства можно считать милосердным судьей, желающим помочь жертвам Логоса, попавшим в омут беззакония, огня и безумия. Она прорвалась из софийного мира в начале XX в. (1912), в творческое откровение С.Н. Булгакова. Но встретил ее «спецфонд рукописей» Волаанда. И в конце XX в. произошло чудо: философия хозяйства родилась снова в трудах русского мыслителя Ю.М. Осипова; она сразу же стала парадигмой и деревом знания, без которого сегодня некому даже поднять вопрос о *понимании* экономики, хотя ей, похоже, оно и не нужно.

Философия хозяйства возникла не только для спасения и восполнения Логоса Софией, но и для решения проблем хрематистики, ставшей египетской тьмой для науки. Возьмем в советники Аристотеля, который создал логику, метафизику, науки, этику и экономику; магия рынка, финансов, даже судьба не повлияли на его метафизическое здравомыслие, на его софийную вменяемость. Он *впервые* описал философию, хозяйство, хрематистику и экономику, которые сплелись в ком *неразрешимостей*.

Для Аристотеля экономика, совпадая с хозяйством, есть часть философии. Он рассматривал экономику как домохозяйственную организацию жизни: она есть искусство и наука управления хозяйством дома с целью достижения «благой и прекрасной жизни», в которой имущество служат телу, тело — душе, душа — уму, ум — богу. Главное в экономике — Дом, в котором скрыта вся мистерия, загадка и трагедия человека. Основанием Дома служит хозяйство, которое составляет часть Дома, как Дом составляет часть религии. Дом — субъект, субстанция, институт, целевая причина и конечный смысл экономики как *хозяйственного органа самой жизни*. Если индивид — это микрокосмос, то Дом — это мезокосмос, через который индивиды общаются с богами, с макрокосмосом и с первоматерией. Дом делает существо человеком, а бездомность его убивает. Совокупность Домов составляет общину, а совокупность общин — Общий Дом полиса⁵.

⁵ Вполне обоснованно некоторые экономисты рассматривают Дом как первопарадигму самого человека. В Доме экономика, хозяйство, мудрость и этика неразделимы, преодо-

Экономика Аристотеля содержит и *социономику*: хозяйство должно воспитывать патриотов и героев Отечества. А потому субъектом хозяйства должен быть учитель⁶; *педагогика* — самая важная часть хозяйства, ибо возвращение новых поколений есть главная забота власти.

Бессмертной заслугой Аристотеля стал анализ мертвящей сути, тайных пружин и ядов *хрематистики*, создавшей опасный мир, в котором деньги стали богом («золотым тельцом», «мамоной»). Уже в древности деньги из средства хозяйства незаметно становятся его целью, а хозяйство — его средством: деньги порождают не удовлетворимую страсть к их накоплению. Эту страсть и занятие Аристотель назвал *хрематистикой*. Что побуждает людей бесконечно копить деньги? Кто инициирует эту страсть, вопреки ее несуразиче: людям нужны вещи, а не деньги за деньги? По Аристотелю, «в основе этого направления лежит стремление к жизни вообще, но не к благой жизни; и так как эта жажда беспредельна, то и стремление к тем средствам, которые служат к утолению этой жажды, также безгранично» [4, 393].

Итак, накопление денег порождает жажда бесконечной жизни, жизни вообще. Но стремление к жизни вообще посредством накопления денег означает, по сути, влечение не к жизни, а к абстракции жизни, которая есть ненасытная поглощаемость смерти. Любая абстракция есть ненасытное ничто. Абстракция дерева съест деревья всех времен; и они не насытят ее чрево. Так и все деньги мира не насытят абстракцию жизни. Абстракция всех съест, и все равно будет голодной; после поглощения бытия она пожрет самое себя, но от этого самоедства она плодит новые столь же голодные абстракции. И прожорливость абстракций создает особый мир серых теней, в котором рост абстракций и жажда отрицания вещей и людей становятся самоцелью. Поэтому древние видели в деньгах-самоцели феномен Аида.

Накопительство денег — жуткая штука, кошмары которой укрыты гипнозом денег, власти и развлечений. В этом накоплении незримо и дополнительно (помимо греха) возвращается смерть, хотя самим «хремастам» мнится, что они идут к бессмертию, ибо деньги-де выкупят бессмертие у смерти. Но человек не замечает, что рост денег дает ему все, кроме своего «Я». Безмерный рост денег плодит алогизмы и бессмыслицу, ибо они часть продают как целое. И этот алогизм

левая совестью несправедность в цене, в труде, в налогах, в имуществе, в доходах и в расходах (См.: [3]).

⁶ Сам Аристотель был учителем и воспитателем Александра Македонского, изучая с ним в походах метафизику рабства и свободы. Именно учитель указывает, чем заниматься молодежи, чтобы из нее вырастали наилучшие граждане.

платит проценты целому, чтобы избежать расчета с ним. Безмерное накопление денег есть безумие, а исцелением от него может быть лишь другое безумие. Деньги переливают в золотую субстанцию ум вещей и людей, делая их слугами безумия. Мощь хрематистики составляет троица: *бессмертие, алогизм и безумие*. Эти киты образуют основание и современной экономики, ищущей причины кризиса, методы его преодоления в его же порождающей причине⁷.

Но хрематистика породила не только капитализм, но и либерализм, технократизм. Не только накопительство денег умножает смерть, но и все институты, технологии, средства и препараты, иницируемые деньгами, несут в себе гибель. Они прямо не творят смерть, а высвобождают связанную смерть, активируя ее мрак. И все технологии, созданные экономикой, как и подобает смерти, губят природу, людей, и лишь ее же самоотрицание остановит этот прогресс.

Аристотель не спрашивает, кто является инициатором этого безмерного накопления денег. Человек добровольно умножает деньги ради денег или же сами деньги возбуждают у людей это влечение? Или есть нечто «третье», влекущее деньги и людей друг к другу?

Смертотворность денег связывает человека с неведомыми силами. Аристотель отвергал ростовщичество, считая его противоестественным, противоположным делом, которое нужно пресекать даже насильем [4, 395]. Но если накопление денег противоречит человеку, природе, жизни, богам, значит, оно соответствует нечеловеку, нежизни, неприроде, которые эту самоценность денег развивают вопреки воле полиса. Если нечто противоречит миру и все же процветает в нем, даже временами повелевая им, значит, это нечто опирается на мощь внемировых сил.

Деньги — это искусственный интеллект, нечто вроде костылей, естественного ума⁸. И деньги не только лишены понимания самих себя и мира, но они устраняют осознание людьми своего непонимания. Деньги заменяют понимание кризисами, в которых экономика судит своих капитанов за ее непонимание. И осознать суть экономики

⁷ У Маркса истоком стоимости служит абстрактный труд. Но он то ли не заметил алогизма, то ли в силу своей инфернальной алогичности создал величайшее в мире творение, в котором упаковал всевозможные виды безумия. Как может абстрактный труд, которого нет, абстракция труда, которая жаждет только самоотрицания, определять производственную жизнь, ее изделия? Как может ничто, смерть производить, определять товары? Точно — Маркс был экономистом, который служил рабом-хрематистом,

⁸ Судя по генезису денег, уходящих в утопшую Атлантиду, там были, видимо, выведены (отклонированы?) искусственные существа, которым в качестве интеллекта выдавались деньги; после их растраты эти существа, как собаки, ждали новых интеллектуальных подачек.

в контексте самой же экономики нельзя, как огурцы в банке не могут осознать свою соленость; и после банки они гниют, а лишь живые огурцы рефлексируют о вреде соли.

Для Аристотеля ясно, что деньгонакопительство провоцирует ничто, соблазняя человека вечной жизнью, но подменяет ее вечной смертью. Мистерия смерти внушает, что самой экономной является смерть, ибо ей нужен лишь один ресурс — люди, что она самая богатая, а кризисы ей не ведомы. Но осознать эти виртуальные галлюциногены экономики-хрематистики современный денежный человек уже не может. А обсуждение экономики в неосознаваемом контексте смерти ускоряет гибель этих горе-знатоков. Кто признает сегодня, что экономику держит смерть? Одной рукой она правит рынком, а другой — экономикой; первой рукой загоняет человека в рынок, а второй — готовит к закланию. В хрематистике люди не умирают, а перерабатываются смертью в деньги; они участники демонического спектакля хрематистов, сознают его ложь, но выйти из него не могут.

Люди, животные убивают друг друга для сохранения жизни, хотя и зря губят больше. А для чего убивают младенцев в чревах матерей, в бессмысленных войнах? Для возрастания *нежизни*?! Для людей деньги — средства жизни, но деньги-самоцель превращают жизнь в средство смерти. А цели и желания самой смерти неизвестны. Поэтому кризис, смерть и экономика неразделимы; кризис — это зарплата экономики, а экономика — это производство кризисов. Да, человек смертен, неожиданно смертен, но он все же целиком не сливается с нею, сохраняя возможность жизни иной. А экономика-хрематистика знает жизнь только как средство смерти.

Открытие Аристотелем метафизики Дома как сакрального начала экономики-хозяйства, культуры, человека обрело законченное выражение в христианстве, которое часто представляют как божественное Домостроительство. Человек должен в первую очередь производить Веру, бороться за ее спасение, чтобы достойно встать в очередь на Великое Спасение. И только сочетание Дома, хозяйства, Церкви, социномики и школы составляет целостное понимание экономики, которая не знает кризисов, ибо все ее части работают в едином ансамбле жизни, а не ради денег-самоцели. Правда, такие речи кажутся не от мира сего. Но кто скажет, какой мир сей, а какой мир не сей? В единый миг все может перемениться, как с СССР! Нет гарантий, что таких переворотов уже не будет. Мысль, сознание всегда должны ждать встречи с невозможным, из которого они творят свою смысловую пищу. А для этого необходимо хотя бы краем уха знать о философии хозяйства, которая производит не только средства жизни,

но и жизненные смыслы, ценности, саму веру, без которой невозможно даже финансовая экономика.

Итак, современный термин «экономика» содержит в себе два противоположных смысла: *экономику, изначально совпадающую с хозяйством* жизни, и *хрематистику-смерти*, которая посредством денег создала стоимостную систему, подчинив ей хозяйство, питающее ее ресурсами, знаниями, самой реальностью. Экономика-хозяйство занимается всей полнотой жизнеотправлений человека, обеспечивая и воспроизводство духовного общения. Даже деньги, войны, смерть, убийства животных и людей, вопреки их негативу, могут служить средствами, которыми человек очищает хозяйство от паразитизма и алчности. Поэтому столь ценна философия хозяйства, что в ее контексте можно видеть перспективы хозяйства и богатство тупиков богатства.

Но начиная с эпохи Возрождения экономику-хозяйство незаметно слили с экономикой-хрематистикой, а затем просто стали именовать «экономикой», «забыв», что в этом термине сплетены хозяйство и смерть. Чтобы честно хозяйствовать, рынок вынудит производить вредные и ненужные товары, чтобы угодить экономике; пожелаешь отказаться от денег экономики — разоришь свое хозяйство. Чтобы хозяйствовать на рубль, нужно отдать дань смерти на два рубля, приблизив тем самым срок своей казни. Не платишь дани смерти, не получишь денег для хозяйства, которое обойдется без них, но это будет нежизненное хозяйство. Не работаешь на смерть, не получишь благ для жизни; работаешь для жизни, удели время и смерти!⁹ Делай добро, но без участия во зле не выйдет; уходишь от зла, оставь ему часть своего добра! Поэтому экономика-хрематистика наиболее выгодна прямым слугам смерти — криминалу, производителям оружия, наркотиков, алкоголя, табака, инициаторам эмиссий! Их доходы неисчислимы, но им и этого мало! Таков инфернально-сакральный кодекс экономики-хрематистики!

Почему все же хрематистика победила хозяйство и экономику? Каково ее тайное оружие? Ведь хозяйство-экономика производит жизнь, а хрематистику влечет абстракция жизни, смерть!

⁹ Постмодернизм узаконил такие уродливые смешения значений терминов. Например, термину «бессознательное» соединяет в себе «пред-, досознательное» и «сверхсознательное, сакральное». Употребление такого многозначного термина порождает лишь хаос, незаметно заменяя сознание и ум безумием. Или, возьмем термин «коммуникация», который соединяет в себе и «человеческое общение», и «технические средства связи», и «подземные сети удаления нечистот». Научная работа с такими терминами просто невозможна.

Ведь и само хозяйство человека — это сплошное мучение, не имеющее высшего оправдания, а только высшее проклятие¹⁰. Трудясь до кровавого пота, человек усугубляет хозяйство еще и глумлением, жестокой и грубой эксплуатацией. Жизненные блага, творчество, софийные смыслы лишь иногда сластят его горечь. Хозяйство не имеет высшего оправдания и в качестве раба «золотого тельца», который превращает его в служение адское. Змий не оставил в покое соблазненных, а принуждает их постоянно ублажать смерть. Оттого так мало радости дает даже творчество, ибо искупление греха требует испытать все муки хозяйства, блага которого собирает «золотой телец». В хозяйство, как и в экономику, змием пролезла хрематистика, которая вынуждает человека наилучшие свои мысли, дела, плоды отдавать этому зверю, который превращает их в смерть, а хозяйство и экономику держит в режиме кризиса, дефицита, инфляции, безработицы.

Но даже такое страшно мучительное хозяйство все же работает на продолжение жизни, и в нем зреют разные идеи. Поэтому хозяйство противоречит антихристианскому проекту, двигаясь через рабский труд, к общинному солидаризму (Царству Божьему), который был социальной основой первых христиан. Этот идеал был подменен золотым тельцом, в котором Моисей и Христос увидели главного врага жизни; со временем он стал капиталом со своей идеологией: «Деньги сильнее Бога и победят его!»

Затем пришел империализм, социализм и фашизм, чтобы сокрушить монархии, которые противоречили антихристианскому проекту, храня в себе опаснейшую закваску: «Нет власти не от Бога!». И монархизм был заменен прогрессом демократии, экономики, быта и технологий. Идеологема этих сил гласила: «Техника сильнее Бога и победит его!».

Затем появился глобализм, дабы сокрушить национальные институты и ценности — плоды христианства. Глобализм превращает социокультурные и национально-этнические общности в толпоэлитарные структуры, которыми правят СМИ и демонизм, готовя пришествие Главного. Идеологема этих сил гласит: «Глобализм сильнее Бога и победит его!».

И вот идет виртуализм, дабы заменить ум, сознание, язык и души людей информацией, дабы лишить их знания и понимания, чтобы в мире никогда никто нигде и никак не смог бы вспомнить слово

¹⁰ «Проклята земля за тебя; со скорбию будешь питаться от нее во все дни жизни твоей. В поте лица твоего будешь есть хлеб...» (Быт. 3, 17, 19). Современные добровольные изгнанники из Рая в поте лица и без штанов, глотая пыль, бегают по Европе за своими деньгами и процентами в офшорах.

«Бог», чтобы вернуть человека зверю. Его идеологема гласит: «Искусственный интеллект сильнее Бога и победит его!». Но создается и клоносверхчеловек, который должен служить вечным гарантом антихристианского проекта.

Ну, и конец света коренится в центре нашей жизни, где общаются силовые, материальные, идеальные, сакральные силы нашего «Я». И если среди них исчезает божественный фотон, значит, исчезает и его хранитель.

Весь этот исторический ряд выстроила хрематистика. Она изобрела процент, создала экономику смерти, производящей посредством смерти богатство, которое сулит к тому же бессмертие. И она победила хозяйство тем, что смерть оказалась самым экономным фактором, который сам воспроизводит самого себя и все необходимое для своего роста. Хрематистике отчасти удалось поставить на службу богатству саму смерть. Мало этого мира, и тесно в нем, перейдем в мир виртуальный, но дело первых деньгонакопителей не предадим. А там пусть нас Бог рассудит, если есть у него толковые ангелы-экономисты и хрематисты! Но и без ангелов ясно, что экономика в отрыве от хозяйства, экономика-хрематистика есть «творение навыворот» — путь от бытия в ничто и в никуда.

Вообще, экономика-хрематистика есть величайшая авантюра, мировой эксперимент человечества со смертью. Если накопление денег не знает пределов, то почему же, идя по этому пути и подчинив себе все лучшие умы, да еще взяв себе в помощники Воланда, нельзя победить смерть и возратить себе утерянное бессмертие или создать новое? Или сотворить суррогат бессмертия и рая, превзойдя сакральные запреты?

Экономика-хрематистика — это, прежде всего, религиозный, антихристианский проект, и лишь затем она выступает как практическое и научное дело. И без метафизики не постичь ее сверхчеловеческой мощи и угрозы ее крушения вместе с человеком. В этой экономике люди имеют дело не с благами, а смерть имеет дело с людьми, приняв соблазняющий облик благ. Люди исказили суть экономики, выдав ее часть — средства — за цели и целое; и если главное дело экономики-хозяйства — спасение людей от смерти, то главное дело экономики-хрематистики — сохранение смерти за счет людей. Поэтому экономику нужно изучать в контекстах жизни, хозяйства, религии, из которых она вышла, но служит не только им, а принуждает их служить смерти. И жизнь, и смерть — в руках людей, но кто хозяин этих рук? Экономика-хрематистика вышибла из людей Бога, мудрость, мораль, заменив их «наукоевизмом», непониманием экономики.

Хрематистика искажила сам термин «экономика», сделав его для знающих орудием манипулирования незнающими; использование этого термина в науке создает хаос, ибо неизвестно, в каком смысле он работает в том или ином случае. Сегодня слово «экономика» (в смысле науки) имеет в словарях, энциклопедиях, справочниках, в ученых трудах свыше 26 различных значений. Есть трактовки, совсем хоронящие экономику. Л.Н. Толстой и Ю.М. Осипов считают экономику идеологией, П. Кругман — религией, М. Хазин — мифологией. П. Фейерабенд допускает любые трактовки экономики, которая сама должна избрать себе жениха, свои смысловые и концептуальные ряды. Пределом развала этого термина является мнение, согласно которому у каждого экономиста есть-де своя экономика. Вот и разберись, кто именно болеет, «кризисует»! Наука требует «э-нное» число различных взглядов¹¹, но в данном случае — беда. Если число пальцев на конечностях будет расти, то без хирурга не обойтись. Философии хозяйства — смысловой хирург экономики, удаляющий ее лишние пальцы (смыслы) и вращивающий недостающие из невидимой руки Адама.

Итак, философия хозяйства возникла как необходимое смысловое, религиозное, миротворное, социокультурное, научное и экономическое восполнение Логоса, как выражение цельного творящего основания мира, которому служат сакральная мудрость, Цельное знание, отчасти доступное человеку посредством творческих сил Логоса (Слова) и Софии (Смысла). И если Логос воздвигнул европейский мир, и этот мир шатается, рушится, а человек задумал сбежать из него, то это говорит лишь о том, что истина не в Логосе, а в его союзе с Софией. И София воздвигла свой мир в Византии и в России, в котором родилась ее дочь — философия хозяйства, согласующая закон Логоса и смыслы Софии, а в экономике — интересы жизни, хозяйства и финансов, исключив из своих проектов золотого тельца, послав его на вольные хлеба Сахары.

И в этом плане философия хозяйства — это не просто проект талантливых ученых, создавших научно-познавательную школу, а она продолжает совместное творчество Логоса и Софии, приумножая их ноосферу хозяйствованием. Философии хозяйства и явилась для того, чтобы исчезла хрематистика. И это целостное софийно-логосное и научное видение экономики С.Н. Булгаков и Ю.М. Осипов представили не только как идею, а в обликах фундаментальных текстов, имеющих живую ценность. И научные «власти» не знают, что с этой фило-

¹¹ «Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись искусные и мудрые» (1, Кор. 11, 19).

софией делать: закрывать ее не рискуют, чувствуя тяжкий храп отходящего «золотого тельца».

Далее, философия хозяйства вскрывает неразрешимости экономики-хрематистики. Это не «хозяйственная теория», не «теория хозяйства», не «хозяйственное учение», не «хозяйствоведение», не «экономическая социология», а философия хозяйства. Все теории не разделяют в «экономике» «хозяйство» и «хрематистику» смертоносную. И только философия хозяйства рвет этот конкубинат жизни и смерти.

Далее, философия хозяйства возникла ради спасения свободы от произвола-беззакония и деспотии-законников, предоставив ей для творческих дерзномыслий новый неосвоенный софийный мир.

Философия хозяйства — это знание-размышление, которое раскрывает метасистемную целостность экономики, проявляющей себя через многообразие ее частных дисциплин, теорий, учений. Это — вид экономического творчества, преодолевающего разобщенность знаний «снизу», со стороны бытия, и «сверху», со стороны мысли. Здесь главенствует живая мысль субъекта, а не готовое знание, ибо не от знания проистекает субъект, а от мыслящего субъекта исходит знание. Философия хозяйства — это не *теория* познания, а само *знание* как реалья; это — способ пребывания субъекта в самом знании как в особом виде реальности. И *философия хозяйства выражает потребность в новом человеческом самосознании, стоящем выше полезности, расчетов, выше самого гуманизма.*

Каковы перспективы философии хозяйства, ее настоящее?

Философии хозяйства имеет сильное, сакральное, мудрое и нормативное *прошлое* — хозяйственный традиционализм во всех сферах жизни. Большинство народов мира живут по домостроевским заветам философии хозяйства: ради продолжения жизни. И только пресловутый Запад служит экономике-хрематистике, продолжая бессмертие смерти.

Философия хозяйства имеет сильнейший волевой и нормальный проект *будущего* — многополярный мир, союз империй с радикальным хозяйственным строем, который сохраняет свободу для творческих дерзаний духа, солидаризм народов, здоровье трудящихся: а для этого им нужно оставлять только самый необходимый минимум, отнимая все излишки; иначе они этими излишками погубят себя, ибо не умеют избытки материи превращать в смысловые реалии и ценности.

Сегодня только философия хозяйства владеет оригиналами вещей, идей, людей, общества, власти, экономики, институтов, оригина-

лами ума, сознания, души, знания, понимания и языка, ибо только в ней запечатлены софийные смыслы мира. Сама философия хозяйства есть связь и с оригиналом самого оригинала, охраняемого вечностью, которая верит в человека. Софийность, т. е. божественная целостность ее знания дает меру понимания всего остального. Философия хозяйства имеет своим идеалом Дом всего человечества, а экономика-хрематистика — Дом смерти мира.

Настоящее — вот основная проблема, забота и мука философии хозяйства. Ситуация напоминает положение первых христиан. Людей, институтов, государства, образования нет, сплошные симулякры, которые философия хозяйства отвергает. А на кого же опираться, с кем работать? Или люди философии хозяйства — заблудшие университетские овцы? Ап. Павел говорил, что христиане не от мира сего погибающего, но находятся в нем и должны что-то из него брать. Что принимать христианам из нехристианского мира? Церковь приняла антихристианскую власть и заразилась ею, не думая, ради чего свершился грех и возникли смерть и дьявол? И почему Бог терпит эту наглую вакханалию¹²? Или теперь ООН, МВФ, НАТО, ЛАС спасают?

Основная миссия философии хозяйства — одолеть все хитрости хрематистики, сокрытых математикой, наукой и философией в термине-симулякре «экономика». Экономика-хрематистика рухнет сама от тяжести «золотого тельца», который сегодня держится еще на подпорках инноваций. Цунами хрематистики накроет весь мир, а оставшиеся начнут жить уже только по аксиомам философии хозяйства.

Для людей философии хозяйства бытие — это не *данное*, а *заданное*: нужно создать в центре хрематистики наш, новый, мир, отвовав его у «золотого тельца». А для этого нужно не засорять свой ум мнениями и проектами мира, а дать в мыслях хозяйничать самому хозяйству, которое и приведет к нам будущее. Так поступали первые христиане: в муках они дошли до «отрицалища» эпохи и повернули в нем время в другом направлении. Они умели входить и выходить из времени, не страшась демонов гибели. И нам нужно, *опираясь на софийность*, уметь видеть мир, экономику, хозяйство и свой ум без иллюзий. Против философии и хозяйства бессилён глобализм, ибо он паразит и скрыто кормится хозяйством, а не экономикой.

У нас есть свой настоящий, хотя пока и неведомый союзник. Речь идет об МЧС. Возникнув как институт ликвидации различных катастроф, МЧС со временем стало планетарным субъектом хозяйст-

¹² Брейвик заявил судьям: «Вам некуда меня посадить, ибо весь мир и так есть тюрьма. Я родился, вырос, живу и поступаю по закону тюрьмы, а вот вы по какому закону живете?». Тельца, тельца золотого!

ования. Его отделения, как и церковные приходы, есть во всех субъектах России, даже в самых малых административных структурах, и даже во многих странах за рубежом. Но главное в том, что в МЧС обучают людей именно хозяйству; причем, хозяйству в условиях полного крушения экономики-хрематистики. Они постоянно входят в различные «отрицалища» и возвращают время на пути хозяйствования, которое, правда, потом власть снова загоняет в стойбища «золотого тельца». Но философия хозяйства знает, что делать после его конца, и есть институт, который это делает уже в масштабах всей планеты. Вопрос в том, когда, как и где философии хозяйства встретится с МЧС, и они совместно разработают форму новой империи для России.

И обещанный фокус: «Философия хозяйства есть инструкция, в которой представлены знания о том, как правильно пользоваться миром, экономикой, обществом, самим собой, сознанием и разумом, метафизикой, верой, софийностью и неизвестностью, чтобы не стать неизвестным».

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Обретение. М., 2011.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 24.
3. *Юдина Т.Н.* Эволюция учения о домостроительстве в контексте формирования экономической системы России (вторая половина IX—начало XX вв.). М., 2009.
4. *Аристотель.* Соч.: В 4 Т. Т. 4. М., 1984.

И.П. СМIRНОВ

О синкретизме и философской направленности русской экономической мысли

Русской экономической мысли повезло меньше, чем философской и исторической, в том, что касается признания современными исследователями. Обусловлено это, как представляется, более глубоким кризисом экономической теории, в форме политэкономии, по сравнению с другими отраслями гуманитарного знания. Идеи наследие отечественных экономистов по существу не востребовано ни отечественной политэкономией, ни переведенными на русский язык математизированными версиями экономикса.

Между тем русская мыслительная традиция действует в экономической теории как одной из сфер проявления так же, как она дейст-

вует в философии, истории, литературе или искусстве. Экономическую мысль, на наш взгляд, следует рассматривать неразрывно от русской мысли в целом, в ее рамках. И тогда теряет свою идеологическую остроту вопрос о «периферийном», или «полупериферийном», «отстающем», или «догоняющем» ее характере по сравнению с экономической теорией в других странах. Проблема ставится иначе. Изучение и освоение национальной мыслительной традиции необходимы России ради соблюдения исторической преемственности и передачи ее потомкам, для сохранения себя и своей культуры — в части экономической мысли не меньше, чем в любой другой.

Русскую экономическую мысль принято сравнивать с исторической школой, главным образом немецкой. Часть исследователей ставит под сомнение ее самостоятельный характер по причине совпадения многих теоретических постулатов у русских и немецких авторов. Действительно, воззрения ряда экономистов — например, А.И. Чупрова, — формировались под влиянием исторической школы и опираются на ее научно-теоретическое наследие. Само понятие «народное хозяйство», которое в нашей исследовательской традиции получило приоритет по сравнению с «экономикой», считается калькой с немецкого. С другой стороны, такие значительные последователи немецкой исторической школы, как М. Вебер и В. Зомбарт, проявляли большой интерес к России, и это оказало влияние на их творчество. М. Вебер высоко оценивал роль нашей страны в мировой истории. Он освоил русский язык и был в контакте со своими русскими коллегами — П.Б. Струве, Б.А. Кистяковским, экономистами И.И. Кауфманом, В.В. Святловским и др. Итогом русских изысканий М. Вебера стали две работы, занимающие в полном собрании сочинений том объемом около 750 страниц и представляющие собой развернутую, подкрепленную статистическими данными и наполненную аналитическими выводами характеристику России начала XX в. Не меньше привлекала наша страна и В. Зомбарта, замечание которого о русских и немцах разошлось на цитаты: «Оба народа обладают самым высоким, что осталось еще у современного человечества. Русская душа и немецкий дух, объединившись, заново перестроят мир» [1, 3].

Сходство с идеями, развиваемыми исторической школой Германии, служит аргументом для тех, кто отказывает русской экономической мысли в оригинальности и, тем более, в существовании единой российской школы. В.С. Автономов, отрицая наличие этой школы, говорит только о «национальных традициях в стиле экономического теоретизирования» [2, 120]. Л.Д. Широкопад, занимающий эту же позицию, утверждает: «Правильнее было бы ставить вопрос об особен-

ностях экономической науки в России или об особенностях национального экономического мышления» [3, 54].

И все же широко понимаемая школа русской экономической мысли существует. Разница между национальными традициями в этой области неизбежна, она естественным образом вытекает из различий в экономической истории разных стран. Мы солидарны с мнением В.Т. Рязанова, согласно которому, развитие собственных идей с опорой на какое-либо сложившееся научное направление не разрушает саму конструкцию национальной школы. Ее статус не предполагает что-то существующее абсолютно вне мировой науки, которая и есть совокупность школ и течений, включая их национальные разновидности [4, 359]. Близость к исторической школе, ранее появившейся в Германии, не имеет столь принципиального значения для русской школы. Она развивалась не путем простого копирования и заимствования идей, а через их творческое применение к своему собственному объекту, постепенно оттачивая теоретический подход и выдвигая соответствующие практические рекомендации, исходя из специфики России. Тот же А.И. Чупров, защищая в своем учебнике «историзм» (так он обозначал историческую школу), вместе с тем признавал, что своя правда есть в каждом из главных экономических учений, к которым он относил также классическую «манчестерскую» политэкономия и марксизм.

М.Г. Покидченко трактует историю русской экономической мысли как «процесс перехода от аутсайдерства к лидерству», которые должны, как он считает, отражать место страны в некоей общемировой шкале развития и отсталости [5, 379—380]. В.Т. Рязанов обращает внимание на имеющееся в этой конструкции противоречие: в конце XIX в. Россия еще не была лидером в мировой экономике, но русская экономическая мысль вошла в число лидирующих; тогда как в советский период наша страна являлась одним из двух мировых лидеров, а в экономической науке, наоборот, отошла на задний план [4, 353].

Как отмечает В.Т. Рязанов, даже при наличии общепринятых науковедческих стандартов применительно к характеристике научных школ, все же не следует сходу отвергать возможное соединение экономистов с разными взглядами и методами анализа в общий научный формат. У русских экономистов выявляется объединяющее начало, которое определялось особым вниманием к хозяйству России и его нуждам, к необходимости обоснования выбора стратегии экономического развития страны, возможности использования зарубежного опыта и ее объективным границам, характеру взаимодействия с мировым рынком и т. д.

Высокую оценку отечественной экономической мысли дает Ю.В. Яковец, причем он подчеркивает ее актуальность: «Своеобразная трактовка предмета политической экономии как науки о народном хозяйстве, социально-экономический анализ, исторический подход и ряд других черт, существенно отличающих русских авторов от приверженцев маржинализма, а позже — экономикс, концепции которых возобладали в XX в., позволяют, на наш взгляд, рассматривать русскую экономическую мысль как возможную альтернативу экономикс» [6, 254].

Русская экономическая мысль обладает своими типологическими особенностями и характерными чертами, не являющимися ни стадийными по отношению к западноевропейской мысли, ни апологетическими по отношению к тем или иным ее направлениям, и это в первую очередь дает основание говорить о национальной школе. На существовании российской школы экономической мысли настаивал Л.И. Абалкин [7, 15—16]. Соглашаясь с изложенной им позицией, отметим, что отечественную школу отличают не столько постулаты, совпадающие с немецкой исторической школой, сколько две присущие ей принципиальные черты — синкретизм и философская направленность. Именно они определяют ее лицо и обуславливают ее актуальное значение.

Историческая школа, можно сказать, закончилась знаменитым «спором о методах». Такое название закрепилось за самой жесткой (по признанию многих историков науки) в истории экономической теории дискуссией, произошедшей между Г. Шмоллером, представившим взгляды исторической школы, и К. Менгером, выступившим от лица маржинализма. Спор завершился с неопределенным результатом, однако его косвенным итогом считается появление теории «экономического анализа» Й. Шумпетера, ученика одного из главных маржиналистов О. Бем-Баверка. Таким образом, восторжествовала сциентистская тенденция, абстрагированная от специфики конкретных стран, основанная на математических моделях и «методологическом индивидуализме», как называл свой метод Й. Шумпетер. В нашей традиции на первый план закономерно вышел не анализ, а синтез. Реакцией русской экономической мысли на маржинализм стал принятый М.И. Туган-Барановским синтез теории предельной полезности и трудовой теории стоимости. Причем, даже сугубо научные усилия наших экономистов-математиков — В.К. Дмитриева, Е.Е. Слуцкого — тоже были направлены на решение этой синтетической задачи.

Надо сказать, что буквальное следование русских мыслителей за немецкой традицией, по существу, исключалось их общим подхо-

дом к европейской мысли, уходящим корнями в славянофильские концепции И.В. Киреевского и А.С. Хомякова. Критическое восприятие немецкой мысли нашло яркое отражение в работе В.Ф. Эрнста с характерным названием «От Канта к Круппу». Рассматривая кантовский переворот в теории познания, автор распространяет свои выводы на всю западную культуру, которая опирается на два принципа: «1) никакой ноумен, т. е. ничто онтологическое, не может встретиться в нашем внешнем опыте, и 2) ничто ноуменальное, т. е. относящееся к миру истинно Сущего, не может быть дано и реализовано в нашем внутреннем опыте» [8, 309]. При таком отношении к бытию не остается ничего, что бы не было имманентно человеческому сознанию. Русская мысль рисует совершенно другую картину мира. Как отметил С.Л. Франк, «русское философское мышление в своей типично-национальной форме никогда не было “чистым познанием”, бесстрастным теоретическим пониманием мира... Ему свойственно органическое влечение к объективности, к онтологическо-метафизическому пониманию жизни» [9, 152]. Номиналистический картезианско-кантианский интеллектуализм Запада был этому способу мышления чужд. Этим определяется возможность собственных путей развития России даже при интеллектуальном восприятии тех или иных европейских идей, в том числе в области экономической теории.

Стремление к цельности, отличающее русскую экономическую мысль, удачно обобщил М.А. Румянцев: «Субъект развития выступает как “всеединство своих качественностей” (Л.П. Карсавин) — экономики, политики, религии, этики и права, которые, теряя статус самостоятельных сфер бытия, оказываются свойствами, присущими одному и тому же субъекту» [10, 53]. Значение этого факта тоже получило оценку: «Здесь сокрыто, пожалуй, неустранимое расхождение отечественной традиции с исследовательским кредо европейской экономической науки. В последней доминирует абстрактный принцип построения системы категорий: конкретное разлагается на более элементарные, абстрактные понятия, из которых затем создается логически стройный категориальный ряд» [10, 60].

Европейская мысль заговорила о кризисе человека еще в XIX в.¹³ Русская отвечает ей, выдвигая свой объяснительный аргумент: экономизм. Согласно историко-философским построениям русских мыслителей, экономика в своем новом качестве, в регулирующей, подчиняющей и контролирующей роли, подобно Великому

¹³ Здесь продолжается параллель с исторической школой. Одним из классиков названной темы является близкий к этой школе Г. Зиммель, в частности, с работой «Конфликт современной культуры» [11, 493—515].

Инквизитору Достоевского и как будто в конце истории искушает человечество избавлением от бремени свободы. Это бремя в действительности становится слишком тяжелым для людей, оправдывающих свои действия различными теориями экономического детерминизма. В начале XX в. катастрофическое чувство неминуемости социальных и политических катаклизмов в мире трактовалось русскими мыслителями как давление экономического, его наступление на духовное. Связь экономического с эсхатологическим является одним из характерных мотивов русской мысли [12].

Как утверждал Н.А. Бердяев, внешнее покорение природы меняет не только природу, но и самого человека радикальным образом. Происходит переход от органического типа к механическому. Этот сдвиг к искусственному, машинному складу жизни мыслитель считал величайшей революцией, какую только знала история, и прямо писал о кризисе рода человеческого [13, 116—120]. Появляющийся новый «антропологический тип» — формулировка и тема многих русских философов; Г.П. Федотов определил его как *homo eurgoraeo-americanus* [14, 166].

Наши мыслители не мирятся с этим положением и искали из него выход. Приходится констатировать, что теории, господствовавшие в западной экономической мысли, основывались на конструкциях, на отрицании которых строилась русская мысль (*homo oisopoticus*, идея прогресса, формальный рационализм и замена ценностных установок целерациональными, гедонизм, индивидуализм и т. д.). Отечественных авторов отличал иной взгляд на человека, историю, хозяйство, индустриализацию, национальную культуру и другие принципиальные проблемы.

Разница между двумя типами мировоззрений показана у С.Н. Булгакова, в частности, в его работе о платонизме и раннем христианстве [15, 43—52]. Хозяйственная деятельность человека ни в коем случае не имеет самостоятельного, самодовлеющего значения, но должна быть регулируема высшими, сверхэкономическими мотивами. Именно нарушение этого принципа С.Н. Булгаков определил как экономизм, господство которого он констатировал в современном мире. Самодовлеющий экономизм и экономическая аскеза как одно из проявлений общей духовной борьбы человека — такова антитеза, существующая между, с одной стороны, платонизмом и христианством и, с другой стороны, «новоевропеизмом», экономическая мораль которого характеризуется господством экономических инстинктов и верой в их полную законность и даже единственность.

Экономизм, согласно концепции С.Н. Булгакова, «духовно зародился в так называемом гуманизме», который, хотя и явился как

будто возрождением классической древности и, в частности, ознаменовался восстановлением в правах Платона, однако по всему духу своему был чужд самому существенному в платонизме, именно тому, что сближает его с христианством, — его аскетической антропологии. Весь гуманизм был проникнут антихристианским, а вместе и антиплатоническим отрицанием аскетизма и стремлением поставить на место его культ «естественного» человека, освободив его от всяких уз идеала и предоставив его инстинкту и неизбежно проистекавшему отсюда культу силы, понимаемой в стихийном, натуралистическом смысле. На низах своих он переходит в «мелкий мещанский эгоизм, беззащитный и наивный». Из последнего родился и новоевропейский homo oeconomicus в таком его виде, как он был зафиксирован политэкономией. И этот дух, по наблюдению С.Н. Булгакова, одинаково царит как среди «буржуазных» экономистов, так и в социализме, представляющем собой, по его оценке, лишь одну из разновидностей экономического гедонизма и оставляющем совершенно незатронутой его духовную основу.

Разумеется, осуждение встречала не экономическая деятельность как таковая, а поклонение человека идолу экономики. Экономизм у С.Н. Булгакова выступает как нездоровое умонастроение, самосознание, которое стремится изъять из жизни духовное начало (над-природное и природное), абстрагироваться от него [16, 7].

Итак, мы приходим к выводу: национальная экономическая мысль России, несмотря на все внутренние разногласия, вполне идентифицируемое явление. Ее, как и русскую мысль в целом, отличают синкретизм, стремление к синтезу. Русская экономическая мысль часто воспринимается как философская, потому что поднимает мировоззренческие проблемы, стремится к теоретическим обобщениям на основе анализа конкретной хозяйственной реальности. В сравнении с иными мыслительными традициями, она особенно отличалась мирообъясняющими интенциями, определенной философской озабоченностью. И.Н. Сиземская справедливо отметила типичное для России «общее для всех проявлений духовного творчества “философское беспокойство” (Г.В. Флоровский), ставшее в XIX веке специфической чертой национальной культуры» [17, 32], в соответствии с чем «экономическая теория самоопределялась в том числе как философия экономики, уходящая своими основаниями в философскую антропологию» [17, 33]. Экономическая мысль в России начала XX в. была частью «русского ренессанса», Серебряного века. Взлет экономической теории не просто совпал, а органически связан со взлетом философии. Экономические, философские, исторические, эстетические идеи русских мыслителей объединены общими методологическими

принципами, принадлежностью к единой традиции. В каждую из исследуемых проблем русские мыслители вносили характерный подход, выраженный в склонности к теоретическому синтезу и вниманию к субъективным элементам, присущим хозяйственной деятельности человека — историко-культурному, индивидуально-психологическому, религиозному. Они предложили новое видение хозяйства, основанное на изучении личности в нем, экономического сознания эпохи, трудовой этики. Задаваясь вопросом о достоверности экономических идей и объективности экономических знаний, русские экономисты сочетали онтологические представления о хозяйственной реальности с изучением ценностных ориентаций человека. Хозяйственные явления получали мировоззренческую интерпретацию, общеисторические представления включались в экономический контекст жизни общества и интегрировались в разрабатываемую картину хозяйственного бытия. Таким образом, экономическая теория не превращалась в эмпирическое знание, а соотносилась с мировоззренческими, целевыми установками познавательной деятельности.

Названные черты очевидны и давно отмечены в литературе — мы имеем в виду хотя бы капитальный труд советских историков экономической мысли 1960-х гг. под редакцией А.И. Пашкова и Н.А. Цаголова, в котором нашлось место для так называемых этической, психологической, социальной и религиозно-мистической школ и соответствующих авторов [18, 156—162]. Присутствие этих течений на страницах издания выделяло его из основной массы книг советских исследователей, но заявленный таким образом широкий взгляд на экономическую мысль отвечал традициям отечественной литературы. Не случайно в ней зачастую говорилось о русской «общественно-экономической» мысли, как в работе В.М. Штейна 1948 г. [19]. Из более ранних авторов можно назвать, например, В.В. Святловского. В его книгах по русской экономической мысли (дореволюционные носили названия «К истории политической экономии» и «Очерки по истории экономических воззрений», изданный в 1923 г. труд — «История экономических идей») разбираются концепции М.В. Ломоносова, А.Н. Радищева, декабристов, П.Я. Чаадаева, русского шеллингианства, славянофильства и т. д. Такой широкий охват получил продолжение в советском периоде, учитывая поправку на внимание к «классовым» позициям изучаемых авторов. В советских «Историях» экономических учений неизменно воспроизводились обстоятельные главы о А.И. Герцене, Н.П. Огареве, Н.Г. Чернышевском, Д.И. Писареве, Н.А. Добролюбове, В.Г. Белинском.

Интерес историков экономической мысли к этим фигурам соответствует расширительному пониманию экономики или, лучше ска-

зять, хозяйства. Русской мысли присущи социо-духовное восприятие явлений, внимание не только к сущему, но и к должному, комплексное, системное рассмотрение процессов, происходивших в социально-экономической сфере. Комплексно — включая мировоззренческие аспекты — изучались русская фабрика, кустарное производство, аграрный сектор, кооперация, проблемы кризисов и циклов, общероссийского рынка и т. д. Стремление обособить экономические явления в самостоятельную и самодовлеющую сферу, вырвав их из общего контекста цельного познания, было признано ошибочным. Уже понятие собственности, с которым связаны практически все насущные вопросы экономической жизни, само по себе принадлежит в сознании мыслителей более к области нравственности и психологии, чем к области хозяйственных отношений. Собственность осознавалась как атрибут человека мыслящего, чувствующего и желающего.

Хрестоматийным примером целостного подхода является понятие соборности, по происхождению религиозное, но распространяемое на самые разные области — от экономики до литературы¹⁴. Более частным примером комплексного решения социально-экономических вопросов может служить развитая С.Н. Булгаковым и во многих аспектах воспринятая позже на Западе концепция «христианского социализма».

Предпосылки к тому, чтобы увидеть русскую экономическую мысль в ее единстве, создавали не только экономисты, но и историки, и философы. Они проявляли интерес к типично русским экономическим проблемам — будь то крестьянский вопрос, роль кустарной промышленности или же проблема «сложных форм труда» (доказательство хозяйственной равноценности экономически-непроизводительного, т. е. творческого, труда физическому). Философы, говоря о вкладе русской мысли в мировую, выделяли значение «философии всеединства». В совокупности этих идей вырисовывались контуры русской социально-экономической доктрины.

Для русской мысли характерна трактовка веры, а не *ratio*, как основы познания. Наука не абсолютизировалась, а встраивалась в более общую систему познавательных возможностей человека. Методология взаимосвязанных исторического, этического, психологического направлений русской экономической мысли исходила из того, что корни хозяйственного поведения лежат в сфере сознания и культуры. Идея о детерминированности сознания преобладающим способом материального производства не принималась. В острейшей полемике с марксизмом, в том числе внутренней, ведущейся его сторонниками

¹⁴ Актуальность этой категории для литературы показал И.А. Есаулов [20].

на определенном этапе, закрепились отношение к «экономическому вопросу с нравственной точки зрения», по выражению В.С. Соловьева. Само учение Маркса привлекало русских экономистов именно «этическим пафосом». Политэкономия вызывалась, как утверждал С.Н. Булгаков, не теоретическими, а этическими запросами современного человечества. В социальной морали он видел смысловой центр этой науки, которую по характеру ее задач он определял как «прикладную этику».

Нравственное осмысление эмпирических фактов, признание развития личности основным содержанием исторического процесса, признание относительного характера экономических целей и ценностей, их подчиненности духовным, внимание к индивидуально-особенному в изучении всех форм и типов хозяйств — эти черты объединяли представителей русской школы экономической мысли. Отечественные экономисты писали о том, что развитие капитализма в России привело к борьбе за социальный идеал именно потому, что идеалы православного человека и принципы капитализма несовместимы. Проблема потребления и распределения порождает социальный идеал, проблема производства — экономический идеал. Та «христианская политэкономия», которую создавал С.Н. Булгаков, фактически теряла какую-либо автономию в качестве научной дисциплины, что укладывалось в концепцию необходимости соединить научное, философское и религиозное познание.

М.И. Туган-Барановский тоже рассуждал об этической санкции, религиозной обусловленности любых социально-экономических построений. Согласно его концепции, производство при капитализме доминирует над потреблением, в чем заключается главная сущность этого экономического строя. Поэтому товар при любых условиях способен найти себе рынок — таков закон капитализма. Своим видением проблемы соотношения между сбережением и инвестированием, далеко не сразу воспринятым экономической наукой, русский ученый отчасти предвосхитил идеи Дж.М. Кейнса. М.И. Туган-Барановский провозглашал целью установление в обществе гармонических с позиций нравственности отношений между всеми социальными группами на основе сочетания их экономических и социальных интересов. Он делил все известные в истории типы хозяйства на гармонические и антагонистические, исходя из того, в каких условиях находится непосредственный производитель, является человек целью или средством хозяйственной деятельности [21, 179—180].

Характерен для русской школы в целом принадлежащий С.Н. Булгакову анализ человеческой личности как фактора производства. Он изучал его на примере хозяйства монастырей, труда русского

крестьянина, организации раннехристианских общин, доктрины кальвинизма и т. д. Положение личности лежит в основе высказывания М.И. Туган-Барановского, согласно которому, главное противоречие современного общества «заключается в том, что капитализм делает из работающего человека простое хозяйственное средство и в то же время ведет к распространению правовых воззрений, признающих всякую человеческую личность без различия высочайшей целью в себе» [21, 194].

Особое внимание уделялось принятому в русском хозяйстве отношению к труду как нравственному деланию, которое обычно противопоставлялось «духу рынка», движущей силе экономики в Европе. Экономист и историк народного хозяйства В.П. Безобразов выделял свойства великоросса, характеризующие его в качестве труженика и предпринимателя, среди которых «бодрость духа, не позволяющая предаваться излишнему самообольщению при успехе и излишнему унынию» [22, 65]. Прагматизация труда, его «экономизация» и привязывание к исключительно материальным ценностям осуждались консервативными мыслителями: В.И. Гурко, П.Ф. Булацелем, о. Иоанном Восторговым, митрополитом Владимиром Богоявленским и др. Труд на индустриальном предприятии вызывал вопросы со стороны его нравственного смысла, который нивелируется многими факторами, включая внешний контроль за качеством продукции. У Ф.М. Достоевского в «Записках из мертвого дома» есть целое рассуждение о том, что обесмысливание труда способно раздавить, уничтожить человека. Экономика все больше превращается из средства в цель жизни, трудовое делание — в тщетный труд, а человек — в придаток машины и для некоторых авторов даже в рабочее животное. По-своему эта тема преломлялась в «Заветных мыслях» Д.И. Менделеева. Ученый высказывал оптимистичный прогноз относительно творческого труда, который сохранится и не будет убывать с развитием экономической сферы. Идея хозяйственной и творческой обусловленности человеческой судьбы в разных вариантах развивалась в «Оправдании добра» В.С. Соловьева, «Свете невечернем» С.Н. Булгакова, «Русском мировоззрении» С.Л. Франка, «Смысле истории» Н.А. Бердяева и других произведениях отечественных авторов.

Большое значение придавалось проблеме свободы. Скептически относясь к принципу главенства экономических интересов в человеческой жизни, русские мыслители считали гносеологическим недоразумением позитивизма и марксизма смешение конкретно-научных и метафизических идей, по этой причине они исключали трактовку свободы как одновременно торжества разума и неизбежного продукта материального развития. Философия свободы составляла одну из

главных тем в размышлениях Н.А. Бердяева, видевшего ее не во внешних учреждениях, а в духовном опыте человека: «свободу нельзя ни из чего вывести, в ней можно лишь изначально пребывать» [23, 65]. М.И. Туган-Барановский трактовал человеческую историю как постепенное отвоевание свободой все новых областей у необходимости; история мыслима в этом отношении как хозяйство, и наоборот. Разрабатывая эту тему, С.Н. Булгаков провозгласил хозяйство историческим синтезом свободы и необходимости. Именно в хозяйстве свобода имеет своим объектом необходимость, свою противоположность. Хозяйственный субъект стремится ассимилировать в хозяйстве объект-необходимость. Наука не проникает в эту лабораторию воли. В волевом акте мы имеем дело с единством субъекта и объекта, их отождествлением, каким вообще является жизнь, и оно не поддается рационалистическому определению.

Названные теоретические установки позволили русским экономистам развить целый ряд самостоятельных теорий и концепций. Разных по взглядам экономистов объединяла необходимость обращения к общему объекту — исторически сложившейся системе хозяйствования — и к поиску соответствующей ей стратегии развития, в том числе через прямое столкновение расходящихся позиций в научных дискуссиях. Назовем некоторые ключевые идеи, иллюстрирующие оригинальность выдвинутых отечественными экономистами теоретических подходов.

Большинству работ русских экономистов в высокой мере присущ дух социально-экономического реформаторства. Это объясняется внутренними условиями развития страны, как правило, мобилизационного по характеру принимаемых хозяйственных решений, а в последний исторический период (начиная со второй половины XIX в.) еще и влиянием марксизма на все течения русской экономической мысли. Для большинства экономистов России особое значение имели крестьянский вопрос и весь комплекс связанных с этим социально-экономических проблем. В русской экономической мысли всегда придавалось большое значение внеэкономическим факторам: общественному сознанию, общенациональным интересам, социальной справедливости, активной роли государства.

Одним из существенных достижений русской экономической мысли является разработка идеи многообразия в хозяйственном устройстве и экономическом развитии. С ней связана принципиальная для нашей традиции гипотеза о возможности возникновения смешанной, многосекторной экономики как устойчивого типа организации общественного производства. Причем, неоклассическая школа экономического анализа даже сегодня исключает из рассмотрения все еще

не преодоленные в развитой рыночной экономике нерыночные уклады, ограничиваясь только взаимодействием государства и рынка, к которому фактически сводится все содержание смешанной экономики.

Убеждение в примате духовных ценностей при выборе путей экономического развития приводило русских мыслителей к отрицанию линейного прогресса. Чаще использовалось понятие не «прогресса», а «смысла истории». Не совпадал с русским представлением о сверхнациональном и характерный для построений западных ученых космополитизм. Мировоззренческие установки отечественных экономистов не соответствовали универсалистскому (европоцентристскому) взгляду на историю и направляли их интерес к особенному, например, в развитии крестьянского хозяйства, в отличие от марксизма, говорившего об общих, универсальных закономерностях в аграрной и промышленной эволюции, или в сельскохозяйственном развитии разных стран. В России исходили из иной роли человека в сельском хозяйстве по сравнению с промышленностью, как и из признания значительной роли страновых особенностей — географических, климатических, исторических, культурных, религиозных.

К примеру, в нашей стране, в отличие от Западной Европы, не получило юридического закрепления римское право собственности, опирающееся на сложно организованную базу юридических уложений, что в любых рассуждениях о национальном хозяйстве невозможно игнорировать. На Западе многовековая культура частной собственности развила такие качества экономической личности, как хозяйственный индивидуализм и экономический рационализм. В России же на протяжении многих веков хозяйство было основано не на частной собственности, а на своеобразном сочетании общинного пользования землей и власти государства, выступающего в роли высшего собственника. Это оказало заметное влияние на отношение к институту частной собственности, наложив на него соответствующий нравственно-этический отпечаток. Понятие частной собственности никогда не имело у нас такого значения, как на Западе. Верховным собственником всего сущего признавался Бог, а не его бременные чада.

Интересом к человеческому сознанию как реальному созидательному началу диктовался выход на проблему крестьянского хозяйства с его особыми экономическими законами. Основы теории трудового крестьянского хозяйства были заложены А.И. Чупровым и развиты затем экономистами-аграрниками, в первую очередь А.В. Чаяновым и учеными его круга, объединяемыми обычно под названием «организационно-производственное направление». Это течение экономической мысли принято называть народническим, или,

применительно к трудам А.Н. Челинцева, А.В. Чайнова, Н.Д. Кондратьева, Н.П. Огановского и их современников, «неонародническим».

Здесь необходимо сделать пояснение: наряду с известным узкопартийным, в русской мысли было распространено широкое толкование этого термина. Н.А. Бердяев в «Русской идее» рассматривал народничество как особый тип религиозности — веру в народ, относя сюда и славянофилов, и обычно противопоставляемых друг другу Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. В экономической литературе это направление заявило о себе в первую очередь многочисленными исследованиями роли артели, или, по типичному выражению массы его представителей, «артельности русского народа» [24].

В 1858 г. И.С. Аксаков объявил о «русском воззрении в науке», вносящем, по его оценке, новые идеи в политэкономия [25]. Оно характеризовалось изучением идеала экономических отношений, свойственного русскому народу. Как писал в 1862 г. И.Г. Прыжов, мысль о «взаимности» сложилась раньше юридических норм, но «только в Великороссии она укрепилась до того, что стала главным национальным учреждением, дающим характер всей народной жизни» [26, 175]. Бурно развиваясь вплоть до середины 1920-х гг. и будто не заметив Революции, это течение последовательно защищало подход к артели как идее, которую русский народ сознательно проводил в жизнь, борясь со всеми препятствиями, создаваемыми историей — будь то крепостничество, капитализм или Советская власть. Из отдельных авторов следует выделить А.А. Евдокимова (1872—1941), уделившего внимание религиозным основаниям артельной идеологии [27], и Е.Д. Максимова (1858—1927), публиковавшегося под псевдонимом «Слобожанин», у которого теория артели была представлена в наиболее системном виде [28—30]. Из функций артели он ставил на первое место духовную, за которой следовали правовая, хозяйственная и общежительная. Он полемизировал с М.И. Туган-Барановским, видевшим в артелях социалистические элементы внутри капиталистического экономического строя. Для Е.Д. Максимова артель представляла собой «особую социальную систему», отличную как от социализма, так и от капитализма [30, 31]. Не углубляясь в идеи этого направления, обратим внимание только на огромный объем их литературы, рядом с которым пространство для произведений либеральных или социал-демократических авторов оставалось довольно незначительным.

Народничество вызывает интерес именно реализацией на конкретно-историческом уровне охарактеризованных нами выше методологических и мировоззренческих принципов. Однако эти принципы охватывали все спектры и направления оригинальной экономической

мысли России. Исходя из оценки личности в процессе хозяйствования, экономическая теория в нашей стране традиционно отдавала приоритет ее духовному состоянию — при всех различиях во мнениях по поводу конкретных экономических явлений. В качестве яркого примера укажем на творчество экономиста И.Х. Озерова [31].

Ученик И.И. Янжула и А.И. Чупрова, энергично работавший в банках, на промышленных предприятиях, в потребительской кооперации, в статистике, служивший в Государственном совете, читавший на университетских кафедрах (на каком-то этапе он преподавал в 7 учебных заведениях одновременно), И.Х. Озеров был автором многочисленных экономических трудов, в числе которых учебник «Основы финансовой науки». Его книги и статьи начала XX в. («Исповедь человека на рубеже XX века», «Куда мы идем? Итоги экономического развития XIX века», «В чем жизнь») выражают глубоко религиозное мироощущение. И.Х. Озеров рассуждал о том, что человечество слишком поверило в механические средства решения стоящих перед ним проблем — своего рода порошки и пилюли, как определялась ученым погоня за материальными благами. Известную материальную обеспеченность он признавал необходимой для осуществления жизни духовной, но и только. Споря с веком, он находил подлинную жизнь не в накоплении и не в наслаждении накоплением, а в расширении и углублении своего «я», в обогащении его фантазией, игрой мысли, созерцанием красоты.

И.Х. Озеров выделял два элемента в истории. Первый — это Богопознание, единение человека с Богом. Второй элемент задается скорее историческими условиями, это — как именно осуществить Царство Божие на земле. Он ссылаясь на рецепт Д.И. Менделеева, выраженный в императиве «Живите для других!», но в то же время утверждал, что приходят иные исторические условия. Раньше люди не были так тесно связаны и взаимозависимы, как теперь. Современная экономика изменила духовную ситуацию времени, мыслитель акцентировал пассивный момент в поведении людей. И.Х. Озеров весьма четко формулировал свои опасения: человек превращается в винтик. Он «заброшен», по мысли ученого, в эту ситуацию (как значительно позднее это повторится у Карла Ясперса применительно уже к межвоенному периоду), и, в качестве «винтика», он управляем.

Здесь мысль русского экономиста, высказанная в России в 1904 г., действительно отчетливо корреспондирует с идеями, развитыми в 1931 г. К. Ясперсом в Германии — в работе «Духовная ситуация времени». Этот экзистенциальный мотив звучит в словах И.Х. Озерова: «Мы должны неустанно работать, мы каторжники жизни и должны тащить свою тачку, к которой мы прикованы, должны

выполнить свой урок, иначе бич ударит, больно ударит по нашему сердцу, и заструится оно красной кровью, и этот бич — мысль: что такое жизнь?.. Этим бичом неведомый подгоняет нас, приказывает нам работать» [32, 61]. А вот параллельное место у К. Ясперса: «Страх перед жизнью. Вместе с феноменальными успехами рационализации и универсализации порядка существования утвердилось сознание грозящего крушения вплоть до страха утратить все то, ради чего стоит жить... Каждый человек должен, чтобы выстоять, напрячь свою рабочую силу до предела...» [33, 75]. Интересно, что Россия и Германия оказались теми странами, гуманитарные элиты которых, несмотря на вышеозначенные фундаментальные различия в мировосприятии, наиболее остро почувствовали новейшие кризисные явления и процессы в культуре и осознали их всепроникающее воздействие на историю человечества и на саму его быстро меняющуюся природу.

Подводя итог, повторим свой главный тезис. Интегративный стиль органичен для русской экономической теории, интересы которой выходили далеко за рамки дисциплинарных. Философская направленность работ, по меньшей мере, а в пределе — религиозный поиск представителей отечественной экономической мысли, составляют безусловный факт. В этом свойство «восточно-христианского социально-экономического проекта» [34], или «русской социально-экономической доктрины» [35]. Сохранение России в качестве субъекта истории немислимо без того, что названо Ю.М. Осиповым «исторической и текущей русскостью»¹⁵. Экономическая, философско-хозяйственная составляющая этой категории играет не менее значимую роль, чем религиозная, государственная и любая другая.

Литература

1. *Дволайцкий Ш.М.* От редактора серии // *Зомбарт В.* Народное хозяйство Германии в XIX и в начале XX века. М., 1924.
2. *Автономов В.С.* История экономической мысли и экономического анализа: место России // *Очерки истории российской экономической мысли.* М., 2003.
3. *Широкорад Л.Д.* Существует ли российская школа экономической мысли? // *Очерки истории российской экономической мысли.* М., 2003.

¹⁵ «Многие из образованных “русских”, если не подавляющее большинство, русскую философию, как и русскую философию хозяйства, русскую историософию, русскую антропологию, русское обществоведение, русскую космологию, русское домостроительство и т. д. не признают и признавать, видно, никогда не будут, ибо, не довольствуясь ни исторической, ни текущей русскостью, ищут выхода во внешней и внутренней нерусскости, всего более их почему-то и устраивающей» [36, 261].

4. *Рязанов В.Т.* Русская школа экономической мысли: универсально-всеобщее и национально-особенное // История мысли. Русская мыслительная традиция / Под ред. И.П. Смирнова. М., 2013. Вып. 6.
5. *Покидченко М.Г.* Особенности национальной экономической мысли России // История мысли. Русская мыслительная традиция / Под ред. И.П. Смирнова. М., 2009. Вып. 5.
6. *Яковец Ю.В.* Школа русского циклизма // История мысли. Русская мыслительная традиция / Под ред. И.П. Смирнова. М., 2007. Вып. 4.
7. *Абалкин Л.И.* В поисках самоопределения российской школы экономической мысли. Очерки истории российской социально-экономической мысли. М., 2003.
8. *Эрн В.Ф.* От Канта к Крупну // Эрн В.Ф. Соч. М., 1991.
9. *Франк С.Л.* Русское мировоззрение. СПб., 1996.
10. *Румянцев М.А.* Религиозные основания хозяйствования. СПб., 2005.
11. *Зиммель Г.* Конфликт современной культуры // Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М., 1996.
12. *Смирнов И.П.* Связь экономического с эсхатологическим в русской мыслительной традиции // История мысли. Русская мыслительная традиция / Под ред. И.П. Смирнова. М., 2003. Вып. 2.
13. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М., 1990.
14. *Федотов Г.П.* Письма о русской культуре. // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 2. СПб., 1992.
15. *Булгаков С.Н.* История экономической мысли. Основные мотивы философии хозяйства в платонизме и раннем христианстве. Понимание в христианстве вопроса о собственности // Булгаков С.Н. История экономической мысли. Т. 1. Вып. 3. М., 1916.
16. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990.
17. *Сиземская И.Н.* Синкретизм как системообразующая парадигма русской мысли // История мысли. Русская мыслительная традиция / Под ред. И.П. Смирнова. М., 2013. Вып. 6.
18. История русской экономической мысли / Под ред. А.И. Пашкова, Н.А. Цаголова. Т. 3. М., 1966.
19. *Штейн В.М.* Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX веков. Л., 1948.
20. *Есаулов И.А.* Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995.
21. *Туган-Барановский М.И.* Теоретические основы марксизма. М., 1918.
22. *Безобразов В.П.* Народное хозяйство России. Т. 1. СПб., 1882.

23. *Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1986.
24. *Смирнов И.П.* Идея об артельности русского народа в своем историческом развитии // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. М.; Волгоград, 1996.
25. *Аксаков И.С.* О ремесленном союзе в Ярославской губернии // Русская Беседа. 1858. Т. 2.
26. *Прыжов И.Г.* Нищенство. (1862) / Прыжов И.Г. Очерки. Статьи. Письма. М.; Л., 1934.
27. *Евдокимов А.А.* Кооперация и религия. М., 1916.
28. *Максимов Е.Д. (Слобожанин).* Содержание и природа артельного движения. Пг., 1918.
29. *Максимов Е.Д.* Историческое развитие идей артельного движения. Боровичи, 1919.
30. *Максимов Е.Д.* Новые построения в идеологии и теории кооператизма-артельности. Пг., 1919.
31. *Смирнов И.П.* «Экзистенциальный экономист» И.Х. Озеров // Философия хозяйства. 2001. № 4.
32. *Озеров И.Х.* Исповедь человека на рубеже XX века. М., 1904.
33. *Ясперс К.* Духовная ситуация времени. М., 1990.
34. *Неклесса А.И.* Российский проект // Философия хозяйства. 1999. № 4.
35. *Смирнов И.П.* Русская социально-экономическая доктрина в трудах М.И. Туган-Барановского, С.Н. Булгакова и Н.А. Бердяева. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
36. *Осипов Ю.М.* Парижские перипетии // Философия хозяйства. 2013. № 4.

И.В. ПШЕНИЦЫН

Своеобразие отечественной мысли и его реализация в концепции общей теории экономики

Отличительной особенностью России является относительно позднее и сравнительно неполное отчуждение от земли. Прошло совсем немного времени с тех пор, как общинное землепользование во многом определяло Русский мир. Это позволяет сегодня утверждать, что отечественная мысль является по своей природе народнохозяйственной, а не экономической. Данная отличительная особенность рус-

ской мысли объясняет ее не востребованность экономической наукой, в которой господствует экономический подход. Этот принцип в корне отличен от народнохозяйственного подхода, поскольку по своей природе экономика и хозяйство абсолютно различны. Особенность хозяйства состоит в единстве с природой, землей, что выражается в его безотходности, экологичности. Хозяйственные процессы образуют единый жизненный уклад народа, что исключает также демографические проблемы, поскольку состав и единство семьи являются важнейшими факторами хозяйственного уклада. Духовные скрепы поколений, воссоздающие духовный мир человека, порождены целесообразностью народнохозяйственной деятельности. Экономический подход, напротив, определяется отчуждением от земли, усиливает отчуждение, разрушает жизненный уклад народа, который превращается в гражданское общество горожан. Всеобщей формой отчуждения от земли является город, мегаполис. Горожанин-гражданин отчужден от природы искусственной социальной средой.

Для духовного мира человека тяжелым последствием отчуждения является утрата народнохозяйственной целесообразности человеческой деятельности. Хозяйственная деятельность в силу своей целесообразности, включенности в родовую жизнь развивает в человеке дар предвидения, видения во времени. Экономический подход, напротив, абсолютизирует принцип экономии затрат и роста производительности. Порождаемый мануфактурным разделением процесса труда рост производительности оправдывает с точки зрения экономической науки утрату народнохозяйственной целесообразности и отчуждение труда от человека. В возникающей таким образом рыночной экономике человек работает, расходует рабочую силу и в результате отсутствия у этой работы рождающей человека народнохозяйственной целесообразности обоснованным становится ее всемерное сокращение, экономия. Таким образом, отчуждение труда делает абсолютным принцип экономии или роста производительности. Городская или политическая экономия основывается на этом принципе, делает его мерой и критерием исторического прогресса. Этот основанный на отчуждении от земли и труда, разложении хозяйства, экономический подход лежит в основании классической политической (по сути городской) экономии и всей экономической науки. Экономисты некритически переносят его на народнохозяйственную жизнедеятельность, несмотря на то что экономия по отношению не к работе, а к жизнедеятельности абсурдна по существу.

Для понимания оснований экономической теории и формирования целостного восприятия экономики необходима общая теория экономики. Речь идет о фундаментальной теории, которая раскрывает

существующие концепции как верные при соответствующих ограничениях. В результате разнообразные экономические теории оказываются моментами общей теории, которая раскрывает их роль в объяснении развития экономики.

Однако при всей актуальности общей теории реализовать ее замысел трудно. Главная сложность заключается в поиске достаточного теоретического основания, которое показало бы ограниченность принципа абсолютной экономии и роста производительности, позволило бы рассматривать существующие теории как частные и создать общую теорию, объясняющую известные проблемы экономики и показывающую ограниченность роста производительности.

В экономической науке на коренной методологический вопрос: что считать общей теорией, а что — частной, существуют различные, даже противоположные, точки зрения. Великий английский экономист Джон Мейнард Кейнс имел основание назвать свою концепцию «Общей теорией занятости, процента и денег», частным случаем которой была оторвавшаяся от практики классическая теория. Тем не менее вскоре уже теорию Кейнса представили как однофакторную модель, как частный случай теории, рассматривавшей помимо занятости изменение и других факторов.

Такая метаморфоза общего и частного происходит всегда, когда теоретикам не ясна природа анализируемого объекта, когда утрачены ориентиры в море эмпирической информации, но ее необходимо как-то классифицировать и систематизировать. Тогда развитие теории представляют как рассмотрение большего количества факторов, вариантов или состояний. В результате, действительная природа объекта науки представляется лишь частным случаем, рассматриваемым наравне с другими. Это похоже на рассмотрение здорового человека как частного случая во множестве по-разному больных людей, хотя очевидно, что только выявление здорового состояния позволяет диагностировать разнообразные болезни, являющиеся, по сути, отклонениями от этого состояния. Поэтому, создавая общую теорию экономики, необходимо силой научной абстракции проникать в природу экономики, раскрывать ее развитие в чистом виде, а не стремиться сразу охватить все, что называли когда-либо или называют сейчас экономикой.

Общая теория экономики имеет отличительные принципы. Они близки принципам Альфреда Маршалла (1842—1924), автора уникального учебника «Принципы экономической науки», соединившего подлинно научные открытия с допустимой степенью их популяризации. Маршалл убеждал, что «природа не делает скачков» и считал реализацию этого принципа главной отличительной особенностью

своего учебника и экономики. Свойство непрерывности характерно для живого объекта, являющегося единым целым, между частями которого нет разделяющих границ. При этом отсутствие разделительных границ не отрицает многообразия частей.

Таков первый принцип Альфреда Маршалла — *принцип непрерывности*. В соответствии с ним невозможно отделить одно экономическое явление от другого, одну сферу экономики от другой, а микроэкономику от макроэкономики. Не следует также искать границы между процессами в экономике или между экономическими понятиями, между заработной платой и прибылью, а тем более, не найдя ее, утверждать, что заработная плата и прибыль, в принципе, одно и то же. Принцип непрерывности не сужает многообразия экономических явлений и процессов.

Другим принципом Альфреда Маршалла, характеризующим экономику, является *принцип замещения*, утверждающий, что развитие экономики происходит в результате замещения образующих ее элементов. Аналогично развивается любой живой объект, в котором посредством обмена веществ с внешним миром создаются новые клетки, замещающие со временем старые. Нечто подобное происходит и в экономике. Новые технологии, новые отрасли и предприятия конкурируют с действующими и замещают некоторых из них. Механического добавления или замены здесь не происходит.

Маршалл подчеркивал важность данных принципов, что отражено в названии его учебника, и сознавал, что эти принципы характеризуют экономику как живой объект. Поэтому экономические законы, как и законы живой природы, имеют форму тенденций. Это заставляло Маршалла подчеркивать близость экономической науки с биологией. Поэтому он отмечал ограниченность математических методов и моделей в экономике, хотя с юности любил математику. В конце жизни Маршалл открыто признавал, что Меккой экономиста является не экономическая динамика, а экономическая биология.

Тем не менее создатель концепции неоклассического синтеза, автор популярного учебника «Экономикс», Пол Самуэльсон называл «болтовней» попытки объяснять сложность экономики аналогией с биологией¹⁶. Это отрицание говорит о недопонимании методологических принципов основоположника неоклассики. Поэтому сегодня при создании общей теории экономики приходится говорить не о том, «чего не знал Альфред Маршалл», а о принципах, которые он поло-

¹⁶ «Несомненный прогресс последних десятилетий в биологии, происходящий в результате использования приемов физики, подтвердил мое заявление двадцатилетней давности, в котором говорилось, что уникальный биологический метод представляет собой в основном пустую болтовню» [1, 363].

жил в основание своей концепции, но которые не поняли современные неоклассики и нобелевские лауреаты.

Третий принцип общей теории экономики заключается в признании *естественных законов* в экономике. Хорошо известно, что экономические законы являются необходимыми, устойчивыми, повторяющимися причинно-следственными связями, которые носят объективный характер, поскольку отражают реальные процессы в экономике. Однако в научном сообществе общественные законы часто противопоставляют естественным законам — по аналогии противопоставления общественных и естественных наук. Сторонники такого понимания исходят из того, что естественные законы действуют независимо от воли и сознания людей, тогда как в общественной жизни законы не действуют вне сознательно принимаемых решений.

Между тем классики политической экономии стремились открывать естественные законы. Они полагали, что экономическая наука имеет целью открытие естественных законов экономического развития. Примером такого открытия является «невидимая рука» Адама Смита. Известна также *естественная* цена Уильяма Петти (1623—1687), основанием которой признавался труд, *естественный* закон народонаселения Т. Мальтуса. В предисловии к «Капиталу» Карл Маркс критикует Давида Рикардо, который «рассматривает противоположность классовых интересов как *естественный* закон общественной жизни» [2, 14].

Естественность законов у классиков означала производность от них мотивов поведения людей. Эти законы, в отличие от юридических, не определяются сознательным выбором, а сами определяют этот выбор. Классики признавали естественные законы в обществе, но не объясняли их происхождение, по аналогии с естественными законами природы. Поскольку естественные законы не порождаются человеческим выбором, основоположники экономической науки полагали, часто негласно, что экономические законы, как и естественные законы природы, созданы Богом и существуют вечно. Естественные законы получались не историческими.

Маркс раскрыл природу естественного в экономике. Он рассматривал общественные естественные законы как продукт практической деятельности людей. С изменением характера этой деятельности изменяются и естественные законы общества, поэтому они являются естественно историческими. Маркс понимал развитие общества как естественноисторический процесс [2, 10].

Различные направления в экономической науке можно классифицировать по их отношению к естественным законам. Поиск естественных законов характеризует классический подход, признаком кото-

рого является признание естественного закона саморегулируемости экономики, прообраза божественной «невидимой руки» А. Смита. Неслучайно Дж.М. Кейнс рассматривал признание саморегулируемости экономики как особенность классического направления в экономической науке. Между тем саморегулируемость является естественным законом органически целого объекта. А поскольку объект экономической науки сложный, живой, экономические законы отличаются от механических законов неживой природы, носят характер тенденций и не описываются математическими моделями. Стабильные и равновесные системы, чудесно описывающиеся математическими моделями, не способны к саморегулированию. В то же время тенденция экономического закона не отменяет его неотвратимости, она касается лишь формы действия закона. Действие закона-тенденции проявляется лишь, в конечном счете, через множество отклонений — так, например, происходит смена времен года.

Поскольку естественные экономические законы определяют сознательный выбор людей, они основываются на признании наряду с абстрактно-сознательным выбором экономического человека общественно-практической производственной деятельности. Естественные экономические законы порождаются характером материального труда. У Маркса естественно исторические законы порождены производственной деятельностью людей, характером взаимосвязи общества и природы. Это требует включения процесса производства в предмет экономической науки. Маркс считал это признаком классической науки и именно поэтому признавал физиократов первыми классиками.

Между тем Дж.Р. Хикс, завершая оформление исследования австрийской школой предельной полезности в теорию индивидуального выбора, отбросил естественные законы классиков. Поэтому в неоклассическом синтезе естественных законов не может быть, так как его основанием является методологическая концепция индивидуального выбора. Предметом является оптимальный выбор в условиях ограниченности ресурсов. Оптимальный выбор означает максимизацию полезности потребителя и фирмы. Неоклассический синтез вообще отрицает какие-либо естественные законы, хотя признаки рациональности выбора принимаются «по умолчанию». Признание естественных законов требует расширения предмета, признания объекта исследования.

Таким образом, в экономической науке можно обнаружить два уровня исследования — поверхностный, внешне видимый, где кажется, что все происходящее определяется человеческим выбором, и внутренний, на уровне естественных законов. Восприятие экономических отношений доступно каждому. Поэтому у людей складывается

обыденное экономическое мышление, основанное на непосредственном знании хозяйственной жизни. Между тем классики экономической науки стремились за внешней видимостью явлений обнаружить сущность — их внутреннее содержание, естественные экономические законы.

Принцип естественности экономических законов дает достаточное основание для создания общей теории экономики. Либерализм, или свобода предпринимательства, принципиально отличается в общей теории от методологического индивидуализма. Предпринимательство рассматривается как организаторская созидательная деятельность, не отрицающая естественных законов, а учитывающая и использующая их. При этом признается возможность индивидуального выбора экономического человека как момента общественной практической деятельности.

Признание естественных законов в экономике проявляется в понимании *саморегулируемости экономики*, что характеризует и концепцию, и учебник А. Маршалла. Между тем саморегулируемость экономики говорит о невозможности исходить из индивидуального выбора экономического человека для понимания природы экономики. В своем учебнике Маршалл открыто критикует концепции, основывающиеся на субъективном выборе.

О признании естественных законов в экономике говорить не просто. Концепции, отрицающие естественные законы в экономике, по существу, не могут относиться к классическому направлению, поэтому последовательное применение этого принципа переворачивает существующую классификацию направлений экономической мысли.

Непонимание Самуэльсоном неоклассических принципов Маршалла вполне закономерно. Его неоклассический синтез нельзя относить к классическому направлению, поскольку он основывается на методологическом индивидуализме, на субъективном выборе. Но именно благодаря этому подходу Самуэльсон разделил экономику на микроэкономику и макроэкономику, чего не делали ни Маршалл, ни Кейнс. Чтобы показать непрерывность экономики и подчеркнуть невозможность такого деления, важно раскрыть взаимосвязь между процессами, происходящими на микроуровне, с макроэкономическими процессами. Подобно тому, как изменения на клеточном уровне, в генах, влияют на физиологию и форму всего организма, изменения в экономике на микроуровне порождают структурные изменения. Здесь микроуровень и макроуровень взаимосвязаны. Нечто похожее происходит и в экономике. Например, разделение труда порождает общественные экономические процессы.

Принципы непрерывности и замещения, как и признание естественных законов в экономике, необходимы для создания общей теории. Это обусловлено целостностью экономики как объекта исследования и сложностью ее внутреннего строения. Основанием структуры экономики является деление экономических процессов на естественные, т. е. определяющие выбор, и сознательно выбираемые на различных уровнях экономики. В этом проявляется отношение общей теории экономики к теории экономического выбора. При этом народнохозяйственный подход раскрывает ограниченность принципа экономии, поскольку основанием экономики является отчуждение от земли и труда, разрушающее духовный мир человека.

Литература

1. Самуэльсон П. Монополистическая конкуренция — революция в теории // Теория фирмы / Под ред. В.М. Гальперина. Вып. 2. СПб., 1995.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.

В.В. РЫШКУС

О специфике русской хозяйственной мысли, ее настоящем и будущем

Национальная мысль рождается в тех специфичных условиях жизни, при том образе жизни и характере жизнедеятельности, которые присущи тому или иному народу. Ее своеобразие формируется по мере укоренения самого образа жизни в сознании людей и находит выражение в произведениях искусства, изобретениях, научных открытиях, философских трудах. Свообразие русской мысли выражено не только в богатстве языка — для многих слов и понятий не может быть найдено аналогов в других языках мира. Исконно русская мысль постигает больше, чем просто человека. Поднимаемые И.Т. Посошковым, М.В. Ломоносовым, С.Н. Булгаковым и многими другими отечественными мыслителями вопросы обращены к *природе человека*, его взаимодействию с окружающим миром. Перед нами не индивидуальный потребитель, как видится представителям мейнстрима, а человек, живущий в неразрывном духовном единстве с семьей, народом, предками, детьми. Постигание человека обращение к его внутреннему миру, к тем потребностям, удовлетворение которых формирует богатство его внутреннего мира, делает человека физически, интеллектуально, духовно богаче, сохраняет целостность и един-

ство со своим родом. Примечательно, что та исконно русская мысль, которая обращается, казалось бы, к вопросам экономики, выходит за ее рамки.

Сам термин «экономика» не отражает тех национальных *пространственно-территориальных* особенностей России, которые способствовали формированию русской национальной мысли. В связи с этим наиболее предпочтительным является употребление понятия *русская хозяйственная мысль*. Вопросы внешних потребностей, материального богатства, человеческого капитала не поднимаются в русской хозяйственной мысли. Многообразие идей, возникающих в ней, подчеркивает историческую специфику жизнедеятельности русского народа, которую всегда отличала целостная жизнь и в природной среде, и в доме, и в семье, и в общественных отношениях. Эта специфика сформировала не одно поколение людей и стала неотъемлемой чертой жизни русского человека.

По сути, сегодня мы действительно нуждаемся в осмыслении русской хозяйственной мысли в контексте как международной экономической мысли, так и собственного пути развития и его перспектив. Господство западной экономической мысли, безусловно, не ограничивается развитыми западными странами мира, а распространяется далеко за их границы. Ее проникновение в умы современных отечественных ученых неслучайно. Характерный для развитых стран индивидуалистический образ жизни в гражданском обществе, основанный на максимальном удовлетворении возрастающего числа потребностей, проникает сегодня и в отечественные реалии — проникает, но не доминирует, в отличие от тех же развитых стран. Когда характер деятельности человека трансформируется под влиянием развития экономики, происходит вытеснение инновациями и технологиями и идущими с ними вместе потребностями и ценностями *традиционного*, того, что было присуще жизни раньше, изменяется образ мышления человека, его поступки, направление развития идей. Можно наблюдать то, что отдельным полюсом современной отечественной экономической мысли является явно выраженная *экономикоцентрическая* направленность развития мысли. Примечательно, что ряд экономистов, которые не ратуют за развитие инновационной экономики, по сути, свои предложения по долгосрочному развитию России связывают с теми мерами и средствами, которые обеспечиваются все той же экономикой. Их *социально-экономическая* направленность основывается на экономике и опосредует всякий прогресс ее непосредственным участием. Утрачивается хозяйственность исконно русской мысли, заменяясь экономическими полуфабрикатами. Тем не менее

русская хозяйственная мысль живет, дышит и продолжает приносить плоды.

Непоколебимой в современном представлении видится роль экономики в жизни человека. Каждый человек работает, получает зарплату, тратит ее на насущные потребности, содержит жену и детей, получает пенсию, встречает старость, умирает. Попахивает однообразием и скукой. Но это реалии, скажете вы, и добавьте, что есть еще хобби, свободное время, а потому все не так плачевно. Однако такое представление — результат развития экономики внутри самого человека, образ жизни которого стал зависимым от экономики, при этом решение любых проблем он объясняет при помощи ее участия. Так было не всегда, да и теперь есть не всех. То видимое, что предстает перед нашими глазами каждодневно, может нести в себе осязаемый духовный след, идущий от наших предков к нашим потомкам, который проходит через человека сегодня. Если этот след сохраняется в человеке и получает продолжение посредством его духовной связи с предками, современниками и потомками, то не все потеряно в этом, казалось бы, глобальном бездуховном мире.

Территориальные, природно-климатические особенности стали основой формирования специфики жизни русского народа, особого уклада жизни, формирующего духовность и целостность каждого отдельного человека и всего народа в целом — того пространственного потенциала, который продолжает накапливаться на территории страны и по сей день. Господство экономической мысли демонстрирует постижение и познание всех явлений и процессов через призму экономики, понимание национальной специфики в рамках экономики, выражение этой специфики экономическим языком. Фантастическим выглядит существование какой-то иной, хозяйственной, сферы, которая может выразить те особенности, которые отличают Россию и характер жизнедеятельности русского народа. Тем более в английском языке термины «экономика» и «хозяйство» и вовсе не различаются.

Как было отмечено ранее, русская хозяйственная мысль, следуя за спецификой жизни русского народа, обращаясь к природе человека, рассматривает его жизнь целостно — с момента рождения до самой смерти. Более того, она выходит за рамки мирской жизни, уделяя особое внимание духовным связям между поколениями людей, или, как недавно выразился Президент РФ В. Путин, «духовным скрепам», которые, увы, многими людьми сегодня утрачены. Это подчеркивает то, что природа человека не есть природа индивида, выхваченного из контекста территориально-пространственных особенностей его жизни. Наличие межпоколенных духовных связей раскрывает природу человека как живущего в неразрывном единстве с народом. Это фор-

мирует иную структуру потребностей самого человека, в отличие от укоренившейся в науке «пирамиды Маслоу».

Характер жизни человека в хозяйстве является *деятельным*, наделенным особой целесообразностью, сообразующейся с его природным семейно-родовым предназначением. Это проявляется и в создании семьи, и в особенностях воспитания детей, и во взаимодействии с окружающим миром. В экономике, напротив, производство и потребление разведены в самостоятельные сферы. Появляются абстрактный работник и абстрактный потребитель, а человека как цельного существа, созидающего продукт труда и затем его потребляющего, нет. В экономике деятельность перестает быть *потребностью*, становясь *средством* получения доходов для удовлетворения разнообразных потребностей, не сообразующихся никак с истинной природой человека.

Если говорить о России, то существование хозяйства на территории страны выражено и во внешних признаках. Во-первых, это соотношение городского и сельского населения. Примечательно, что из 73% городского населения России 59% проживает в городах с городскими условиями жизни, 14% — с сельскими [1, 215]. Во-вторых, это *пространственная неоднородность* экономического развития. Интересно, что проблемой экономической неоднородности занимается *региональная экономика*, но, будучи отраслью экономической науки, решает ее в рамках своего предмета и соответственно ищет способы ее преодоления с целью развития экономики.

Последнее время получает развитие *пространственная экономика*, являющаяся и региональной, и городской, и транспортной, и сетевой, но все-таки экономикой. Любые территориально-пространственные особенности учитываются с точки зрения принесения максимальной экономической выгоды от использования тех или иных территорий, унификации регионов для менее болезненного проникновения в них экономики и установления единого экономического пространства. Такие особенности характеризуются как негативные, препятствующие развитию экономики, а потому предлагаются способы их нейтрализации. Но раз о них говорят, следовательно, они продолжают сохраняться.

Верно говорится, что нельзя сравнивать развивающуюся экономику России с развитыми экономиками, поскольку они по-разному влияют на процессы, происходящие внутри государства. Если взять проблему иммиграции, то в развитых странах происходит действительное замещение коренного населения выходцами из экономически отсталых регионов, которые, приезжая в эти страны, вносят свою культуру, традиции, отличные по содержанию от того, что было в

них. В России эта проблема стоит иначе: выходцы из бывших союзных республик так или иначе воспитывались в семьях с русским менталитетом, а потому историческая память, духовное единство народа сохраняются. Они не разрушают тех устоев, того уклада, который существовал до их переезда на новые территории. Это является существенным в контексте поднятой когда-то А.И. Солженицыным *проблемы сбережения народа*.

Часто среди стратегов развития России сегодня можно услышать мнение, что с Запада насаждается много зла, много ценностей и традиций, противоречащих жизни русского народа: критикуют Запад и все с ним связанное как что-то духовно разлагающее, деморализующее. Однако, не стоит считать, что нам кто-то что-то насаждает. Проникновение иных ценностей и потребностей в жизнь человека и дальнейшее вытеснение ставших давно традиционными потребностей подчеркивают то, что само хозяйство, не только в котором жил человек, но и которое жило в человеке, уходит. Утрачивая свой духовный стержень, сформированный в хозяйстве, человек трансформируется, меняя, главным образом, характер своей жизнедеятельности, переставая иметь целесообразную хозяйственную чувственно-практическую деятельность в качестве потребности. На смену ей приходят физиологические потребности, в то время как в хозяйстве они были лишь средством жизни. Примечательно, что в представлении западного человека он готов на все, на любой грех, ради удовлетворения физиологической потребности. Так, героиня романа «Унесенные ветром» говорит, что не может себе представить, что она будет голодать. Для нее это потребность первостепенной важности. Образ жизни русского народа сложился иначе. Как выразился В. Путин, у русского человека «все-таки другие задачи, что-то такое, за горизонт уходящее. Что-то такое душевное. Что-то такое, связанное с Богом» [2]. Этим чем-то и является хозяйство. И это уже не внешние признаки, а внутренние, отражающие духовный мир народа.

Как раз эту национальную специфику и необходимо учитывать в стратегиях развития России, если есть желание, чтобы русская хозяйственная мысль не канула в лету. Неоднократно подчеркивалось, что невозможно насадить, построить гражданское общество, демократию, если это противоречит жизни народа, его традициям, особенностям уклада и территориальным характеристикам. Об этом говорил К. Маркс в письмах В. Засулич, об этом говорят и некоторые наши современники. Объективная специфика, характерная для конкретной территории, региона, выражающая отсутствие однородности экономического пространства, не может не быть учтена. Это заставляет

задуматься о том, что у России своя судьба, которая отличается от путей развитых экономик.

Переосмысление русской хозяйственной мысли сегодня неслучайно еще и с точки зрения того, что реальной становится проблема духовности. Сама постановка этой проблемы определяется тем, что духовность, по всей видимости, утрачивается. Прежде эта проблема остро не стояла. Если организм здоров, то нет необходимости его лечить, а если начинается какая-то болезнь, то причину следует искать не в дне сегодняшнем, а в том его эволюционном развитии, из-за которого болезнь случилась. У нас по привычке ищут средства искоренения болезни, не разобравшись в ее существе, не изучив природы. Так и получается, что в сегодняшнем дне все эффективные средства, по мнению специалистов, связаны с экономикой, если говорить о социальных, демографических, экологических проблемах. Эти средства меняют ситуацию внешне и в краткосрочной перспективе, однако, не постигнув истинного происхождения, не влияют коренным образом на ситуацию. Начинаются призывы к ограничению негативного воздействия СМИ на сознание людей, к необходимости духовного воспитания детей, восстановлению нравственности в обществе, однако, как писал Л.Н. Толстой, «зло уничтожится вне нас, только когда оно уничтожится в нас» [3, 354]. Но за счет лозунгов и призывов ситуацию не исправить. Дело не в сознании людей, а в характере их жизнедеятельности, который должен в корне поменяться, если есть желание перевернуть ситуацию.

То, о чем идет речь в отношении хозяйства, кому-то кажется ветхим, устаревшим. Конечно, это не инновации в действии, но это то, что к этим самым инновациям приводит. Однако это не замечается. Человек вырывается из контекста целостной жизни где-то на этапе экономически активного возраста — ему представляется, что все он может, умеет, готов работать в экономике. А зачем было дано детство, юность, как он формировался на этих стадиях жизни, экономическую мысль не волнует. Эта разрозненность приводит к утрате понимания хозяйства как целостного мира, связующего не одно поколение людей. Где человек черпает всю ту энергию, которая потом направляется на великие свершения, научные революции? Конечно, там, где он растет и развивается как целостное существо, где он раскрывает свою природу во всей полноте, где формируется духовное единство с детьми, предками, родными людьми и просто окружающим миром, природой. Здесь происходит действительное накопление той пассионарности, о которой принято рассуждать в контексте инновационных прорывов современности. И дело, конечно не в том, ходит человек в церковь или нет, читает Библию или нет. Это все только лишь воз-

можное внешнее проявление внутреннего порыва. Но порыва может и не быть. Дело в том, что в хозяйстве сам образ жизни и характер деятельности человека наделены любовью к природе, семье, народу, Богу, и все это едино и цельно, и живет внутри самого человека. Он не поднимает вопроса о существовании Бога, потому что во всех его поступках и действиях, в той универсальной чувственно-практической хозяйственной деятельности, которую он ведет, проявляется то, что Бог живет внутри человека. И потому вопрошать о том, верит он в Бога или нет, необходимости нет.

Нашей задачей как русских ученых является недопущение исчезновения русской хозяйственной мысли, ее ухода в прошлое. Для этого важным видится учет пространственных особенностей развития России, понимания истинных причин формирования пространственного потенциала, создания условий для сохранения хозяйства и того уклада жизни, благодаря которому человек раскрывает свою природу и накапливает духовную, интеллектуальную, физическую энергию, пассионарность.

Литература

1. Пространственный потенциал в стратегии социально-экономического развития России. М., 2011.
2. Посещение телеканала Russia Today Президентом РФ В.В. Путиным 11 июня 2013 г. // <http://kremlin.ru/news/18319>
3. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. Т. 14.

С.Г. КОВАЛЕВ

Российская экономическая мысль сквозь призму ноосферного развития

Эволюция общества и природы вступает в новую фазу — фазу совместной эволюции — *коэволюцию*. Общество всю свою историю развивалось за счет природной окружающей среды, ресурсов геосферы (литосферы, гидросферы, атмосферы) и биосферы. Используя естественную среду, человечество параллельно создавало и создает искусственную, квазиприродную среду для своего обитания, развития.

Высокая антропогенная нагрузка на природную среду, обусловленная расточительным ресурсозатратным хозяйствованием, подрывает естественную среду обитания самого человека.

С одной стороны, нарушая планетарные балансы кругооборота веществ, газов, воды, теплоэнергии, человечество корректирует при-

родный механизм эволюции атмосферной, климатической, гидрологической систем, с другой — загрязняя окружающую среду, подрывает многообразие растительного и животного мира, а в конечном итоге — свой собственный эволюционный и воспроизводственный механизм, адаптационные возможности которого в условиях резких отклонений среды от нормального состояния невысоки.

Выйдя из границ природной биологической регуляции численности, человечество, расширяясь и покоряя биосферу, силой своего разума создает искусственные производительные силы и искусственную среду для своего обитания, тем самым — сферу материальной и духовной культуры, новую, отличную от природы, существующую наряду с природой, оболочку для своего обитания и развития — *ноосферу*.

Если раньше, говоря словами К. Маркса, можно было рассматривать историю с двух сторон, разделить на историю природы и историю людей, то начиная с XX в., это уже невозможно. Первыми на эту особенность и процесс обратили внимание французский математик Э. Леруа, французский философ, теолог П. Тейяр де Шарден, российский ученый, естествоиспытатель, философ-материалист В.И. Вернадский. Последний понимал ноосферу двояко: 1) как длительный процесс — «эволюционный процесс... создал новую геологическую силу — научную мысль социального человечества»; 2) как будущее человека — «то будущее, которое геологически неизбежно моим внукам и правнукам», будущее, создающееся путем «перестройки биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого».

В своей последней работе «Несколько слов о ноосфере» Вернадский высказал пророческую мысль: «Сегодня мы переживаем новое геологическое эволюционное изменение биосферы: мы входим в ноосферу».

Отметим отличительные черты подхода В.И. Вернадского к ноосфере:

- историчность, включающую несколько этапов формирования ноосферы: зарождения (18—20 тыс. лет назад); непрерывного создания (в течение 5—7 тыс. лет); ускорения, вселенности (с XX в.);
- неравномерность пространственно-временного формирования и неоднородность, обусловленную спецификой регионов мира (природно-экологической, историко-этнической, социально-экономической);
- неодномоментность: и прошлое, и настоящее, и будущее всей цивилизации;

- оптимистичность — рассуждения о возможной гибели цивилизации связаны с недооценкой силы процессов перехода биосферы в ноосферу.

Если собрать высказывания В.И. Вернадского о ноосфере, то складывается следующая концепция: 1) человек — великая, постоянно возрастающая геологическая сила; 2) вся культура, охватывающая всю поверхность земной коры, является созданием научной мысли и научного творчества; 3) вместо прежней природы человек создает новую культурную природу, резко меняет облик земной коры; 4) сила человека в его разуме, устремленной и организованной воле его как существа общественного; 5) царство разума — не только научная мысль, но и все духовные проявления человечества; б) человек получает возможность для использования его вековых духовных стремлений.

Последние положения стыкуются с идеями русских философов-космистов: И.Ф. Федорова, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, К.Э. Циолковского, рассматривавших мир как одухотворенное всеединство, софийно.

На пороге XXI в. произошел качественный скачок в производственной деятельности человека, приведший к еще большему выходу человечества за пределы биосферы, что влечет за собой: а) увеличение расходов природных ресурсов, необратимое воздействие на природную среду, ухудшение ее состояния, усиление неравномерности в развитии стран, несмотря на предпринимаемые развивающимися странами попытки сократить уровень их технического и социального отставания от развитых стран; б) порождение глобальных проблем, т. е. проблем, отличающихся масштабами последствий, остротой проявления, теснотой связи между собой, решение которых требует скоординированных усилий всего человечества, а не только отдельных государств, что фактически предполагает глобальное социальное конструирование человеческого общества.

Россия обладает наибольшим естественным пространством на душу населения и емким экономическим пространством, обусловленным внутренним производственным и потребительским платежеспособным спросом.

Пространство многомерно, данное понятие выражает не только физическое пространство материального мира, но также социальное пространство, т. е. искусственное пространство, созданное взаимодействием людей, причем не только стихийно, но и осознанно для своего воспроизводства и жизнедеятельности. По отношению к суверенной стране можно говорить о земном пространстве, которое оно занимает, контролирует и которое приходится на душу населения. Примени-

тельно к России можно констатировать, что она обладает самым большим природным территориальным пространством на душу населения. Это, несомненно, ее основное богатство среди стран мира. Большая территория позволяет претендовать на большую долю космического, воздушного, арктического пространства, пространства недр, береговых, океанических и морских вод. Соответственно это и потенциальное ноосферное пространство. Вопрос удержания и сознательного развития социального пространства, в том числе его целевое конструирование на основе национальной и планетарной мысли, актуальная задача, стоящая перед страной.

Вернадский пытался осмыслить миссию России в формировании нового человеческого мышления и нового человеческого общества и места России в данном процессе. Однако вся российская общественная экономическая мысль до и после Вернадского в той или иной степени вращалась в круге данной проблематики, в том числе в поисках собственного пути развития России. В качестве иллюстрации можно привести жизненный путь и взгляды таких мыслителей, как И.Т. Посошков (1652—1726), М.В. Ломоносов (1711—1765), С.Н. Булгаков (1871—1944), Л.А. Чижевский (1897—1964), С.А. Подолинский (1850—1891), С.Ф. Шарапов (1855—1911), Д.И. Менделеев (1834—1907), К.П. Победоносцев (1827—1907), Г.А. Тихомиров (1852—1923), К.Э. Циолковский (1857—1936), И.Л. Солоневич (1891—1953) и многие другие.

Ретроспективно можно выделить несколько направлений, предшествующих и вписывающихся в пространство идей Вернадского: российский космизм с его материалистическим оттенком (Циолковский, Чижевский, Подолинский, Вернадский) и идеалистическим оттенком (Булгаков), российский «прагматизм» (Посошков, Ломоносов, Менделеев, Чупров, Чайанов, Кондратьев), российский консерватизм (Победоносцев, Тихомиров, Шарапов), российское евразийство (Сувчинский, Савицкий, Трубецкой, Г. Вернадский, Карсавин, Алексеев и др.). В целом их объединяют идея космическо-земной целостности, ее осмысление человеческим разумом и ее воплощение в социальной теории будущего общества в сочетании возможности суверенного развития России в будущем конструируемом ноосферном пространстве. Позднее, в 1930—1950-е гг., о судьбе России после коммунизма и вариантах ее обустройства размышляли эмигранты Солоневич, Ильин, Устрялов и др.

Кратко рассмотрим идеи отдельных российских мыслителей о развитии страны.

Иван Тихонович Посошков в работе «О скудности и богатстве» (1724) первым в отечественной экономической литературе поставил

проблемы цели (обретение целостности и преодоления оскуднения), а также выделил основные направления, посвятив им отдельные главы книги: О духовности, О воинских делах, О правосудии, О купечестве, О художестве, О разбойниках, О крестьянстве, О земляных делах, О царском интересе. Констатировал, что возможное преобразование России связано с обретением духовности, обращая внимание, что в стране нет целостности, «много нестроений» и необходимо обретение здравого смысла, единения сословий и их взаимопомощи. Поставил проблему «напрасной скудости» и «гобзовитого богатства».

Михаил Васильевич Ломоносов в 1761 г. в письме графу И.И. Шувалову «О сохранении и размножении российского народа» писал: «Разбирая свои сочинения нашел я старые записки моих мыслей, простирающихся к приращению общей пользы... может быть, найдется в них что-нибудь, к действительному поправлению российского света служащее... мысли подведены быть могут, как мне кажется, под следующие главы:

1. О размножении и сохранении российского народа.
2. О истреблении праздности.
3. О исправлении нравов и о большем народе просвещении.
4. О исправлении земледелия.
5. О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств.
6. О лучших пользах купечества.
7. О лучшей государственной экономии.
8. О сохранении военного искусства во время долговременного мира» [1].

К сожалению, из всего задуманного он, видимо, успел написать лишь первую записку, в которой обрисовал тяжелое положение крестьян, их быта и показал возможные пути облегчения участи важнейшего сословия России. Он считал проблему сохранения и размножения российского народа главным делом, от которого зависит величество, могущество и богатство государства. Обширность территории без населения, без народного приращения Ломоносов рассматривал как препятствие для развития страны.

Важнейшей задачей он считал развитие ремесленных дел и художеств. В этом направлении сам прилагал большие усилия, создав производство цветного стекла, занимался разведыванием полезных ископаемых, ратовал за составление точного описания территории страны, посылая географические экспедиции для составления точных карт местности, местоположения городов, селений; обосновывал целесообразность исследований по освоению северного морского пути,

строительства каналов, дорог. Он считал, что Россия должна утвердиться в торговле с зарубежными странами, в том числе с Японией, Китаем, Индией. Ломоносов видел Россию морской державой, сопоставимой с другими крупными морскими державами. Всю свою кипучую энергию он направлял на развитие как науки, так и производственных сил страны. При этом часто в условиях перманентной борьбы с представителями западных научных школ, работавших в Российской академии наук.

И сегодня, 250 лет спустя, изучая замыслы Ломоносова, адресованные государственным властям, видно, что многие проблемы, поднятые им, актуальны и в наши дни. К ним можно отнести вымирание народа и его эмиграцию, обретение страной достойного места в глобализирующемся мире, развитие науки, государственной политики в сфере развития страны.

С.Н. Булгаков, выдающийся экономист и религиозный философ, поднял много проблем, актуальных и для сегодняшней России. Это и ранние работы по экономическому развитию страны, теории рынков, по расширенному воспроизводству, а затем работы, связанные с философией хозяйства и нравственным совершенствованием человека.

Ранние экономические взгляды С.Н. Булгакова неразделимы от развития и формирования российского капитализма в конце XIX — начале XX в. Данному вопросу посвящены несколько его работ, и, прежде всего, «О рынках при капиталистическом производстве. Теоретический этюд» (1897), «Капитализм и земледелие» (1900)

В этот ранний творческий период Булгаков стоит на позициях ортодоксального материалистического марксизма и пытается популяризировать и отчасти дополнить некоторые положения теории капиталистического воспроизводства, развитые Марксом, доказывает, что капитализм может существовать и без внешнего рынка на основе развития внутреннего рынка и прежде всего сельскохозяйственного производства. В этот же период он указывает на два фактора своего постепенного отхода от марксизма: а) отдельные положения марксизма подрываются изнутри на основе научных исследований, в том числе и личных¹⁷; б) другой фактор — занятия философией привело к разочарованию в гносеологических основаниях марксизма, кратко выраженной формулой: от марксизма к идеализму.

¹⁷ Он писал: «аграрная эволюция совершенно не имеет предлагаемого мною и желаемого характера... От здания, которое еще недавно казалось мне столь стройным и целым, остались одни стены» [2, XII].

В дальнейшем Булгаков пытается сформировать свое понимание теории общественного хозяйства сквозь призму философского осмысления человеческого бытия, постепенно переходя от философии материализма к философии идеализма. Булгаков уходит от догматического марксизма и выпускает три крупных работы: «Два града» (1911), «Философия хозяйства» (1912) и «Свет Невечерний» (1917), в которых развивает свою оригинальную философию как философию Бога и Мира, в основе которой лежит мифологема Софии Премудрости Божией. Первым камнем в основание его софиологии является новое осмысление экономической проблематики, нашедшая свое отражение в работе «Философия хозяйства», в которой отражены проблемы экономической тематики, ее философского осмысления и православной религиозности. Он пытается дать религиозное осмысление экономической сферы, хозяйственной деятельности человека, основных категорий: труд, производство, потребление и выходит на вопрос о материи, о сущем, о мире и связи всех явлений с Богом, о единстве всех явлений и их божественном происхождении, т. е. Булгаков хочет понять высший смысл наличия человечества и двигающий им творческой активности, что приводит его к критическому отношению к философии, воплотившейся в работе «Трагедия философии» (рус. изд. 1993 г.).

После отъезда из России С.Н. Булгаков окончательно отходит от философии, от ее монического подхода к основанию философских картин мира и строит свою самостоятельную богословскую систему, значительное место в которой отводится Софии.

Объясняя смысл слов «философия хозяйства», Булгаков писал, что характерной чертой современной ему эпохи является экономизм, а именно «что ни одна еще историческая эпоха не сознавала с большей ясностью хозяйственной природы жизни и не склонна была в большей степени ощущать мир как хозяйство» (Речь на докторском диспуте 21 сентября 1912 г.) и указывал, что капитализм с его железной поступью и неотразимой мощью влечет человечество вперед по неведомому пути, то ли к последнему торжеству, то ли к гибельной бездне. Хозяйствующий человек покоряет природу и вместе с тем побеждается этой победой и все больше чувствует себя невольником хозяйства. А сложившееся экономическое самосознание, базирующееся на экономическом материализме, философском догмате о примате хозяйства в историческом бытии и сознании, ищет хозяйственную подоснову для самых высших и, казалось бы, самых духовных проявлений жизни. В итоге он пишет, что экономический материализм не может быть просто отвергнут, он должен быть превзойден.

Он ставит вопросы: что такое хозяйство, является ли хозяйство функцией человека или человек есть функция хозяйства, или кто такой хозяин? Булгаков отстаивает точку зрения всеобщего (трансцендентального) субъекта хозяйства, которым может быть только человечество как таковое, не коллектив или собирательное целое, но живое единство духовных сил, к которому причастны все люди, умопостижимый человек, который обнаруживается эмпирически в отдельных личностях, рассматривает человека как микрокосм, распространяющий свое влияние в макрокосме, а соответственно хозяйство в широком смысле есть творческая деятельность разумных существ, необходимо осуществляющих свое индивидуальное начало. Индивидуальности присуща свобода, и если свобода есть творчество, то индивидуальность есть творческое в нас начало, которое неугасимо и неустранимо и в хозяйстве.

Проблеме развития страны уделяла большое внимание и российская консервативная экономическая мысль в лице Победоносцева и Шарапова. Победоносцев в своей работе «Московский сборник» констатировал, что XIX в. — век преобразований, и предлагал опираться на здравый смысл, исходя из реальных условий и институтов, которые сложились в стране. Он писал, что с идеей преобразования происходит все то же, что со всякой новой идеей. В начале она является достоянием немногих умов, прочувствующих к осуществлению чего они стремятся, затем становится достоянием массы и переходит в состояние, в котором слово принимается на веру, становится достоянием массы и переходит на рынок и на нем мельчает. Он показал что общая болезнь так называемых государственных людей — честолюбие, или желание прославиться поскорее, им скучно заниматься улучшением текущих дел и существующих учреждений, хочется все сотворить заново, при этом они не задумываются, из чего творить, какие есть под рукой материалы, им не хватает практического разума дела. Соответственно здравый смысл, реальное дело плохо уживается с преобразовательной горячкой, не хватает реальных лиц для реальных дел.

В «Письмах к Александру III» констатировал, что «за нами, русскими, издавна замечен тот недостаток, что всякую новость из Европы мы стремимся перенять немедленно, всякое новое явление общественной жизни повторить у себя, всякое новое учреждение пересадить на свою почву, не справляясь, по плечу ли оно нам, есть ли на нашей почве для него условия правильного роста и может ли оно у нас вправду послужить действительности».

Чижевский — многогранный, энциклопедически образованный ученый-мыслитель, в работе «Физические факторы экономического

процесса» (1924) пытался найти механизм космических и солнечно-земных связей, зависимости биологических объектов от солнечной активности, и обратил внимание на нерасторжимую связь между космической активностью и историей человечества.

Циолковский первым поставил вопрос о возможности освоения космического пространства, использования искусственных спутников земли в народном хозяйстве, в том числе допускал возможность перестройки биохимической природы мыслящих существ, т. е. выход за пределы земной среды обитания, расширение возможностей их существования, и допускал возможность существования высших по сравнению с людьми существ.

Подолинский — ученый-энциклопедист, один из основателей ноосферного космизма, считал двигателем прогресса не социальную борьбу классов, рассматривая ее как механизм социального разрушения и растрату накопленной энергии, а видел двигатель прогресса в сознательно-организованной деятельности, создания нового для удовлетворения растущих потребностей общества, что нашло отражение в его теории социальной энергетике.

Дмитрий Иванович Менделеев в книге «К познанию России» (1896) размышлял о судьбе и перспективах страны. Особенность его экономических идей — их прагматизм, конкретность. Он ставил проблемы индустриализации России, направления и форм развития ее промышленности, считал, что для России не перспективны ни акционерный, ни монополюльно-казенный способ производства, а преимущественно кооперативный. Считал возможным введение протекционистских тарифов для защиты отечественного производства.

Тихомиров — философ, юрист, публицист, общественный деятель, отошедший от революционных идей, ратовавший за государственный институт власти, написавший: «Я понял, какое драгоценное сокровище для народа, какое незаменимое орудие его благосостояния и совершенствования составляет *Верховная власть* с веками укрепленным авторитетом». Указывавший на опасность механического заимствования чуждых идей; «Человек нашей интеллигенции формирует свой ум преимущественно по иностранным книгам. Он т. о. создает себе мировоззрение чисто дедуктивное, построение чисто логическое, где все стройно, кроме основания — совершенно слабого».

Шарапов — публицист и общественный деятель, пытавшийся связать идеи славянофильства с данными экономической науки и найти реальную опору свободы человеческого духа, критиковавший существовавший порядок денежного обращения в России, установленный реформами Витте (переход к золотовалютному стандарту). Выделявший три функции денежной системы: организация народного

труда (счетчиков), организатора и направителя народного труда, защиты государства от соседей-конкурентов и хищной международной биржи, и в этих целях предлагал отказаться от золотой валюты и поставить систему денежного обращения под контроль собственного суверенного государства. Относился отрицательно к привлечению в Россию иностранного капитала, рассматривал в целом деньги не как инструмент, обеспечивающий товарооборот, а как инструмент развития национальной экономики. В своей повести «Диктатор» он писал, что Россия тяжело больна и ее надо вылечить. Лекарство же — не теории, а здравый смысл. Он затуманился и исчез за странными и нелепыми понятиями о либерализме, реакции и т. п. В целом выступал за глубокое реформирование царского режима.

Евразийцы обосновывали особое положение России, не сводимое ни к странам Европы, ни странам Азии, вытекающее из ее географического положения, климатических и этносоциальных особенностей, ее особую судьбу и путь. Евразиец П.Н. Савицкий в работе «Континент-Океан» (1921) видел модель экономического развития страны в приспособлении к континентальности, т. е. не развитие внешней морской торговли, а взаимодействие между континентальными регионами, считая страну самодостаточной в экономическом плане, считал, что ее развитие должно идти не вовне, а вовнутрь, т. е. через развитие собственной промышленности и сельского хозяйства, создание внутренних экономических циклов, а не через внешнюю торговлю. Савицкий считал важным создание децентрализованной структуры экономики, концентрации промышленности не в одной, а во многих равноудаленных зонах, что помогает освоению территорий, развивает удаленные от центра области и обеспечивает занятость населения. Считал, что наиболее подходящей для Евразии является сочетание государственной и частной собственности, при этом частная собственность является оплотом хозяйствования и экономической сферы, а государственное регулирование и финансирование необходимы для координации между регионами и для крупных хозяйственных проектов, имеющих долгий временной лаг реализации и требующих больших ресурсов для их осуществления.

В целом евразийцы, обосновывая свои взгляды, упор делали не на все евразийское пространство, весь континент Евразия, а лишь на ее часть — северную Европу, часть северной и восточной Азии, т. е. территорию, на которой исконно на протяжении веков формировалась Российская империя. По Гумилеву, происходили ритмы Евразии: чередование интеграции и дезинтеграции (империя готов, гуннов, хазаров, татаромонгол, Киевская Русь, Российская империя, СССР).

Опора на идеи Вернадского и других экономистов о понимании хозяйства, роли человека и его нравственного совершенствования в процессе творческой деятельности, позволяет объективнее подойти к осмыслению современного этапа развития страны. В принципе любая модернизация призвана создать альтернативу существующей системе. Альтернативность необходима во многих областях жизнедеятельности общества и человека, например, в стадиях экономического производственного цикла: производстве, обмене, распределении, потреблении. Но прежде всего для эффективного воспроизводства российского общества необходимо создать более комфортабельную среду для жизнедеятельности человека. В условиях глобализации человек необходимо становится не только гражданином страны, но и членом мирового сообщества. Уже во второй четверти XIX в. Фридрих Лист выделял две возможные формы ассоциации людей: современное государство, объединенное человечество. Соответственно для России очень актуальны проблемы воспроизводства населения, миграция населения, особенно выезд из страны молодежи и соответственно необходимо установление более нравственной экономики, дающей шанс любому человеку. Уже Аристотель указывал, что важнейшими атрибутами общества являются справедливость, и соответственно многие основоположники общественных и экономических наук верили в возможность экономики счастья.

По мере углубления интеграции мировой экономики в торговую, промышленную, технологическую и финансово-инвестиционную деятельности постепенно размываются границы между национальным и транснациональным, в связи с чем в процессах глобализации возникает ряд новых аспектов, которые необходимо учитывать при проведении аналитических исследований о месте России в мире, ее развитии:

- глобализация деятельности ТНК и промышленно-финансовых групп (ПФГ);
- возможность стратегического планирования и управления в глобальном масштабе;
- реальность глобальной сырьевой и продуктовой политики;
- наличие глобальной ценовой политики;
- глобализация научных исследований и разработок;
- глобальная миграция населения;
- тенденция перемещения трудоемких, ресурсоемких и энергоемких отраслей и производств из промышленно развитых стран в развивающиеся;
- глобализация транспортных потоков;

- изменения в области информации, телекоммуникаций и связи;
- глобализация технологий, производства, оборудования и систем управления и т. д.

В последние 15 лет Россия проводит политику построения открытой экономики, в которой иностранным хозяйствующим субъектам предоставлен доступ на большинство рынков и в большинство отраслей и сфер деятельности. РФ присоединилась к международным торгово-экономическим организациям, модернизировала таможенную систему в части экспортно-импортного регулирования. Важнейшими индикаторами этой открытости являются такие показатели, как удельный вес экспорта и импорта товаров в валовом внутреннем продукте, размер экспорта и импорта на душу населения, приток и отток капитала в платежном балансе, приток и отток капитала на душу населения; умеренный таможенный прессинг, конвертация национальной валюты и т. д. Совокупность этих, а также иных признаков свидетельствует о том, что РФ встраивается в действующую глобальную финансово-экономическую и социальную систему. К сожалению, в настоящее время состояние России таково, что вероятность встать под контроль лидеров мирового сообщества высока. Альтернативой такому пути является прорывное развитие, неоиндустриализация.

Задачей неоиндустриального проекта для России является разработка подхода к прорывно-инновационному развитию, составными моментами которого являются: 1) обоснование необходимости построения многомерной экономики — как сочетание: а) экономики по созданию новых технологий (лидер США), экономики по производству индустриальных товаров (лидер Китай), экономики по производству новых фундаментальных и прикладных знаний (шанс России), б) наукоемких и ресурсодобывающих отраслей, в) предприятий государственной собственности с предприятиями других форм собственности; г) крупных ПФГ с мелкими и средними предприятиями в условиях государственного патернализма; д) рыночной организации с элементами мобилизационной экономики; 2) разработка стратегии энергетической безопасности, обеспечивающей экономию ресурсов как в производстве, так и в потреблении, выступающей как источником валютных поступлений, так и фактором сохранения и развития научно-технического потенциала.

Соответственно необходимо: во-первых, исходя из протекания социального времени: прошлое (П) — настоящее (Н) — будущее (Б) перейти к модели развития выраженной формулой П — Б — Н. Национальная элита страны, опираясь на знание о ростках будущего, его намечившихся тенденциях у более исторически продвинутых систем,

имеющихся в мировой системе, может строить свое настоящее исходя не из их настоящего, а из их наметившегося будущего: беря его позитивные моменты и усиленно их развивая и блокируя негативные моменты, отсекая их от своего формирующегося настоящего. Получая тем самым скачкообразное, спрямленное (без прохождения всех побочных, тупиковых линий и их ответвлений) развитие.

Во-вторых, в условиях открытой экономики — перейти от экспорта сырья к экспорту продуктов сырьевой переработки. В настоящий момент прямой переход к инновационно-прорывному развитию невозможен, шансы упущены, требуется более сложная траектория развития. Цель системы социальной и экономической организации российского общества в начале XXI в. заключается в том, чтобы обеспечить рост информационной ёмкости производственных технологий при условии сокращения расхода ресурсов. Общество должно стимулировать развитие энерго- и ресурсосберегающих технологий, интенсивного земледелия. Это может сделать только государство, создав социальный механизм предоставления конкретных, дееспособных и всем понятных экономических преимуществ наукоемким и ресурсосберегающим технологиям. Стратегической целью государства является создание комфортабельной инфраструктуры жизнеобеспечения для работника и благоприятной бизнес-среды для развития экономики.

В последние годы в России утрачивались многие высокотехнологические отрасли. Прямое их сохранение и развитие невозможно из-за отсутствия платежеспособного спроса и рынков сбыта. Реален только один путь — построение на первом этапе неоиндустриального цикла (прежде всего для добывающих и энергетических отраслей кластера): добыча сырья — переработка — транспортировка — экспорт готовых продуктов. Этот кластер должен быть реализован на основе собственного национального машиностроения, что потребует развития многих наукоемких и высокотехнологичных отраслей, подготовки высококвалифицированных кадров, развития фундаментальных и прикладных исследований и предполагает создание новых технологий в сфере энергетики, развития всех видов транспорта, энергетического машиностроения, контрольно-измерительных приборов и т. д. При таком варианте страна останется энергетическим экспортером, но экспортером не сырья, а готового продукта. Хотя экономика остается монокультурной, но это экономика развитой страны. Данный путь позволяет также сохранять и отечественную науку, обеспечивать спрос на ее продукцию как за счет государственной поддержки фундаментальных исследований, так и за счет спроса на ее научную продукцию. Прежде всего, для секторов нефтегазодобывающего, оборонного (работающего как на внешний, так и на внутренний рынок) и секторов, работающих на воспроизводство населения (сельское хо-

зйство, пищевая и легкая промышленность, ЖКХ). Только такой путь позволит с наибольшей выгодой для себя использовать естественные преимущества страны.

Прорывное развитие — движение, нацеленное на будущее, адекватное сущностным особенностям и традициям населения, в условиях исторической необходимости снятия противоречий между кризисным состоянием общества и наличным потенциалом его преодоления, в направлении преобладания духовных ценностей, разумного ограничения материального потребления, воплощения идеи российской государственности, объединения социума не по этническому, а по духовному и нравственному принципу, занятия новых и принципиально новых наукоемких, информационных ниш в мировом разделении труда на основе создания и применения новых и принципиально новых технологий.

В этом смысле прорывное развитие есть путь *неоиндустриализации*.

Проблема социально-экономической и технологической модернизации не нова для страны: она остро встала после Крымской войны 1856 г., после Русско-японской войны 1904—1905 гг. Откровенно и жестко ее ставил И.В. Сталин, когда заявил, что Россия отстала от развитых стран на 50 лет и данный отрезок надо пробежать за 10 лет, иначе сомнут. Тем самым обосновав необходимость ускоренной индустриализации. В целом была нацелена на устремленность в будущее, на ее созидательное конструирование, отдавая приоритет нравственным ценностям. Но при своей реализации народы России, прежде всего, русский, понесли большие издержки, фактически был развернут рабовладельческий уклад в лице ГУЛАГ (табл. 1).

В конце 1920-х гг. СССР приступает к индустриализации, сперва в рамках плана ГОЭЛРО, а затем в рамках первого, второго и третьего пятилетних планов. Под индустриализацией понимается деятельность по созданию крупной промышленности на основе перехода от мануфактурного производства к машинному производству, т. е. машины частично делают машины. Под неоиндустриализацией можно понимать углубление традиционной индустриализации вширь (создание принципиально новых отраслей, например, биохимия, нанотехнологии, космические технологии) либо переход к процессам, когда машины делают сами машины. Таким образом, неоиндустриализацию можно рассматривать как новую фазу индустриализации. Особенность неоиндустриализации России в том, что в процессе 20-летней трансформации в ней разрушены старые отрасли и не создавались принципиально новые производственные отрасли. Чтобы понять возможности неоиндустриализации страны, надо посмотреть, как проходил процесс индустриализации в СССР.

Таблица 1

Особенности индустриализации в СССР

Цели индустриализации	Внешняя среда индустриализации	Содержание индустриализации
<p>1. Быстрое создание ядра отраслей: машиностроения, транспорта и военной промышленности</p> <p>2. Достижение технологической самодостаточности и независимости страны</p> <p>3. Формирование новой советской технической элиты взамен «пламенных революционеров»</p>	<p>Кризис конца 1920-х — начала 1930-х гг., поразивший большинство развитых стран Европы и Америки;</p> <p>готовность развитых стран осуществлять поставки заводов «под ключ» и передовых технологий на условиях оплаты золотом и твердой валютой;</p> <p>готовность зарубежных специалистов ехать работать в СССР при условии высокой оплаты труда</p>	<p>Мобилизация ресурсов страны на основе директивного планирования, перекачка ресурсов из сельскохозяйственного производства в тяжелую промышленность;</p> <p>наличие дешевой молодой рабочей силы в достаточных объемах, готовой участвовать в социалистическом строительстве, энтузиазм большей части населения;</p> <p>создание новой образовательной системы для целей индустриализации (фабричные и профессионально-технические училища, специализированные технические вузы и втузы);</p> <p>использование старых царских технических специалистов, у которых сохранилась высокая квалификация, ответственность, честность;</p> <p>минимальные экологические и социальные требования к вновь возводимым заводам и городам;</p> <p>закрытость страны от стихийной утечки ресурсов и валютных средств</p>

Остро проблема производственного обновления стоит и перед современной Россией. Советский Союз, проспав научно-технические революции, искал выход вначале в концепции ускорения, затем перестройки, затем рыночной системы хозяйствования, но и спустя 25 лет проблема не решена и вопрос реиндустриализации, или новой индустриализации, актуален для России. В стране были свернуты многие важные отрасли производства, а некоторые современные отрасли появляются в мире только в последние годы.

Проводя политику встраивания в глобализирующийся мир, в том числе и через участие в основных международных организациях, Россия в 2012 г. вступила в ВТО, что в принципе должно способствовать ее развитию. Во всяком случае, если удастся, максимально исключить отрицательные моменты вступления в ВТО и максимально использовать позитивное, что может принести членство в этой международной организации. И с этих позиций следует рассматривать, как членство в ВТО может способствовать производственно-технологическому развитию страны. Учитывая структуру экономики и структуру экспорта и импорта, можно констатировать, что незначительное снижение импортно-экспортных пошлин и наличие значительного переходного периода не приведут к особенно существенным экономическим последствиям по движению товаров в большинстве отраслей. Более серьезный вопрос — как ВТО повлияет на движение национального, иностранного капитала, на его ввоз и вывоз, на прямые инвестиции. Либерализация торговых барьеров не способствует вложению прямых иностранных инвестиций в экономику любой страны. Соответственно, важно изыскать меры, стимулирующие прямые иностранные инвестиции в нужные отрасли экономики. Допущение иностранного банковского капитала в лице дочерних банков с ограничением не более 50% суммарного капитала по стране в целом затруднит возможность создания специализированных банков развития, которые выполняют прежде всего функции по привлечению инвестиционных средств в приоритетные отрасли и создание новых современных рабочих мест. Возможно, допустимо использовать паевые инвестиционные фонды, аккумулируя в них не только средства физических вкладчиков, но и свободные средства государства и крупных корпораций. Либо большую часть банковской квоты страны отдать банкам развития, сократив участие российских банков в текущих коммерческих операциях в пользу иностранных банков. Такой же подход надо проводить и в области страховой деятельности: ориентирование страхового национального капитала на страхование рисков, связанных с новыми инвестиционными проектами и технологиями.

Запрет прямых субсидий для поддержания национальных производств потребует использования более тонких механизмов создания и развития приоритетных предприятий прежде всего за счет использования мер зеленой экономической зоны, создания рабочих мест с лучшими условиями труда, что не запрещено правилами ВТО, и более широкого использования механизма госзакупок.

Важным направлением регулирования товаропотоков в условиях открытой экономики является валютная политика Центробанка. За счет манипулирования курсом рубля можно стимулировать импорт

или экспорт, соответственно важно установление оптимального курса с позиций привлечения иностранного капитала и защиты национального производителя. Членство в ВТО повлияет на доходы госбюджета, причем двояко: 1) снизятся поступления импортно-экспортных пошлин; 2) в случае тенденции свертывания отечественного производства сократятся доходы в бюджет.

Укрепление конкурентоспособности возможно за счет эффекта масштаба, т. е. слияния предприятий в более крупные структуры, что позволит также иметь крупные собственные источники капиталовложений для внедрения новых технологий. В качестве источника финансирования прямых инвестиций возможна также кредитная умеренная эмиссия Центробанка под приоритетные проекты.

В целом России надо выработать модель развития, адекватную как открытой экономике, так и защите национальных интересов — адекватную будущему ноосферному устройству мира.

Литература

1. *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 6. М.; Л., 1952.
2. *Булгаков С.Н.* От марксизма к идеализму. СПб., 1903.

Г.И. МОЙСЕЙЧИК

Ю.М. Осипов как создатель новой парадигмы стоимости

Ю.М. Осипов убедительно показал несостоятельность материалистическо-эмпирического субстанциализма стоимости и обосновал его полное преодоление. Материалистическо-эмпирический субстанциализм был заимствован классической политической экономией от философии материализма. Для того же аристотелевского видения субстанции было характерно выделение некоего общего и материального субстрата, присущего некоей совокупности однородных и единичных явлений. Положенную дань аристотелианству отдали все классики политической экономии, сведя предмет политической экономии к общественному материальному богатству, а общественное богатство — к совокупности товаров, денег, ценностей. Пытаясь найти то материальное общее, что характерно массе этих разнородных предметов, универсальным свойством которых была для политэкономов их всеобщая обмениваемость, а следовательно, и некий «сидящий в них всеобщий эквивалент», классики политической экономии, назвав это свойство стоимостью, открыли ее материальный-де субстрат, или суб-

станцию — затраты труда, понимаемые как усредненные общественные издержки производства.

Такой подход находим у классиков политической экономии А. Смита, Д. Рикардо, Дж.С. Милля, хотя, нужно заметить, он не был всеобщим и даже подвергался весьма острой критике со стороны философии идеализма или дуализма. Беркли, Гегель, Фихте, Шеллинг, Соловьев и другие критиковали материалистов за «глумление над нематериальной субстанцией». В отличие от материалистов (Декарт, Спиноза, Вольтер), которые пытались найти в реальных явлениях только материальную субстанцию и признавали бытие сугубо материальной субстанцией, идеалисты и дуалисты признавали бытие, онтологию как материальной, так и идеальной, или духовной, субстанцией. Последней они придавали и определяющее значение.

Идеальная субстанция у того же Беркли есть также трансцендентная субстанция, т. е. нечто, находящееся вне вещи или явления, но движущее ими, тогда как материальная субстанция есть нечто, внутренне присущее, или имманентное, вещам и явлениям — как единичным, так и родовым, что определяет существенные свойства, или сущностные качества, вещей и явлений. Беркли полагал, что тщетно искать подлинную, внутреннюю сущность внутри каждой вещи, что внутренняя сущность вещей не есть их материальное или идеальное имманентное, а потому вообще имманентное, внутренне присущее вещи не может быть причиной движения. Далее, внутренняя сущность — как идеальная, трансцендентная субстанция — не нуждается в материальном носителе (точнее, создает себе и для себя требующиеся материальные носители либо материально-идеальные носители, которые вступают во взаимодействие с трансцендентной субстанцией, что означает, по Беркли, мировое сотворчество) [1, 184]¹⁸. Все это не значит, что трансцендентное непознаваемо, а познаваемо лишь имманентное. Трансцендентное обнаруживает себя в своих материальных носителях, в различной степени приоткрываясь познающему и действующему субъекту. Отсюда сущность не есть что-то имманентное (материальное или идеальное), а есть трансцендентное, либо то, что на границе имманентного и трансцендентного. Имманентное есть не сама по себе сущность, а лишь существенное качество вещи. Иными словами, Беркли — в отличие от материалистов (типа Аристотеля, Вольтера, Декарта, Спинозы), а также и от идеали-

¹⁸ Примерно так понимает хозяйство С.Н. Булгаков — как поле совместного творчества людей и Бога. Имманентная материальная субстанция не нуждается в субъектности и субъекте, что и послужило скрытой причиной изгнания из экономической науки человека.

стов (типа Канта) — помещает духовное в область такого же действительного и естественного, что и материальное, тем самым осуществляя синтез натурфилософии и метафизики. Отличительной особенностью метода Беркли является различение сущности и существенных качеств, т. е. по сути выделение сущностей первого и второго порядков, которые рассматриваются не изолированно, а во взаимодействии. Сущности первого порядка (трансцендентные) — неизменны. Сущности второго порядка — имманентные — изменяются, они развиваются в движении сущностей. При этом сущности второго порядка нуждаются в носителе, и сами являются носителями сущностей первого порядка. При таком «раскладе» трансцендентное и сущность трансцендентного есть не что иное, как *имманентное* (или «существенное качество») *метафизического объекта* [1, 186]. «...Все мироздание есть произведение мудрого и благого деятеля», в котором присутствуют следы, отпечатки метода и смысла творца. Стало быть, сущность включает в себя момент телеологии, конечного целеполагания, обнаруживаемого на уровне трансценденции. Сущность есть необходимость и «конечная цель вещей» [1, 186, 187, 107]. Тем самым, трансценденция сущностей первого порядка теснейшим образом связана с телеологией (целеполаганием Творца или конечным целеполаганием социально объединенного творящего субъекта).

Идеи трансцендентности, иерархии и телеологии сущности воспринимает философия хозяйства, которая выделяет в проекции на экономику три уровня бытия сущностей: идеальное, идеально-хозяйственное, материально-хозяйственное. У С.Н. Булгакова, в частности, это находит выражение в понимании им метода философии хозяйства как синтеза трех методологических подходов — «научно-эмпирического, трансцендентально-критического и метафизического» [2, 50]. Булгаков в своей философии хозяйства — как альтернативе современной ему политической экономии — выделяет трансцендентные сущности первого порядка (небесная София, хозяйство Бога); трансцендентно-имманентные сущности второго порядка — (земная София, стоимость); имманентные сущности третьего порядка — (общественный труд).

С позиций философии хозяйства становится понятной методологическая узость классической политической экономии. В ней, прибегнув к берклианской терминологии, вполне можно рассмотреть «учение о материи, или телесной субстанции» [1, 179]

хозяйства¹⁹. Иначе говоря, в методе классической политической экономии преобладал и оказывал формообразующее влияние философский материализм.

Вместе с тем следует отметить, что «материализм» классической политической экономии никогда до конца не выдерживался, а постоянно давал «идеалистические сбои». То и дело на поверхность проскальзывала нематериальная, идеальная сущность стоимости, хотя бы уже в самом понятии абстрактного труда. Тот же Смит имплицитно подходил к нематериальной субстанции стоимости, говоря о феномене «невидимой руки» рынка.

У К. Маркса можно выявить три уровня интерпретации стоимости. На имманентном уровне Маркс сводил стоимость к абстрактному труду, или к затратам общественно-необходимого труда, средним издержкам производства. На имманентно-трансцендентном уровне он характеризовал стоимость как товар, деньги, капитал, в то же время полагая невозможным целиком свести ее ни к товару, ни к деньгам, ни к капиталу, ни к «самовозрастающей стоимости». Маркс чувствовал, что за стоимостью стоит сущность первого порядка, которую нельзя раскрыть средствами господствовавшей политической экономии. Маркс видел трансцендентную природу стоимости, указав на ее фетишизм и ее эсхатологию. Совершенно примечательным и совершенно игнорируемым, упорно не замечаемым в период всеобщего почитания Маркса в советское время был отрывок из первого тома Капитала, в котором Маркс, показывая телеологию стоимости, обращается к Откровению Св. Иоанна Богослова (Апокалипсису), явив миру красноречивую попытку соединения эмпирической науки и библейского учения²⁰.

«Законы товарной природы проявляются в природном инстинкте товаровладельцев. Они могут приравнивать свои товары друг к другу как стоимости, а значит, и как товары, лишь относя их к какому-нибудь другому товару, лишь противопоставляя их ему как всеобщему эквиваленту. Это показал анализ товара. Но только общественное действие может превратить определенный товар во *всеобщий эквивалент*. Поэтому общественное действие всех прочих товаров выделяет один определенный товар, в котором все они стоимости.

¹⁹ С.Н.Булгаков в «Трудах о троичности» [3, 135] отметил, что И. Дамаскин в «Диалектике» дает перечень аристотелевских категорий, которые совсем не содержат категории личности: 1) *субстанция*, 2) количество, 3) отношение, 4) качество, 5) время, 6) место, 7) положение, 8) состояние, 9) действие, 10) страдание (субординация, подчинение). Заметим, первой из безличностных категорий значится субстанция.

²⁰ Сведение сущности как трансценденции к телеологии также было характерной особенностью идеалистической философии.

Тем самым натуральная форма этого товара становится общественно признанной формой эквивалента. Функция всеобщего эквивалента становится при помощи указанного общественного процесса специфической общественной функцией выделенного товара. Последний делается деньгами. *«Они имеют одни мысли и передадут силу и власть свою зверю. ...И никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его (Апокалипсис)»* [4, 96].

Итак, гений классиков политической экономии привел к открытию феномена стоимости как остова и основы внутренней (имманентной) товарно-денежной организации производства. Вклад Маркса в развитие теории стоимости заключался в том, что он «выхватил» из классической политической экономии системную (системно-специфическую), свойственную ранней стадии развития капитализма (трансцендентно-имманентную) сущность стоимости как денег, капитала (сущность второго порядка) и показал конечную стадию, смысловой, эсхатологический финал в движении этой сущности. Принципиально новым тут было открытие историзма в движении сущностей стоимости.

Вместе с тем Маркс абсолютизировал свойственное лишь начальной стадии развития капитализма как высшей ступени развития товарного производства сведение сущности стоимости к абстрактному труду²¹. Отчасти это имело подоплекой историческую неразвитость форм стоимости во времена Маркса, отчасти политические цели.

Сведение стоимости к абстрактному труду было во многом обусловлено особенностями проявленности стоимости на этапе становления капитализма. Оно действительно работало на том историческом этапе хозяйственного развития человеческого общества, когда стоимость была подчинена хозяйству и играла вспомогательную роль в обслуживании товарного производства и обмена. Именно на этом этапе стоимость могла быть сводима к сгусткам общественного труда, поскольку именно общественный труд, разделение труда были доминантными формами общественного бытия стоимости.

Заметим, что Маркс показал путь преодоления апокалиптической эсхатологии стоимости, желательный не только в интересах угнетенного рабочего класса, но и в интересах сохранения всего человечества —спасительную перспективу развития стоимости, аль-

²¹ До вскрытия сущности стоимости первого порядка Маркс не дошел, хотя и указал на телеологию стоимости. Он был фактически близок к открытию трансцендентной сущности стоимости.

тернативную разрушительной апокалиптике капитализма. Тем не менее в течение исторического бытия политической экономии как в эпоху капитализма, так и в период социализма, а также в ходе уже постмодернистских перипетий (финансовой трансформации, транснационализации, глобализации) об этом фундаментальном достижении марксистской политэкономии почти забыли.

Выглядит парадоксальным, если не попросту абсурдным, что политическая экономия социализма, марксистская вроде бы по сути своей, или по крайней мере заявлявшая о своей приверженности к марксизму, взяла за основу своей теории стоимости не Марксову ее трактовку со всеми сложностями, иногда и противоречиями, а вполне «простую» трудовую теорию стоимости, которая на самом деле унаследовала домарксистский постулат абсолютного, внеисторического характера стоимости как общественно-полезного труда. При этом были выброшены за борт и трансцендентность, и метафизика, и эсхатология, и телеология стоимости.

И только в трудах Ю.М. Осипова теория стоимости получила новое развитие, причем по сути своей новоклассическое. Фундаментальные достижения Ю.М. Осипова, как нам представляется, заключаются в следующем.

• *Во-первых*, он переосмыслил сам предмет экономической науки. Исходным тезисом Ю.М. Осипова как создателя парадигмы новой теории стоимости от философии хозяйства было положение о том, что сущностью экономики является стоимость (не производственные отношения, не производительные силы, не способ производства, не деньги, не капитал, не товарное производство, а именно *стоимость!*). Это — отправной пункт, задающий не только всю онтологическую и методологическую конструкцию экономической науки, но и формирующий новую парадигму самой стоимости. В трудах Ю.М. Осипова убедительно показано, что категория стоимости характеризует исторический смысл экономической детерминации производства, является субстанцией экономической организации хозяйства, основной, базовой и системообразующей категорией всей экономической детерминации. Стоимость есть «экономическая субстанция экономики, ее первооснова» [5, 67].

• *Во-вторых*, Ю.М. Осипов показал ошибочность прежних методологических подходов, свойственных политической экономии, которые стремились «расшифровать» стоимость, раскрыть ее путем сведения к чему-то иному, в особенности материалистическому иному, ноуменальному — труду, абстрактному труду, затратам рабочего времени, к той же полезности. Все это выхолащивало смысл

стоимости как системообразующей категории экономической детерминации. По мнению Ю.М. Осипова, «экономика это стоимость», которая не имеет никакой другой субстанции, чем сама стоимость [6, 147]. Стоимость не сводима ни к какому материальному, ни к универсальному, ни любому иному субстрату.

• *В-третьих*, Ю.М. Осиповым впервые ясно, открыто и безапелляционно был поставлен вопрос о трансцендентной природе стоимости. Трансцендентность стоимости заключается в признании «идеальной природы стоимости» [6, 201] и «реальной возможности ее (стоимости) вполне самостоятельного бытия» [6, 201]. Трансцендентная сущность стоимости выражена в формуле: «Стоимость не нуждается ни в какой иной по природе субстанции, чем сама стоимость» [7, 117]. Ю.М. Осипов со всей научной точностью, тщательностью и убедительностью открыл и раскрыл «само-стойность» стоимости как триединой сущности.

В его новой парадигмальной конструкции можно увидеть, что стоимость троична и состоит из трех сущностей²². Сущность первого порядка — стоимость как стоимость, работающая трансценденция. Сущность второго порядка раскрывается через исторические формы бытия стоимости (товар, деньги, капитал, финансовые технологии). *«Ни тебе трудовой стоимости, ни тебе полезности... ибо никакой труд и никакая полезность вообще себя никак не измеряют и ценности своей не определяют, а определяют, только становясь формой капитала, то есть самовозрастающей стоимостью»* [5, 213, 214]. Сущность третьего порядка раскрывается логически через формы кругооборота, «круговращения» (Флоровский) стоимости. При этом в определение стоимости заложена телеология: «стоимость как экономическая субстанция экономики, ее первооснова» [5, 67], которая «в своем движении тяготеет к превращению в суперстоимость, или сверхстоимость» [5, 74].

Как нам представляется, сильнейшее влияние как на философию хозяйства С.Н. Булгакова и ее методологические основания, так и на теорию стоимости Ю.М. Осипова, в основе которой троичная сущность стоимости, ее трипостасность, оказало святоотеческое учение о сущности как единосущной триаде.

²² Трансцендентный характер стоимости в трактовке Ю.М. Осипова выражается также, во-первых, в следующей триаде: «Стоимость есть одновременно субстанция, отношение и оценка». Во-вторых, он полагает, что «реальное оценочное действо выходит за рамки обмена и совершается преимущественно не им». «Самое важное и интересное происходит не в обмене, а за его пределами» (см. [6, 109; 7, 117]). На наш взгляд, это были отправные, исходные, еще не вполне развитые положения, которые были развиты до конструкции стоимости как трипостасной сущности.

Г. Флоровский прозорливо заметил, что святоотеческое учение о сущности в корне противостояло латинско-римскому учению о субстанции. По мнению Флоровского, «субстанция в традиции латинской святоотеческой философии — в отличие от греческой — всецело объектна, а не субъектна, и всецело материальна. Она — общее в материальных явлениях, т. е. абстракция, имеющая материальную природу». Отсюда как раз и попытка классической политической экономии представить абстрактный труд как субстанцию стоимости, а потому познавательный прок от выделения самой по себе субстанции был невелик, ибо таковая не может быть причиной движения, да и саму сущность как первопричину не раскрывает. (Ср. осиповское «Ни тебе трудовой стоимости, ни тебе полезности... ибо никакой труд и никакая полезность вообще себя никак не измеряют и ценности своей не определяют, а определяют только становясь формой капитала, то есть самовозрастающей стоимости // ценность... определяется борьбой... цифр» (см. [5, 213—214]).

В стоимостной парадигме Ю.М. Осипова, на наш взгляд, вполне работают следующие идеи святоотеческого учения: (1) идея единства и триипостасности стоимости, (2) идея рождения форм стоимости, (3) идея раскрытия ипостасей стоимости, (4) идея кругооборота, «круговращения» стоимости как «священного кольца», в котором движется и раскрывается сущность стоимости²³, (5) идея иерархии сущностей стоимости и иерархических центров. Сущность стоимости — триада. Первый ипостась триады — стоимость как сущее, как что-то вечное, неизменное, социальное, самостоятельное, трансцендентно-имманентным свойством которого является самовозрастание (стоимости). Второй элемент триады — стоимость как «рожденная сущность» [5, 218, 216; 8, 51] — стоимость-товар, стоимость-деньги, стоимость-капитал, стоимость-финансовый капитал и т. д. Третий элемент триады — дух стоимости, или дух-стоимость, который раскрывается в кругообороте сущностей стоимости. Вместилищем этого духа являются деньги, затем финансы, затем технофинансы, которые ипостасируются, получают субъектных носителей в лице финансово-иерархических центров.

Сущность стоимости была осмыслена Ю.М. Осиповым заново, и предстала она совершенно иной, чем это виделось Марксу, политической экономии или видится экономиксу.

Маркс определял сущность стоимости творяко, как содержание:

²³ Идеи «круговращения» (Г. Флоровский [8, 51]), «священного кольца» (С.Н. Булгаков [3, 95]) восходят также к святоотеческому учению.

1) измеряемое количеством труда, заключенного в товаре (имманентное, имманентная сущность (сущность третьего порядка); 2) вытекающее из отношений обмена (трансцендентное), воплощенное (материализованное) в деньгах в их функции всеобщего эквивалента в отношениях обмена (имманентно-трансцендентная сущность, сущность второго порядка); 3) вырастающее из смысла движения стоимости (стоимость — самовозрастающая стоимость) (трансцендентное начало, сущность первого порядка).

Примечательно, что у Маркса стоимость как сущность первого порядка, как мы показали выше, была только контурно обозначена, что привело в итоге к тому, что стоимость как трудовая субстанция, или сущность третьего порядка, на деле заняла первое место в иерархии сущностей. Ю.М. Осипов первый из экономистов восстановил порядок в иерархии.

• *В-четвертых*, принципиальным методологическим новшеством новой парадигмы (дискурса) экономической науки как науки о стоимости является открытая Ю.М. Осиповым *внутренняя трансформация сущности экономики, т. е. стоимости*. До него аксиоматически предполагалось, что стоимость как сущность любого товарного производства, а тем самым и любой экономической системы (капитализма, социализма, смешанных формаций), остается неизменной и сводится к сгусткам абстрактного, или общественно-необходимого, труда²⁴. Ю.М. Осипов первый из политэкономов убедительно показал, что это не так. В его трактовке стоимость выступает как трансцендентная и ноуменальная сущность любой экономики, а не эмпирическая и феноменальная, но при этом сущность, которая изменяется. Эти изменения в сущности стоимости порождают изменения типов экономики (хозяйства). Осипов открыл *смену сущностных форм исторического бытия стоимости* на этапах смены общественных формаций. Он выделил три смыслово-значимых этапа развития хозяйственных формаций — премодерн, модерн, постмодерн, которым соответствуют пред-стоимость, стоимость и после-стоимость (или сверхстоимость).

На первой исторической стадии развития стоимости (*стадии предстоимости*, простого товарного обмена), когда один товар непосредственно обменивался на другой товар, стоимость

²⁴ Это положение верно лишь в той степени, в какой категория абстрактного труда указывает на общественную, социальную природу стоимости, стоимости как способа объединения усилий субъектов хозяйствования в единый хозяйственный механизм, или организм. Однако какой тип организации или самоорганизации социальной системы таит в себе стоимость, на этот вопрос сведение стоимости к абстрактному труду ответа не дает, напротив, она закрывает для дальнейшего изучения данную проблему.

присутствовала в отношениях обмена *неявно*, как мысленное количество товара, которое владелец (собственник) одного товара хотел получить взамен у собственника другого товара.

С появлением денег *предстоимость стала стоимостью*, что знаменовало переход ко *второй исторической форме стоимости*, появилась цена товара как стоимость его, выраженная в деньгах. Затем, с развитием товарного производства и обмена, когда уже не товар стал исходной и конечной точкой обмена, а деньги, т. е. деньги превратились в капитал, формулой движения стоимости стала: *деньги (капитал) — товар — деньги' (возросшие деньги)*. Таким образом, на этой стадии превращения денег в капитал как самовозрастающую стоимость (по мысли С. Сисмонди, цитируемой Марксом, «капитал... непрерывно умножающая себя стоимость» [4, 122]), начали вызревать системные предпосылки нарушения принципа эквивалентности. Деньги все более отделяются от движения товаров, все более отрываются от товарообмена, реального производства, что выражают такие категории, как ссудный капитал, фиктивный капитал, биржевой капитал, спекулятивный капитал. Формулой движения ссудного капитала становится: *деньги — деньги' (возросшие деньги)*.

Формулой движения финансовой экономики (*третья стадия движения стоимости*) становится: *деньги — деньги' (возросшие деньги) — деньги'' (еще более возросшие деньги)*. Стоимость на этой стадии становится *сверхстоимостью*, а экономика *сверхэкономикой*, или *финансовой экономикой* [5, 74]. Стоимость как *сверхстоимость* и экономика как *финансовая экономика* все более расширяются, стремятся стать главенствующими. Ей, экономике, становится тесно в рамках национально-государственной формы организации экономики, которая превращается в тормоз, препятствие росту стоимости. Возникает транснациональный сектор экономики как альтернатива национально-государственному. Он представлен прежде всего системой транснационального производства в лице транснациональных корпораций, а также мировой системой финансовых центров и транснациональных органов регулирования. В результате данных процессов происходят также качественные изменения в природе денег. Деньги становятся *глобальными*, или *транснациональными*. Указанные изменения характеризует формула: *глобальные деньги — финансовые технологии — Д' (возросшие глобальные деньги)*. На этой стадии сущность стоимости (как *сверхстоимости*) изменилась кардинально.

Стоимость из «служанки превратилась в очевидную госпожу» [6, 160]. Более зримой, проявленной стала и трансцендентность стои-

мости, и ее субъектность, а также раскрылась такая новая данность, как трансцендентная субъектность стоимости.

• *В-пятых*, неразрывно с постулатом трансцендентности стоимости связан постулат о ее субъектности. Методологический прорыв Ю.М. Осипова — введение категорий, характеризующих субъектность стоимости. К ним относятся категории «стоимостного центра» и «собственности на стоимость»²⁵. В том же направлении работает раскрытие в стоимости связи трансцендентного и транснационального начал.

Категория сверхстоимости характеризует перерастание экономики в финансовую экономику с первенством финансов. Далее, категория сверхстоимости предполагает существенную методологическую разницу в трактовке стоимости по сравнению с любой из известных парадигм стоимости. Новизна заключается в субъектности стоимости, которая проявляется через организацию системы глобальных финансово-стоимостных центров. Транснациональная субъектность выступает как проявление трансцендентности. Стоимость предстает как «транснациональный и одновременно трансцендентный суперкапитал, изливающий стоимость на мировое хозяйство» [6, 155]. Тем самым Ю.М. Осипов, взяв из классической политической экономии натурфилософский и метафизический критический аппарат, характеризующий кругооборот капитала и стоимости, показал, как устроен и работает современный стоимостной механизм (дирижизм, самоорганизация, ультрастоимостизм).

• *В-шестых*, Ю.М. Осиповым произнесен «приговор» политической экономии. Он доказал, что именно по причине внутренне присущего политической экономии упрощенчества она не может служить больше наукой о стоимости требуемого парадигмального качества.

Первым из политэкономов и философов, кто системно подверг критике «экономизм» и «материализм» как методы политической экономии был создатель философии хозяйства С.Н. Булгаков. Он обратил внимание на «незаконную попытку» политэкономии подменить собой философию, что закрыло путь для развития и политэкономии (обреченной на эмпиризм и математизм) и философии (обреченной на схоластику). «Незаконность» состояла в том, что политическая экономия, будучи односторонне эмпирико-материалистической наукой, попыталась возвести свой экономизм до степени всеобъемлющей философии экономизма. Преодолеть же узость разделенных между собой политической экономии и

²⁵ «Собственность на деньги как частный случай, форма реализации собственности на стоимость» [7, 115].

философии могла только философия хозяйства, коль скоро только в ней был возможен, по мысли С.Н. Булгакова, синтез трех методологических подходов — «научно-эмпирического, трансцендентально-критического и метафизического» [2, 50]; тогда как политическая экономия обладала только одним — научно-эмпирическим методом.

В книге «Обретение» Ю.М. Осипов заключает: «Наука (включая политическую экономию. — *Г.М.*) рождена не столько пытливостью и жаждой познания, сколько демиургической потенцией, вдруг получившей право и возможность осуществиться. Метафизическая задача произвела на свет задачу физическую, и трансцендентность, вызвав из себя демиургическую имманентность, ушла в тень, уступив на свету место актуальной имманентности» (итак, метод науки, включая науку политической экономии, — это актуальная имманентность. — *Г.М.*). И далее — «человеку хозяйствующему потребовалась конструктивная определенность, чтобы реализовать демиургический замысел (вполне и трансцендентный, метафизический), перешедший в проект (столь же по краям метафизический и трансцендентный). А проект этот потребовал погашения метафизики и сокрытия от глаз и умов людских неустранимой трансценденции. Отсюда упор на имманентную, актуальную, поверхностную, закрепившуюся на свету и на свете физику бытия... открытие физики и закрытие метафизики... Наука — антиметафизический феномен, всю объятый метафизикой» [5, 266—267].

Если С.Н. Булгаков показал, что историческое значение политической экономии заключалось в том, чтобы экономическому материализму придать значение исторического материализма (и философии истории, да и всей философии), то Ю.М. Осипов пошел намного дальше. Он раскрыл скрытую донныне метафизическую роль парадигмы политической экономии, установив, что парадигма политической экономии была метафизическим, трансцендентальным проектом, задачами которого были «переделка сознания» и изгнание метафизического и трансцендентного из сознания человека вообще, а не только из его научного сознания или из хозяйственного сознания. Далее, сам дискурс политической экономии, само появление ее как науки Ю.М. Осипов связывает с определенной метафизической, идейно-политической задачей, а именно с задачей смены общемировой хозяйственной платформы, когда всеобщее, мировое экономическое мышление становится доминантным и подминает под себя религиозно-общинное, национально-хозяйственное [5, 267].

Следует заметить, что продвижение политической экономии в мыслительном и ценностном пространстве отнюдь не было насквозь триум-

фальным шествием. Была альтернатива в виде немецкой исторической школы. Да и глобально демиургический идейный заряд политической экономии немало осознавался ее оппонентами и критиками в самом начале становления политической экономии как науки. Так, Дж.Ст. Милль в «Эссе о некоторых непоставленных вопросах политической экономии», изданном в Лондоне в 1874 г., писал: «идеи А. Смита были восприняты положительно далеко не всеми, а только людьми мира и законодателями» [9, 85].

Ю.М. Осипов не только реабилитировал понятие стоимости, но и поднял на должную высоту ее методолого-парадигмальный статус. Получив адекватную реальности трактовку, стоимость стала продуктивным парадигмообразующим фактором. Ю.М. Осипов предложил новую парадигму стоимости — парадигму *мировой стоимости*, которая возможна только при использовании аппарата философии хозяйства и невозможна в рамках политической экономии в силу ее исторической, идеологической и методологической ограниченности.

Литература

1. Беркли Дж. Соч.М., 2000.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.
3. Булгаков С.Н. Труды о троичности. М., 2001.
4. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
5. Осипов Ю.М. Обретение. М., 2011.
6. Осипов Ю.М. Экономика Постмодерна, М., 2004.
7. Осипов Ю.М. Курс философии хозяйства. М., 2005.
8. Флоровский Г. Восточные отцы церкви. М., 2003.
9. Mill J.S. Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy, L., 1874.

Н.А. ШАПИРО

Проблема ценности теории по С. Булгакову и политическая экономия сегодня

Современный глобальный финансовый кризис, его продолжительность и крайне низкая степень преодоления отрицательных последствий отчетливо обнаружили ограниченность и фаллибельность экономических теорий во всех вариантах, течениях и

направлениях, которые были известны ныне здравствующим экономистам.

В поисках соответствующих решений и объяснений, настигших современное общество экономических проблем, часть отечественных экономистов-теоретиков в очередной раз пытается реактуализировать политическую экономию марксизма. За два последних года проведено немало научных мероприятий, собрано значительное число сторонников политической экономии (иногда к сторонникам политэкономии относят тех, кто критичен к неоклассике, хотя здесь нельзя ставить знак тождества, противники неоклассики могут предпочитать другие формы знаний, теорий, философий и пр., но обязательно политэкономии), редколлегии некоторых журналов открыли новые рубрики, посвященные проблемам самоопределения современной политической экономии.

Нет ничего необычного в том, что подходы к объяснению новых реалий исследователи стремятся найти на базе ранее распространенных теорий, посредством их реактуализации.

Знание традиций прошлого, как отмечал Дж.М. Кейнс, позволяет понять наиболее верный и успешный выбор предшествующих поколений [1, 348]. И если этот выбор был успешен в одном случае, то почему бы не испытать его для другого?!

И. Лакатос отмечал, что ни логическое доказательство противоречивости, ни вердикт ученых об экспериментально обнаруженной аномалии не могут одним ударом уничтожить исследовательскую программу, и никакие преимущества одной из сторон нельзя рассматривать как абсолютно решающие. Не существует никакой гарантии триумфа той или иной программы. Не существует также и никакой гарантии ее крушения [2, 222, 236].

Кроме сказанного, к аргументам по реактуализации можно, в частности, добавить то, что К. Маркс, по его собственным определениям, являлся критиком политэкономии, а не ее теоретиком. Этот факт особенно трудно оспаривать, поскольку основные работы Маркса уже в названии содержат слово «критика». «К критике политической экономии», «Капитал. Критика политической экономии», «Критика Готской программы» (подробнее сюжет о доминировании критики можно посмотреть в работах, посвященных анализу исторических условий создания «Капитала» К. Маркса [3]). Задача по выявлению экономико-теоретической составляющей и разработке целостной теории на базе критических текстов К. Маркса, бесспорно, является научной.

Но все это формальные аргументы в пользу реактуализации политэкономии и марксизма в частности.

Значительно важнее содержательные аргументы, способные убедить конкурирующих собратьев-экономистов в том, что именно политическая экономия — наиболее релевантная теория для поиска ответов на вопросы, поставленные современным глобальным кризисом. Факт участившихся публикаций работ К. Маркса на Западе можно считать недостаточным для признания научной продуктивности политэкономии и восстановления ее образовательного статуса. Интерес к истории не ведет автоматически к адекватному пониманию реальности, он может замкнуться сам на себе (интересно знать, что же считалось успешным выбором предшествующих поколений, да и только) или привести в интеллектуальный тупик.

Для разрешения задачи отнесения тех или иных теоретических построений к политэкономическому контенту воспользуемся методологическими подходами, отражающими ценности экономической теории. Обратимся в этой связи к работе С. Булгакова «Философия хозяйства» [4]. Внимание именно к этой работе актуально и правомерно потому, что она была написана как реакция на кризис политической экономии на рубеже XIX—XX вв. И, кроме того, состояние теоретического плюрализма, характерное для современного постмодерна в науке, ставит вопросы ценности теории в разряд важнейших критериев, позволяющих определенным образом различать и упорядочивать современное многообразие теорий [5].

С. Булгаков отмечал, что ценностями экономической теории являются практическая полезность и логическая значимость [4, 282—286]. Практическая полезность состоит не в том, что теория дает рецепты по совершению конкретных действий в данный момент времени, а в том, что она формирует картину происходящего, позволяющую эти конкретные действия понять. Эта картина может быть весьма отвлеченна и конструктивна, но в то же время не отрываться от опыта и давать некую формулу для неопределенно обширного количества фактов.

В чем же состояла эта формула для политической экономии? Обратимся к истокам, к А. Смиту, чтобы увидеть преемственность в возможных вариантах современной политической экономии.

В завершении своей первой книги А. Смит излагает важнейшие классово-институциональные рамки проблемного поля политической экономии, трактуемой им как наука об общественном богатстве. Он говорит о классовой структуре общества, объективности интересов этих классов и о том, как эти интересы осознаются (субъективно)

основными классами, сочетаются с общественным интересом, связанным с преумножением богатства [6, 245—248]. Представим рассуждения А. Смита в табл. 1.

Таблица 1

Классы и их интересы по работе А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов»

Классы народа	Объективные интересы класса	Субъективное восприятие интересов классом	Источник дохода	Отношение к государству/конфликт интересов
1. Те, кто живет на ренту	Тесно и неразрывно связаны с общими интересами общества	Не достает понимания связи собственных интересов с интересами общества	Доход не стоит им труда и усилий, а приходит к ним как бы самою и независимо от каких бы то ни было их собственных проектов и планов	Ум их несведущ и неспособен к той умственной работе, которая необходима для того, чтобы предвидеть и понять возможные последствия той или иной меры регулирования
2. Те, кто живет на зарплату	Тесно связаны с интересами общества	Не способны ни уразуметь собственные интересы, ни понять их связь со своими собственниками (предпринимателями)	Заработная плата зависит от спроса на труд, прямо пропорционально изменяется с изменением действительного богатства общества	Условия жизни не оставляют времени для того, чтобы приобретать необходимые сведения, образование и привычки таковы, что делают его неспособным к правильному суждению

Продолжение табл. 1

3. Те, кто живет на прибыль	В некотором отношении интересы предпринимателей расходятся с интересами общества до противоположности	Их помыслы поглощены подчинению общественного интереса соображениям собственной выгоды; заинтересован в том, чтобы ввести общество в заблуждение и даже угнетать его	Прибыль, которую приносит оборот капитала, который приводит в движение большую часть полезного труда всякого общества. Норма прибыли не повышается подобно ренте и заработной плате вместе с процветанием общества и не понижается вместе с его упадком. Она движется в противоположном направлении	Поддерживают рабочих в случае совпадения интересов, влияют на великодушные землевладельцев, заставляя их жертвовать собственными интересами
-----------------------------	---	--	---	---

Выделив, таким образом, определения интересов существующих классов по Смиту, можно сказать, что это и есть теоретически представленная картина происходящего в том историческом периоде с точки зрения практической пользы. В понимании самого А. Смита легко прослеживаются физиократические наслоения. В общей характеристике картины очевидны дальнейшие варианты логико-теоретических построений, приведших к различным направлениям политэкономии.

Суть этих построений сводилась к тому, что исследователями того времени давались различные трактовки взаимодействия интересов трех общественных классов и причин, данное взаимодействие обуславливающих. Взаимодействие трактовалось как противоречивое, как гармоничное, как нормативно не приемлемое.

Противоречивое взаимодействие основных классов Т. Мальтус, Д. Рикардо, Дж.С. Милль объясняли факторами естественно-природного свойства — высоким уровнем рождаемости, убывающим плодородием почвы и др.

В концепции трех факторов Ж.-Б. Сэя отстаивалась непротиворечивая взаимозависимость классовых интересов, в основу которой была положена идея равнозначности факторов производства — труда, земли и капитала. Концепции гармоний настаивали на правильной политике государства, которая должна была эту гармонию поддерживать, а не разрушать. О важности свободной торговли для гармонизации интересов писал Ф. Бастиа, а Г.Ч. Кэри считал, что для этого же самого нужна политика протекционизма. Дж.С. Милль полагал, что для сдерживания развития классовых противоречий государству следует реформировать отношения распределения. Данные концепции составили направления буржуазной политэкономии.

Как нормативно не приемлемое, противоречие трех классов было представлено, во-первых, в концепциях мелкобуржуазной критики Ж.Ш-Л.С. де Сисмонди и П.Ж. Прудона, которые полагали, что противоречия в обществе имеют не естественную, а социальную природу, связанную с чрезмерным ростом капитала и прибыли крупных предпринимателей. Для устранения противоречий государству необходимо ограничить этот рост, обеспечив, таким образом, баланс классовых интересов. Это — мелкобуржуазная политэкономия.

Во-вторых, концепцию критики классовых противоречий как социальных представлял К. Маркс, который исходил из того, что никакой гармонии между тремя классами нельзя достичь мерами государственной политики в рамках существующего строя. Интересы классов находятся в непримиримом противоречии, в силу того, что и капиталисты/предприниматели и земельные собственники живут за счет труда наемных рабочих, т. е. их эксплуатации. Социальная основа такого общества порочна. Для разрешения противоречий следует уничтожить сами классы капиталистов и земельных собственников, установить власть диктатуры пролетариата. Это была пролетарская политэкономия.

Таким образом, можно утверждать, что политической экономией является такая экономическая теория, которая рассматривает экономические проблемы развития нации через призму интересов основных социальных групп или классов, т. е. базовым, обобщающим конструктом является социально-классовая картина мира.

Для подтверждения актуальности политэкономии можно пойти одним из двух путей: 1) объяснить через взаимодействие трех классов (земельных собственников, капиталистов, наемных рабочих) проблемы экономического развития современного мира или

2) предложить иную структуру классовой стратификации, определить интересы этих новых классов, их взаимодействие по достижению прогресса общественного экономического развития. И тогда можно согласиться с тем, что эта экономическая наука является *политической экономией* в ее современном варианте. В противном случае, какими бы научно продуктивными не были предложенные отдельные конструкты/категории, но вне социально-классовой институционализации нет оснований считать, что это теория является политической экономией.

В свое время Т. Веблен, не отвергавший идей экономического детерминизма, считал, что в условиях роста промышленного производства (конец XIX — начало XX в.) появился новый класс специалистов, который развивает социальные институты и нормы социальной жизни, влекущие за собой прогрессивные изменения, а, в конечном счете, и смену общественного устройства. Однако в новую политэкономю данный посыл не вылился. Й. Шумпетер, предлагавший концепцию эволюции капитализма, его самоуничтожения в связи с наступлением большого или индустриального бизнеса, рационализирующего и ставящего на научную основу инновационный процесс, также не пришел к новой картине классовой институционализации и новой политэкономии.

Отдельно взятых категорий, не привязанных к классовым взаимоотношениям и интересам, не достаточно для содержательного развития политической экономии. В каждой из вышеуказанных версий политэкономии была своя содержательная логика трактовки основных экономических категорий: доходов, факторов производства, цены, капитала пр. Точнее содержательная логика в трактовке основных категорий отличается потому, что они вписываются в разные понимания классовой картины мира.

Если в версиях политэкономии категории отражают разный характер и способ взаимодействия классового мира, то в «неполитэкономических» теориях имеют место принципиально различные с политической экономией обобщающие картины, соответственно рождаются принципиально иные трактовки фактов действительности.

Например, утверждение Д.Ю. Миропольского о том, что «нормальное развитие науки предполагает критическое преодоление существующих теорий и, тем самым, превращение их в подчиненные моменты более сложной синтетической теории» [7, 34], — не содержит в себе никаких конструктивных политэкономических

императивов²⁶. Кроме того, оно является неточным в отношении развития науки в целом, поскольку это лишь один из путей ее развития, существующий наряду с дифференциацией, в частности, для современного этапа развития характерен рост теоретического «разделения труда», а не только синтезирование/интегрирование подходов.

Логическая значимость как вторая составляющая ценностей экономической теории, о которых говорил С. Булгаков, взятая вне общих рамок теоретической картины действительности, практически теряет смысл, поскольку такое логическое конструирование не имеет границ.

Например, рассмотрим популярную проблему синтеза марксистской теории стоимости и маржиналистской концепции ценностей, решение которой якобы послужит современному развитию политэкономии. Безусловно, никто и ничто не заглушит индивидуальной мотивации к интеллектуальному конструированию. Можно до бесконечности предлагать разные варианты концепций стоимости и варианты их совмещения, но они будут представлять собой, по выражению С. Булгакова, «умные ненужности» или «логические игрушки», «...имеющие печальное назначение — красоваться в научном музее для любителей, как махровые цветы, вращенные в логической оранжерее» [4, 282]. Подобно булгаковским «логическим игрушкам», В. Леонтьевым, а позднее П. Кругманом было оценено избыточное экономико-математическое теоретизирование в неоклассике, которое само по себе мало что дало для понимания реальной экономики.

Две концепции стоимости/ценности логически вписаны в разные институционально-социальные рамки.

В марксизме теория стоимости логически есть предтеча теории прибавочной стоимости, а последняя нужна для объяснения эксплуатации и неизбежности пролетарской революции. Стоимость есть свойство товара, которое проявляется только в товарном обмене. Для измерения стоимости важно общественно-необходимое рабочее время, которое формируется отраслевой конкуренцией и тяготеет к среднему по отрасли. Кроме того, содержательная логика марксизма в цепочке взаимосвязи стоимости и общественно-необходимого рабочего времени оперирует еще понятием абстрактного труда, понимание которого также связано с товарно-денежными

²⁶ Упомянутая работа удивительным образом соединила в себе наиболее распространенные трактовки методологического потенциала политической экономии марксизма и проблемы, которые могли бы быть решены с ее помощью.

отношениями и не является универсальным, внеисторическим понятием [7, 34]. Получается, что современные сторонники марксистской политэкономии неким неомарксистским синтезом хотят преодолеть в ней то, что сам Маркс считал достоинством — создание пролетарской политэкономии.

В маржинализме же рассматриваются не интересы классов, а мотивация хозяйственных субъектов: продавцов и покупателей, которые выведены за рамки социально-классовой институционализации. Вопрос о том, кто эти продавцы или покупатели: капиталисты, наемные рабочие или земельные собственники — для маржиналистов не имеет значения. Важно, каким образом соотносится их индивидуальный выбор в оценке полезности блага, который и определяют цену. Неоклассика — это теория цены, а марксизм — это теория о производственных отношениях и законах, определяющих движение общества. Для чего надо строить системную теоретическую аргументацию для их совмещения? Маржинализм и политэкономия марксизма ищут ответы на разные вопросы в жизни.

Если исследователям хочется представить стоимость всеобщей категорией, присущей разным обществам и принимающей разные формы, то не следует идентифицировать такую теорию как марксистскую. В таком случае корректнее двигаться в собственном направлении, по созданию некоей иной, чем политическая экономия марксизма, теории, которая нужна для объяснения пока не ясно чего: либо двух процесса одновременно — ценообразования на микроуровне или взаимодействия интересов господствующих классов, или еще чего-нибудь?!

Трудно согласиться с тем, что проблема преодоления обеих теорий и создания синтетической теории стоимости как более универсальной и системной является актуальной и естественной [7, 34]. Во-первых, такие попытки в истории науки уже предпринимались русскими экономистами, в частности В.К. Дмитриевым (1868—1913), но также известны и оценки других подобных опытов. Как отмечал В. Леонтьев, теория ценности ничем не обязана марксистскому варианту классической трудовой теории стоимости и ничего не выигрывает от каких-либо попыток примирения или посредничества между двумя подходами [9, 100]. Создание более универсальной и системной теории в нынешних условиях развития науки и распадающейся глобальной экономики ассоциируется с желанием найти одно лекарство от всех болезней. «...Единство мыслей достигается жизненным единением» [4, 327], т. е. жизненное единение обеспечивает единство мысли, но жизненного единения не достичь однообразием мышления.

И еще одно критическое замечание по поводу метода. «Мы исходим из того, что такая работа будет осуществлена на базе марксистской методологии, как методологии на порядок более сильной и развитой, чем маржиналистская. Идеологическое доминирование маржинализма сегодня ничего не значит и является временным» [7, 34], — пишет упомянутый сторонник политической экономии. Панегирик в адрес марксистской методологии не делает его авторов политэкономами. Если метод можно применять к решению широкого класса задач, то он универсален и не отражает специфики марксизма, если он специфичен, то к решению задач другого класса он не применим, и в другой системе ценностей работать не может.

С точки зрения С. Булгакова, причиной кризисного состояния политической экономии на рубеже XIX—XX вв. было отсутствие в ней критического прагматизма, что не делало метод теории значимым для поиска ответов на реально возникающие проблемы. Если дело идет не о совокупности, «...а об индивидуальном явлении, ...затруднения [политэкономии] удваются и становятся так велики, что в известных случаях делают прямо невозможным какое бы то ни было научное суждение», приходится пользоваться практическим разумом или здравым смыслом [4, 285, 286].

В отличие от политэкономии неоклассика, при всех ее предельно абстрактных издержках, всегда могла помочь ориентироваться в вопросах практического характера конкретному бизнесмену — разорится или обогатится его предприятие, выиграет или потеряет отрасль данного производства при прочих равных условиях. («Прочие равные условия» стали тем фаллибильным положением теории, когда такие условия перестали воспроизводиться, а следовательно, теория не смогла отреагировать на проблемы адаптации рыночных институтов к разнообразным реальным условиям места и времени, что, по сути, лишило неоклассику статуса мейнстрима.)

Что касается идеологического доминирования маржинализма, то его нет со времен Дж. Кейнса, но неоклассика, сформировавшаяся на основе метода маржинализма, сегодня для экономической науки значит довольно много. «Неоклассическая теория является общим языком современной экономической науки, объединяющим многообразие ее теорий и общий мир...» [10, 767], т. е. неоклассика образует профессиональную риторику современных экономистов. Даже теории, критически позиционирующие свой статус по отношению к неоклассике (институциональная экономика), используют ее понятия для определения своих понятий.

Таким образом, успехи сторонников политэкономии будут, безусловно, зафиксированы конкурирующей стороной и сделаны достоянием общественности, если они смогут внятно объяснить ценности политэкономии, практической полезности, представив общую картину современного мира через взаимодействие интересов основных классов общества, которые обеспечивают экономическое развитие, и логической значимости теоретических конструктов, эту картину наполняющих.

Литература

1. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 1999.
2. *Лакатос И.* История науки и ее рациональная реконструкция // Структура и развитие науки. М., 1975.
3. Первоначальный вариант «Капитала» (Экономические рукописи К. Марка 1857—1859 годов). М., 1987.
4. *Булгаков С.* Философия хозяйства. М., 2008.
5. *Shapiro N.S. Bulgakov about the Theory of Value of Economic Theories* // ESHET Conference St. Petersburg, May 17—19 2012, Institutions and Values in Economic Thought / Book of Abstracts. ESHET—2012.
6. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. 1. М., 1997.
7. *Миропольский Д.Ю.* Гипотеза двойственности трудовой стоимости в контексте неомарксистского синтеза // Проблемы современной экономики. 2012. № 4 (44).
8. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М., 1969.
9. *Леонтьев В.* Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М., 1990.
10. *Цветаев В.М.* Послесловие русского редактора // Мэнкью Н.Г. Принципы экономикс. СПб., 1999.

В. А. УШАНКОВ

Объектные основания «хозяйственности» русской экономической мысли

В современной экономической литературе сложилась такая ситуация, когда отечественная экономическая мысль должна оцениваться по тому вкладу, который она внесла в развитие «современной эко-

номической науки», теоретическим ядром которой является неоклассический анализ. Согласно такой позиции, русская экономическая мысль — с ее своеобразием, ярко проявившемся в конце XIX — начале XX столетия, — представляет собой периферию развития «мировой» экономической науки. Субъективизм неоклассического анализа становится единственной теоретической основой генерального направления в экономической науке.

Обычно для обоснования исключительной научности рационального поведения в неоклассическом анализе, приводится следующее утверждение: «экономические законы не имеют национальности». Законы рационального хозяйственного поведения экономических субъектов универсальны и действуют во всех национальных экономиках одинаковым образом, их национального своеобразие быть не может, как не бывает «национальной арифметики».

Однако заметим, что в данном утверждении проявляется не только подмена понятий, но и явное упрощение в понимании истории экономической науки. Конечно, формально-логические законы, как и законы математики, универсальны и повсеместны, но действительны они бывают лишь в рамках одной логической (теоретической) системы. В экономической же науке, существует несколько самостоятельных фундаментальных теоретических направлений, основанных на совершенно различных мировоззренческих представлениях об объекте исследования. Со времен Аристотеля существует два принципиально различных представления о хозяйстве, которые выражают разные смыслы хозяйствования и знания о нем. В одном случае хозяйство предстает как «ойкос», взятый в его целостности, со всем комплексом задач по его воспроизводству. Здесь содержанием науки о хозяйстве является изучение того, что производить и как распределять, чтобы обеспечить жизнь большого домохозяйства («ойкономия»). В другом случае хозяйство понимается как процесс рационального принятия субъектом хозяйственного решения. Акцент на содержание экономического знания здесь делается на то, *как* хозяйничать — искусно или рационально — с целью прироста личного имущества («хрематистика»).

Вплоть до середины XVIII столетия мировоззренческий дуализм в понимании хозяйства сосуществовал в рамках различных экономических учений, не обособляясь в отдельные научные направления. Классическая политическая экономия Адама Смита — первое экономическое учение, приобретшее признаки теоретического знания — стала в то же время последним учением, которое еще могло хоть и причудливым образом совмещать в себе два различных мировоззренческих представления о хозяйстве. Противоречивость учения А. Сми-

та в том и состояла, что, с одной стороны это было «классическое» учение, в основе которого были понятия «хозяйства, взятого в целом», «разделения общественного труда», «богатства народов», а, с другой стороны, понятие «экономического человека».

К концу XIX столетия, в результате маржинальной революции, эпоха, начатая А. Смитом, заканчивается формированием в науке двух фундаментальных, конкурирующих между собой, теоретических направлений, каждое из которых приспособливает универсальные формально-логические («арифметические») законы к своим объектам исследования — «хозяйству, взятому в целом», и «рациональному поведению» отдельного хозяйствующего субъекта. Непредвзятый взгляд на историю развития экономической мысли показывает, что наряду с неоклассическим направлением в науке, ставшим сегодня ее генеральным направлением, в конце XIX — начале XX в. в науке имел широкое распространение другой вариант ее модификации. Следовательно, признавать научность только за неоклассикой лишь на том основании, что здесь в основу положены законы «здорового смысла», или рационального поведения хозяйствующего субъекта, было бы ошибочным. Очевидно, что научность не в меньшей степени относится и к «классическому» направлению в экономической науке. Разница лишь в том, что вместо логики «здорового смысла» рационального поведения отдельного субъекта действует логика в отношении всего хозяйства, взятого в целом.

За признанием возможности сосуществования в экономической науке нескольких фундаментальных теорий следует вполне допустимое предположение о том, что выбор того или иного теоретического направления может быть предопределен особенностями национального хозяйства.

Экономическая наука в своей практической части связана с решением хозяйственных задач, стоящих перед конкретным национальным хозяйством в конкретное историческое время. А потому дилемма выбора объекта исследовательского интереса разрешается экономической мыслью исходя из практических задач, стоящих перед нею. Беря на вооружение ту или иную теорию, экономическая мысль не руководствуется достижениями «чистого разума», а исходит из необходимости выбора того инструмента, который бы в наивысшей степени отвечал потребностям адекватного отражения хозяйственной жизни со всеми ее особенностями и своеобразием. Даже в своей теоретической «чистоте» экономическая наука, по сути, стремится сохранить культурную или даже национальную определенность.

Иными словами, за национальным своеобразием экономической мысли может быть обнаружено понимание ею особенности сво-

его национального хозяйства. Исходя из этого, в качестве объекта исследования берется либо хозяйство, взятое в целом, со всем комплексом вытекающих из этого воспроизводственных задач (классика), либо процесс принятия рациональных решений на уровне субъекта, участвующего в хозяйстве (неоклассика).

Для европейской экономической науки второй половины XIX в., в силу особенности развития ее национальных хозяйств — рыночных экономик с развитыми взаимосвязями между самостоятельными хозяйствующими субъектами — была ближе теоретическая система, позволяющая решать задачи эффективности принятия решений на уровне отдельных субъектов. Неоклассическая теория, оформившаяся в ходе «маржинальной революции», в которой наследие классической политической экономии — ценность благ — получает свою субъективистскую интерпретацию, в этом качестве становится теорией для европейских стран с их развитыми рыночными отношениями.

Выбор фундаментального теоретического направления в отечественной экономической науке, случившийся на рубеже веков, также был не случаен. Большинство видных представителей русской экономической мысли стали приверженцами «классического» направления в экономической науке, отличительной особенностью которого было понимание хозяйства, взятого в целом. В наиболее развитом виде это направление в науке представлял марксизм.

За приверженностью к «классическому» пониманию объекта науки со стороны отечественных экономистов стоит понимание ими особого строя хозяйственных отношений, сложившихся на бескрайних пространствах российского государства. Хозяйственная жизнь в России могла быть адекватно описана законами функционирования всего хозяйства, взятого в целом. Методологический индивидуализм не подходил для решения задач, стоявших перед российской экономической наукой²⁷.

В российских университетах политическая экономия в конце XIX и в начале XX в. преподавалась «по Смигу». Пользовались популярностью также учения Ф. Кенэ, Д. Рикардо, Дж.Ст. Милля. К началу второго десятилетия XX в. в России было три самых знаменитых учебника: В.Я. Железнова, А.И. Чупрова и М.И. Туган-Барановского, который в 1915 г. выиграл конкурс на лучший учебник. Характерно, что теоретическую основу этих учебников составляла классическая политическая экономия, хотя в них достаточно ясно излагались идеи

²⁷«Субъективизм и методологический индивидуализм плохо вписывался в социальный контекст привычного для русских экономистов дискурса» [1, 386].

маржиналистов. К этому следует добавить великолепный «конспект лекций» С.Ю. Витте о народном и государственном хозяйстве, которые он читал великому князю Михаилу Александровичу в 1900 — 1902 гг.

Несмотря на то, что русские ученые были хорошо осведомлены о новейших тенденциях в европейской экономической науке, направленных на исследования рационального поведения «экономического человека», доминирующего положения маржинализм не получил. Вплоть до начала XX в. в русской экономической мысли господствующее положение занимала трудовая теория ценности. По словам известного экономиста В.К. Дмитриева, вера в трудовую теорию ценности у русских экономистов была фанатична и нетерпима к другим взглядам и критике. Говоря о субъективистском направлении в экономической науке, Дмитриев отмечал небывалый в науке факт: «русская экономическая наука в течение четверти века “не замечала” самого крупного по своим размерам и последствиям течения европейской экономической мысли, течения, охватившего все цивилизованные страны Европы» [2, 476].

В отличие от европейских сравнительно небольших и организованных национальных хозяйственных образований, задачи конкурентного поведения участников свободного рынка в российском хозяйстве не были приоритетными. В отличие от Европы перед Россией стояли задачи изучения производительных сил, устройства и состояния, а также освоения огромного хозяйственного пространства. Не случайно фундаментальная работа первого российского экономиста-академика Андрея Шторха имела название «Историко-статистическая картина российского государства». Традиция классического (смитанского) подхода в российской науке была заложена им еще в его первом учебнике — «Курсе политической экономии, или Изложении начал, обуславливающих народное благосостояние» (1815).

Со времен И. Посошкова и вплоть до начала XX столетия основными задачами, решение которых должна была обеспечивать русская экономическая мысль, становились задачи сохранения и воспроизводства единого обширного хозяйственного пространства. Отсюда своеобразие отечественной мысли — ее ориентация на вопросы общественного производства и распределения общественного продукта, популярность социальных теорий распределения (между классами участников общественного производства — рабочими, капиталистами, землевладельцами) — поскольку доходы этих групп связаны между собой в процессе производства (М.И. Туган-Барановский). Этим же объясняется популярность марксизма в русской экономической мысли. Практически все авторитетные отечественные экономисты Сереб-

ряного века в той или иной степени переживали период увлечения марксизмом или же оставались его приверженцами.

Серебряный век русской мысли, искусства и всей русской культуры стал расцветом и русской экономической мысли. Отчасти объяснением тому было бурное развитие народного хозяйства России того периода. Очевидно, что развитие экономики стимулировало экономические исследования — и не только в области прикладных знаний, но и в области теоретических исследований. Однако важнейшим обстоятельством расцвета русской экономической мысли на рубеже XIX и XX вв. стала проявившаяся ее методологическая самостоятельность.

В период состязания в экономической науке двух фундаментальных теоретических направлений русская экономическая мысль смогла предложить оригинальный путь ее развития. Особенность пути модернизации экономической науки, предложенного русской экономической мыслью, состоит том, что она попробовала объединить рикардианское направление классической политической экономии и маржинализм. Но в отличие от неоклассического варианта объединения издержек и субъективной оценки ценности благ, выбранного европейской экономической мыслью, русская экономическая мысль предложила объединение «классического» и «маржиналистского» на основе объективистской «классической» теории.

Приверженность русской экономической мысли «классическому» пониманию объекта экономической науки — «хозяйству, взятому в целом», сложившемуся в силу объективных обстоятельств развития национального хозяйства, предопределило своеобразное отношение к «психологической» теории предельного анализа. Русские экономисты при определении меновой ценности, или цены товара, исходили из примата объективной (трудовой) ценности. Предельный же анализ служил для них лишь дополнением к объективно-общественному, затратному методу оценки ценности вещей. Субъективные оценки полезности благ рассматриваются ими не сами по себе — в отдельности, а с позиций всего хозяйственного целого, при анализе которого первичными становятся общественные затраты (труда).

Попытку преодолеть субъективизм европейского маржинализма в экономической науке предпринял яркий представитель русской экономической мысли Семен Людвигович Франк. В статье «Психологическое направление в теории ценности», опубликованной в журнале «Русское богатство» за 1889 г., Франк пишет: «что касается основы учения о предельной полезности в применении к субъективной ценности, то она, несомненно, верна», но нас интересует, то, чем определяется именно меновая ценность благ в общественном хозяйстве [3,

74]. В своем критическом анализе маржинализма Франк, оставаясь приверженцем трудового объяснения меновой стоимости, приходит к выводу, что теория предельной полезности не может ответить на вопрос об обмене благ. Меновая ценность это результат народнохозяйственного процесса размещения общественных производительных сил, но с учетом достоинств теории предельной полезности. По словам Франка, объединение теорий ценности должно принести пользу обеим теориям. «Единственно истинное значение трудовой теории ценности может быть обнаружено только путем органического ее соединения с другой теорией ценности, так называемой теорией субъективной ценности или предельной полезности» [3, 5].

К идеям объединения двух теорий Франк возвращается в книге «Теория ценности Маркса и ее значение». В шестой главе «Трудовая ценность как субъективная ценность общественного дохода» Франк прямо пишет о необходимости соединения теорий маржиналистской школы и трудовой теории ценности. В своих рассуждениях автор уходит за рамки марксизма, пытаясь дополнить трудовую теорию ценности субъективным фактором. Именно человек, общество (субъекты) производят оценку результатов производства. Да, субъективная цель производства заключается в удовлетворении потребностей человека, но, делая вывод о том, что субъективная ценность является результатом оценки благ, продолжает, что она пропорциональна затраченному на их производство труду.

О возможности объединения теории издержек производства Д. Рикардо с теорией предельной полезности писал в монографии «Экономические очерки. Опыт органического синтеза трудовой теории ценности и теории предельной полезности» другой известный русский экономист — В. Дмитриев. Дмитриев считает книгу Франка лучшим пособием для выяснения современного ему положения о ценности. Эта книга кратко и ясно излагает современное положение в науке вопроса о трудовой ценности. Цена в «Экономических очерках» определяется одновременно издержками производства и условиями потребления. Причем приоритет остается за издержками производства.

Впервые попытка синтеза объективных и субъективных оснований в теории ценности была сформулирована М.И. Туган-Барановским в 1890 г. в статье «Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причина их ценности». Туган-Барановский сформулировал теорему, устанавливающую количественные соотношения трудовых затрат и субъективной оценки ценности при оптимальном распределении ресурсов. «Если производство руководится основным хозяйственным принципом — стремлением к достижению с

наименьшей затратой наибольшей пользы, — то отношения предельных полезностей свободно производимых продуктов и их трудовых стоимостей равны». Объединение теории предельной полезности и трудовой теории стоимости, по М.И. Туган-Барановскому, становится возможным потому, что субъективная ценность блага зависит от его количества, а оно в свою очередь — от объема затраченного труда.

Очевидно, что открытый М.И. Туган-Барановский закон пропорциональности предельных полезностей в зависимости от затрат труда стал основанием для его рассуждений об общественном (социалистическом) пути развития хозяйства: «Трудовые стоимости продуктов играют решающую роль в установлении хозяйственного плана — распределении производства между различными отраслями» [4].

Идея Туган-Барановского о пропорциональности трудовых затрат и предельных полезностей воспроизводимых благ позже (1902) была дополнена математическим доказательством Н. Столярова в работе «Аналитическое доказательство предложенной г. М.И. Туган-Барановским политико-экономической формулы: предельные полезности свободно произведенных продуктов пропорциональны их трудовым стоимостям» [5, 4]. Замечательно, что при решении задачи нахождения условного экстремума целевой функцией Столяровым была взята функция общественной полезности. Идея об общественной полезности благ в 1960-е гг. получила свое дальнейшее развитие в нашей стране (СОФЭ).

Особое место в попытках примирения предельной полезности и затрат труда, занимают работы П. Маслова [6]. Это в достаточной степени разработанная концепция объединения теорий ценности. Но, в отличие от Туган-Барановского, Маслов не признает концепцию оценки ценности благ их предельной полезностью, а исходит из того, что предельная полезность продуктов определяется исключительно затратами труда. Концепция Маслова в большей степени, чем у Туган-Барановского, отражает примат политэкономического подхода к объединению теорий ценности и имеет более выраженный воспроизводственный смысл. Маслов показал возможность примирения теорий ценности за рамками абстрактной теории на примере взаимодействия труда и полезности с учетом законов распределения и перераспределения.

Рыночная цена у Маслова определяется издержками производства (затратами труда) на производство продукта. Колебания цены происходят под влиянием спроса и предложения, а распределение производительных сил между различными отраслями — под влиянием степени настоятельности общественной потребности в каждом продукте. Иными словами, степень удовлетворения потребностей за-

висит исключительно от затрат труда на производство продуктов, а предельная полезность — от производительности труда. Соотношение затрат труда и предельной полезности способно точно определить распределение общественных производительных сил, ведь условия производства и потребности людей относительно постоянны.

Объединительной концепции относительно теорий ценности придерживались и другие русские экономисты — Н.Ф. Даниельсон, Е. Слуцкий, А.И. Чупров, П.Б. Струве и др. Все это подтверждает мысль о том, что русская экономическая мысль в силу объективных причин, связанных с особенностями развития национального хозяйства, способна была проявить свою методологическую самостоятельность. Объединение или синтез объективного и субъективного анализа оценки благ на основе классического подхода к пониманию объекта науки — хозяйства — составляет особенность и своеобразие русской экономической мысли, сделавшей вклад в мировую экономическую науку.

Теории объединения объективного и субъективного, обосновывающиеся русской экономической мыслью, не получили в дальнейшем достойного критического освящения, поскольку в Советской России восторжествовал марксизм, а в Европе к этому времени стал набирать силу европейский маржинализм. Однако сегодня, в период поиска новых теоретических парадигм развития экономической науки, идеи отечественной экономической мысли приобретают особенное звучание. Русская экономическая мысль сегодня из периферии экономической науки, в которую ее определили адепты господствующего мейнстрима, имеет все основания стать тем направлением, которое позволит снять противоречие между двумя научными направлениями и их рыночными теориями и предложить решение, представляющее альтернативу современному мейнстриму.

Литература

1. История экономических учений / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. М., 2003.
2. *Дмитриев В.К.* Теория ценности. Обзор литературы // Критическое обозрение. М., 1908.
3. *Франк С.* Психологическое направление в теории ценности // Русское Богатство. 1989. № 8.
4. *Туган-Барановский М.И.* Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причина их ценности // Юридический вестник. 1890. Т. 6. Кн. 2.
5. *Столяров Н.А.* Аналитическое доказательство предложенной г. Туган-Барановским политико-экономической формулы: пре-

дельные полезности свободно производимых продуктов пропорциональны их трудовым стоимостям. Киев, 1902.

6. *Маслов П.* Теория развития народного хозяйства. СПб., 1910.

И.В. ЕФИМЧУК

Телеология современной экономической мысли: между идеологией экономики и этикой хозяйства

Поиск новой парадигмы современной экономической науки обычно ведется между двумя полюсами, обозначенными в названии: между экономическим мейнстримом, пропагандирующим идеи эффективности и прогресса, и теорией хозяйства как мудрого ведения дел в гармонии с природной. Суть обозначенных направлений науки утрирована, но она позволяет обозначить главное: каждая из них имеет собственные ценностные ориентиры и набор целей, формирующихся на основе этих ценностей. И хотя первое, при экономической интерпретации идей М. Вебера, принято определять как целерациональное, а второе — как ценностнорациональное, подобное деление обоснованно, но очень условно. Разработка любой теории или концепции требует четкого определения целей, в основе которых лежат ценностные установки. Именно они будут определять то новое направление, которое в XXI в. выберет наука о хозяйственной (экономической) деятельности человека.

Ранее уже приходилось проводить содержательный анализ терминов «экономика» и «хозяйствование». Несмотря на то, что авторский подход отличается от наиболее распространенного и полнее всего реализованного школой философии хозяйства²⁸, все рассуждения будут вестись исходя из ее парадигмальных установок, согласно которым экономика рассматривается как «особое по качеству хозяйство — товарообменное хозяйство; специфический способ хозяйства —

²⁸ Хозяйствование в самом широком смысле слова — это обеспечение жизнедеятельности (от индивида до человечества в целом). Хозяйственная система представляет собой способ, которым человек обеспечивает свою жизнедеятельность, способ взаимодействия человека с природной средой. Тогда экономическая система — это способ координации хозяйственной деятельности, способ взаимодействия хозяйствующих субъектов. Если рассматривать человечество как систему, то хозяйствование преимущественно включает внешние взаимодействия (с природной средой), а экономика — взаимодействия внутренние (между элементами и частями самой системы).

товарообменный; тип цивилизационного устройства общества (с товарообменным основанием)» [1, 214]. Изначальное понимание «ойкономии» у Аристотеля имеет тот же смысл, который подразумевается категорией «хозяйство». Тогда как «экономика» — это «хрематистика» Аристотеля и «каталлактика» Мизеса — Хайека.

При таком подходе рассматривать соотношение экономики и хозяйствования можно как «часть — целое»²⁹. Но противопоставление части (подсистемы) целому (системе) имеет смысл только тогда, когда развитие части (в динамике), либо ее функционирование (в статике) нарушает нормальный ход функционирования/развития целого вплоть до угрозы его разрушения (необратимого или обратимого). Подобный «бунт» части против целого может быть результатом дисфункции, «сбоя в программе» функционирования подсистемы, а может быть естественным эволюционным процессом. Поддерживать существование целого можно только при условии, что его интересы важнее интересов частей. Переходы на новый качественный уровень, реализующиеся в процессе развития, требуют повышенной активности подсистем, их автономии и, наконец, доминирования интересов частей над интересами целого. Если экономика (денежное, рыночное хозяйство) — часть (подсистема) хозяйства, то правомерен вопрос: может ли она, исходя из своих интересов, разрушить (заменить собой) целое и при этом сохраниться, став основой нового этапа развития человечества? Оставим обозначенный вопрос открытым, чтобы вернуться к нему по ходу рассмотрения проблемы.

Второй вопрос, возникающий в связи с названием: соотношение этики и идеологии. Определить соответствие между ними намного сложнее, чем в первом случае — это действительно две разные плоскости: и реальности, и ее анализа. Идеология может быть человеконенавистнической, а может базироваться на этических принципах и моральных нормах. Этика — это наука, она, как минимум, не должна быть идеологизированной. Но разнообразные теории и концепции — как социологические (в широком смысле слова), так и экономиче-

²⁹ Авторская концепция, разделяющая хозяйственные и экономические системы как различные плоскости анализа, не противоречит приведенному делению, просто требует уточнения терминов. Самый широкий смысл в ней приобретает понятие «хозяйствование», поскольку обеспечение жизнедеятельности человека в качестве обязательных условий включает взаимодействие и с природой, и с социумом, их подсистемами и элементами. Оно соответствует категории «хозяйство» в философии С.Н. Булгакова, для которого «хозяйство есть борьба человечества с стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечивания природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм» [2, 63], и «хозяйство есть процесс общественный, развивающийся в истории» [2, 126].

ские — всегда в большей или меньшей степени идеологизированы³⁰. В основу этических концепций вполне могут быть положены и активно кладутся определенные идеологические установки, причем такой подход трактуется как норма: «Этика дает морали мировоззренческую, идеологическую интерпретацию» [3, 620]. Идеология — отнюдь не наука, хотя под нее постоянно пытаются подвести научное обоснование/основание, как под этические концепции — идеологию.

Этика обращается к человеку, исследует мотивы и последствия его поступков, рассматривая коллективное поведение и возникающие в ходе него социальные нормы как итоговый результат постоянно осуществляемого индивидуального выбора. Идеология тоже в пределах предназначается индивидам, но с одним существенным отличием: индивидам как членам определенного коллектива. Если в первом случае коллективное поведение определяется осознанным личным выбором индивидов, то во втором, наоборот, индивидуальные решения полностью подчиняются коллективному поведению (даже если формально провозглашается свобода выбора).

Оба рассматриваемых социальных феномена (включая обозначающие их термины) возникли в периоды, когда человек активно осваивал окружающую среду, и природную, и социальную, а значит, вырывался за пределы регламентирующей его жизнь жесткой организации и обретал относительную свободу. Первым таким периодом максимальной «открытости» локальных социумов, сопровождающейся ростом индивидуальной свободы, стала эпоха Античности (Осевое время К. Ясперса), а вторым — Новое и Новейшее время. Не имеет смысла повторять все то, что уже было сказано ранее про поразительную гомогенность (фрактальность) событийного ряда этих эпох [4]. Похожи они и с точки зрения формирования духовных, нравственных и институциональных норм, задающих принципы и правила поведения людей.

Когда решения и поступки человека определяются не внешними, жестко установленными правилами (предписаниями), светскими или религиозными, или впитанными с молоком матери традициями, а им самим, то возникает настоятельная потребность в ориентирах: как, руководствуясь какими основаниям он принимает решения и где должны пролегать границы индивидуального произвола, если таковые необходимы.

³⁰ Разница именно в степени: если она не значительная, или хотя бы, приверженность определенной идеологии не провозглашается сознательно, теория уже имеет основания претендовать на звание объективной.

Этика возникла в условиях распада первоначальной общественной/общинной связности людей, причем не только рядовых членов общины, но и старой земельной/полисной аристократии, теряющей свои былые позиции. К этому времени у греков за плечами было уже почти пять веков активного исследования и колонизации ойкумены: побережий Эгейского, Черного и Средиземного морей. С одной стороны, отток избыточного сельскохозяйственного населения в колонии одновременно с использованием рабского труда привел к повышению уровня жизни, экономической независимости и политической свободе полноправных граждан/горожан, подкрепленным милитаризацией социума (полной — в Спарте, частичной — в Афинах и других полисах). С другой стороны, возникла масса проблем, которых никогда не знала гомогенная община: концентрация земельной собственности, урбанизация, широкое распространение рыночных отношений, значительное социальное расслоение, снижение доходности сельского хозяйства по сравнению с торговлей, разорение значительной части свободного населения и постоянный рост недовольства³¹.

Человек не только обретал свободу, но и оставался один на один с массой вопросов, ответы на которые невозможно было получить, исходя из прежнего опыта. А вопросов в нестабильном греческом социуме, оставившем в прошлом героический «золотой» век, к IV столетию до н. э., в котором родилась этика Аристотеля, накопилось уже огромное количество. Не случайно в этот же период появилась модель идеального государства Платона — теоретическая концепция восстановления былого единства.

Учение об этике Аристотеля оставляло индивиду гораздо большую степень свободы, чем пирамида идеального государства, одновременно требуя осознания ответственности за свои поступки. Однако моральные нормы той эпохи охватывали далеко не всех, а очень ограниченную часть населения греческих полисов — действительно свободных граждан. Свободных не только по своему официальному социальному статусу, но и экономически — обладающих хотя бы минимальным состоянием, позволяющим в полной мере вос-

³¹ В похожих обстоятельствах на другом конце Евразии происходило формирование конфуцианской этики. Разумеется, при определенном сходстве процессы, происходившие в Античной Греции и Древнем Китае, имели и существенные различия, самым главным из которых был принципиально иной характер китайского социума: закрытый, в отличие от открытого греческого. В открытых социумах социально-экономические проблемы всегда были связаны с приростом богатства и его неравномерным распределением, причем тем более неравномерным, чем меньше становился прирост. В закрытых социумах — с перераспределением того, что можно было получить исходя из собственных ресурсов. Перераспределением, которое осуществлялось через разрушение социума.

пользоваться реальной независимостью («благородных мужей»). Этика Античности никогда не могла претендовать и не претендовала на то, чтобы распространить свои нормы и правила на все население. Его поведение продолжали определять прежние неформальные (обычаи и традиции), а также новые формализованные (право) институты (включая знаменитое римское право, которое совершенствовалось параллельно с развитием этики).

Закономерно, что внимание философов к этической проблематике возрастало по мере исчерпания потенциала развития античного социума. «В античной философии в разных школах постепенно нарастали элементы этики, которая постепенно становилась самой важной главой философской рефлексии, в частности у стоиков и Сенеки» [5, 221]. Чем богаче, сильнее, просвещеннее становилось римское общество, чем комфортнее делалась жизнь, тем быстрее и масштабнее нарастали те же проблемы, с которыми несколько веков ранее столкнулись греческие полисы. Вывод, относящийся к характеристике феодальной Руси, имеет самое непосредственное отношение к периоду разложения античной цивилизации: «Невозможность последовательной реализации этических норм на практике вовсе не означала их отсутствия в идеологии, построенной не по принципу зеркального отражения действительности, но по принципу компенсирующей акцентировки недостающих компонентов» [5, 222].

С вершины цивилизационного могущества начинается движение вниз. Чем сложнее и тяжелее становилась жизнь, чем хуже соблюдались законы, несмотря на их все более тщательную проработку, тем больше была потребность в этике как дополнительном компенсаторном механизме. Но работала она, как и прежде, на очень ограниченном индивидуальном уровне. Когда античное общество затрещало по швам, функцию организации («связывания») и направления поведения человека взяла на себя религия. Трудно согласиться с тезисом П. Козловски о том, что «способы "укрепления уверенности" и повышения морали — этика категорического императива и религия — в исторических фазах падения предельной морали оказываются недостаточными» [6, 234]. Все известные в истории цивилизованного человечества масштабные социальные катастрофы, разрушающие институциональные основы общежития, включая моральные нормы, обычаи, традиции и законы, преодолевались с помощью религии, поглощавшей и растворявшей в себе этику. Это обстоятельство, наиболее ярко проявившееся в процессе крушения Римской империи, прекрасно осознают историки: «Понятие о добре и зле, ставшее для греков и римлян с падением полисных устоев чем-то очень зыбким и расплывчатым, темой для необязательного теоретизирования и безот-

ветственных дискуссий, в библейском мировоззрении соотносилось с абсолютным авторитетом единого Бога и при всей ограниченности сохраняло определенность, непреложность, неуступчивость» [7, 335].

Вторая волна, связанная с возвращением светского интереса к этике, также пришлась на период возрастания индивидуальной свободы, начало которому положили Великие географические открытия, Возрождение и Реформация. Тогда же началось снижение роли религии в организации социума, как ни парадоксально, с резкого ее усиления в протестантских течениях, проповедующих не коллективное, а индивидуальное спасение и предложивших четкий критерий предопределения: успешность в мирских (профессиональных) делах. Начиная с эпохи Возрождения, многие мыслители того времени обсуждали этические вопросы вплоть до конца XVIII в. Объективным завершением этого периода стали утилитаризм Бентама и философия Канта. Вся великая европейская философия XIX—XX веков занималась проблемами морали и нравственности, но отнюдь не этика были на переднем крае научной мысли и социальной практики. У нее появился серьезный конкурент — идеология³².

Период с XVI по XVIII в. был эпохой движения европейцев «вширь», завоеванием пространства, колонизацией земель, которые осуществлялись на основе самых передовых технологий, но технологий все еще аграрного хозяйства. Такое пока еще экстенсивное «открытие» Западной Европы, как и в Античной Греции, предоставляло свободу, и материальную, и интеллектуальную, очень ограниченному кругу все тех же «благородных мужей». Только индустриализация окончательно разрушила привычные миры большинства людей, подняла их с насиженных мест, переместила в города, вытолкнула за пределы Западной Европы. Поведение масс стало регулироваться законодательством, а направляться идеологией. Этика как была, так и осталась прерогативой меньшинства, а для большинства предназначалась простейшая норма — учитывать в своих поступках ограничения, налагаемые действующим законодательством.

Последнее обстоятельство опять позволяет провести параллель с этикой. Она, как и идеология и законодательство является порождением урбанизации. В городе нет обычаев и традиций, но есть писаное право (законодательство). Тогда минимальное требование, предъявляемое к человеку — соблюдение закона, который в идеале должен

³² Идеология — детище Великой французской революции, хотя сам термин и появился в 1801 г. Совпадение, возможно случайное, но очень показательное — книга Бентама «Введение в принципы нравственности и законодательства» опубликована 1789 г.

содействовать исполнению моральных норм (как реальное воплощение идеальных установок И. Канта), а не противоречить им.

И еще одна общая характеристика: морально-этические нормы, обычаи, традиции, законы и идеология всегда предназначались только для своих. Все, что лежало за пределами системы (локального социума) — не подпадало под действие правил, в том числе этических. Это относилось не только и не столько к отдельным индивидам (чужакам), которых как раз можно было ассимилировать без угрозы собственной целостности. В качестве чужих рассматривались социумы и природа за пределами своей территории, которые для локального сообщества представляли собой внешнюю среду. Именно за их счет хозяйство переставало быть игрой с нулевой суммой и превращалось в экономику.

В аристотелевском смысле, ойкос — место, где человек живет и работает, хозяйствует. До предела упрощая суть, можно сказать, что работать необходимо так, чтобы оставалась возможность жить, поддерживать жизнь и в пространстве и во времени. Именно для этого вырабатываются нормы и правила, ограничивающие чрезмерную активность индивидов, способных работать так, что жить будет негде и нечем. Самые надежные правила такого рода на основе опыта многих поколений поддерживали общины, каждая из которых представляла собой фактически локализованный самообеспечивающийся социум³³.

Этика, начиная с Аристотеля — это наука о правилах человеческого общежития: жития общего не только с людьми, но и с природой³⁴. Но при одной существенной оговорке: со своими людьми (*соседей, согражданами, соотечественниками*) и со своей природой, которая поддерживает жизнь данной общности (локального социума: от рода до государства/отечества). Для континентальных народов после формирования первых цивилизаций (а значит, осознания ограниченности земельных ресурсов) природа, с которой они взаимодействовали (и жили, и работали), имела четкие пространственные границы. Выйти за их пределы было очень сложно, практически невозможно (только на более высоком, государственном уровне), необходимо было поддерживать «несущую способность»³⁵ земли, стараясь не нарушить обеспечивающие ее природные циклы.

³³ Для их характеристики в буквальном смысле подошла бы метафора А.А. Зиновьева «человекийник».

³⁴ «Русский говорит “у меня есть собака” и даже “у меня есть книга” — на европейские языки буквально перевести это невозможно. В русском языке категория собственности заменена категорией совместного бытия» [8, 56].

³⁵ Термин, используемый в экологии и структурно-демографической теории.

Поскольку поведение человека в принципе может быть любым, то этика индивидуализма в теории имеет равные права на существование с любыми альтернативными этическими концепциями. На практике реализовать ее в чистом виде можно только в открытой системе, в которой индивидуальная активность и удовлетворение личного интереса «выплескиваются» в среду и потому не причиняют (или причиняют минимальный) ущерб элементам самой системы. Внутри системы все относятся друг другу вполне этично, потому что дружно эксплуатируют среду³⁶. В другой терминологии об этом было написано еще десять лет назад: «Империю и централизованное перераспределение можно обозначить как социально-экономическую организацию, обеспечивающую поддержание внешнего баланса за счет дисбаланса внутреннего; демократию и рынок — как поддержание внутреннего баланса за счет дисбаланса внешнего» [9, 88]. Выбор между коллективистскими или индивидуалистическими ценностями во всей истории человечества никогда не был произвольным, а в значительной степени зависел от характеристик среды, в которой хозяйствовал человек. В соответствии с ценностями определялись цели: освоения окружающего пространства или оптимального приспособления к нему.

Этика, как и идеология, — это интеллектуальный продукт открытых социумов, которые развиваются благодаря освоению среды. Открытыми в цивилизованной истории человечества, в отличие от континентальных, всегда были народы прибрежных областей: морских или океанических. Континентальной традиции в различных сферах социально-экономической жизни обычно противопоставляется англосаксонская, но в данном контексте этот термин не годится из-за его чрезмерной узости. Поэтому будем использовать не очень благозвучное понятие «прибрежная традиция»³⁷. Специалисты выделяют экономику горских народов в особый тип, определяя ее термином «отход», характеризующим самые разнообразные формы экспансии избыточного населения (прежде всего молодежи) в окружающее пространство. Высокий уровень жизни прибрежных народов никогда не был достижим на основе собственных ресурсов; они всегда, так же как и горцы, жили «отходом». В подавляющем большинстве случаев «отхожим промыслом» была торговля, причем коммерсанты-

³⁶ На семинаре «Глобальный мир» в Институте микроэкономики один из участников привел замечательный пример торжества этических норм в локальном микросоциуме: в Южной Америке этнографы нашли племя, члены которого не только не делают и не говорят друг другу ничего плохого. Для них на уровне «табу» существует запрет думать плохо о своих соплеменниках. Это племя охотников за черепами.

³⁷ Можно заимствовать у историков красивое название «народы моря».

мореходы попутно колонизировали чужие земли (для организации торговых факторий, которые иногда разрастались в крупные города) и никогда не брезговали подрабатывать пиратством. Масштабными исключениями, которые начинались как общее правило, стали территориальные экспансии античных греков и, двумя тысячелетиями позже, народов Западной Европы. Они так же, как и все прибрежные (морские) цивилизации, начинали освоение окружающего пространства с развития торговли, но в результате перешли к значительному «выплеску» населения и производственной (аграрной в первом случае, индустриальной — во втором) колонизации всей доступной для этого Ойкумены.

В результате выхода за пределы жестких ресурсных ограничений заселенной и обжитой территории как греки, так и европейцы получили возможность использовать дополнительные трудовые и природные ресурсы, не подрывая устойчивость собственного дома (ойкоса), причем не просто использовать, но нещадно их эксплуатировать. В баснословно выгодных деловых предприятиях было не до этики³⁸, а идеология была не востребована по причине относительной малочисленности гиперактивных предприимчивых индивидов, реализующих себя за пределами родного ойкоса. Правда, огромный прирост благосостояния, достигнутый за счет эксплуатации внешнего мира, никому не шел впрок: неравномерное распределение богатства сопровождалось разорением большинства населения. Земельные собственники, не связанные с выгодами заморской (заокеанской) торговли (включая торговлю людьми), увеличивали степень эксплуатации своих работников, снижая их уровень жизни. Рост социальной напряженности приводил к выбросу избыточной энергии и недовольства уже не индивидов, а масс во внутрирегиональных войнах: между полисами Античной Греции или национальными государствами Европы. Ойкос начинал трещать по швам, собранные в армии индивиды начисто забывали про мораль и нравственность, твердо зная, что *homo homini lupus est*. Частичное разрушение открывало возможность нового подъема, на котором можно было не только рассуждать об общем доме и категорическом императиве, но и пытаться, хотя бы частично, воплотить в жизнь этические принципы.

Промышленная революция прервала возвратно-поступательное развитие аграрных социумов, переведя его на принципиально новый,

³⁸ Пока Бентам создавал свой утилитаризм, на Западе его бывшие соотечественники, отделившиеся от метрополии, заканчивали «зачистку» Северной Америки от индейцев, а на востоке Ост-Индская компания вгрызалась в Индию, не обременяя себя заботами об увеличении общего блага покоряемых народов.

гораздо более высокий уровень. Несмотря на объективные сложности переходного периода, она расширила относительную экономическую и социальную свободу уже не десятков и даже не сотен, а гораздо большего числа людей. Индивидуалистическая этика конца XVIII в. пригодилась новорожденной идеологии века XIX-го: массы поднимались на свержение старых порядков, но каждый отдельный человек в этой разбухшей массе искренне рассчитывал, что в новом мире его личная свобода и его благосостояние возрастут, а не сократятся³⁹. Бурное развитие техники и технологий, повышавшие возможности человека по переработке вещества природы, требовали активизации предпринимательского потенциала, энергии и разума человека. Резкий рост производительности капитала и труда тысячекратно увеличил массу производимой продукции, превратив рыночную экономику из исключения, которым она была в аграрных цивилизациях, в норму для индустриального хозяйства. Успехи, достигнутые человечеством благодаря индустриализму и рыночному хозяйству (экономике) поражают воображение в не меньшей степени, чем проблемы, которые они породили.

Переход от аграрного хозяйства к индустриальному в странах-лидерах сопровождался усилением тяжести труда и ухудшением жизни значительной части населения, но после его завершения оказалось, что акцент сместился с эксплуатации человека (не только в ядре, но и на полупериферии сформировавшейся мир-системы) на эксплуатацию природы. Узкая прослойка рефлексирующих интеллектуалов, для которых и предназначалась этика Аристотеля, Канта и Бентама, постепенно расширилась до среднего класса, составившего до двух третей населения. Его представители, несомненно, руководствовались морально-нравственными принципами, но, большая часть в своих поступках ориентировалась на законодательные нормы, соблюдение которых стало минимальной границей общественно-приемлемого (следовательно, морального) поведения. Этика, даже в своих индивидуалистических направлениях ориентирующая человека на определенное самоограничение, оказалась отесненной на задний план идеологией, которая с момента своего появления носила ярко выраженный экспансионистский характер, предназначалась для направления людей на реализацию поставленных целей.

В общественных науках отсутствует выражение «этика развития», но есть «идеология развития». Идеология возникла, чтобы обеспечивать расширенное воспроизводство, и с этой своей задачей она

³⁹ Самым наглядным воплощением такого социального оптимизма является «американская мечта».

успешно справилась. Интенсивное экономическое развитие всегда создает предпосылки для нового витка экстенсивного роста, сопровождается вторжением, экспансией во внешнюю среду, границы которой постоянно расширялись на протяжении последних шести столетий. Этика индивидуализма идет рука об руку с идеологией развития и по-другому существовать не способна. Насаждать в закрытой системе этику индивидуализма без идеологии развития — значит сеять «зубы дракона» (что и было проделано в России в 1990-е гг.). А роль камня из древнегреческого мифа (детонатора процессов саморазрушения) может сыграть любой незначительный эпизод, который в обычной ситуации не привлекает никакого внимания.

Без освоения среды поддерживать экономический рост в принципе невозможно, причем не только характерный для индустриализма экспоненциальный, но и даже гораздо более медленный рост⁴⁰. Среда позволяет превратить хозяйство в экономику, в которой человек живет, чтобы работать, но не работает, чтобы жить. Такое поведение является характерной чертой труда мигрантов, которую отмечал еще М. Вебер⁴¹ и которая наглядно проявляется в современных российских условиях. Утрированно можно сформулировать так: при экономической (рыночной) организации, в отличие от хозяйственной, человек работает на планете Земля «вахтовым методом». Правда, другого дома, в котором можно было бы расслабиться и отдохнуть от вахты, у него в запасе нет.

Экономическое развитие, сопровождаемое ростом, принципиально неэтично и по духу и по букве, причем не только по отношению к природе, устойчивость, которой человек с каждым витком развития подрывает все сильнее, но и по отношению к самому человеку. «Как резонно замечает в своей работе Мокир, “неизбежным побочным следствием технологического прогресса является естественное воспроизводство класса лузеров”» [11, 13]. Особенно «аморальным», с такой точки зрения, является применение «закрывающих» технологий, которые обеспечивают резкий скачок в производительности и

⁴⁰ Так называемый «эффект Нордхауза» при тщательном анализе может оказаться очередной мифологемой неоклассики, распространяющей специфику ИКТ на всю сферу производства.

⁴¹ «Можно считать установленным, что самый факт переезда на работу в другую страну является одним из наиболее мощных средств повышения производительности труда. Так, польская девушка, которую на родине самые заманчивые перспективы большого заработка не могли вывести из состояния традиционалистской инертности, полностью преобразуется на чужбине; работая там батрачкой, она становится благодарным объектом безудержной эксплуатации. Это же явление мы наблюдаем у итальянцев, занятых отхожим промыслом. ...Вряд ли надо указывать на то, в какой степени этот фактор повлиял на развитие американской экономики» [10, 111].

ликвидируют значительную часть рабочих мест на устаревших производствах. С точки зрения идеологии прогрессизма их применение абсолютно рационально и сверхэффективно⁴², но при этом, вопреки всем этическим принципам, подрывается эффективность социальная.

Изобретатели и рационализаторы с полным основанием могут утешать себя соображением, что ухудшения кратковременны и распространяются на меньшинство, а улучшения длительны и предназначены большинству. В XIX и даже первой половине XX в. эти соображения были вполне резонны, особенно если не учитывать население периферии и полупериферии, которое оставалось за бортом научно-технического и социального прогресса. К концу прошлого столетия процессы индустриализации и глобализации привели к формированию общего планетарного экономического пространства, в большей или меньшей степени охватывающего все население Земли (вширь) и значительную часть биосферы (вглубь). Система практически полностью заполнила собой среду, утратив возможность развиваться за счет ее вещества и энергии без ущерба для себя. Настало время переоценки ценностей и переопределения целей, стоящих теперь уже не перед локальными социумами, а перед всем человечеством.

Для постепенного торможения в современном мире используются самые разнообразные методы, начиная с усиления внимания к экологической проблеме, появления идеи «квотирования» экономического роста, переноса акцентов с показателей уровня жизни на показатели качества жизни, сокращение продолжительности рабочего дня. На поверку все новое оказывается хорошо забытым старым, воссоздавая на новом уровне развития предохранительные механизмы, используемые традиционными обществами. Особенно интересно в этом отношении появление в экономической науке направления с названием «экономика счастья», которое вызывает в памяти феномен, хорошо знакомый историкам: «Через тысячелетия первобытное общество пронесло свойственные ему человеческие ценности, связанные с непосредственной социализацией и жизнью среди родных — душевный комфорт и эмоциональность поведения, полное отсутствие ощущения отчужденности, невозможные ни в каком другом обществе... “Преобладающей чертой характера первобытного человека является удовлетворенность”» [13, 115]

⁴² «Английские хлопчатобумажные ткани с поразительной быстротой уничтожили легкую промышленность Индии, применявшей ручные станки. Население г. Дакки, главного центра индийской текстильной промышленности, уменьшилось между 1815 и 1837 гг. со 150 тыс. до 20 тыс. Уничтожение сельской ручной промышленности заставило крестьян снова заняться исключительно сельским хозяйством» [12, 107].

Наглядным свидетельством осознания проблемы стало появление в конце XX в. промежуточного направления между идеологией экономики и этикой хозяйства, претендующего на роль золотой середины и пытающегося объединить в себе фундаментальные основания того и другого: этической экономии. Рядом с основным названием через союзы и/или стоит другое: хозяйственная этика. Смысл «хозяйственной этики» ее автором трактуется то довольно широко: «хозяйственная этика, или этическая экономия, является, соответственно, с одной стороны, экономической теорией этического, этических институтов и правил и, с другой стороны, этикой хозяйства» [6, 8], то чрезмерно узко: «хозяйственная этика есть учение о нормах и мотивах хозяйственной деятельности и обмена на внешнем рынке народного хозяйства и на внутреннем рынке предприятия»⁴³ [6, 51]. Претензию на создание целостной, интегрирующей теории, заявленную ее автором, вряд ли можно признать реализованной; скорее она напоминает попытку примирить противоположности так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Но даже в таком виде теория может работать, поскольку задолго до появления человека природа нашла способ решения этой дилеммы через механизм поддержания равновесия «хищник — жертва».

Работы П. Козловски демонстрируют, что приверженность идее рыночной экономики (капитализма) в современных условиях становится ценностью и самоцелью, реализуя идеологическую функцию. Самоцелью двусмысленной, поскольку предполагает возможность стабилизировать динамику (фактически, режим с обострением), не обозначая, как это можно сделать⁴⁴. Но даже сквозь апологию рыночной экономики, призванной обеспечивать условия для самореализации индивидов, в этической экономии пробиваются реальные характеристики современной действительности, приводящие к выводу: «Всеобъемлющая экономика... должна мыслиться как максимальное осуществление совместимых друг с другом ценностей, как максимизация существования»⁴⁵ [6, 143]. Почти через столетие научная мысль

⁴³ При таком подходе этическая экономия, не сумевшая подняться до хозяйственной этики, встает в один ряд с узкоспециализированными направлениями на стыке наук, такими как экологическая экономика, экономическая социология, экономическая психология и т. п.

⁴⁴ Самый простой способ предлагает старый советский анекдот: «Раскачиваем вагон, делаем вид, что едем».

⁴⁵ Под разговоры о «возвратно-прогрессивном движении» в направлении общества, «определяемого религией, духовностью и искусством» [6, 159] элиты Запада не гнушаются осуществлять стабилизацию методами, которые культура всегда рассматривала как аморальные. На смену «сексу, наркотикам, рок-н-роллу» предыдущей понижатель-

Запада вернулась к парадигме, еще в начале XX в. обозначенной философией хозяйства С.Н. Булгакова.

Традиция русской философско-экономической мысли, исследующей «общие основания хозяйственного процесса, его онтологию» [2, 24], в современной ситуации более чем когда либо востребована экономической наукой, которая от чисто экономического/материального/ресурсного подхода неизбежно будет переориентироваться на хозяйственный. Она дает возможность не просто примирить этику с идеологией через их компромиссное сочетание, а подняться на более высокий уровень, встать над обоими полюсами, рассмотреть хозяйство как «процесс общественный, развивающийся в истории» [2, 126], что позволяет понять логику взаимодействия статики и динамики, устойчивости и изменчивости, сохранения и развития в хозяйственной истории цивилизаций и человечества в целом. Только с такой всеобъемлющей позиции «над» экономикой и историей, этикой и идеологией можно вырабатывать ценности «золотой середины» и цели «третьего пути», определяемые не благими намерениями сохранения патриархальных ценностей или апологетикой рынка, а реальными возможностями природы, культуры, техники и человеческого разума.

Еще один аспект, свидетельствующий о востребованности наследия русской философско-экономической (хозяйственной) мысли, заключается в исчерпании возможностей «прибрежной» и возвращении к принципам «континентальной» традиции, т. е. переносе акцентов с покорения природы на восстановление баланса между человечеством и биосферой. Решение такой задачи намного сложнее, чем поддержание гармонии с природой в локальных аграрных цивилизациях, тем более, что даже там оно никогда в полной мере не было достигнуто. Практически все аграрные общества существовали в режиме автоколебаний («вдоха — выдоха»), периодически наращивая и сокращая антропогенную нагрузку на природную среду. Но и уровень понимания проблемы, и интеллектуальный потенциал человечества за несколько столетий выросли настолько, что задача при желании в принципе может быть решена. Все зависит от ценностей, которые будут положены в основу коллективных действий; ценности определяют цели. И только после этого имеет смысл говорить, достижимы такие цели или нет.

Приближение индустриального хозяйства к пределам роста и сокращение возможностей лидеров создает двойственную ситуацию

ной волны Кондратьевского цикла в период нового долгосрочного кризиса пришли пропаганда гомосексуализма и разрушающая семью ювенальная юстиция.

для стран полупериферии, особенно России. Наша страна является сегодня самой большой территорией, освоение которой еще возможно в рамках индустриальной парадигмы развития. С экономической точки зрения самой разумной целью было бы форсирование и качественного развития, и количественного роста, усиление эксплуатации природной среды и повышения на этой основе благосостояния населения. Такая цель рациональна в среднесрочном периоде (который в данном контексте совпадает с циклом Кондратьева). Для ее достижения необходимы ставка на индивидуальную экономическую свободу, всемерное поощрение предпринимательской инициативы, активности, изобретательности, трудоголизма и тому подобных качеств. Чтобы совершить прорыв, нужно работать много и интенсивно. Разумеется, в современном мире ставка делается на новые технологии, на рост производительности, а не на интенсивность труда. Но рыночные отношения всегда приводят к интенсификации, в том числе и к росту самоэксплуатации, а не только эксплуатации чужого наемного труда.

Подобные среднесрочные приоритеты приходят в противоречие с кратко и долгосрочными. В краткосрочном плане мир сегодня стоит на пороге очередного кризиса, который может стать серьезной угрозой не только для экономического положения, но и для политической целостности страны. Чтобы его благополучно пережить, необходимо делать упор на коллективистские ценности, привлекая на помощь все возможные социальные механизмы регулирования: и светские, и религиозные. И в то же время успеть создать задел для будущего подъема на новой повышательной волне долгосрочного цикла.

В длительной перспективе природа Российской Федерации не беспредельна, и через несколько десятилетий может со всей остротой встать вопрос о стабилизации, который мы сегодня еще можем позволить себе отодвинуть на задний план. Как минимум, приходится учитывать, что на этом основании отказываться от возможности развития большого смысла не имеет. «У эволюции существует категорический императив: территория, поддающаяся освоению возникающими технологиями, должна быть освоена и будет освоена» [14, 49]. Если это не будет сделано населением страны, найдется немало желающих «поделиться» ее богатствами с «дорогими россиянами». Выбранную траекторию индустриального развития человечество пройдет до конца и, если сможет остановиться, то только на его пределе (на кривой производственных возможностей). Но тогда ему придется возвращаться к ценностям устойчивой хозяйственной организации, поставив приоритеты целого выше приоритетов частей. Рынок как сфера обмена при этом, несомненно, сохранится, а рыночной экономикой при-

дется пожертвовать. Инициатива и предприимчивость, направленные внутрь закрытой системы, при всех благих намерениях их носителей, закончатся ее разрушением⁴⁶.

Ценности не формируются без идеализации. Консерваторы идеализируют прошлое, прогрессисты — будущее. Не сложно создавать привлекательные образы того, чего нет. Никто не идеализирует настоящее. Оно здесь и сейчас, у всех на виду, со всеми его достоинствами и недостатками, причем на понижительных волнах долгосрочных кондратьевских циклов вторые гораздо более заметны, чем первые. Для нас важнейшей проблемой современности является возможность стабилизации существующей хозяйственной системы (индустриализма) со всеми его положительными и отрицательными сторонами, сохранения существующего внутри нее и вовне хрупкого баланса между естественным и искусственным, природой и техникой, биосферой и техносферой. А главное: сохранения носителя этого хрупкого баланса — человека как социобиологического существа, которого все сложнейшие технические приспособления дополняют, а не подчиняют себе; жизнь которого определяется и направляется «религией, духовностью и искусством», а не NBIC-технологиями.

В сложившейся ситуации выходом может быть выравнивание. Не в смысле тотальной имущественной уравниловки или усреднение всего и вся, вплоть до пола человека. Речь идет об относительном выравнивании потенциалов макрорегионов, позволяющих им взаимодействовать на равных, конкурируя между собой, сдерживая агрессию наиболее сильных соперников и продолжая поиск альтернативных вариантов дальнейшего развития.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Хозяйство. Экономика // *Философия хозяйства*. 2000. № 1.
2. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 2008.
3. *Социальная философия: Словарь / Сост. и ред. В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов.* М.; Екатеринбург, 2006.
4. *Ефимчук И.В.* Фрактальность истории. Опыт периодизации циклической динамики производящего хозяйства. М., 2012.
5. *Философия и этика: Сборн. науч. тр.* М., 2009.
6. *Козловски П.* Принципы этической экономии. СПб., 1999.

⁴⁶У человечества остается потенциальный шанс очередной раз «открыться», приступив к освоению космического пространства. Можно надеяться, что он превратится в реальный, и проблема стабилизации отпадет сама собой. Однако сегодня обсуждать конкретные аспекты такого развития событий имеет смысл для представителей естественных и технических наук, но не обществоведов (возможно, за исключением философов, но и они не выходят за пределы теоретических абстракций).

7. История Древнего Мира. Т. 3. Упадок древних обществ. М., 1989.
8. *Кара-Мурза С.Г.* Идеология и мать ее наука. М., 2002.
9. *Ефимчук И.В.* Тупики и перспективы социальной эволюции // *Философия хозяйства*. 2003. № 1.
10. *Вебер М.* Избранные произведения М., 1990.
11. *Медовников Д., Оганесян Т., Розмирович С.* Не относитесь к будущему по-скотски // *Эксперт*. 2010. № 2.
12. Экономическая история зарубежных стран: Курс лекций / Под общ. ред. В.И. Голубовича. Минск, 1996.
13. *Анналы*. Научно-публицистический альманах. Вып. 3. Альтернативность истории. Донецк, 1992.
14. *Рубченко М.* На излете нефтяной эпохи // *Эксперт*. 2010. № 38.

Г.В. ФАДЕЙЧЕВА

Современные вызовы и проблемы развития в контексте философии хозяйства

Главной отличительной особенностью отечественной экономической мысли, на наш взгляд, следует признать видение социохозяйственных вопросов в тесной связи с пониманием развития не только как формирования материальной базы социума, но и как развития самого социума, а в более масштабном плане — всего человечества. Отметим, что с учетом разнообразия взглядов и различий во времени написания работ, эта особенность прослеживается достаточно отчетливо. Даже, казалось бы, не слишком хорошо знакомая с трудами С.Н. Булгакова эпоха господствующего в официальной советской науке марксизма демонстрирует в партийных документах цели создания материально-технического фундамента для формирования всесторонне развитого человека. Иначе говоря, экономика выступает здесь как условие развития социума в целом и каждого человека в нем. Прочитав Н.А. Бердяева: «Экономика лишь необходимое условие и средство человеческой жизни, но не цель ее, не высшая ценность и не определяющая причина» [1, 249]. Любопытно, что идеи критики экономизма и марксизма и партийные программные документы вполне соответствуют друг другу.

С позиции современных глобальных вызовов и проблемы развития представляет особый интерес взгляд С.Н. Булгакова [2] на че-

ловечество как субъект хозяйства. Современная расстановка сил в глобальном экономическом и правовом пространствах позволяет по-новому взглянуть на ключевой тезис философии хозяйства С.Н. Булгакова о хозяйстве и человечестве как его субъекте. Тезис весьма актуальный, но, вместе с тем, достаточно утопичный в контексте тенденций современной глобализации.

Отметим, что с позиции философии хозяйства сама проблема развития видится как проблема развития гармоничного — сочетающего развитие хозяйства, социума и самого индивида. В этом смысле можно говорить о формировании человечества как субъекта хозяйства, однако субъектом хозяйства человечество никогда еще не являлось, оно, на наш взгляд, может им стать в условиях преодоления экономического постмодернизма в достаточно отдаленной перспективе. В современных условиях понимание человечества как субъекта глобального мира не приемлемо и утопично. Для становления данного субъекта как субъекта хозяйства нет самого хозяйства в чистом виде как на уровне отдельных национальных экономик, так и на наднациональном уровне. Современная глобальная система есть превращенная форма хозяйства, что, однако, порождает ряд интересных вопросов, в том числе — насколько возможно в современных условиях ее отрицание.

Ценность тезиса С.Н. Булгакова о человечестве как субъекте хозяйства заключается, на наш взгляд, в самой возможности постановки проблемы развития как проблемы развития всего человечества при смещении акцентов с исключительно материальных аспектов на духовные ценности. Отметим, что реализация общественной потребности развития в таком понимании весьма актуальна для стран «золотого миллиарда», переживающих кризис потребительства с его псевдообщественными потребностями. Для стран «догоняющего развития» злободневна проблема ненасыщенности многих насущных потребностей, что не отрицает возможности преодоления тенденций экономического постмодерна и реализации подлинной общественной потребности развития. Для пореформенной России формирование общественной потребности развития и ее реализация в альтернативном постмодернистскому сценарию варианте также являются актуальными проблемами.

В настоящее время достаточно утопично говорить о человечестве как о едином субъекте глобального экономического и правового пространств — слишком неоднородны представленные там субъекты, слишком раздираемы они противоречиями интересов. Помимо резкой экономической дифференциации стран, которая подтверждается различными рейтингами, учитывающими основные макроэкономические

критерии, фактом является и новая форма дифференциации, основанная на разделе сфер влияния и дающая основания для диктата в различных формах, в том числе, с использованием возможности военного вмешательства в дела суверенных государств. Примеров, подтверждающих данный тезис, достаточно много, последний — события в Сирии. Напомним недавнее заявление президента США Б. Обамы, которое процитировал затем Президент России в статье, опубликованной в газете «Нью-Йорк таймс», об исключительности американской нации. Данная исключительность основывается на проводимой США политике, формирование и проведение которой являются следствиями постмодернистского передела сфер влияния и осуществления глобализации по американскому сценарию. Таким образом, налицо новые типы дискриминации — глобальный супернационализм, глобальная дискриминационная система, глобальный нацизм (термин может быть уточнен).

Интересен тот факт, что в качестве аргумента против нового типа глобального нацизма, в уже упомянутой статье в газете «Нью-Йорк таймс», приводится следующий: «Считаю очень опасным закладывать в головы людей идею об их исключительности, чем бы это не мотивировалось. Есть государства большие и малые, богатые и бедные, с давними демократическими традициями и которые только ищут свой путь к демократии. И они проводят, конечно, разную политику. Мы разные, но, когда мы просим Господа благословить нас, мы не должны забывать, что Бог создал нас равными» [3]. Последняя фраза — ключевая, это как поиск последнего аргумента, как идеальное представление гармонии. Интересна еще одна параллель — президентская словесная дуэль состоялась почти полвека спустя после знаменитой речи Мартина Лютера Кинга против расовой дискриминации в США, которая насыщена обращениями к Богу.

Показательно, что Б. Обама ответил на вышеупомянутую статью В.В. Путина, подчеркнув исключительность американской нации: «Некоторые могут не соглашаться, но я верю в то, что Америка исключительна, отчасти в свете того, что мы продемонстрировали готовность, не щадя своих крови и богатства, отстаивать не только собственные интересы, но и интересы всего мирового сообщества». [5]

Итак, из всего вышесказанного следует, что актуальность философии хозяйства в контексте современного развития, прежде всего, видится в

- постановке проблемы гармоничного развития;
- обосновании тупиковости экономизма;
- признании субъектом хозяйства всего человечества.

Современная ситуация в глобальном экономическом и правовом пространстве, однако, свидетельствует о преждевременности рассмотрения человечества как единого субъекта хозяйства, с одной стороны, и о необходимости постановки данного вопроса, с другой стороны, в контексте общественной потребности развития.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Судьба России. Самопознание. Ростов н/Д, 1997.
2. *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства. М., 2009.
3. <http://kremlin.ru/news/19205>.
4. <http://inotv.rt.com/2013-09-24/Obama-jtvetil-Putinu-Da-Amerika>.

Т.Н.ЮДИНА

Феномен русской экономической (домостроительной) мысли: к 400-летию Дома Романовых

...Если бы русские знали свою силу,
то никто бы не смог соперничать с ними,
но они ее не знают.

Р. Ченслер

Никакое богатство не сможет пере-
купить влияние обнародованной мысли.

А.С. Пушкин

Феномен русской экономической (домостроительной) мысли и науки еще не открыт, не отцифрован для широкой научной общест-венности. Каждая международная или всероссийская научная конфе-ренция, посвященная русской экономической мысли (РЭМ), — явле-ние, приоткрывающее дверь в сокровищницу оригинальной домостроительной мысли и даже науки, особенных идеологических институций, не имеющих аналогов в мире.

Во всей истории отечественных экономических учений и хо-зяйства России, включая Киевскую и Московскую Русь, Российскую империю, Советскую Россию (СССР) и даже Россию 2000-х гг. — в определенной, хотя и в разной степени, содержится в качестве одного из стержней, скрепляющих ее многовековое развитие, *домострои-тельное начало*. Оно представляет собой в обобщенном виде созида-

ние гармонического социально-экономического бытия на принципах *Дома*. Исследование этих принципов означает раскрытие важнейших черт национальной хозяйственной системы Руси-России — *домостроительства* (до февраля 1917 г.), а анализ эволюции учения о домостроительстве в контексте формирования экономической системы России (вторая половина IX — начало XX в.) показывает особенности отечественной экономической мысли и науки в ее историко-научном аспекте. *Учение о домостроительстве, домостроительная (по-настоящему экономическая) теория — особая концептуальная историческая основа экономического мышления*, которая синергетически из прошлого переходит в настоящее и будущее.

Практика домостроительства и учение о нем — не только российские феномены и ее рефлексии по своим истокам и началам, как и не только древнегреческое, византийское, средневековое западноевропейское и/или азиатское экономическое явления. Домостроительство имело и имеет то или иное воплощение в кейнсианстве (прежде всего в работе самого Дж.М. Кейнса — в Послании внукам) как современном направлении мировой экономической мысли. Кейнс заложил основы неодоомостроительства, когда писал в своем труде «Economic Possibilities for Our Grandchildren»: «Я предвижу, что мы будем иметь возможность вернуться к некоторым наиболее бесспорным и непреложным принципам религии и традиционной добродетели, утверждающим, что скупость — это порок, что ростовщичество недостойно человека... Мы вновь будем ценить цели выше средств и предпочитать добро пользе...» [1, 358—373]. Идеи домостроительства находят место в институционализме, прежде всего в отечественном, философии хозяйства, явлении исламских банков (беспроцентный кредит), китайской конфуцианской и буддистской практике трудового богатства. Однако *домостроительство* как целостный феномен — мыслительно-теоретическое и практическое явление — является отечественным, поэтому и на английском как ныне международном языке это слово может быть прописано только как *domostroitelstvo*. На китайском языке домостроительство должно иметь свой специфический иероглиф. На всех языках мира слово «домостроительство», написанное по-разному, звучит одинаково и должно иметь значение, равнозначное целостному нашему, отечественному.

Поиск целостной гармонической самодостаточной хозяйственной системы человека и человечества идет параллельно с разработкой адекватной России идейно-концептуальной парадигмы в контексте домостроительства и неодоомостроительства со своими принципами, инструментами, институтами и отношениями. В этом смысле совре-

менное состояние обществоведческой науки можно характеризовать как препа­ра­дигмальное.

Специально следует остано­вить­ся на поня­ти­ях «домострой» и «домостроительство»; соотношения этих категорий со ксенофонтовским ойкономикос, аристотелевскими учениями об ойкономикос-домострое как общественно полезном хозяйстве и хрематистике как науке о делании денег путем взимания ростовщического процента, ненавидимого всем человечеством, по Аристотелю [2, 14—17]; а также на современном понятии «экономика» (со времен века Просвещения), которое до сих пор искусственно связано даже в солидных экономических энциклопедиях со ксенофонтовским ойкономикос [3, 438]. Мы солидаризируемся с Карлом По­ланьи, его работой «Аристотель открывает экономику» [4, 5—51], который доказал, что современное понятие «экономика» было введено в научный оборот только в XVIII в. французской школой (по К. По­ланьи — «сектой») физиократов. В век Просвещения исчезли из научного экономического оборота истинные древнегреческие понятия: настоящий ойкономикос — домострой и хрематистика — и появился «новодел» — так называемая экономика. В настоящее время этого понятия недостаточно для того, чтобы вобрать в свою систему весь набор элементов хозяйства. Так, Ю.М. Осипов ввел в научный оборот понятие финансомики, и/или финансономики.

Национальные модели исторической хозяйственной системы России — домостроительства — сменяли друг друга в различные периоды развития Государства Российского (со второй половины IX — начала XX в.): строительство идеального хозяйства Святой Руси, домостроительство России Великой, государственное и народное хозяйство России Державной. Первоначальная монетарная модель хозяйства Киевской Руси (Древнерусского государства) до татаро-монгольского ига, аграрная модель после татаро-монгольского ига до отмены крепостного права, индустриальная «догоняющая» модель.

Историческая хозяйственная система России характеризовалась наличием *хозяина со своими интересами воспроизводства общего блага*. Поиск национальной модели целостной, гармоничной, самодостаточной хозяйственной системы жизнедеятельности человека и человечества позволил определить его тип. Если на первых этапах домостроительства хозяином на макроуровне выступал *государь* (*великий князь, царь, император*), то в СССР хозяином стало государство. Как справедливо пишет В.П. Кузнецов, «ЦАРЬ воплощает собой Божий порядок, коим держится вся Вселенная», «ИМПЕРАТОРЪ — ... основа земнаго домостроительства» [5, 12]. В советский период Государства Российского модель «*государь — хозяин*» трансформиро-

валось в модель «государство как хозяин». В ходе либеральных реформ 1990-х гг. (с появлением института частной собственности на основные факторы производства в ходе приватизации — «*прихвятизации*», распыления прав собственности) фигура хозяина постепенно исчезает, в связи с чем появляются проблемы неэффективного собственника. Модель домостроительства трансформируется в модель доморазорительства как «*беззаконного домостроительства*», о чем предупреждал еще в XVIII в. А.П. Сумароков в своем труде «О домостроительстве» [6].

Попытаемся проанализировать модель домостроительства на примере Дома Романовых, чей 400-летний юбилей мы отмечаем в 2013 г. В Грамоте Земского Собора первому царю из рода Романовых от 2 марта 1613 г. написано: «А без государя Московскому государству стоять немочно... Обрать ...государя царя и великого князя. ...кого Бог даст и кого всей Землею оберут...» [7]. В небольшой статье можно только тезисно отразить константы, принципы, инструменты, институты, отношения домостроительства как феномена реального исторического хозяйственного процесса времен Романовского Дома-Государства Российского.

Так, царь Алексей Михайлович Романов — автор Соборного Уложения 1649 г. — был продолжателем строительства Русского Дома, начатого Великим князем всея Руси Иоанном III и первым русским царем Иоанном IV Васильевичем (Рюриковичами). В своем письме от 3 сентября 1653 г. князю Н.И. Одоевскому второй царь из рода Романовых писал: «А мы, Великий Государь, ежедневно просим у Создателя... чтобы Господь Бог... даровал нам, Великому Государю, и вам, бояром, с нами единодушно люди Его, Световы, разсудити в правду всем равно» [8, 225, 231]. «*Правити... правду*», «*разсудити в правду всем равно*» — вот формула царского служения Богу и народу царя Алексея Михайловича Романова. Принцип «*Разсудити в правду*» находим в трудах митрополита Макария Московского (XVI в.), однако начало «*управлять и судить по правде*» в Древней Руси реализовывалось еще с приходом Князя Рюрика (862). Этот принцип нашел свое теоретическое научное обоснование позже, в труде И.Т. Посошкова «Книга о скудости и богатстве» (1724), создавшего беспрецедентное учение о *невещественном богатстве — правде как истине в образе, деле, благе; справедливости, духовности, праведных законах, любви, царской правде*.

Институционально-экономические изменения во времена царствования Алексея Михайловича Романова коснулись дальнейшего по сравнению с Домом-Хозяйством Рюриковичей решения проблем вотчинного и поместного землевладения в Московском Доме по пути

слияния вотчин и поместий. Две главы Соборного Уложения 1649 г., а именно: глава XVI «О поместных землях» и глава XVII «О вотчинах» отражают процесс слияния поместий с вотчинами как элемент домостроительства, укрепляющий самодержавие.

Петр I поставил большую задачу для Великой России. Он писал: «Аще же при том Экономия учена будет, то похвально и весьма полезно, ибо во общем жительстве учением ея великая прибыль и польза чинится». Петр I строил «Россию Великую», занимался домостроительством, т. е. совершенствовал Дом-Хозяйство, в котором сам был Хозяином и Отцом Дома-Отечества. Основными чертами «имперского проекта» институционально-экономических преобразований Петра I были следующие: развитие производительных сил экономики Российской империи, ориентированных на западные технические и технологические новации (создание и развитие крупной диверсифицированной современной промышленности, многоотраслевого сельского хозяйства, рост техники, содействие развитию ремесел и др.); освоение и расширение экономического пространства всей Российской империи и прежде всего посредством строительства новых городов (Таганрог, Санкт-Петербург), развития водных путей сообщения и выхода к Балтийскому морю; расширение внешней и внутренней торговли в условиях положительного торгового баланса; усиление экономических функций государства, создание «государственной экономики»; укрепление финансовой системы государства; достижение бездефицитного государственного бюджета; рост внешнеэкономического принуждения трудящихся, полное закрепощение крестьянства путем институционализации личной формы крепостничества и введения оброка; начало российского просвещения, развития наук (см.: [9, 268]).

В XVIII в. Елизавета Петровна и Екатерина II Алексеевна Романовы продолжили реформы Петра Великого. Каждая из них превратила в жизнь свой имперский проект. Их объединяло то, что они придерживались русских традиций в экономике и одновременно ее модернизировали. Домостроительная мысль Екатерины II отражена в ее «Наказе».

Анализ исторических и современных экономических систем и учения о домостроительстве позволил нам выявить и обосновать *три фундаментальные институциональные категории*, определяющие *характер, направленность и результативность* их функционирования и развития. Это категории: *идеология, цель, механизм*. Фундаментальные категории представляют верхний слой экономической системы отношений и институтов, являются обобщающими понятиями, которые определяют все остальные категории системы.

Институциональная категория «*идеология*» включает совокупность духовно-нравственных ценностей в широком диапазоне: от ортодоксальных религиозных до либеральных, присущих той или иной исторической и современной экономической системе. Эта категория определяет, прежде всего, *характер отношения* отдельного человека и общества в целом к *труду, собственности и богатству*.

Институциональная категория «*цель*» формируется совокупностью общих, корпоративных, частных экономических интересов и приоритетов. Эта категория определяет направленность развития экономической системы также в широком диапазоне: от справедливого распределения производительных ресурсов и общественного продукта, народосберегающей и природосберегающей политики до противоположной — разрушительной — социально-экономической политики.

Институциональная категория «*механизм*» включает совокупность закономерностей, правил и способов функционирования экономической системы. Эта категория вкупе с двумя другими фундаментальными институциональными категориями определяет *результативность функционирования экономической системы*.

Для *российского домостроительства* была характерна *православная идеология*, обусловившая отношение к труду как к «спасительной обязанности» и «сотрудничеству с Богом», где труд и собственность — два взаимосвязанных элемента хозяйственной культуры, а справедливая собственность — функция труда; к богатству как к одному из средств спасения через «благотворение». Категория цели в домостроительстве не ограничивалась только материальными и земными координатами, но включала в себя духовные, «неземные» цели — ценностные цели. Такой целью является правда как справедливость, истина и любовь. Для эффективной реализации этих целей в домостроительстве использовались в качестве основных институтов управления *Самодержавие* и *Народность (соборность)*. Органическая взаимосвязь этих трех категорий: православия, самодержавия и народности обусловили домостроительство как целостную систему хозяйства и жизнедеятельности России, своим содержанием далеко выходящую за пределы собственно экономики.

Помимо фундаментальных институциональных категорий в системе домостроительства есть три сущностные категории: *труд, богатство, собственность*. На Западе эти категории хозяйственной системы и культуры имеют самостоятельное значение. В России же данная триада находится в органическом единстве. Это можно проследить сквозь призму философии хозяйства и синергетики. У русского народа смысложизненные ценности оставались в течение многих веков исторически традиционными. Это — дом, семейное

(домашнее) хозяйство, коллективные отношения артельного и общинного хозяйства, особое отношение к земле не как к институту частной собственности, а как матушке-кормилице, священной основе русского хозяйства — «земле Божией», государству — «самодержавству» и др.

Специфической категорией домостроительства является понятие *духоугашение*, используемое В.А. Кокоревым в качестве ключевой компетенции — идеологической институции для анализа экономических провалов XIX в.

Итак, в заключение отметим следующее.

Домостроительство — феномен реального исторического хозяйственного процесса; гармоничная самодостаточная хозяйственная система жизнедеятельности человека и человечества — альтернатива хрематистике, финансовоэкономике, «доморазорительству», экономической глобализации. Что касается современности, то необходимо исследовать не домостроительство. Учение о домостроительстве следует рассматривать в контексте многовекового вариативного формирования хозяйственной системы России и других стран. Выбор модели домостроительства на Руси — в России совершался на уровне сердца и веры. Русская домостроительная (экономическая) мысль и наука носят не национальный, а вселенский характер; основаны на триалектике, целостном методе анализа. Они представляют собой научную школу с православным мировоззрением.

Литература

1. *Keynes J.M. Economic Possibilities for Grandchildren (1930) // Keynes J.M. Essays in Persuasion. N. Y., 1963.*
2. *Юдина Т. Н. Домостроительство как экономическая система: история, методология, теория. М., 2010.*
3. *Экономическая энциклопедия. Политическая экономия: В 4 т. Т. 4. М., 1980.*
4. *Поланьи К. Аристотель открывает экономику // Истоки: экономика в контексте истории и культуры. М., 2004.*
5. *Царь, Царство и Церковь. Владимир, 2012.*
6. *Сумароков А.П. О домостроительстве // Сумароков А.П. Полн. собр. соч. Ч. X. М., 1787.*
7. *Грамота Земского собора царю Михаилу Федоровичу. После 2 марта 1613*
8. *Собрание писем царя Алексея Михайловича. М., 1856.*
9. *История русской экономической мысли / Под ред. А.И. Пашкова. Т. 1. Ч. 1. М., 1955.*

Раздел II

Реальная экономика в свете отечественной экономической мысли

Р.Т. ЗЯБЛЮК

Общэкономические закономерности и своеобразие национальной экономики России

Проблема поиска новой парадигмы, т. е. разработка принципиально иной теории в сравнении с существующими, возникает в условиях возникновения новой объективной реальности, не объяснимой в координатах прежних концепций. Такая же проблема формируется в ситуации, когда ориентация экономической политики хозяйствующих субъектов в принятии решений на укорененную в науке теорию приводит к негативным результатам. В экономике России новой экономической системы не существует, но очевидны негативные экономические тенденции

Если сравнивать экономику России с экономикой западных стран не по эффективности или уровню жизни, а по системообразующим признакам, т. е. по формам собственности на средства производства, по механизму координации экономической деятельности, то очевидна их тождественность. Действительно, в России доминирует крупная частная и частно-государственная собственность. Механизм регулирования состоит из свободно устанавливаемых рыночных цен со встроенным в него государственным регулированием. Экономику такого рода обычно называют смешанной экономикой. Термин довольно неопределенный, так как экономика всех систем обычно «смешанная». Адекватно природу такой экономики определил В.И. Ленин в качестве государственно-монополистического капитализма.

Однако государственно-монополистический капитализм более столетия своей жизнедеятельности непрерывно эволюционирует, изменяя количественные соотношения элементов «смеси» в заданном техническим уровнем направлении и постепенно генерируя элементы

будущей системы. Отсюда следует вывод о необходимости новых парадигмальных решений в рамках той теории, которая отобразила рыночную капиталистическую экономику в ее истинности. Кроме того, в разных странах общие основы экономики модифицируются под влиянием специфики каждой данной страны. Следовательно, одинаковость общих черт экономической системы модифицируется в каждой национальной экономике ее индивидуальными признаками. Оба названных обстоятельства делают необходимыми постоянное развитие общей экономической теории. Кроме того, общую экономическую теорию капитализма представляют два основных направления — классическое, включая ее диалектический этап (марксизм), и неоклассическое, включая кейнсианскую теорию. Описания экономики ими диаметрально противоположны (за немногими исключениями). В этой ситуации необходимо разбираться в том, какие из полученных результатов истинные, а какие ложные. Такие исследования проводятся во многих работах российских экономистов. Иные подходы, например, институционализм, имеют позитивные результаты, но неразработанный методологический инструментарий и неполную теоретическую систему.

Природа отдельно взятой экономики вне общемирового контекста недоступна для понятия (за исключением ее непосредственно воспринимаемых признаков). Методологически важно исходить из общих законов той экономической системы, на которой базируется данная национальная экономика. Ибо при многообразии национальной экономики одной и той же экономической системы развитие, жизнедеятельность и функционирование каждой из них обусловлены именно общими законами системы.

Общие законы экономической системы не уничтожаются спецификой национальной экономики. Их существование является проявлением принципа единства мира применительно к экономике. Эволюция всемирной истории выражает движение человека к своему понятию. В этом движении происходит приспособление природы для воспроизводства рода человеческого, что составляет одну из двух сторон экономики. Степень такого приспособления формируют характер и уровень производительных сил экономики, позволяющих людям выстраивать те или иные связи и отношения, которые определяют вторую сторону экономики. Движущей силой экономики является закон соответствия производительных сил экономическим отношениям, движение к гармонии ее сторон, что достигается и неизбежно нарушается. Из единого закона развития всех экономических систем происходят общие для каждой из них экономические законы. Характер природы, климата, окружающей географической среды, истории

каждой страны формируют индивидуальные черты национальной экономики, внося различия моделей одной и той же экономики. Под общеэкономическими законами обычно подразумевают законы, действующие во всех экономических системах (закон экономии времени, роста производительности труда и др.) В контексте исследования национальной экономики под общими законами имеются в виду законы капиталистической рыночной экономики, действующие во всех странах с экономикой такого типа.

Исходя из объективного процесса развития и эволюции экономических систем, в исследовании национальной экономики методологически корректна последовательность *«всеобщее — особенное — единичное»*. Такая форма диалектического метода применяется и в исследовании каждого из названных уровней. Однако в данном случае она относится к рыночной системе в целом с модификацией ее в каждой отдельно взятой национальной экономике. На первом уровне анализа выявляются всеобщие признаки системы, т. е. система как таковая — ее всеобщее основание; особенные, независимые от национальной специфики свойства в обращении; единичные формы в сфере конкуренции, также независимые от национальной экономики. На втором уровне определяются особенности их функционирования в определенное время, период. На этих двух уровнях классическая политическая экономия разработала теорию государственно монополистического капитализма. Кейнсианская теория на основе иной методологии также отображает монополистический рынок (несовершенную конкуренцию) с государственным регулированием. На третьем уровне исследуется влияние специфики национальной экономики на функционирование общесистемных законов. Изменить эту логику невозможно, ибо в диалектике предыдущее целиком входит в последующее, производит последующее, реализуя в нем свою жизнедеятельность.

В высшем пункте своего развития всеобщее основание экономической системы во всех своих внешних проявлениях достигает абсолютной реализации заложенных в ней возможностей, начинается процесс ее отрицания. Обычно это происходит в предельной области существования экономической системы посредством ее дополнения на всех трех уровнях новой сущностью, субстанцией, иными формами, отношениями, связями, способом координации. Предельной областью существования рыночной экономики является государственно-монополистический капитализм. «Смещение» начинается в конце XIX в. с появлением картелей. Затем монополии (олигополии) охватывают производство, финансы. Одновременно возникает централизованное регулирование, поскольку в условиях монополий жизненной

необходимостью становится согласование частных интересов и интересов страны, что рыночный механизм не способен обеспечить. Катализаторами встраивания нерыночных регуляторов в рыночный механизм послужили социальные конфликты, мировые войны, кризисы, в особенности Великая депрессия. Без дополнения новыми свойствами и регуляторами закон стоимости и ценовой механизм становятся все более беспомощными. Эффективность экономики растет в основном благодаря централизованным регуляторам.

Суждение о том, что в России экономика лишь переходит к рынку и капитализму, а ее негативные черты объясняются тем, что здесь нет ни того, ни другого, базируется на сравнении уровня жизни и эффективности, что неверно. Достаточно сказать, что уровень жизни наемных рабочих на Западе в XIX в., в первой половине XX в. был довольно низким, гораздо ниже современного. Однако там существовала развитая рыночная экономика со свободной конкуренцией (до XX в.). Можно утверждать, что в современных развитых странах рыночных регуляторов и связей существенно меньше, чем в странах с так называемыми развивающимися рынками. Несмотря на разнообразие моделей смешанной экономики развитых стран, их общими чертами являются возрастание роли государственного регулирования и тенденция к социализации общества. Движущие силы экономики западных стран обладают большей энергией благодаря ограничению рынка и разрушительной конкуренции, чем традиционный рыночный механизм.

Актуальность новых парадигмальных решений для экономики России вполне закономерно возникает в связи с ее деиндустриализацией, архаичной сырьевой структурой, что произошло в результате насильственного разрушения социализма, рыночных преобразований и реставрации капитализма. Очевидным результатом последних является техническая деградация, которую не может остановить поток слов, речей, докладов о модернизации, инновациях и устойчивом развитии. Вместо «рывка» происходят кризисы разного рода. Едва начавшийся после общего глобального кризиса экономический рост довольно быстро сменяется рецессией либо спадом (по разным данным), что наблюдается в первом полугодии 2013 г. Все годы реформ без исключения продолжается тревожная для судьбы страны тенденция сокращения численности населения. Социальное неравенство достигло за короткий отрезок времени шокирующих размеров. Высокие цены на нефть отнюдь не выводят экономику на траекторию технического и социального развития. Так, в 2011 г. среднегодовая цена нефти выросла на 38%, а прирост ВВП в 2012 г. снизился, приблизившись в первом полугодии 2013 г. к нулевому либо отрицательным

значениям. Экономика все более ориентируется на внешние рынки, поставляя энергоресурсы развитым странам, истощая источники развития внутреннего рынка. Масштабный отток капитала снижает уровень инвестиций в основной капитал обрабатывающей промышленности, все прочнее запирая экономику России в «сырьевой ловушке». В условиях острой конкуренции в глобализированном рыночном пространстве непрерывное технологическое отставание экономики России, ее роль «сырьевого придатка» развитых стран представляют реальную угрозу потери экономической и политической независимости страны. Ослабление экономической безопасности и независимости страны — неизбежное следствие рыночной перестройки экономики и механического переноса хозяйственной практики западных стран на российскую почву при игнорировании особенностей ее экономики и национальных интересов.

Следует заметить, что проблема новых парадигмальных решений для развития России будет рассматриваться нами, исходя из существующей природы экономики, абстрагируясь от анализа причин трагического разрушения социалистической плановой экономики и реставрации рыночного капитализма, а также от объективной необходимости такого поворота в судьбе страны, т. е. в координатах рыночного, государственно-монополистического капитализма. Это не означает неосуществимости плановой социалистической системы. Напротив, эволюция современной экономики западных стран, на наш взгляд, подтверждает нарастание переходных элементов движения именно к такой системе. Ее гибель в нашей стране лишь выражает известный тезис теории, согласно которому новая экономическая система на этапе своего становления неустойчива в силу того, что базируется на материальной базе предыдущей системы. Поэтому она уязвима для социальных сил, заинтересованных в торможении хода истории. Однако возможность продолжения развития на новом витке истории, который покинут четверть века назад, сейчас пока отсутствует. Поэтому речь пойдет о корректировках в сложившейся траектории экономического процесса.

Природно-географическая среда является постоянным и весьма существенным фактором, влияющим на характер и динамику экономики. Индивидуальные особенности национальной экономики России обусловлены огромными размерами территории страны, значительным разнообразием природных характеристик ее регионов, суровостью климатических условий на большей части ее территории, особенностями исторической судьбы и иными связанными с этим особенностями. Размеры территории исторически образовались как неизбежное следствие суровых природных условий проживания лю-

дей. В результате героических трудов первопроходцев образовались границы нашей страны, позволившие ее народу занять достойное место в истории. Однако освоение этих территорий требует поистине великого упорства. Пространственная протяженность и природно-климатический ландшафт накладывает устойчивые и трудно преодолеваемые индивидуальные черты национальной экономики.

Разнообразие климата и размещение природных ресурсов с севера на юг и особенно с запада на восток страны на больших пространствах страны создает существенные трудности процесса воспроизводства экономики. Нередко именно природные факторы являются труднопреодолимой причиной дисбалансов между материальными и трудовыми ресурсами регионов севера и востока страны, многие из которых мало освоены либо не освоены совсем. Недр северо-восточных регионов содержат богатые полезные ископаемые, но в суровом климате население крайне малочисленно. С этой особенностью связана необходимость не только развития, но и оптимального размещения производительных сил в экономическом пространстве. Это является объективным условием сбалансированного воспроизводства национальной экономики России. С 1914 г. по инициативе академика В.И. Вернадского началась систематическая работа по продвижению производительных сил на восток. В советский период был сделан рывок в экономическом освоении северо-восточных территорий. Однако в 1990-е гг. ранее освоенные территории были заброшены, население покинуло многие из обжитых мест, что отбросило решение проблемы освоения природных ресурсов этих территорий к 1950-м гг. В последнее время активизируются усилия по поддержанию экономики Дальнего Востока, освоению Арктического шельфа и водной транспортной артерии Севера. Это позитивная и жизненно необходимая для экономики России тенденция.

Существенной особенностью национальной экономики России является неоднородность ее экономического пространства. Труднодоступность многих видов природных ресурсов в условиях сурового климата; удаленность большого количества полезных ископаемых от мест производства либо продуктов их переработки от потребителей обуславливают разнородность единого экономического пространства. Климат, географические факторы, наличие природных ресурсов того или иного вида существенно влияют на уровень экономического развития регионов. Они обуславливают дифференциацию регионов по характеру технологической базы, квалификации и интеллектуализации трудовых ресурсов, производительности труда, эффективности производства, социальной среде и, в конечном счете, уровню жизни населения. Из этой особенности национальной экономики вытекают

препятствия двоякого рода, затрудняющие воспроизводственный процесс. Во-первых, это снижает сбалансированность воспроизводственного процесса и общую эффективность экономики в целом. Во-вторых, таит в себе потенциальную угрозу целостности страны. Дифференциация экономики регионов на развитые и неразвитые служит фактором нестабильности общества. Развитые регионы выполняют функцию доноров экономически слабых регионов главным образом при сильной государственной власти. Всякое ее внутривнутриполитическое либо внешнеполитическое ослабление чревато стремлением к их дезинтеграции. В политически стабильные же периоды из слабообразованных регионов происходит миграция трудовых ресурсов, что усиливает диспропорции и общее экономическое неравновесие.

Кроме природной среды, существуют исторические, этнические и общественные особенности России, влияющие на экономику. Многонациональный состав населения отражается при определении экономической политики. Конечно, почти все современные страны многонациональные. Однако особенность России в данном отношении заключается в том, что каждая нация, за немногим исключением, имеет коренную, историческую, «почвенную» привязку к определенной территории проживания. Миграция в пределах страны несколько сглаживает, но не уничтожает эту особенность. Ряд субъектов Федерации имеет национально определенные границы, например, в Поволжском регионе. Их дифференциация по уровню развития экономики, следовательно, по уровню жизни населения является источником националистических настроений и потенциальной опасности сепаратизма.

В условиях неравномерного размещения производительных сил, ограниченной мобильности ресурсов и пространственной дифференциации социально-экономического развития возникают противоречия во взаимоотношениях регионов и субъектов Российской Федерации. В связи с этим *тенденция выравнивания развития регионов является объективным законом национальной экономики России*. Это сугубо специфический закон, присущий национальной экономике, возникающий из ее индивидуальных черт. Как всякий экономический закон, закон выравнивания действует как тенденция. Его существование отнюдь не означает возможности быстро создать однородное экономическое пространство. Он очерчивает вектор, направленность экономического процесса, одну из его структурных компонент. Достигнуть равенства в уровнях экономического развития регионов страны, допустим, Центрального и Восточно-Сибирского, крайне сложно, в краткой перспективе даже невозможно, но в долгосрочной — разность между ними необходимо постепенно и постоянно уменьшать.

Полученный автором вывод о существовании закона выравнивания развития экономики разных регионов основан, помимо приведенной выше теоретической аргументации, на очевидной опасности противоположной динамики для существования страны. Это же подтверждают печальные события 1990-х гг. в Северо-Кавказском регионе. Пренебрежение и нарушение закона выравнивания чреваты многими опасностями для эффективности воспроизводственного процесса и целостности единого экономического пространства.

Особенности национальной экономики России природного, исторического и социального характера обуславливают *границы и формы государственной деятельности в рыночной экономике*. В сравнении с описанной выше общеэкономической тенденцией возрастания государственного регулирования современной экономики как таковой в России его необходимость усиливается действием закона выравнивания. Основным средством его действия является продвижение производительных сил в труднодоступные, удаленные, малонаселенные районы и их развитие. Наиболее технически сложной проблемой является создание инфраструктуры для промышленности и проживания населения. Иллюстрацией может служить судьба сталинского проекта Трансарктической железной дороги, строительство которой началось; однако в середине 1950-х гг. было приостановлено из-за отсутствия технологий такого строительства в условиях севера и нехватки средств. Однако интерес к залежам нефти и транспортной артерии Северного Ледовитого океана, освоение субарктического побережья все более активизируют необходимость Трансарктической железной дороги для экономики России. В зоне вечной мерзлоты вложения капитала весьма затратны, долгосрочны, и поэтому непривлекательны, а часто и недоступны даже для крупных частных компаний. Для частного бизнеса столь же непривлекательны вложения в перерабатывающие полезные ископаемые отрасли производства в местах их добычи. Поэтому разведка, освоение полезных ископаемых и развитие обрабатывающей промышленности в районах сурового климата возможны при прямых действиях государства в качестве хозяйствующего субъекта, привлечении посредством государственных регуляторов частных инвестиций и др.

Помимо закона выравнивания регионального развития экономики, активизация государственного регулирования обусловлена реставрационной направленностью экономического процесса в нашей стране, что происходит с середины 1980-х гг. В связи с тем что он осуществляется не в результате естественного развития производительных сил, а вследствие волевых актов политического характера, государство выполняет функцию организатора рынка, аналогично

тому, как восстанавливалась западноевропейская экономика после Второй мировой войны. Рыночный механизм, соответствующие ему институты были созданы довольно быстро (по нашему мнению, к середине 1990-х гг.). В силу реставрационного характера, т. е. возвращения к прошлому периоду, экономика оказалась качественно и количественно в угнетенном состоянии. В условиях открытых рынков и острой конкуренции на мировом рынке *преодоление технологического отставания отрасли без активной роли государства невозможно*. Совершенно очевидно, что частный бизнес России неконкурентоспособен на мировых рынках. Ему уготована там роль поставщика исключительно сырьевых ресурсов. Со времен меркантилистов в экономической науке исчерпывающе доказано, что оборотной стороной вывоза сырья является неизбежное разорение страны-экспортера.

Наконец, без государственного вмешательства в экономику не существует в современном мире ни одна сколько-нибудь развитая рыночная экономика. Государственное регулирование — общая закономерность всех стран с рыночной экономикой. Она возникла из того уровня производительных сил, для которого адекватна монополии, олигополии. Монополии и государство образуют два полюса рыночной экономики, обеспечивающих ее долгосрочное равновесие, периодически нарушаемое кризисами по причине рыночной доминанты экономики в целом. В западных странах основной функцией государства с разворачиванием научно-технической революции все более становится организация научно-технического прогресса. Так, в США экономическая деятельность государства сосредоточена в сфере инноваций с целью обеспечения мирового технологического лидерства. Россия же сейчас решает задачу преодоления технологического отставания. Крупные частные компании, мелкий бизнес жизнеспособны в традиционных видах деятельности и производства. Неспособность к инновациям частный бизнес убедительно демонстрирует весь постсоветский период.

Единственно возможным способом обеспечения конкурентоспособности отечественной продукции на мировом рынке является научно-технический прогресс. Эта сама по себе сложная задача в России усугубляется рядом обстоятельств. Во-первых, вследствие технической деградации страны с положения второй индустриальной державы мира до уровня поставщика сырья, в то время как в этот период западные страны технически развивались. Перед страной встает двуединая проблема: изменить кардинально структуру экономики и совершить рывок в уровне технологического развития. А исходный пункт решения проблемы находится... в школьном, затем — в высшем образовании. Печально, что уровень общего и специального об-

разования также снижается. *Источником* же инноваций, технического прогресса является исключительно *наука*, прежде всего *фундаментальная*, на основе которой образуется *отраслевая наука*, а затем — *инженерно-конструкторские разработки и опытные производства*. Эта тройца — *классическая модель инновационной системы*. Она существовала в нашей стране в советский период, сейчас существует в западных странах, отличаясь множеством деталей. Чрезвычайная сложность достижения технологического рывка и крайняя необходимость его достижения служат катализатором активности государства в национальной экономике России. Глубина и объем стоящих перед страной проблем делает неизбежным и *большой масштаб экономической деятельности государства в сравнении с западными странами*. Либеральная идея «ухода государства из экономики», верная для XVIII и частично для XIX в., еще в XX в. стала архаичной. Предпринятые хорошо финансируемые попытки последних десятилетий реставрации отжившей идеи нанесли экономике стран ее применивших, значительный урон. Для российской экономики эта концепция жизненно опасна и разрушительна.

Для осуществления технологического рывка необходимы активная промышленная политика государства и коррекция ее направлений. *Во главе стратегических направлений научно-технического прогресса России может быть только государство*. Современная высокотехнологичная техника требует больших затрат на научные, инженерные разработки. Высокие риски и затраты являются основной причиной инновационной пассивности частного бизнеса не только в России, но и в развитых странах. Государство имеет возможность известными инструментами концентрировать не только средства госбюджета, но и частные инвестиции в стратегически важные отрасли. Экономические же ресурсы в основном сосредоточены в частном секторе. Эффективность экономики зависит от встраивания интересов частного бизнеса в достижение общественных целей, что осуществляет государство. Наиболее важным здесь является *организация на стратегических направлениях технического прогресса кластеров, соединяющих образование, науку и производство*, а также необходимую для этого инфраструктуру и финансирование. Рыночный механизм здесь несостоятелен.

Исходным пунктом в осуществлении технологического рывка служит отрасль, способная дать толчок развитию всей экономики. Таковой в России, по нашему мнению, сейчас является машиностроение и, прежде всего, станкостроение и электроника. Именно в новых автоматизированных линиях, станках с программным управлением нуждаются промышленные предприятия, стремясь закупать их за ру-

бежом. Машиностроение же, как известно, хлеб промышленности, в нем заключен первый импульс развития экономики в целом. Для строительства новых предприятий, модернизации действующих потребуется прекратить отток капитала за рубеж, вернуть частный капитал на внутренний рынок, прекратить инвестировать зарубежных конкурентов посредством покупки ценных бумаг. Мерами налоговой политики можно уменьшить паразитическое потребление прибыли и добиться необходимой нормы накопления и роста частных инвестиций. Основанием обновления основного капитала является амортизационные фонды предприятий. Экономическая политика государства не сможет влиять на модернизацию и инновационное развитие экономики, не управляя процессом амортизации.

Территории России с суровыми климатическими условиями весьма значительны по размерам. Достаточно сказать, что немногим меньше 2/3 площади России занимают зоны вечной мерзлоты. Безжизненные пустыни Арктики и субарктики составляют 28% ее территории. На большей части страны земледелие является рискованным. Себестоимость продукции сельского хозяйства в этих климатических условиях высокая. Однако используемых пахотных земель вполне достаточно для обеспечения продовольствием населения. Убедительным аргументом этого является имеющийся в стране опыт. В советский период производимой колхозами и совхозами продукции было вполне достаточно для гарантированного самообеспечения страны продовольствием. Состояние сельскохозяйственной отрасли в ходе изменения собственности на землю, форм хозяйствования приняло весьма депрессивный характер.

Резко сократились обрабатываемые земельные угодья, была разрушена техническая база отрасли, выросла себестоимость продукции, «ножницы цен» приводят к убыточности хозяйств, субсидии крайне недостаточны, импорт продовольствия достиг размеров, тревожных в отношении экономической безопасности. Вступление в ВТО сталкивает российских аграриев с конкурентами, продукция которых по себестоимости ниже, прежде всего, из-за более благоприятных природных условий, а также более развитой технологической основы. Западные страны довольно успешно сочетают открытость рынков и протекционизм, активно осуществляя политику глобализма. По-видимому, в рамках международного права такие возможности существуют. Без политики протекционизма мировой рынок уничтожит сельское хозяйство страны. Особенность национальной экономики России *не позволяет отказаться от протекционизма* в тех видах производства, где высокий уровень издержек обусловлен природными факторами. Это отнюдь не означает отказа от открытости экономики.

Контрастность природных условий и громадные размеры труднодоступных территорий с суровым климатом модифицируют экономический механизм таким образом, что стандартных инструментов бюджетно-налоговой и кредитно-денежной политики недостаточно. Для обеспечения непрерывности общественного воспроизводства необходимо постоянное перераспределение ресурсов в отраслях с невозпроизводимыми факторами производства. В добывающей промышленности, энергетике и сельском хозяйстве стандартный механизм экономической политики, прежде всего, по причинам природных особенностей России имеет недостаточную результативность. Существенное расширение эффективности обеспечивается изменением *форм собственности на невозпроизводимые материальные ресурсы* посредством доминирования в этих отраслях государственной собственности. Это позволит изымать природную ренту в госбюджет, перераспределять ее в целях общего воспроизводства экономики, включая оборону. является образует составным элементом всех остальных товаров сферы производства и многих услуг. Следовательно, повышение эффективности базовой продукции дает эффект мультипликатора, вызывающий рост общей эффективности. В электроэнергетике раздробление единого процесса на сегменты в условиях громадных размеров страны, сосредоточение производимых мощностей электроэнергии в отдаленном регионе Восточной Сибири, привело к потере эффективности, вследствие чего к резкому росту тарифов, что служит постоянным источником инфляции и нестабильности экономики. Средние издержки в электроэнергетике минимизируются посредством организации ее в виде естественной монополии, т. е. одной, а не нескольких фирм. Особенности России при этом предполагают доминирование государственного участия в управлении отраслью. Очевидную ошибку разукрупнения отрасли необходимо исправить, восстановив ее единство.

В.И. КОРНЯКОВ

Забывтое экономическое открытие И.В. Сталина и современность

Сейчас не вызывает сомнений, что КПСС придерживалась неоптимальной, недостаточно жизнеспособной экономической модели, которая не выдержала напора исторических обстоятельств. Мазать всю ее черной краской патологически глупо. Достаточно сравнить

еще мощный СССР даже 1980-х гг. с его социальной сферой, армией, флотом, наукой и сопоставить с нашей РФ. Однако тяжелых недостатков хватало. И народ не вышел защищать СССР, когда приватизаторы принялись кромсать-расхищать его достояние. Хотя за свои советские льготы все-таки вышел: помнятся события так называемой монетизации льгот.

От кого мы получили ту реальную модель социализма, по которой вели хозяйственное строительство? Если называть не всю цепочку, а ее последнее звено, можно услышать: от Сталина. Но это совершенно неверно. И.В. Сталин не причастен к модели общества, которой руководствовались его наследники. Точнее, он причастен к позитивным, сильным ее сторонам. Но никак не к недостаткам. У И.В. Сталина 1940—1950-х гг. было совершенно иное понимание динамического механизма функционирования социалистической экономики, чем у сменивших его руководителей. И фактический ход истории безошибочно идентифицировал критическое звено модели Сталина — то, которое определяет его логику, «тянет» всю ее цепь. Поразительно, но оно не нашло освещения в его книге «Экономические проблемы социализма в СССР». Сталин настолько был убежден в истинности, безальтернативности, «ашдваошности» своего понимания, что даже не посчитал нужным, не успел его специально письменно обосновать. Но вопрос «А было ли такое понимание?», здесь не встает. О содержании данного понимания Сталиным динамической механики социализма абсолютно однозначно свидетельствуют его дела — его экономическая политика.

Вспомним, что речь идет не об импровизациях наконец-то дорвавшегося до власти политикана. СССР возглавлял руководитель с уникальным, колоссальным экономическим и социальным опытом коренного преобразования отсталой страны в сверхдержаву — победителя в мировой войне. Причем правил с полным сознанием того, что дни его руководства сочтены (подавал в отставку после XIX съезда КПСС, объясняя, что уже не может читать все необходимые бумаги), стремясь дать жизнь именно тем решениям и тенденциям, которые были бы оптимальными для будущего святого для него дела всей его жизни — Советского Союза.

Причем коренной базовый исходный тезис этой политики был одинаков и у Сталина, и у всех его ближайших преемников. Все они не сомневались в правоте В.И. Ленина, что главным двигателем нового строя, надежно обеспечивающим ему победу над капитализмом, может быть только более высокая (недостижимая для капитализма) производительность труда. Сталин с присущим ему железным упорством неотступно проводил это требование в жизнь. В довоенные пя-

тилетки среднегодовой рост производительности труда в промышленности составлял 11%, четко выполнялись и перевыполнялись задания по этому показателю после войны, и первый сбой произошел в пятой пятилетке 1951—1955 гг. уже после смерти Сталина [1]. И далее последовала известная серия пятилеток с уныло падающими показателями роста производительности труда вплоть до их фактического останова в 1980-е гг. Эта всемирно-историческая трагедия воследовала исключительно благодаря тому, что наследники Сталина, возможно, даже не поняв смысла и значения его экономического открытия (открытий), ничтоже сумняшеся безответственно отказались от него, обрекли тем самым СССР на гибель.

Неопубликованное, но тем не менее сполна примененное (во всю силу организаторских дарований и энергии руководителя СССР) экономическое открытие Сталина можно выразить четырьмя основными положениями.

Первое. Абсолютная недопустимость инфляционных последствий функционирования социалистических хозяйственных механизмов, каких-бы то ни было посягательств на устойчивость денег, рубля, несокрушимая надежность выполнения ими их главных позитивных экономических функций. Уж кто-кто, а Сталин и как личность, и как руководитель государства, и как марксист-мыслитель и насмотрелся на инфляцию, и натерпелся от нее: Первая мировая и Гражданская войны, инфляция реконструкции народного хозяйства, военная, послевоенная инфляция... Аналитическое научное сознание Сталина в 1940—1950-е гг. явно концентрировалось на глубоком убеждении, что сам процесс функционирования социалистической экономики от начала до конца должен быть начисто, коренным образом антиинфляционным.

С моей точки зрения, история однозначно подтвердила глубокую правоту этой позиции Сталина. Общие потери страны, населения от инфляции колоссальны и не поддаются рациональной оценке. Ее роль в отходе населения от советского социализма, в гибели страны вряд ли может быть преуменьшена.

Но И.В. Сталин не был просто противником инфляции. В конце-концов таковыми могут себя считать почти все государственные деятели многих стран. Сталин остается единственным государственным деятелем всего нового времени, предложившим и успешно испытавшим действительно антиинфляционную систему хозяйствования — экономику снижающихся цен. Он добился этого благодаря тому, что внедрил в практику еще три составляющих своего открытия.

Второе — новое понимание Сталиным структуры и содержания роста производительности труда.

И при его жизни, и после производительность труда понималась главным образом как выработка, иногда это уточнялось — распространялось до включения в производительность труда в качестве обратного выражения выработки — снижения трудоемкости единицы изделия и всей продукции. Сталин в своей хозяйственной практике обнаружил несомненное понимание-применение более глубокой и органической взаимосвязи выработки и трудоемкости. Для него рост выработки имел важнейшее значение не сам по себе, а именно как главный «извлекатель», «раскрыватель», «обнаружитель», «выявитель» экономии труда, рабочего времени, которая была для него центральным выражением развития производительных сил, контрапунктом его хозяйственной модели. Фигурально говоря, Сталин «жал» на выработку, стоял-поджидал близ нее, чтобы с высоты ее значений получить максимум экономии времени. А уж ее-то Сталин направлял в «нутро» общественного воспроизводства через уменьшение цен, последующее снижение доли овеществленного труда, увеличение доли национального дохода и т. д. На мой взгляд, вся эта сталинская практика свидетельствует о, по меньшей мере, эмпирическом понимании-использовании Сталиным соотношения выработки и трудоемкости как единства противоположностей одной и той же двуединой производительности труда, причем такого их единства, в котором доминирующая народнохозяйственная воспроизводственная роль принадлежит снижению трудоемкости, себестоимости.

Третье — практические показ, доказательство возможности и успешности полнокровного полномасштабного сбалансированного всеохватывающего общественного воспроизводства при снижении цен, принципиально антиинфляционном развитии экономики. Воспроизводственная модель Сталина работала семь лет. Обеспечивались весьма высокие темпы роста потребления.

Каждое такое мероприятие приводило как будто бы к огромным потерям бюджета. Так, эти потери от снижения розничных цен в 1947 г. составили в тогдашних советских деньгах 86 млрд р. При пятом (1952) понижении общая сумма выигрыша населения от уменьшений цен составила 53 млрд р.

В деньгах того времени это были гигантские суммы. А стране приходилось нести колоссальные расходы по созданию и развертыванию ракетно-ядерного щита, вводились в строй сотни и сотни новых предприятий, в том числе еще невиданных масштабов («великие стройки коммунизма»), поддерживалась и усиливалась боеспособность вооруженных сил — этот перечень можно продолжить. Тем не менее ежегодный рост национального дохода в эти годы составлял не хватываемую сегодняшним воображением цифру: 9—12%.

Все это представляется загадочным. Ситуация выглядит так, как если бы сталинские снижения розничных цен были (вопреки общепринятым представлениям) не тяжелой, трудноподдерживаемой, «нагрузочной», отягощающей экономику статьей государственных расходов, а одним из источников их покрытия. Объяснения же, имеющиеся в литературе, звучат весьма странно. Так, данный феномен ставят в зависимость от всего-то расширения потребительского рынка, возникающего при образовании у населения дополнительных денежных доходов, де-факто переданных им снижением розничных цен. Однако, если бы это было так, практика снижений цен и вызываемого ими увеличения громадных государственных расходов продолжилась бы и после смерти Сталина. Однако этого не случилось. После кончины Сталина начатая им практика прекратилась.

Наконец, *четвертая* составляющая экономического открытия Сталина и, по-видимому, главный секрет, тайна семилетки успешного функционирования экономики по-сталински в том, что это функционирование не только не разоряло, не отягощало, не обременяло страну, а напротив, приносило народному хозяйству, стране колоссальный поток так необходимых ей ресурсов.

В сталинской экономике одно чудо следовало за другим. За чудом восстановления за 3—4 года (вместо многих десятков лет, как предсказывали авторитетные эксперты) народного хозяйства — чудо создания ядерного оружия, требовавшее, по оценке В.И. Вернадского, ресурсов такого же порядка, сколько потребовалось на войну, и т. д. — перечень таких чудес не может не впечатлять. И за каждым таким чудом — потребовавшиеся для его воплощения ресурсы, ресурсы, ресурсы...

Сталин эмпирически открыл экономику снижающихся себестоимости, цен как источник небывалого, по всему ее фронту, как бы дарового притока ресурсов и тем самым самую прогрессивную форму общественного воспроизводства нашего времени. Таких источников в его экономике снижающихся цен было, по меньшей мере, два.

Первый создан, можно считать, самой природой в облике так называемого кольца Маркса — «производства средств производства для средств производства», вращающегося в I подразделении и привносящего в экономику естественные законы обратной связи, синергии. Если капитал I подразделения увеличить (хотя бы номинально) на единицу, итоговое увеличение общественного продукта по завершении ряда вращений составит 4 единицы. (Когда мы в нашей экономике увеличиваем тарифы и цены и обещаем: все, точка, «только сюда и не выше» — мы блефуем. В действительности потянутся производные увеличения, которые невозможно остановить.) Но точно

так же, по тем же законам, симметрично, уменьшение капитала на ту же единицу порождает итоговое общее уменьшение опять же на те же 4 единицы! Это же какое вырисовывается высвобождение ресурсов огромной страны, когда на каждую сэкономленную их единицу как бы «по щучьему велению» сами собой наворачиваются еще три таких же материальных «всамделишных» бесплатно добавленных единицы!

Второй — это стадийность общественного производства. В позднем СССР специалисты насчитывали более десяти крупных стадий единого общественного технологического процесса. В сталинской таких стадий было меньше, условно предположим, четыре. Что значит для подобного технологического процесса уменьшение себестоимости (издержек) на первой стадии (как выражение роста производительности труда)? В нем оно «бесплатно» повторится еще три раза и запечатлется в конечном изделии. Еще один подарок хозяйству страны, получаемый им без всяких специальных усилий.

Оба источника образуют еще не исследованное экономистами уникальное множащее качество снижения издержек. При росте выработки экономика просто повторяет «физику», экономическая субстанция увеличивается точно в той же мере, в какой увеличивается физическая. Но при выражении увеличения производительности через снижение издержек происходит род чуда (вполне объяснимого, кстати, современным развитием общественного технологического процесса производства). В производстве издержки «физически» уменьшаются на единицу, но по ходу своего экономического осуществления (при и после продажи изделия) исходное уменьшение издержек, как пламя, «сжигает» (уже без всякого дополнительного участия работников) ряд других единиц уже овеществленного труда, «бесплатно» и никого не спрашивая работая на общество. Экономика снижающихся цен развертывается перед социумом как скатерть самобранка ресурсов, особый вид национального дохода. А Сталин — не такой руководитель, чтобы безразлично проходить мимо подобных подарков, не замечать их.

Держа руку на пульсе экономики, он, несомненно, увидел, обнаружил столь полезное-спасительное для страны кратно помноженное «подарочное» сожжение, обнуление ростом производительности труда материальных затрат и не медля «повелся» на эти эффекты, встраивая их центральными механизмами новой формы общественного воспроизводства. Иначе он не был бы Сталиным.

Действительно, мог ли И.В. Сталин поступить иначе? Возьмем данные за 1950 г. Производительность труда в промышленности выросла на 37% по отношению к 1940 г. [2]. При удельном весе зарплаты в себестоимости в 25% размер снижения себестоимости составил 6% с соответствующим уменьшением отпускных цен, ориентированных тогда на величину себестоимости. Кольцо Маркса «подарочно»

множит эти 6% на 4, доводя размеры экономии уже до 24% себестоимости. Но те же 6% снижения затрат «работают» не только в круговых, но и в линейных движениях, — эффект стадийности. При четырехстадийном общественном технологическом процессе производства помножаем 6% еще на 4. Итого 48% материальных затрат (примерно половина!) сжигается повышением производительности труда на 37%.

Рост производительности труда обнуляет материальные затраты, позволяет перенаправить наличные материальные и денежные средства на другие нужды, что тождественно рождению у социума новых добавочных ресурсов, которыми общество первоначально не располагало. Эффект — такой же, как получение новых ресурсов. Руководящие работники Совмина и Госплана СССР на занятиях с нами, тогдашними студентами МГУ, в один голос особо подчеркивали, выделили значение снижения себестоимости, экономии затрат как важнейшего, первостепенного источника национального дохода.

Всего в итоге семи сталинских снижений розничных цен их уровень на 1 апреля 1954 г. составил 43% от уровня IV квартала 1947 г. [3; 4], что косвенно подтверждает приведенную выше (для 1950 г.) оценку масштабов «сжигания» ростом производительности труда в экономике снижающихся цен затрат овещественного труда.

Безусловный успех сталинского открытия требовал его теоретической и практической доработки, доктринального и институционального завершения, в том числе введения снижения цен в государственные перспективные и текущие планы. Однако ничего этого не случилось. Со смертью Сталина все кончилось.

Сталинское открытие не только много давало, плодоносило — оно также много требовало, было для власти и директората предприятий весьма хлопотным, нелегким. Основным динамическим двигателем сталинского общественного воспроизводства были высокие задания по снижению себестоимости. Они же и были главными плановыми показателями для предприятий. Они и при Сталине выполнялись с немалым напряжением, но «помогал» громадный авторитет руководителя. Фальсифицировать выполнение этих заданий было почти невозможно: реальное снижение себестоимости обнаруживало себя в экономическом обороте. Чтобы не вызвать неудовольствия, а то и гнева Сталина, многие директора заводов «прочесывали» свои коллективы в поисках рационализаторов, изобретателей, инициаторов снижения затрат, увеличения результатов. А после его смерти инициировали фактическую отмену заданий по прямому снижению себестоимости.

Наследники Сталина пошли на поводу у директората предприятий, министров. Они не ведали, что сотворили. Работая со И.В. Сталиным, они тем не менее не обладали его синтезирующим мышлением, стратегическим видением исторических перспектив. И,

оказавшись у руля, столкнувшись с трудностями развивать экономику по-сталински, они утрастились трудностей этого сталинского курса. Им представлялся куда более простым и надежным самоочевидный путь: не снижать оптовых и розничных цен, накопления же большей частью направлять в бюджет, а частично оставлять предприятиям для экономического стимулирования на манер капиталистической прибыли. Это было не только проще, но и как будто бы «надежнее»: так делается в самых развитых капиталистических странах, и ничего — вроде бы не пропадают, живут...

Таким образом, наследники И.В. Сталина, убежденные, что придерживаются коммунистической теории и идеологии, обнаружили свою неспособность мыслить и действовать по-сталински, заглядывая вперед на десятилетия и не теряя из вида объективной исторической перспективы, не отступая от нее. Они де-факто «сдали» советский социализм. Для сохранения сталинской экономики требовалось развернуть такую работу в массах, чтобы люди увидели выгоду снижения себестоимости и прониклись подлинным настроением ее снижения. В СССР такие попытки успеха не имели. Хотя это было вполне достижимо, что доказал японский опыт. Через десяток-другой лет после Сталина японские монополии создали такой «сталинский» настрой в своем рабочем классе. Пятая часть японских рабочих активно поучаствовала в «бригадах качества», сыгравших исключительную роль в повышении производительности труда и снижении затрат — в японском чуде. Если рабочий «Тойоты» в год готовил-внедрял 60—70 рационализаторских предложений, в позднем СССР одно предложение приходилось на 200 рабочих. Куда тут до сталинского роста производительности, снижения себестоимости, развертывания скатерти самобранки ресурсов экономики снижающихся цен.

История еще раз жестко показала, к чему приводят теоретическая недалковидность, всеядность, беспринципность. Отказ от экономики снижения оптовых и розничных цен оказался первым, притом непреложно обязывающим, главным звеном возврата страны к капитализму.

А что еще оставалось делать руководителям страны, если они отвергли научное теоретическое наследие И.В. Сталина?

Отказавшись от снижения розничных цен по мере роста производительности труда, перейдя к стимулированию на основе прибыли, они сразу же запустили в экономику инфляцию. Уже оставление цен неизменными при возросшей производительности — это инфляционное уменьшение их (цен) стоимостного содержания. Главное выражение роста производительности труда — снижение трудоемкости, себестоимости — более не допускалось в «нутро» экономики, начались деформации, вырождение общественного воспроизводства. В нем напроць прекратилось сталинское самосоздание, самосотворение ресур-

сов. Более того, ресурсы, как будто бы все-таки создаваемые, уничтожались «на корню» (см.: [5]). СССР оказался в сетях усиливавшейся экономической отсталости. У него оказались отключенными его главные экономические преимущества: социально-экономическое единство народнохозяйственного комплекса и соответственная этому единству производительность всего общественного труда. Судьба до 1950-х гг. победоносной Октябрьской социалистической революции оказалась предрешенной, реставрация капитализма — предопределенной.

Но сегодня, во втором десятилетии уже XXI в., исторический опыт позволяет по-новому — шире — взглянуть на все эти события, включая действия И.В. Сталина. Господствующая в мире так называемая рыночная экономика везде стала прожорливым уничтожителем производимых и уже произведенных ресурсов человечества. У человечества нет иного выхода, кроме как отказаться от нее. Фактически уже развернулись научные поиски ее замены. В эти поиски необходимо включить и критический анализ сталинской экономической системы: ведь новое чаще всего оказывается хорошо забытым старым.

Литература

1. *Кудрявцев А.С.* и др. Экономика труда. М., 1957 // <http://www.tehly.ru/geo5.html>.
2. Снижение цен при Сталине: расширение внутреннего рынка // <http://forum-orion.com/viewtopic.php?p=89321&sid=40ac222b8461d1cd7dfdabdb24ce1884#p89321>.
3. Исторические материалы // <http://istmat.info/node/18468>.
4. Сталинское снижение цен (1947—1954) // <http://www.izhvkp.narod.ru/sc/sc.html>.
5. *Корняков В.И.* Экономика гипоксии // *Философия хозяйства*. 2012. № 5.

И.А. ГОРЮНОВ

Сталин о ленинском стиле в государственной работе и реализации инновационных проектов

В работе И.В. Сталина «Об основах ленинизма» есть раздел — «Стиль в работе». В самом начале этого раздела Сталин пишет следующее: «Речь идет не о литературном стиле. Я имею в виду стиль в работе, то особенное и своеобразное в практике ленинизма, которое создает особый тип ленинца-работника. Ленинизм есть теоретическая и практическая школа, вырабатывающая особый тип партийного и

государственного работника, создающая особый, ленинский стиль в работе» [1, 111].

В этом определении понятия «ленинский стиль работы» Сталин опирается на то значение слова «стиль», которое подразумевает «способ осуществления чего-либо, отличающийся совокупностью своеобразных приемов» [2, 266].

Между тем само слово «стиль» (франц. *style*) происходит от греческого *τύλος* — палочка (для письма у древних греков). При этом, как нам кажется, наиболее общим и распространенным определением этого слова является «идейно и художественно обусловленная общность изобразительных приемов в литературе и искусстве определенного времени» [3, 474].

Не надо забывать о таком немаловажном значении слова стиль, как «манера вести себя, говорить, одеваться и т. п.» [2, 266].

В XX в. марксистская мысль, прежде всего западная, в силу целого ряда причин (в том числе и из-за спада революционного движения) неуклонно смещалась из области экономики и политики в область эстетики. Соответственно со второй половины XX столетия критика капитализма «с точки зрения искусства» (предъявление буржуазному обществу обвинений в угнетении, стандартизации и массовой коммуникации общества, всепроникающей коммодификации и т. д.) начинает преобладать над «социальной критикой» (в ней акцент делается на отсутствии справедливости, эксплуатации, неравенстве, корысти властных элит) этого общественного строя [4, 96—100].

Естественно, «критика с точки зрения искусства» не могла ни уделять повышенного внимания самому стилю этой критики. К примеру, известный британский марксист П. Андерсон в своей книге «Истоки постмодерна» приводит следующие слова одного из ведущих западных литературных критиков и теоретиков марксизма американца Ф. Джеймисона: «современный стиль есть нечто умопостижимое само по себе, нечто выше и по ту сторону ограниченного смысла книги, которая им написана, и даже за пределами тех точных значений, которые стремятся передать отдельные предложения, ее составляющие»⁴⁷ [5, 92].

В эпоху Постмодерна при написании текста или создании объекта искусства и/или массового потребления (например, архитектур-

⁴⁷ О стиле Ф. Джеймисона П. Андерсон писал, что можно указать на два отличительных аспекта этого завораживающе блистательного стиля: «роскошные ритмы сложного, но гибкого синтаксиса... и в то же время внезапные вспышки метафорической активности, своего рода веселые фигурные прыжки, проделываемые с *éclat* (блеском) циркового канатоходца, являются символами смелых диагональных движений, более близких к поэзии, чем к аналитической мысли» [5, 92].

ного сооружения) от автора (писателя, художника, архитектора, дизайнера и др.) большего внимания требует стилистика (эстетика), формирующая некий настрой на восприятие окружающего мира, а не семантика (аксиоматика), призванная выискивать «смыслы» («причины и цели») в окружающей нас реальности.

При таком подходе, который является эстетическим, стиль (форма), в котором написана книга, важнее смысла (содержания).

Есть эстетика революционности (новизны, обновления), и есть эстетика традиционности (застоя). Есть и революционный (инновационный) стиль письма и жизни, открывающий новые смыслы, порождающий фантастические образы будущего, прокладывающий путь к их реализации, и мещанский стиль довольства имеющимся (работа в пространстве-времени устоявшихся смыслов и образов). Эти два стиля проявляются и в художественной, и в хозяйственной жизни.

Безусловно, для реализации прорывных инновационных проектов — крупномасштабных общественных дел, радикально меняющих жизнь социума, технико-технологическую, социально-экономическую и культурную среду, а также мировоззренческое видение, в котором живет данный социум, нужен особый стиль мышления и деятельности.

О стиле мышления, присущем работам в области фундаментальных исследований, говорил исполняющий обязанности президента Российской академии наук В.Е. Фортов в связи с планируемым Правительством РФ (согласно законопроекту о ликвидации Российской академии наук, внесенного в Госдуму 28 июня 2013 г.) подчинением институтов и организаций РАН некоему Агентству по управлению их имуществом. Академик Фортов отметил, что такие преобразования уничтожают сложившуюся на протяжении более двухсот лет эффективную систему организации фундаментальной науки. По его мнению, переход на другую схему организации деятельности учреждений Российской академии наук — это *совсем другой стиль работы и эффективность работы* (выделено мной. — И.Г.) — другая (существенно более низкая) эффективность фундаментальных исследований, хотя эффективность прикладных исследований (ориентированных на решение ближайших задач в области развития техники и технологий) при такой схеме организации науки может быть и очень высокой. К примеру, стиль работы советских/российских закрытых НИИ (так называемых «почтовых ящиков») отличается от стиля работы академических институтов и может приносить хорошие результаты. Но это не фундаментальные результаты, на которых можно было бы, как на

открытии А.М. Прохорова, Н.Г. Басова и Ч. Таунса, создавать целый спектр лазерной техники и технологий, а результаты прикладные: создание лазеров или семейств лазеров с определенными характеристиками [6].

Пример радикального изменения стиля работы под воздействием внешних обстоятельств приводит Джессико фон Путкамер — один из членов легендарной «ракетной команды Вернера фон Брауна», которая разработала тяжелые ракеты-носители семейства «Сатурн», в частности, гигантский «Сатурн-5», который доставил американских астронавтов на Луну 20 июля 1969 г.

По словам ближайшего помощника Вернера фон Брауна, стиль и методы работы американских ракетчиков после запуска первого советского искусственного спутника Земли радикально изменились. При этом, как рассказывал Джессико фон Путкамер на «Королевских чтениях» в Москве, нельзя сказать, что до «русского шокера» американцы работали плохо. Они работали хорошо. Но исповедуемый ими стиль и методы работы не подходили не только для быстрой реализации серьезных научно-технических проектов, но и вообще для реализации масштабных прорывных проектов, подобных полету на Луну.

Описывая состояние американских ракетчиков, Джессико фон Путкамер отмечал: в 1957 г. они были в шоке после запуска «Спутника 1», и в восторге в 1961 г. от полета Юрия Гагарина. Шок и русский успех были серьезными стимулами для начала бескомпромиссного соревнования в космической области, заставлял американских ракетчиков работать больше, быстрее и качественнее. Американцы были вынуждены догонять, и это им не нравилось. А вообще в послевоенной истории Советского Союза Джессико фон Путкамера больше всего поражало не то, что СССР не достиг каких-то серьезных успехов в области легкой или пищевой промышленности, а освоение таких технологий, как ракетная, ядерная, технология радиолокации и др. [7].

Академик Б.Е. Черток, один из ближайших соратников С.П. Королева, в своей книге «Ракеты и люди» подробно рассказывает, каким образом советское научно-техническое сообщество, да и в целом советский народ смогли реализовать уникальный ракетный проект. Авторитетный советский ракетостроитель подробно описывает методологию достижения успеха: от этапа инициации космической программы до ее реализации; подходы к решению технических и социальных проблем; мысли, чувства, устремления всех участников космической эпопеи.

Подобный стиль работы характерен и для реализации советского атомного проекта. Его участник, выдающийся физик и организатор

науки, академик Ю.Б. Харитон писал: «Я поражаюсь и преклоняюсь перед тем, что было сделано нашими людьми в 1946—1949 годах. Было нелегко и позже. Но этот период по напряжению, героизму, творческому взлету и самоотдаче не поддается описанию»⁴⁸ [8].

Бескомпромиссное соперничество СССР и США в атомной, космической и других сферах привело к огромным достижениям двух стран, но стоило очень дорого как в финансовом, так и в чисто человеческом измерении, так как заставляло людей работать на пределе интеллектуальных и физических возможностей.

С прекращением жесткого советско-американского противостояния исчез и стиль работы, позволявший реализовывать амбициозные проекты, и повышенное внимание к ним общественности. Джессико фон Путкамер отмечал: после прекращения космической гонки американские ракетчики сразу исчезли из области внимания журналистов, и очередные показы по ТВ пусков ракет они уже были вынуждены оплачивать из бюджета. У людей, чувствовавших себя героями и привыкшими к объективам телекамер, это не вызывало восторга.

Нечто подобное происходило и в СССР.

Описывая ситуацию в новой России, заместитель генерального конструктора Ракетно-космической корпорации «Энергия» имени С.П. Королева В.М. Филин констатирует: «изменилось наше мышление, изменилось отношение государства к космосу, изменилось общественное мнение, средства массовой информации не превозносят наши успехи, а все больше говорят о наших бедах, тем самым как бы подчеркивая, что это и есть самая правда. Непочетным стал труд обыкновенного труженика, а все пропагандируются предприниматели. Но только непонятно, что будут они делать, эти предприниматели, если не будет продукции.

Наступило время, когда слово “инженер” стало синонимом бедности. Инженеры, лучшие годы жизни отдавшие делу, которое их Родина считала чрезвычайно важным и необходимым, начали недоедать и в отчаянии искать любую работу, пусть с очень низкой квалификацией, пусть не престижную, но которая давала возможность прокормить семью. А умнейшие люди, специалисты высочайшего класса пошли в коммерцию. Все они с болью в сердце вспоминают о любимой работе, все их мысли в созидании и говорят тебе: позовите, и мы вернемся! Дайте работу, зарплату и вы увидите, что сегодня лучше нас это никто не сделает! Самое обидное, что друзья, коллеги, с которыми ты прошел трудный путь, создал “Энергию-Буран”, потеряли себя и даже не представляют, как выпутаться из этой современной

⁴⁸ Взрыв первой советской атомной бомбы (РДС-1) был произведен 29 августа 1949 г.

ситуации. Стоят на приколе на Байконуре три корабля “Буран” и две собранные ракеты “Энергия”. Работы для них нет. Используют их как музейные экспонаты нашего былого величия» [9].

Сожаление о прекращении советско-американского научно-технического соревнования высказывали многие представители американского научно-технического сообщества. Представители общественных наук (в весьма большой степени идеологизированных) на эту тему говорили меньше. Тем не менее американский экономист, лауреат Нобелевской премии 2000 г. Джеймс Хекмен отмечал: «Научно-технический прогресс во второй половине XX века полностью определялся соревнованием СССР и США. Очень жаль, что он закончился» [10].

Стоит особо отметить, что американский космический ответ был дан в том числе, а может быть, и прежде всего, на советский стиль разработки и реализации научно-технических проектов. В советское время этот стиль работы назывался «ленинским». И наиболее точное, хотя и весьма образное определение (говоря современным языком, вполне постмодернистское) этого стиля работы дал Сталин.

В работе «Об основах ленинизма» Сталин задается следующими вопросами: в чем состоят характерные черты ленинского стиля в работе?, каковы его особенности? И дает следующий ответ: этих особенностей две — «русский революционный размах и американская деловитость» [1, 111]. Соответственно «стиль ленинизма состоит в соединении этих двух особенностей в партийной и государственной работе» [1, 111].

Далее в своей работе он раскрывает, что же подразумевается под «русским революционным размахом и американской деловитостью». По его словам, «русский революционный размах является противоядием против косности, рутинности, консерватизма, застоя мысли, рабского отношения к дедовским традициям. Русский революционный размах — это та живительная сила, которая будит мысль, двигает вперед, ломает прошлое, дает перспективу. Без него невозможно никакое движение вперед» [1, 111].

Сталин добавляет: «русский революционный размах имеет все шансы выродиться на практике в пустую “революционную” маниловщину⁴⁹, если не соединить его с американской деловитостью в работе» [1, 111].

⁴⁹ Рассуждая о «революционной» маниловщине, И.В. Сталин обращается к не раз отмечаемому В.И. Лениным «революционному пустозвонству», которому вождь мирового пролетариата «обычно противопоставлял простые и будничные дела, подчеркивая этим, 234

Термину «американская деловитость» Сталин дает следующее, опять же заметим, весьма образное, определение: «Американская деловитость является, наоборот, противоядием против “революционной” маниловщины и фантастического сочинительства. Американская деловитость — это та неукротимая сила, которая не знает и не признает преград, которая размывает своей деловитой настойчивостью все и всякие препятствия. Которая не может не довести до конца раз начатое дело, если это даже небольшое дело, и без которой немислима серьезная строительная работа» [1, 112].

Но, весьма верно (и очень актуально для нашего кризисного времени) Сталин отмечает, что «американская деловитость имеет все шансы выродиться в узкое и беспринципное делячество, если ее не соединить с русским революционным размахом» [1, 111].

Поэтому, по словам Сталина, Ленин противопоставлял «узколобому практицизму» и «безголовому делячеству» «обычное живое революционное дело и необходимость революционных перспектив во всех делах нашей повседневной работы, подчеркивая тем самым, что беспринципное делячество столь же противно подлинному ленинизму, сколь противно “революционное” сочинительство» [1, 113].

Из этого определения «ленинского стиля работы» следует, что для реализации серьезных инновационных проектов нужны не только система стратегического планирования (задающая цели развития и разрабатывающая механизмы их достижения) и современная финансовая система, «трансформирующая сбережения, накопленные в одной части экономики, в производственные инвестиции в другую часть экономики» [11, 3], но и особый стиль мышления и деятельности.

Между тем на протяжении уже длительного времени (как минимум, с 1987 г.) в нашей стране доминирует стиль мышления и деятельности, задаваемый неолиберальной идеологией (в ее экспортной упаковке для стран с развивающейся рыночной экономикой, т. е. осуществляющих переход к капитализму). Результаты неолиберального стиля мышления и деятельности налицо. Так, по подсчетам президента Промышленного союза «Новое содружество» К.А. Бабкина, «за последние 22 года в России исчезли порядка 20 тысяч промышленных предприятий, 15 тысяч деревень и крупных населенных пунктов; в сельском хозяйстве страна выпускает продукции на 30% меньше, чем в 1990 году; стремительно сокращается количество населения, растет безработица, снижается уровень образования и качество медицинских услуг. Как следствие такого стиля руководства страной и экономикой

что «революционное» сочинительство противно и духу, и букве подлинного ленинизма» [1, 112].

в обществе царит апатия, и у все большего числа граждан создается впечатление, что впереди лишь неопределенность и тьма. Россияне начинают сомневаться, что в нашей стране возможно что-то созидать, реализовывать крупные прорывные инновационные проекты, создавать новые технологии, строить современные города и благоустроенные поселки...» [12, 22].

К примеру, как отмечается в заявлении Совета Общества научных работников России по поводу намерений правительства Дмитрия Медведева ликвидировать Российскую академию наук и другие государственные академии, на счету Министерства образования и науки РФ «нет ни одного успешного крупного проекта, который привел бы к заметному повышению эффективности научных исследований и улучшению условий для работы ученых» [13].

Это связано с утратой, точнее, сознательным отказом российской элиты от «ленинского стиля работы» — способного выдвигать радикальные и реалистические инновационные проекты, а также желанием и умением их реализовывать.

Конечно, в настоящее время глупо и опасно призывать вернуться к «ленинскому стилю» в государственной работе, в том числе и потому, что, как верно отмечал Б.Е. Черток, сейчас в России нет грамотных инженеров и квалифицированного рабочего класса, способных осуществлять «диктатуру пролетариата». По его словам — основное средство торможения развития страны — олигархо-чиновничий класс, возникший в ходе проведения криминальных реформ под лозунгом свободы рынка. Приватизировавшая природные ресурсы новая элита ставит главной целью личное обогащение и реализует свои интересы вне России. Иначе говоря, возник слой коллаборационистов, служащих не национальным интересам России и ее народа, а зарубежным центрам и ТНК. Понятно, что прорывные научно-технические и инновационные проекты такой «элите» не нужны. Для выхода из создавшейся ситуации России, по мнению Б.Е. Чертока, нужны радикальные жесткие социально-экономические и политические реформы.

Для реализации таких реформ нужно привлечь наработанный в советской науке (в том числе экономической) потенциал. Как отмечает Ю.М. Осипов, усилиями советской прикладной экономической науки был создан весь организационно-экономический механизм СССР — «вполне и уникальный (система централизованного управления хозяйством на основе и в рамках тотального планирования; оригинальная денежно-финансовая система, включая банковско-кредитное дело, бухгалтерский учет, ценообразование, капиталовложения, статистический учет; экономика труда и заработной платы;

система денежно-натурального распределения потребительских продуктов и т. д.)» [14, 22].

Более того, «советскую прикладную экономическую науку вполне можно почитать за полезный, по-своему и выдающийся вклад в мировую экономическую науку и хозяйственную практику» [14, 22]. Стоит особо отметить, что созданная советской наукой хозяйственная система давала выдающиеся результаты вплоть до последнего момента своего существования. Последний пример такого рода — реализация упомянутого выше проекта «Энергия-Буран», на реализацию которого согласованно (контроль осуществлялся со стороны ЦК КПСС) работали порядка 1300 находящихся по всей территории СССР предприятий из почти 100 министерств и ведомств. Эта многогранная космическая система до сих пор не имеет аналогов в мире и обогнала свое время на многие годы. Она могла определить перспективы развития отечественной космонавтики на длительный период, а внедрение в отечественную промышленность 600 новейших, разработанных по данной теме технологий производить инновационные наукоемкие товары с высокой долей добавленной стоимости.

Сегодня, продолжает Ю.М. Осипов, «вроде бы нет большой потребности в советском хозяйственном опыте и соответствующей ему научно-экспертной мысли, но завтра... о-о... завтра может все измениться, ибо кругом кризис (причем кризис не так даже перепроизводства или перенакопления, как кризис перепотребления, а это куда как страшнее по возможным в будущем последствиям), во всем развитом мире явный избыточный продукт при обостряющейся нехватке ресурсов, освобожденный от труда и забот “человече” не знает, куда себя деть, и т. д., а потому, чем черт не шутит, потребуются вдруг и что-то близкое к плано-административному, в основе неэкономическому или даже постэкономическому, вполне и натуральному, опыту “казарменного” СССР — почему нет?» [14, 23].

Действительно, всякое может быть в современном мире, тем более что выход из нынешнего глобально-финансово-экономического кризиса (который сравнивают с Великой депрессией в США, а надо бы сравнивать с экономическим кризисом, предшествовавшим Второй мировой войне) не может быть предсказуемым⁵⁰. Методология антикризисного управления требует принятия и реализации

⁵⁰ Американский социолог и один из основателей мир-системного анализа профессор И. Валлерстайн в ходе работы Московского экономического форума особо отметил, что нынешний кризис начался в 1970 г., а не в 2008-м, и будет продолжаться еще 20—40 лет. В течение этого длительного времени будут наблюдаться подъемы и спады, будут периоды полной неопределенности, в результате чего перед человечеством встанет выбор между двумя альтернативами: хаос или некапиталистический путь развития.

радикальных и реалистических решений, которые вряд ли с энтузиазмом будут встречены избалованным культурой постмодерна и обществом потребления населением, а уж тем более привыкшей к сверхдоходам и роскоши (при нежелании напряженно мыслить и усердно работать) властной политической и финансово-экономической элитой.

Интерес к административно-хозяйственным и плановым методам руководства в современном мире во многом обусловлен необходимостью использования потенциала стремительно набирающей силу новой технологической волны, которая должна привести к созданию основ VI технологического уклада примерно к 2040 г. Контуры нового технологического уклада предсказать в настоящее время довольно сложно, но его базой, безусловно, станут фундаментальные научные открытия в математике, физике, химии, биологии, информатике, изучении мозга, поведении нелинейных систем; неклассическое компьютерное моделирование и конвергенция био-, нано-, информационных и других технологий.

Как верно отмечают С. Глазьев и Г. Фетисов, при оценке перспектив мирового экономического развития «необходимо исходить из понимания структурной составляющей кризиса, которая определяется сменой технологических укладов и соответствующих им длинных волн экономического роста. Выход из этого кризиса связан со «штурмом нововведений, прокладывающих дорогу становлению нового технологического уклада. При этом изменятся не только технологическая структура экономики, но и ее институциональная система, а также состав лидирующих фирм, стран и регионов. Преуспеют те, кто быстрее сможет выйти на траекторию роста нового технологического уклада и вложиться в составляющие его производства на ранних фазах развития» [15, 5].

Здесь важно не забывать, что «в большинстве новейших отраслей высоких технологий размер фирмы по-прежнему остается важнейшим фактором конкурентоспособности, и лидером современной технологической гонки может стать только очень крупная компания. Выживаемость крупной компании наукоемкой отрасли промышленности становится возможной только при условии достижения определенного критического уровня в финансовом отношении, который постоянно растет. Не случайно приоритетным для предприятий являются задачи ускорения компании, увеличения ее торгового оборота, завоевания лидерства на мировом рынке. Отсюда непрекращающийся с 1990 годов процесс слияний и поглощений, затронувший практически все мировые компании» [16, 95—96].

Такие компании должны иметь и механизм доступа к системе надежного, недорого и долгосрочного кредитования. Более того, должна существовать мощная финансовая система, которая могла бы позволить себе кредитовать долгосрочные, сверхсложные и сверхрискованные, но одновременно и сверхдоходные инновационные проекты.

В России есть все условия для экономического рывка, для новой индустриализации. «Имеющийся в России объем национального богатства, сохранившийся научно-производственный, кадровый и интеллектуальный потенциал позволяют воспользоваться открывшимися в условиях глобального кризиса возможностями для прорыва к новой волне экономического подъема» [15, 5].

Но прежде чем делать рывок, необходимо остановить процесс деиндустриализации⁵¹ и начать перевод экономики на инновационный путь развития, подъема инвестиционной активности без адекватных методов проведения хозяйственной политики (экономической, научно-технической, инновационной, промышленной, кредитно-финансовой и др.) не просто очень сложно, но и практически невозможно. Здесь нужны новые подход и стиль мышления и деятельности.

В нашей стране уход от нефтяной (сырьевой) зависимости и переход на инновационный путь развития без использования инструментов государства вообще не представляется возможным. «В условиях рынка низкая доходность большинства отраслей обрабатывающей промышленности, включая ее высокотехнологичный сектор, создает барьер на пути модернизации экономики. Преодоление этого барьера невозможно без проведения активной государственной политики» [15, 5]. В том числе, а может быть, и прежде всего денежно-финансовой. Ведь чтобы удержаться на гребне новой технологической волны (обеспечивающей экономический рост не только в будущем, но и в настоящем), «инвестиции в развитие производств нового технологического уклада должны увеличиваться ежегодно не менее чем в 1,5 раза, а доля расходов на НИОКР — достигать 4% ВВП» [15, 5].

⁵¹ К примеру, даже в США, при стремлении вернуть промышленное производство на родину это не простой процесс. По подсчетам специалистов «Brookings Institution», только за первое десятилетие XXI в. численность занятых в обрабатывающей промышленности США работников сократилась почти на треть, а чистое снижение числа предприятий превысило 66 тыс. Объяснить это только кризисом не удастся, хотя, примерно 2/3 рабочих мест в промышленности были потеряны из-за 11%-ного спада производства. Хотя есть и другой процесс. Эксперты «The Boston Consulting Group» прогнозируют, что к 2020 г. американские компании могут вернуть от 10 до 30% своих производств в США из стран с дешевой рабочей силой [19, 48—51].

Между тем «необходимый для успешного развития уровень инвестиционной и инновационной активности, как минимум, вдвое превышает имеющиеся возможности ныне сложившейся финансово-инвестиционной системы» [15, 6]. Поэтому требуется «формирование институтов финансирования проектов создания и развития производственно-технологических комплексов нового технологического уклада и сфер потребления их продукции» [15, 8].

Для реализации названных условий государство обладает инструментами налогово-бюджетной, денежно-кредитной, антимонопольной и ценовой политики. Требуется и долгосрочная стабилизация реального обменного курса рубля, расширение сферы использования рубля в международных расчетах и т. д. [15, 9].

Стоит особо заметить, что развитие российской экономики при протекающих в мире процессах глобализации, финансизации и инноватизации будет зависеть от проводимой государством политики: хозяйственной, экономической, промышленной, финансовой, социальной и др. При этом кроме «быстрого прорыва к передовому уровню развития, другого способа сохранить и укрепить Россию в мире, в котором никому не гарантировано будущее, просто не существует» [15, 13].

По словам К.А. Бабкина, идеи развития и грамотной промышленной политики носятся в воздухе, но пока не приобрели законченного оформления в одном мировоззренческом течении. Надо сформировать общность людей, которая бы отстаивала идею созидания и развития. [12, 23]. Формированию такой общности, такого идейно-мировоззренческого направления как раз и служит философия хозяйства, способная увидеть и не отвергнуть свойственные реальности сокрытость, разнообразие, сложность и неопределенность. По словам Ю.М. Осипова, достоинство философии хозяйства — в ее органической и в то же время неограниченной целостности. В философии хозяйства «не может быть ни правых, ни ошибающихся, ни тем более “правых” и “левых”, как и тех же “центристов”, ибо для философии хозяйства, озабоченной человеком-человечеством и его бытием-хозяйством, бытием-историей, бытием-телеологией и бытием-эсхатологией, какие-либо идеологические предпочтения, да еще и между собой враждующие, попросту лишены всякого смысла. Философия хозяйства не разъединяет, а объединяет, что не значит она монофонична, нет, она вполне полифонична, но не какофонно, а как раз вполне симфонично, что совсем не мешает быть в ее музыкальном поле ни чудным голосам, ни смелым партиям, ни насыщенным мелодикой содержательным струям» [14, 34].

Вследствие вышесказанного философия хозяйства как особый стиль мироосмысления способна найти гармоничное, софистическое сочетание в том числе и между «русским революционным размахом» в мыслительной и хозяйственной деятельности и «американской деловитостью» — способность реализовывать (доводить до реализации) любые сулящие прибыль перспективные проекты.

Литература

1. *Сталин И.В.* Об основах ленинизма: Лекции, читанные в Свердловском университете. М., 1991.
2. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 4. М., 1999.
3. Словарь иностранных слов. М., 1987.
4. *Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма // Логос. 2011. № 1.
5. *Андерсон П.* Истоки постмодернизма. М., 2011.
6. <http://www.news.kremlin.ru/news/18466>
7. <http://www.novosti-kosmonavtiki.ru/forum/forum14/topic13395/>.
8. <http://www.gpad.ac.ru/info/contributions/Пкаев.pdf>
9. *Филин В.М.* Путь к «Энергии». М., 2001. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.buran.ru/htm/filin.htm>.
10. *Алферов Ж. И.* О бокале шампанского и науке // Выступление на Московском экономическом форуме. Москва. 20–21 марта 2013 г.
11. *Джонсон С., Кавак Д.* 13 банков, которые правят миром. В плену Уолл-стрит и в ожидании следующего финансового краха. М., 2013.
12. *Горюнов И.А.* Тех ли лошадей мы запрягли в тройку // Директор по маркетингу и сбыту. 2013. № 7.
13. <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=3989ca2b-8bf6-4ed5-8d4d-ec213ff3d1a0#content>.
14. *Осинов Ю.М.* Отечественная мировоззренческая мысль: наследие и перспективы. М., 2013.
15. *Глазьев С., Фетисов Г.* О стратегии устойчивого развития экономики России // Экономист. 2013. № 1.
16. *Мировая экономика: прогноз до 2020 года / Под ред. А.А. Дынкина.* М., 2007.

А.В. ДОВГАРЬ

**Экономические аспекты позиции и политической
деятельности М.О. Меньшикова**

Удивительно, но в наш информационный век, когда, кажется, все о всех уже давно известно, когда даже закрытая информация все чаще и чаще получает публичную огласку, когда вне внимания общественности практически не осталось тем, фактов, событий и личностей, все же случаются парадоксы, да еще и какого масштаба! Один из таких беспрецедентных случаев относится к уникальной личности одного из самых популярных, известных в предреволюционной России публицистов, общественных и политических деятелей, к человеку, который сказал и написал о проблемах России и русского народа больше любого другого, включая и наших современников. Да и как сказал! Как написал! — Столь ярких и принципиальных соображений практически по всем направлениям общественно-политической и государственной жизни не так-то просто и найти. Речь идет, хотя и о неофициальном лице, но о фигуре национально-государственного масштаба, завеса забвения над которым лишь в самое последнее время стала рассеиваться. А именно: о Михаиле Осиповиче Меньшикове (1895—1918); дворянине, отставном морском офицере, о человеке, снискавшем первые ростки своей популярности еще на начальном этапе своей творческой карьеры на поприще литературной критики, а затем и общенародное признание, но уже на поприще публицистики. Именно в публицистике, в то время являвшейся наиболее мощным инструментом воздействия на общественное сознание, он уже полностью погрузился в круг общественно-политических, национальных и государственных проблем. На этом поприще он проявил себя в качестве яркого незаурядного и оригинального мыслителя, в качестве идеолога государственника, бескомпромиссно отстаивающего национально-патриотические позиции, в качестве трибуна и общественно-политического деятеля.

Но не былая популярность и слава привлекают наше внимание к этому человеку и его наследию, а удивляющая, поражающая и заставляющая задуматься актуальность его мыслей — актуальность для нас, для живущих сегодня в России людей. Его наследие огромно: только при жизни было опубликовано около двух десятков полновесных томов — и все о России, о русском человеке, о его проблемах и бедах. Понятно, что целью настоящей статьи не является желание показать наследие М.О. Меньшикова в его многообразии — это просто невозможно. Речь идет лишь о том, чтобы на примере рассматривае-

мых Михаилом Осиповичем экономических вопросов представить его позицию и подход в оценке и решении стоящих проблем.

Сразу же следует отметить, что Меньшиков всегда все вопросы, включая и экономические, старался рассматривать комплексно, причем во всех оттенках, во всей их разноплановости. Так, оценивая положение России в мировой экономической системе, он с сожалением констатировал факт затянувшегося производственно-технологического отставания России от Запада. Анализируя причины такого состояния и факторы, влияющие на него, Меньшиков пришел к выводу, что именно внешнеэкономическая деятельность во многом определяет такое положение. Сложившийся характер торгово-экономических отношений России с Западом, по мнению Меньшикова, таков, что он не только сохраняет, но и усугубляет производственно-технологическое отставание России от Западного мира. В существующих условиях Россия оказывается ориентированной (Западом!) на выпуск сырьевого продукта, причем все более сырого, а Запад, со своей стороны — на производство и поставку в Россию как можно более передового высокотехнологичного продукта. Такое положение дел крайне негативно сказывалось на экономике. Конечно, в то время перекос производства — от высокотехнологичного в сторону сырьевого продукта — не носил столь критического характера, как в наши дни, но его деструктивное влияние отчетливо было видно и тогда. И это вызывало обеспокоенность общества и самое пристальное внимание со стороны Меньшикова. В частности, вот что он писал по этому поводу: «Страны, отпускающие сырье, торгуют, в сущности, собственной кровью, они не только истощают весьма исчерпаемые запасы своей природы — почву, леса, недра гор, — но и как бы ставят крест над собственной народной энергией. Последняя обрекается на самые тяжкие, наименее производительные, рабские формы труда» [1, 356].

Проявляя искреннюю обеспокоенность по поводу тяжелого положения русского народа и ущербности российской экономики, М.О. Меньшиков подчеркивал, что «народ наш обеднел до теперешней столь опасной степени⁵² не потому, что работает мало, а потому, что работает слишком много и сверх сил, и весь избыток его работы идет в пользу соседей. Энергия народная — вложенная в сырье — как пар из дырявого котла — теряется напрасно, и для собственной работы ее уже не хватает» [2, 367].

⁵² Касаясь вопросов пауперизации общества, Меньшиков в своих статьях ведет речь не только о проблемах текущего потребления: скудности питания, плохой одежде и обуви, тяжелых бытовых условий и т. п., но и о качестве человеческого капитала: уровне образования и квалификации, состоянии здоровья и продолжительности жизни.

Анализируя историю развития нашей экономики, а также факторы, влияющие на нее, Меньшиков подчеркивал, что существующее состояние сложилось под влиянием враждебной нам силы западного богатства, пустившей корни в нашу бедность и высасывающей из нее соки: «Когда к нам вторгаются иностранные капиталы, мы знаем, что не для нашей, а для своей выгоды они пришли в Россию, и что вернутся они нагруженные нашим добром. Но товар иностранный есть скрытая форма капитала — он всегда возвращается за границу, обросший прибылью» [3, 373]. Обобщая и выражая более строгим современным языком мысли Меньшикова, следует отметить, что он проявлял обеспокоенность и констатировал факт угнетающей Россию экономической экспансии Запада, выраженной в различных формах научно-технического, производственного и экономического доминирования и диктата, в фактическом захвате в России определенных отраслей, финансовых и потребительских рынков. Меньшиков на основании имеющегося уже тогда как международного, так и нашего внутреннего опыта подвергает сомнению с точки зрения национальных экономических интересов перспективность широкого использования иностранных инвестиций и импортных товаров в вопросах обеспечения и развития страны.

Отчетливо представляя всю убогость, а в ряде случаев и порочность сложившейся экономической системы, Меньшиков обращал внимание на то, что существующий характер торгово-экономических отношений с западными странами определяется во многом не государственными интересами и нуждами, а далеко не острыми потребностями частных лиц, от удовлетворения которых вполне можно отказаться. Более того, по его мнению, в основе этих потребностей лежит совершенно неоправданное следование западным стандартам потребления. Со свойственной ему выразительностью и эмоциональностью, он описывает эту ситуацию в августе 1902 г. в опубликованной в «Новом времени» статье «На ту же тему»: «Мы глаз не сводим с Запада, мы им заморожены, нам хочется жить именно так и ничуть не хуже, чем живут “порядочные” люди в Европе. Под страхом самого искреннего, острого страдания, под гнетом чувствуемой неотложности нам нужно обставлять себя той же роскошью, какая доступна западному обществу. Мы должны носить то же платье, сидеть на той же мебели, есть те же блюда, пить те же вина, видеть те же зрелища, что и видят европейцы. Но для нас это несравнимо труднее осуществимо, чем для них. Верхний класс на Западе, путем промышленности и торговли ограбивший половину земного шара, не только может позволить себе то, что мы зовем роскошью, но озабочен, чтобы развить ее еще глубже, еще махровее, еще неслыханнее. Великие открытия механики,

244

физики, химии еще едва сделались известными, они не сразу проникнут в толщу публики, но уже весь Запад кипуче перестраивается, меняя быт в своих жилищах, одежде, способах передвижения и питания, в способах труда и счастья. Мы, образованные русские, как сомнамбулы следим за Западом, бессознательно поднимая уровень своих потребностей» [4, 361].

В итоге, как констатировал Меньшиков, Западная Европа «берет верх не только совершенством и дешевизной товаров, имеющих широкий сбыт, но и привлекательностью всего того, что чужое». Как видим, еще в начале XX в., Меньшиков ставит крайне актуальный, в том числе и сегодня, вопрос — об оптимальности потребления и оправданности существующего уровня потребления, о необходимости определения и установления пределов потребления и соответственно порочности уже тогда сформировавшегося на Западе и сегодня изживающего себя в глобальном масштабе общества потребления.

Если же говорить о государственных закупках за рубежом, то они, хотя и не были столь разнообразны, как частные, но вызывали не меньше вопросов. Наглядным примером тому может служить реакция Меньшикова на закупки вооружения. В частности, вот что он писал в августе 1905 г. по вопросу восстановления российского флота после неудачной Русско-японской войны: «Посчитайте, сколько Россия теряет от того, что такое колоссальное производство, как постройка флота, идет за границей, из чужого материала, чужими рабочими и мастерами. Вместо того, чтобы поддержать свою железную и лесную промышленность, мы даем развитие чужой, нам враждебной. Заказывая за границей, мы обрекаем себя на государственную кабалу у тамошних фирм» [5, 350]. Меньшиков считал, что отказ от собственного судостроительства ведет Россию не только к неисчислимому прямому ущербу, но и создает угрозу потери вообще всех средств, выделенных на приобретение флота: «Представьте — война, — рассуждал Меньшиков по этому поводу, — объявлена блокада, и сделанный заказ не получите. Целые золотые займы наши, как показала эта война, остаются за границей, орошают собою не нашу промышленность, не наш народный труд» [5, 351].

Отстаивая национальные интересы, Меньшиков указывал на коррупционную составляющую такого размещения заказов. Признавая факт отсутствия собственных специалистов, он отказывался считать это преградой для развития отечественного кораблестроения, в связи с чем ставил следующие, весьма резонные вопросы перед своими оппонентами: «Почему не пригласить иностранных техников и не поручить им наше кораблестроение здесь, в России? Почему не соединить западную честность, знание и энергию с русской рабочей

силою и с русской промышленностью, хиреющей от безделия? Почему мы должны отказаться от мечты всякого великого государства иметь все необходимое у себя, чтобы хоть в будущем не кланяться иностранцам? Почему не создать серьезной кораблестроительной школы, серьезно оборудованных верфей, заводов и доков и т. п.?» [5, 351]

Представляя имеющийся в стране потенциал, Меньшиков считал, что при всех существующих в экономике страны проблемах, «достаточно хоть ненадолго избавиться от этой конкуренции, чтобы наша промышленность набрала ход, приобрела инерцию, пустила корни и приняла бы формы здорового явления. Теперь она и недоброркачественна, и дорога, как все незрелое. Теперь она — государственный паразит, искусственно вскармливаемое парниковое растение, народу мало доступное. Явится сильный спрос — возможна будет широта предприятий, товары сделаются разнообразнее, лучше и дешевле» [6, 364].

Следует подчеркнуть, Меньшиков был сторонником сотрудничества и партнерства с Западом — но только на равноправной основе. А для того, чтобы оно в принципе было таковым, по его мнению, необходимо догнать Запад в производственно-технологическом развитии. В связи с чем он ратовал за ускоренное развитие экономики. Считая при этом, что «догнать Запад совершенно невозможно, пока границы открыты»⁵³, предлагал закрыть их, т. е., выражаясь современным языком, установить ряд таможенных ограничений, защищающих отечественного производителя, а также в некоторой степени и потребителя (по отдельным позициям). «Мне кажется, первым последствием закрытия границы, — писал по этому вопросу Меньшиков, — будет стремительный подъем русского производства. К нам точно упадет с неба тот рынок, отсутствие которого угнетает все промыслы, и которого мы напрасно ищем в Персии, Туркестане, Турции. К нам вернется наш русский покупатель — все образованное общество, весь богатый класс» [6, 363].

В этом, конечно же, он был прав: в случае закрытия границы отечественный потребитель — речь в данном случае идет о представителях состоятельной части общества — вынужден будет пользо-

⁵³ Объясняется это, с одной стороны, осуществляемой западным капиталом жесткой эксплуатацией экономических ресурсов России и, с другой, тем, что западные партнеры при существующем характере отношений получают большие выгоды, чем российская сторона. Соответственно, направляя их в развитие своей экономики, они обеспечивают для нее более благоприятные условия, при которых она неизбежно будет развиваться быстрее, нежели чем российская, а экономический разрыв между странами будет лишь расти.

ваться продуктом отечественного производства, что приведет к росту спроса, цен, расходов, причем, в первую очередь, у представителей «образованного общества и богатого класса». Соответственно увеличатся объемы оплаты труда, возрастут доходы населения, производство получит дополнительные стимулы к своему развитию и сможет развиваться более ускоренным образом. Но это как бы формальная цепочка причинно-следственных связей, наблюдаемых при закрытии границы, тогда как внутренний смысл этого акта заключается в том, что состоятельные отечественные потребители понесут дополнительные расходы в пользу отечественного производителя и производства, т. е. возникает своеобразный скрытый налог на богатство, доходы от которого идут на поддержку отечественного товаропроизводителя и отечественного производства. И в этом есть определенная справедливость: богатства, сформированные в стране, за счет использования ее национальных ресурсов, должны поддерживать эту страну и подпитывать ее экономику.

Если рассматривать данную ситуацию с формально-экономической точки зрения, то следует отметить, что в рамках краткосрочного периода подобного рода шаг будет представлять собой ничем не оправданное навязывание неконкурентоспособных отечественных товаров и соответственно товаропроизводителей отечественному потребителю. Вместо того чтобы повышать свою конкурентоспособность и конкурентоспособность выпускаемых товаров, вместо реорганизации и модернизации производства, вместо поиска и освоения новых позиций, в рамках краткосрочного периода создается благоприятная среда для паразитирования и существования нежизнеспособных элементов хозяйственного механизма, что, естественно, является неоправданным: зачем переплачивать потребителю и содержать неэффективного производителя — лучше отказать отечественному производителю и приобретать импортный товар.

Если же следовать этой логике и такому решению, но уже в рамках долгосрочного периода, — а долгосрочный период в экономике определяется не просто продолжительностью временного промежутка, а таким сроком, в течение которого возможно принципиальное изменение ситуации, в результате изменения структуры и характера задействованных основных фондов, сырья, технологий, а в ряде случаев и базовых условий сотрудничества, — то отказ в поддержке отечественному производителю, вероятнее всего, приведет нас к крайне негативным последствиям: произойдет принципиальное усиление позиций зарубежного производителя и поставщика: будь то в результате деградации отечественного производства или модернизации зарубеж-

ного, а также вследствие каких-либо социально-политических потрясений, войн или стихийных бедствий.

В такой ситуации в затруднительном положении окажется не только отечественный производитель, лишенный поддержки, но уже и потребитель: он опять оказывается вынужденным переплачивать, но только теперь не отечественному производителю, а зарубежному монополисту, диктующему свою цену и условия. При этом последствия отказа от поддержки отечественного производителя могут быть гораздо тяжелее, чем затраты на нее. Следовательно, в долгосрочной перспективе поддержка отечественного производителя — обязательна: она носит антимонопольный характер, защищающий отечественного потребителя, ну и конечно же — выгодна и нашему производителю.

Сказанное подтверждает правоту позиции Меньшикова, который, указывая на существующие для нашей стороны угрозы и негативные тенденции и призывая к защите отечественных рынков (производителей и потребителей) и закрытию границ, выбор необходимых для достижения таких целей конкретных мер и инструментов, равно как и объемы их применения не рассматривал, оставляя этот вопрос в компетенции специалистов.

Кроме этого, в закрытии границы Меньшиков видел возможность образования сбалансированной самодостаточной экономики, обеспечивающей аккумуляцию и рост национального богатства, о чем соответственно и писал: «Если страна — подобно России или Англии — достаточно обширна, то закрытие границ не только не понижает народного богатства, но и повышает его. Замкнутость дает богатству регулирующий принцип, обыкновенно расстраиваемый внешней торговлей. Все организмы замкнуты, и только при этом условии возможно здоровье и полнота сил. Раз в самой стране тратится все то, что в ней приобретается, получается круговорот сил, жизненное равновесие, как в древнем лесу, как в Китае, пока он был замкнут. Можно сказать даже, что раз богатство тратится в своей стране, оно не тратится вовсе, а в общей сумме накапливается. ...Замкнутые страны — если они культурно организованы — способны только богатеть. Беднеют лишь те государства, у которых есть коммерческая течь, у которых часть народного достояния произвольно уходит за границу» [2, 367].

Но самое главное, что может дать закрытие границы России, с учетом ее природных и климатических ресурсов, по мнению Меньшикова, так это возможность создания «идеального замкнутого государства», обеспечивающего «абсолютную народную независимость». Именно к этому, как он считал, и следует всячески стремиться. Имен-

но это является высшей национальной и государственной целью [1, 355].

Следует подчеркнуть, что весьма резонные призывы Меньшикова к автаркии не ставят себе целью экономическую самоизоляцию, а направлены на достижение «народной независимости», в основе которой лежит независимость хозяйственного механизма страны, т. е. ее экономический суверенитет и обеспечивающая его защищенность отечественных производителей и потребителей. При этом степень замкнутости, степень закрытости, так же как и способы и средства ее достижения следует выбирать по каждому параметру, по каждому типу продукции или товара, с учетом конкретной ситуации в соответствующей отрасли и степени ее влияния на экономику страны.

Как перечисленные, так и многие другие проблемы тревожили и находили живой отклик со стороны Меньшикова. И здесь хотелось бы обратить внимание еще на одно заметное в его жизни событие, также имеющее определенное отношение к экономическим и политическим процессам, причем как у нас в стране, так и за рубежом — речь идет о создании в июле 1908 г. русской православно-монархической правоконсервативной партии «Всероссийский национальный союз». Это объединение отразило представления Меньшикова и его единомышленников об идеальном парламенте и русской национальной парламентской партии: он собрал в ряды Всероссийского национального союза благородных, национально и патриотически ангажированных, конструктивно мыслящих государственными категориями, взвешенных в своих суждениях и делах, хорошо образованных русских людей: профессоров и преподавателей учебных и научных учреждений, отставных военных, священнослужителей, журналистов, общественных деятелей, инженеров и чиновников.

Сформированное объединение внешне напоминало ярко, хотя и неоднозначно, проявившую себя в то время в Мексике, действующую под опекой генерала П. Диаса, группу «сьентификос», т. е. «ученых», но внутренне представляло прямую ей противоположность. Так же как съентификос Всероссийский национальный союз представлял из себя группу интеллектуальной поддержки власти, объединяющую экспертов и специалистов, способных формировать государственно-политические, социальные и экономические решения, но при этом, в отличие от съентификос, находился в неразрывной связи со своим обществом и действовал не в либеральных и эгоистических, а в национальных интересах. В силу чего обеспечивал не только интеллектуальную, но и общественно-политическую поддержку власти.

Если съентификос создали в Мексике в конце XIX — начале XX в. режим открытой интенсифицированной экономики, исключав-

ший путем фактически насильственной смены собственника не только слабых хозяйствующих субъектов, но и субъектов с умеренными темпами развития; режим, ориентированный соответственно на привлечение иностранных инвестиций, а сами при этом наживались на распродаже национальных активов и спекуляциях с инвестициями, то Всероссийский национальный союз в экономическом плане выступал за ограничение внешнеэкономических отношений и поддержку отечественного производителя и русского населения. Внимание уделялось как дотациям и преференциям, так и страховой и кредитной поддержке русских людей, оказанию им помощи в организации различных форм потребительской и производственной кооперации. В итоге если на начальном этапе деятельность съентификос способствовала за счет подрыва экономического суверенитета Мексики и лишения ее, как и ее населения, исторически принадлежащих активов невиданным темпам роста, объясняемым в том числе и спешкой алчных стяжателей, то в последующем она привела к оттоку капитала (вывоз дивидендов), длительной стагнации, крайнему раздражению населения и социальным потрясениям, приведшим к краху режима П. Диаса. Результатов политики Всероссийского национального союза по причинам воин и революций увидеть обществу так и не удалось, но можно предположить, что они были бы совершенно иные, как, впрочем, и нам, и нашему обществу, хочется видеть несколько иных результатов от деятельности и наших партий, и нашего правительства, и наших предпринимателей, хочется видеть более эффективную работу нашей экономики, более рачительное и бережное отношение к нашим ресурсам, их использование строго в национальных интересах, а также многое другое к чему призывал и за что ратовал более ста лет назад русский офицер, мыслитель, публицист и общественный деятель — Михаил Осипович Меньшиков.

Литература

1. *Меньшиков М.О.* Все — свое // Меньшиков М.О. Письма к ближним. СПб., 1902.
2. *Меньшиков М.О.* Замкнутое богатство // Меньшиков М.О. Письма к ближним. СПб., 1902.
3. *Меньшиков М.О.* Китайская стена // Меньшиков М.О. Письма к ближним. СПб., 1902.
4. *Меньшиков М.О.* На ту же тему // Меньшиков М.О. Письма к ближним. СПб., 1902.
5. *Меньшиков М.О.* Где строить флот? // Меньшиков М.О. Письма к ближним. СПб., 1905.

6. *Меньшиков М.О.* Россия — для русских // Меньшиков М.О. Письма к ближним. СПб., 1902.

В.В. КАШИЦЫН

**Своеобразие отечественной экономической мысли
как форма проявления особенностей эволюции
российской экономики**

Очевидно, что отечественная экономическая мысль взаимосвязана с развитием экономической мысли других стран, особенно стран, лидирующих в экономическом развитии в те или иные периоды истории. И это один из узловых моментов эволюции мысли вообще. Но не менее важным условием является сопряжение отечественной мысли с закономерностями и особенностями развития национальной экономики. Первый подход предполагает априорное внимание к парадигмальным смысловым аспектам эволюции зарубежной экономической мысли. Второй — к особенностям экономического развития той или иной страны. И в этом смысле своеобразие экономической мысли России и ее исследование представляются уже с точки зрения сложности, многогранности и противоречивости объектов этих двух подходов исключительно актуальными.

**Парадигмальные аспекты зарубежной классической
экономической мысли и ее эволюция**

Парадигмальный подход в исследовании закономерностей эволюции экономической мысли позволяет условно разделить исторически и логически ее ретроспективу на два этапа: причинно-следственный (каузальный) и функциональный, формальный (непосредственно наблюдаемый).

Соответственно первый этап, этап складывания и становления экономической науки как таковой, при всех прочих равных условиях, как науки, развивающейся через осмысление выдвигающейся на первый план товарно-рыночной формы хозяйства, характеризуется использованием двух фундаментальных парадигм. Это, прежде всего, саморегулирующая потенция рынка, реализующаяся через механизм конкуренции. И вкупе с ней саморегулирующая потенция эволюции социума, закономерно формализующаяся, в том числе институционально, в противоречие труда и капитала (профсоюзы, партии и т. д.). Необходимо, впрочем, подчеркнуть, что данные парадигмы относительно корректно способны развивать логику расширенного воспро-

изводства богатства и экономического роста, как минимум, с учетом двух методологических посылок: относительной закольцованности внутреннего рынка и мелкотоварного индустриального горизонта эволюции производительной силы. Почему относительного — потому что даже условное абстрагирование от природы первоначального накопления капитала немислимо без внешних рынков, базирующихся на неэквивалентном обмене; при этом исторически и логически молниеносная трансформация капитализма свободной конкуренции в монополистический практически блокирует обе парадигмы. Реализация монополистического капитала «раскольцовывает» внутренний рынок и без внешнего рынка не дееспособна — это во-первых. А во-вторых, доведя социализацию социума до опасного для себя предела, практически не способна к поддержанию социальной стабильности в экономике без внешних рынков, используемых для перераспределения дохода с целью поддержания социальной стабильности в метрополии.

Именно поэтому, очевидно, во второй половине XIX — начале XX в. экономическая наука в развитых странах закономерно трансформируется из содержательной в функциональную. И, начиная с австрийской, маржинальной и неоклассической версий по сегодняшний день, искусственно сохраняя парадигму саморегулирования конкуренции, пытается апостериори трактовать хитросплетения экономического процесса через призму описания «объяснения» флуктуации рыночной конъюнктуры. Нобелевская премия по экономике за 2013 г. в очередной раз подтверждает данный вывод. Хотя прогностическое фиаско данного методологического подхода является уже около ста лет более чем очевидным.

Разумеется, Кейнсианская «революция», переосмыслив роль государства в экономической системе в известном смысле, в первой половине XX в. выдвинула государство в качестве новой парадигмы, синтезирующей две традиционные. Однако, имея в виду то обстоятельство, что фундаментальные причины обесценения двух традиционных парадигм перманентны, и внешние рынки не бесконечны, и то обстоятельство, что в силу теневого механизма реализации власти и регулирования экономики государство в развитых странах не может быть драйвером экономического развития и в этом смысле парадигмой, проблема современной парадигмы является центральной.

На этом фоне исторически-методологический дискурс русских «манчестерцев» и славянофилов при всей их кажущейся радикальности выступает как вечно живой и вечно актуальный. А своеобразие русской экономической мысли более чем актуальным.

Ни Запад, ни Восток, а самовоспроизводящееся своеобразие

Ретроспективное погружение в многообразие перипетий более чем трехсотлетней эволюции русской экономической мысли заставляет обратить внимание на особенности и специфику российской экономики. В любом случае ценность и эффективность экономической теории, мысли, идеи производны от степени учета характера экономики, ее специфики и соответствующей логики возникновения и взаимосвязи адекватных экономических проблем.

Пространственно-территориальное, ландшафтно-рельефное, климатическое, биологическое и демографическое многообразие России продуцировало и определенное многообразие хозяйственной деятельности, уникальное соотношение экстенсивных и интенсивных факторов экономического роста, разнообразие экономических укладов и, безусловно, методологии регулирования экономики. Отсюда гипертрофированная, казалось бы, роль государства в экономике и доминирование коллективных форм ведения хозяйства. Ведь чем в более жестких условиях хозяйствует производитель, тем в большей мере он тяготеет к ассоциации и готов минимизировать свои потребности или, во всяком случае, ими манипулировать. С одной стороны, обладание природными ресурсами стимулирует экстенсивные формы ведения хозяйства, с другой — особая нагрузка ложится на формирование транспортно-коммуникационной инфраструктуры и военной безопасности, организацию защиты богатства от внешних конкурентов (из 1000 лет — более 750 лет непрерывных войн на своей преимущественно территории). В таких условиях — условиях проблематичности дилеммы максимизации прибавочного продукта — возникают и достаточно жесткие условия эксплуатации самого работника и соответственно минимизация его дохода.

Вместе с тем сложности хозяйствования в таких условиях продуцируют целую гамму как личностных качеств, так и качеств нации, социума, отношение к государству, форм его строительства и его имиджа, отношение к нему. Особую роль здесь играет и духовный мир — духовная сфера человека и общества. Поэтому основные дилеммы экономики: затраты — результаты, цена — качество, мотивы — интересы, соотношение материального и духовного начал, производительность труда, не могут не быть специфическими, если не уникальными.

Вот почему, начиная с И.Т. Посошкова и его феноменального труда «О скудости и богатстве», в течение без малого трехсот лет лучшие представители российской экономической мысли, отправляясь от специфики экономики страны и опираясь, разумеется, на все-

общие экономические законы, выстраивали не всегда понятную для своих западных коллег систему экономических приоритетов и акцентов. И вот почему ряд известных реформаторов, стремящихся часто искренне стимулировать экономическое развитие России, особенно по западным лекалам — от М.М. Сперанского, П.А. Столыпина и вплоть до Е.Т. Гайдара, терпели в своей реформаторской деятельности полный крах (см.: [1—5]). Возможно, именно поэтому высшая власть в России часто индифферентна и насторожена по отношению к реформам, что зачастую приводит либо к длительной консервации сложившихся хозяйственных отношений, либо, как пишет В.Т. Рязанов, к определенной цикличности реформ — контрреформ [6].

Вместе с тем российская экономическая история содержит и ряд более чем адекватных систем взглядов, да и самих реформ: М.В. Ломоносова, Н.С. Мордвинова, Е.Ф. Канкрин, либеральных народников (В.П. Воронцов, Е.Ю. Витте, А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев, нэп и т. д.)

Да и эпохальные исторические примеры масштабных реформ при всей своей грозности и «цене» в России (Иван III, Иван IV, Петр I, И.В. Сталин) в большой степени состоялись в части выхода на траекторию развития во многом благодаря методологии, базирующейся на учете отечественной специфики экономики и гибком смысловом использовании зарубежного опыта.

Поэтому своеобразие отечественной мысли, гибко учитывающее особенности российской экономики, не может не быть в эпицентре методологии потенциального концепта выхода современной России на траекторию развития, императивом чего является совокупность заимствованных из отечественного и зарубежного опыта методологий, имея в виду приоритет первого.

Представляется, что предполагаемый концепт должен исходить прежде всего из следующих методологов:

- приоритет отдается системным, комплексным, стратегическим проблемам развития экономики по отношению к любым другим;
- механизмом соискания такого приоритета является априорное акцентирование проблемы запуска механизма внутреннего рынка и эффективности его работы;
- этим процессам в любом случае должна предшествовать такая реконструкция государства, которая своим следствием имеет создание эффективного гибкого регулирующего профессионального центра-государства, базирующегося на массовой и ювелирной подсистеме воспроизводства управляющих кадров;

- на первый план выдвигается проблема безопасности во всех формах проявления как важнейший атрибут эффективного современного государства;

- само государство во всех сферах жизни страны, особенно экономической, должно стать эффективным доминантом — надо, наконец, расстаться с абсолютно бессмысленным и вульгарным представлением безальтернативности ухода государства из экономической области как условия эффективного развития, так как эта точка зрения противоречит закономерностям развития и преуспевающих стран, и, особенно, России;

- безусловным приоритетом экономического развития является развитие духовной сферы со всеми производными импульсами в направлении оптимизации науки, образования и культуры в широком смысле;

- непосредственно трансформация экономической сферы должна избавиться от «панацейного подхода» и базироваться на воспроизводственном системном видении экономического процесса по принципу минимизации противоречия экономическим законам;

- на всех уровнях экономической жизни необходима системная гармонизация экономических отношений — как непосредственная, так и опосредованная с механизмом обратных связей и жесткого контролинга;

- системный территориально-функциональный подход предполагает восстановление воспроизводственного контура на новой технологической основе, имея в виду понимание, что инновационный маневр возможен только на основе восстановления диверсифицированного индустриального комплекса;

- безусловным императивом является и интеграционный процесс в рамках СНГ, включая Украину, так как иначе воспроизводственный комплекс как база для инновационного броска не будет замкнут;

- нельзя не менять и соотношение внутриэкономических и внешнеэкономических отношений в пользу первых, так как мир уже вступил в новый цикл соотношения протекционизма и свободы торговли де-факто, что лишний раз и продемонстрировала антикризисная рефлексия развитых стран в 2008—2010 гг.

Разумеется, к описанным методологемам не сводится круг необходимых акцентов в современной трансформации российской экономики, но совершенно очевидно, что хаотичный и иррациональный период панацейного заимствования алгоритмов развития за рубежом, похоже, исчерпан. Поэтому альтернативы переходу к развитию на

основе осмысленного самовоспроизводящегося своеобразия просто нет.

Литература

1. *Аникин А.В.* Путь исканий социально-экономических идей в России до марксизма. М., 1990.
2. *Аникин А.В.* Юность науки: Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М., 1979.
3. *Менделеев Д.И.* Заветные мысли: полное издание (впервые после 1905 г.). М., 1995.
4. Предтеча / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2003.
5. Русские экономисты (XIX — начало XX века) / Под ред. Л.А. Зубченко, Л.И. Зайцевой. М., 1998.
6. *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX—XX века. СПб., 1998.

Т.Б. БЕРДНИКОВА

Три века исследований фондового рынка России: от монопредметной к мультидисциплинарной парадигме

Ценные бумаги исторически являются порождением общественного развития, своеобразными финансовыми инструментами хозяйствования, фиксирующими имущественные права, имеющими признаки товара и выполняющими функции денег. С древних кредитных векселей — ссудных расписок среднеассирийского периода XV—XI вв. до н. э. [1, 241] ценные бумаги позиционируются как важный элемент хозяйственного устройства. Они используются для закрепления и передачи имущественных прав, передела собственности, накопления и сохранения капитала, торгового оборота, социального регулирования. Хозяйственные операции с ценными бумагами в целом регламентируются государственными модельными нормативно-правовыми актами и органами финансового надзора. В общей практике фондовые операции регулируются ассоциациями профессиональных участников рынка ценных бумаг, обычаями и традициями делового оборота.

Испокон веков на Руси ценные бумаги были распространенным инструментом хозяйственных отношений. В отдельные исторические периоды использование ценных бумаг имело разные объемы и масштабы, определенные особенности и результаты, но во все времена

фондовые операции с той или иной успешностью были важным элементом хозяйственной деятельности. Общая целесообразность использования ценных бумаг подтверждается многовековой историей развития национального рынка ценных бумаг.

В Великом Новгороде археологами были найдены долговые расписки XI—XV вв. на бересте. Долговые древнерусские берестяные грамоты показали, что в хозяйстве Древней Руси присутствовали вексельные схемы делового оборота [2].

Всевозможные складские свидетельства, товарные расписки, закладные фиксировали соглашения о долговом обеспечении, необходимом для хозяйствования. Казначейские векселя появились из-за необходимости сократить риски и расходы перевозки предназначенных для казны ценностей, включая меховую рухлядь, драгоценные металлы, деньги и т. п. Акции как форма подписки на участие в торговых или производственных компаниях были удобной формой сбора и фиксации складываемых капиталов и барыша от их использования. Облигации пользовались популярностью как процентные бумаги, позволяющие получить прибыль от сбережения. С древности широко использовались различные производные ценные бумаги, известные как современные варранты, коносаменты, опционы, фьючерсы.

История развития фондового рынка России тесно переплетена с экономической политикой государства, чаяниями его правителей и торговыми интересами. Это особенно наглядно видно на примере развития рынка ценных бумаг акционерных компаний и государственных облигаций.

Например, в Лондоне в 1553 г. для торговли с Россией была создана Московская компания (*Muscovy Company*), которая в первый год принесла пайщикам прибыль в 300—400% [3, 475].

В планы главы Посольского приказа, боярина Афанасия Лаврентьевича Ордин-Нащокина (1605—1680) входило создание купеческих товариществ, противодействующих скупке отечественных товаров иностранными купцами за бесценок и способствующих развитию торгового дела русскими купцами на основании получения займов под закладные и складские обязательства. Он был предтечей основных идей реформ Петра, включая выход к Балтийскому морю, создание торгового флота, промышленных мануфактур, развитие предпринимательской деятельности и денежного оборота, ограничения воевод. А.Л. Ордин-Нащокин проводил экономическую политику развития внешней и внутренней торговли, протекционизма отечественной промышленности, как части единого народного хозяйства. Во время воеводства в родном Пскове Ордин-Нащокин в 1665—1666 гг. организовал компании для складывания торгового капитала и ком-

мерческий перевод векселей, а в 1667 г. способствовал принятию Ново-торгового устава в интересах русских купцов и ремесленников, государственной монополии внешней торговли и ограничению таможенных привилегий иностранных купцов [4].

Основным вкладом Петра I (1672—1725) в развитие фондового рынка является развитие акционерных компаний путем «смыкания капиталов» и создание биржи в Санкт-Петербурге. Царский указ о торговле по примеру «сторонних чужих земель» компаниями был опубликован 27 октября 1699 г. Петр I в 1711 г. хотел основать Китайскую компанию, а в 1724 г. в указе об учреждении компании для торговли с Испанией повелел «сие учинить с примеру Ост-Индской компании». Он находил необходимым «приневолить» русских купцов торг свой по-европейски «строить компаниями» [5, 26].

Первый экономист эпохи Петра I Иван Тихонович Посошков (1652-1726), разделял идеи меркантилизма «ученой дружины» Петра I. В предназначенном для Петра I труде под названием «Книга о скудости и богатстве, сие есть изъявление от чего приключается скудость, и от чего гобзовитое⁵⁴ богатство умножается» он относил к числу важнейших функций государственной власти заботу о развитии отечественных торговых мест как основу тогдашних купеческих бирж [6].

С середины ХУШ в. в России создаются многочисленные компании на акциях для мировой торговли. Так, в 1755 г. Указ императрицы Елизаветы разрешил монополию на торговлю с Китаем, Турцией, Венецией «Компании на акциях», учредителям которой купцам Шемякину, Хостакову и Ярославцеву дано было право носить шпагу и именоваться директорами. В 1760 г. Императорский указ разрешил торговлю с Хивой и Бухарой, учрежденной графом Воронцовым при участии десяти лиц, «Компании на акциях для торговли». Екатерина II в 1763 г. учредила своим указом «Акционерную компанию для торговли в Средиземном море» (учредитель тульский купец Володимиров). Императрица приняла эту компанию под свое ведение, предоставила ей фрегат на казенное содержание и приобрела подписку на 20 акций [7, 97]. На начало 1861 г. в России было 120 акционерных обществ, а к ноябрю 1917 г. в России действовало около трех тысяч акционерных торговых обществ.

В России в целях финансового обеспечения государственного хозяйства выпускались государственные внешние и внутренние облигационные займы.

⁵⁴ Изобильное.

В 1769 г. по указу Екатерины II был выпущен первый внешний государственный облигационный заем под гарантии голландских банков, размещенный в надежде на привлечение иностранных инвестиций в Амстердаме. Высочайшим указом Александра I от 25 марта 1809 г. были определены условия выпуска и основные правила первого внутреннего государственного займа Российской империи, согласно которому размер дохода был определен в 6% годовых и плюс 1% грация (премия). В первой половине XIX в. было выпущено несколько внутренних государственных займов, включая выпуски в 1816 и 1817 гг. 6%-х билетов Государственной комиссии погашения долга, в 1820 г. облигаций первого 5%-го правительственного займа, средства от размещения которых обеспечили покрытие около 10% государственного долга. Остальные 90% долгового обеспечения казна получила за счет размещения российских займов за рубежом.

Вторая половина XIX в. характеризовалась активным акционированием, выпусками пятого 5%-го займа 1854 г., 3%-го внешнего займа 1859 г., государственной 5%-й золотой ренты 1884 г., 4%-х золотых займов 1889, 1890, 1893 и 1894 гг.; 3,5%-го золотого займа 1894 г. и 3%-х золотых займов 1891, 1894 и 1896 гг., облигаций Николаевской железной дороги и консолидированных облигаций 1880, 1889 и 1891 гг. Российских железных дорог, процентных конверсионных облигаций, а также спекуляциями ценными бумагами. После выпуска первых государственных займов началась биржевая торговля ценными бумагами. В 1883 г. на крупнейшей Санкт-Петербургской бирже, осуществлявшей фондовые операции, были приняты первые правила, регулирующие операции с ценными бумагами. В 1891 г. аналогичные правила были приняты на Московской бирже. Кроме столичных бирж операции с фондовыми ценностями в Российской империи вели Варшавская, Киевская, Одесская, Харьковская и Рижская биржи.

Общая сумма эмитированных и гарантированных государством обязательств к 1 января 1912 г. без учета акций и облигаций, выпущенных банками и торгово-промышленными предприятиями без правительственной гарантии, в 1,9 раза, а к 1 января 1913 г. — более чем в 2, 5 раза превышала доходы суммарного бюджета России. В структуре государственного долга около 50% приходилось на иностранную задолженность [8; 9, 43—45].

В поисках инвестиций вступившая в Первую мировую войну Россия в 1915 г. выпускает «Первый военный заем», рассчитанный на 49 лет, а в 1917 г. Временное правительство России — «Заем свободы».

В СССР рынок ценных бумаг пережил период бурного взлета в период новой экономической политики (нэпа), добровольно-

принудительных подписок на облигации государственных займов в годы правления И.В. Сталина, регламентированного ограничения в 1950—1980 гг.

В постсоветский период в России был воссоздан рынок ценных бумаг [7].

Таким образом, краткий обзор исторической панорамы позволяет сделать вывод о том, что ценные бумаги были неотъемлемой частью хозяйственных отношений России. Государственная власть России использовала при регулировании фондового рынка политику «пряника» при развитии системы государственных займов, складывания капиталов в акционерные компании и «кнута» при ограничении разгула спекуляций. По мере развития потребительской лихорадки и зарождения фиктивного финансового капитала отдельные ценные бумаги стали предметом массовых спекуляций и утратили прямую связь с конкретной хозяйственной деятельностью, что являлось причиной кризисов. Например, мировые кризисы начала XXI в. были спровоцированы отрывом рынка фиктивного капитала от хозяйственной жизни, отсутствием необходимого обеспечения долговых ценных бумаг, массовыми виртуальными спекуляциями на фондовом рынке, значительным превышением стоимости производных ценных бумаг по сравнению с базовыми активами. Ценные бумаги, возникшие для развития хозяйства в условиях реальной экономики, стали использоваться, как *перевертыши*, не во благо, а во вред для надувания финансовых пузырей и рейдерских захватов собственности.

Превращение ценных бумаг из финансовых инструментов хозяйственной деятельности в «фишки» спекулятивного, фиктивного капитала отчасти объясняется и недостаточным вниманием ученых к сложной междисциплинарной природе фондового рынка и ее трансформации в зависимости от хозяйственного строя и конкретного социального контекста. Несмотря на большое значение ценных бумаг и фондового рынка в государственной и частной хозяйственной деятельности, научные исследования фондового рынка России носили спорадический характер.

Три века национальный фондовый рынок как место совершения операций с ценными бумагами привлекал внимание отечественных историков, правоведов, политиков, экономистов, философов. Изучением фондовых операций занимались также математики, психологи и социологи. Каждый исследователь решал профессиональные задачи в рамках узкой предметной научной отрасли познания.

Перформанс⁵⁵ предмета и метода исследований фондового рынка России имеет конкретные физические координаты во времени и пространстве, определенные исторические основы, а также ментальные ориентиры, зависящие от научного мировоззрения, образования, профессиональной квалификации ученого, степени развития науки в целом и характеристик сочетания форм государственного регулирования и самоорганизации рынка ценных бумаг.

Трансформация представления предмета и метода исследований фондового рынка в координатах исторической хронологии, научных парадигм, форм государственного регулирования и самоуправления в настоящее время изучена недостаточно/

В хронологическом плане исследования фондового рынка в экономической истории России, по мнению автора, можно подразделить на три периода — дореволюционный, советский и современный.

Теоретические исследования первого, *дореволюционного*, этапа имели в целом описательный характер, а эмпирические — сводились к камеральной статистике.

В этот период наиболее известны записки автора денежной реформы 1839—1843 гг. Н.С. Мордвинова (1754—1845) «О государственных ценных бумагах», «О внутреннем займе», «О мерах улучшения государственных доходов». Реформатор М.М. Сперанский (1772—1839) в разработанном им в 1809 г. по заданию императора Александра I «Плане финансов» предлагал использовать кредитные деньги, «основанные на векселях, закладных и бумагах заемных». Правовые аспекты учения о ценных бумагах разработал профессор юридического факультета Императорского Московского университета Н.О. Нерсесов (1848—1894). Его докторская диссертация 1889 г. называлась «Бумага на предъявителя с точки зрения гражданского права».

Знаменательными фактами этого периода были также работы по общим финансовым и правовым основам фондового рынка В.П. Безобразова, М.В. Бернацкого, М.И. Боголепова, Э.Н. Берендтса, С.Ю. Витте, А.Ф. Волкова, А.Н. Гурьева; Р.Р. Идельсона, А.И. Каминки, В.Д. Каткова, И.Х. Озерова, П.П. Мигулина, Б.А. Никольского, М.И. Туган-Барановского, М.И. Фридмана, С.С. Хрулева, Г.Ф. Шершеневича, создание «Банковой энциклопедии» под редакцией Л.Н. Яснопольского.

В советский период исследования рынка ценных бумаг имели политическую периодизацию, зависимость от идеологии правящего режима и в основном были посвящены отдельным видам ценных бу-

⁵⁵ Performance, англ. — представление.

маг и фондовых операций, общетеоретическим вопросам и обобщению зарубежного опыта.

Свободная финансовая практика нэпа сопровождалась бурным развитием исследований рынка ценных бумаг. Теория и практика развития акционерных обществ и бирж нашла отражение в работах И. Брауде, И.С. Бака, С.Н. Ландкофа. Автор российской государственной теории денег Д.А. Лоевецкий исследовал зависимость денежного обращения и государственных займов. А.О. Шварцман, Н.Н. Деплоранский развивали учение о векселе, Л.С. Эльяссон и А.С. Ахманов рассматривали чеки как разновидность ценных бумаг, В. Хмелевский раскрывал теоретическую сущность сертификатов. А.Ю. Финн-Енотаевский исследовал инвестиционные компании (фонды). В 1927 г. была издана «Финансовая энциклопедия» под редакцией И.Д. Блинова и А.И. Буковецкова и «Учение о ценных бумагах» юриста М.М. Агаркова, ученика Г.Ф. Шершеневича.

В годы сталинских репрессий 1930-х гг. и Великой Отечественной войны преобладали исторические и общетеоретические исследования ценных бумаг, финансового капитала и акционерного дела И.Ф. Гиндина, С.Б. Окуня, А. Гордина. Общетеоретические исследования вексельного права, как части учения об обязательствах проводили И.В. Новицкий и Л.А. Лунц.

Время «хрущевской оттепели», хозяйственных реформ 1965 г. А.Н. Косыгина и «застоя» Л.И. Брежнева отличалось активизацией научных исследований рынка ценных бумаг. Были опубликованы работы по истории формирования акционерного капитала В.И. Бовыкина, Л.Е. Шепелева. Продолжались научные исследования юридической природы ценных бумаг. В этот период появилось много работ, рассматривающих зарубежную практику организации и теории финансового рынка в целом, а также фондового рынка как его составной части, дающих характеристику акционерных обществ, фондовой биржи и биржевых операций. Одновременно появились политэкономические исследования фиктивного и финансового капиталов. Появление работ, посвященных восстановлению рынка ценных бумаг, в 1985—1991 гг. было связано с решениями правительства о коммерциализации и акционировании, активизации вексельного обращения. В этот период было издано большое количество работ, анализирующих проблемные вопросы развития современного рынка ценных бумаг за рубежом. Особенно активно в этот период занимался исследованиями зарубежного рынка ценных бумаг В.Т. Мусатов. Многие ученые рассматривали конкретные вопросы построения фондового рынка.

Советский период исследований рынка ценных бумаг показал зависимость научных исследований от их политической и социально-экономической востребованности. В целом государственное регулирование развития теории и практики фондового рынка в советский период имело централизованный характер, а исследования рынка ценных бумаг в постсоветской России можно охарактеризовать как монопрофильные.

Современный постсоветский период характеризуется тем, что исследования рынка ценных бумаг идут в рамках узкопрофессиональных задач установления политических, правовых, исторических, экономических, социальных, математических закономерностей и особенностей национального фондового рынка, возможностей адаптации международного опыта к российским особенностям, применимости исторической практики к современным реалиям.

Исторический анализ финансового мира дореволюционной России выполнен в работах Б.В. Ананьича, М.Н. Барышникова, В.И. Бovyкина, А.В. Аникин, Л.И. Бородкин, Кондратьев, А.В. Коновалова, П.В. Лизунов, Г.Е. Перельман исследуют историю фондовых бирж и их операций с ценными бумагами. Книги Ю.П. Голицина, В.И. Таранкова, С.З. Мошенского посвящены истории ценных бумаг и фондовых операций. А.О. Шабалин изучает историю развития рынка ценных бумаг России XX в. Вопросы новейшей истории и практики фондового рынка исследуют Б.И. Алехин, М.Ю. Алексеев, В.А. Белов, Н.И. Берзон, В.В. Булатов, А.Н. Буренин, В.А. Галанов, Ю.А. Данилов, В.Н. Едророва, Е.Ф. Жуков, П.М. Лансков, Я.М. Миркин., А.В. Новиков, Б.Б. Рубцов, С.С. Селищев, Е.В. Семенкова, В.С. Торкановский и др.

С позиций генезиса исследовательских парадигм многообразие исследовательских парадигм фондового рынка обусловлено пристальным вниманием политологов, юристов, историков, экономистов, социологов и математиков к феномену исторической роли фондового рынка в коренном преобразовании социума. Большое внимание уделяется истории становления российского рынка ценных бумаг в дореволюционный период, развитию биржевого дела, возникновению акционерных и государственных заемных ценных бумаг.

Роль и значение рынка ценных бумаг изучаются в условиях современной системной трансформации, обобщается мировой опыт, исследуются теории и методологии зарубежного рынка ценных бумаг, идет разработка концепций, стратегий, определение принципов и приоритетов развития; моделируются отдельные результаты фондовых операций и биржевых торгов; определяются варианты

участия фондового рынка России в международной экономической интеграции.

В целом, проблемы исследований национального фондового рынка имеют исторические корни монопрофильного предметного подхода. Предметом исследования является теория фондового рынка в системе современных научных концепций, а объектом многих исследований выбран процесс изменения представлений о рынке ценных бумаг как совокупности ценных бумаг (объектов), участников (субъектов), совершающих различные фондовые операции, регулируемые политическими и экономическими институтами. С использованием ценных бумаг осуществилась беспрецедентная в истории смена одного общественного строя на другой, произошел приватизационный передел собственности. Ценные бумаги используются во всех сферах экономической жизни современной России. Фондовые биржи стали местом активных операций. Стало нормой пристальное внимание мировой экономики к российской практике, появилось понимание своеобразия, самобытности национальной модели развития рынка ценных бумаг. Рынок ценных бумаг стал восприниматься как активный самостоятельный сегмент финансового рынка, инвестиционный катализатор реальной экономики, своеобразный буфер в условиях мирового экономического кризиса. Однако сонм исследователей работает в рамках узкопрофессиональных задач установления политических, правовых, исторических, экономических, социальных, математических закономерностей и особенностей национального фондового рынка, возможностей адаптации международного опыта к российским особенностям, применимости исторической практики к современным реалиям.

Фундаментальные междисциплинарные исследования отечественного рынка ценных бумаг находятся в зачаточном состоянии. Изучение фондового рынка осложняется не только параллельностью исследований исторического, временного, профессионального и территориального его пространства, но и отсутствием общего координирующего начала разноплановых изысканий представителями органов государственного управления, учеными РАН и вузов, профессиональными участниками рынка ценных бумаг, работниками банков и корпораций, аналитиками специализированных СМИ.

Полифоничная и многофункциональная практика фондового рынка требует мультидисциплинарных исследований, которые возможны, по нашему мнению, в рамках комплексного подхода к систематизации междисциплинарных исследований фондового рынка и выработке единой исследовательской парадигмы его дальнейшего

изучения и моделей развития на платформе экономической теории на основе синтеза финансовой науки и философии хозяйства.

С позиций *сочетания форм государственного управления и саморегулирования* фондового рынка исследования фондового рынка можно условно подразделить на три направления — с позиций дирижистов, рыночников и сторонников сочетания государственного управления и самоорганизации.

Академик А.Г. Гранберг отмечал актуальность для современной рыночной экономики сочетания «рыночного саморегулирования и государственного регулирования (самоорганизации и организации “естественного порядка” и внешнего действия)» [11, 15].

В истории развития фондового рынка накоплен различный опыт форм и методов сочетания государственного регулирования и самоорганизации, образования и использования фондов ценных бумаг, который нашел отражение в исследованиях кафедр финансовых рынков и финансового инжиниринга Финансового университета при Правительстве РФ, биржевого дела и ценных бумаг Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, фондового рынка и международных финансов МГИМО МИД России, фондового рынка и рынка инвестиций НИУ ВШЭ, денег и ценных бумаг и финансов Санкт-Петербургского государственного экономического университета, финансов и кредита экономического факультета и Центра экономической истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, отдела международных рынков капитала ИМЭМО РАН и Института экономики РАН и др.

Глобализация мировой экономики, сопровождаемая размыванием государственных границ на основе их товарной прозрачности, таможенной условности и финансовой виртуальности, поставила перед современной наукой новые задачи. В разряд первоочередных вышли вопросы изучения природы движения денежных потоков и перемещения капиталов; финансовых начал политических, экономических, социальных подъемов и кризисов, а также финансовая политика, финансовая суверенность и управляемость.

Научного осмысления требуют многообразные проблемы новейшей экономической истории, среди которых можно выделить следующие.

Сущностно-концептуальные проблемы связаны с необходимостью переосмысления теоретического содержания предмета и метода исследований фондового рынка в постсоветский период, выявления закономерностей современного финансового развития и обоснования

приоритетов, целей, задач и критериев оценки их реализации государственной политики и управления рынком ценных бумаг.

Философские проблемы обусловлены поисками точного категориального смысла основных понятий, формы и содержания предмета и метода исследований фондового рынка и ценностно-мотивационных (аксиологических) предпосылок его регулирования, а также философских интерпретаций диалектики взаимодействия разных сегментов и уровней фондового рынка с иными направлениями государственной деятельности.

Методологические проблемы предопределены отсутствием единой государственной логики и методологии государственной политики развития регионального, корпоративного, национального и глобального уровней экономики фондового рынка. Отсюда проистекает проблематика инвестиционной привлекательности и недостаточной степени актуализации внутреннего финансового рынка.

Отдельного внимания требуют вопросы реанимации преданных забвению пионерных идей представителей отечественной науки.

Таковыми являются, к примеру, теория оптимистических ожиданий инвесторов Леона Иосифовича Петражицкого (1867—1931) российского социолога, философа, правоведа, главы кафедры энциклопедии и философии права Петербургского университета (1898—1918), с 1918 г. профессора Варшавского университета. Он после окончания юридического факультета Киевского Императорского университета Св. Владимира стажировался в Германии, где опубликовал первые труды на немецком языке.

Бихевиористская по своей сущности теория «оптимистических ожиданий (оптимистической надбавки) инвестора» Л.И. Петражицкого [12; 13] на много лет опередила основную концепцию теории рыночной эффективности фондового рынка Ю.Ф. Фамы о том, что формирование курсовой стоимости ценных бумаг есть процесс трансформации ожиданий инвесторов [14; 15].

Информационные проблемы основаны на малой информационной прозрачности, достоверности публикуемых оперативных данных, закрытости текущей отчетности многих структур.

Кадровые проблемы связаны с тем, что специализацию «рынок ценных бумаг», «фондовый рынок», «операции с ценными бумагами» имеют несколько выпускающих кафедр.

Нерешенность вышеназванных проблем ведет к тому, что методика разработки стратегии развития национального фондового рынка в системе глобальной экономики и фондового рынка регионов в его составе развивается в инициативном порядке. Отдельные авторы предполагают, что возможно использовать зарубежные модели, адап-

тированные к специфике России. Другие исследователи считают, что нужно разрабатывать модели, объясняющие и прогнозирующие развитие отдельных составляющих фондового рынка. Третьи предлагают ограничиться концептуальными моделями. По нашему мнению, моделирование регионального фондового рынка должно осуществляться комплексно в рамках национальной доктрины с учетом специфики пространства фондового рынка и его региональных особенностей на основе применения системы методов и моделей.

Научный синтез исследований историков (что было), юристов, психологов и экономистов (что и как есть, почему плохо и как будет хорошо), математиков (что будет, если), политологов (зачем и почему это нужно и в чьих интересах), философов (как должно) необходим для формирования системного взгляда на природу и реальные перспективы использования фондового рынка для развития хозяйственного строя.

В целом, научное представление исследований фондового рынка в экономической истории России, по нашему мнению, целесообразно перевести с рельсов монопредметных парадигм на фундамент синтагм научного междисциплинарного синтеза, возможно, в рамках ассоциации исследователей фондового рынка.

Литература

1. История Древнего Востока. Тексты и документы: Учеб. пособие / Под ред. В.И. Кузищина. М., 2002.
2. Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения // Материалы междунар. конф. 24—27 сентября 2001 г. в Великом Новгороде / Под ред. В.Л. Янина. М., 2003.
3. *Галактионов И.В.* Ордин-Нащокин — русский дипломат XVII в. М., 1961.
4. История средних веков: Учебник / Под ред. Н. Ф. Колесниченко. М., 1986.
5. *Лизунов П.В.* Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703—1917 гг.). СПб., 2004.
6. *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве / Сост. Ю.М. Осипов. М., 2003, 2011.
7. *Бердникова Т.Б.* Рынок ценных бумаг: прошлое, настоящее, будущее. М., 2011, 2013.
8. Министерство финансов. 1904—1913 гг. Обзор деятельности. СПб., 1914.
9. Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1915. СПб., 1915.
10. *Нерсесов Н.О.* Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве. М., 2000.

11. Гранберг А.Г. Классика пространственной экономики (Вступительная статья) // Пространственная организация хозяйства. М., 2007.

12. Петражицкий Л.И. Акции. Биржевая игра и теория экономических кризисов. Т. 1: Об акционерном деле и типических ошибках при оценке шансов неизвестной прибыли. СПб., 1911.

13. Петражицкий Л.И. Акции и биржевая игра: Оптимистические тенденции в оценке неизвестной прибыли. Новосибирск, 1993.

14. Fama E.F. Efficient Capital Markets. II // Journal Finance. 1991. Dec. P.

15. Fama E.F. Efficient Capital Markets: A Review of Theory and Empirical Work // Journal Finance. 1970. May.

А.А. АНТРОПОВ

Эссе о жизненности и плодотворности политической экономики философии хозяйства на рубеже XX—XXI вв. в области теории хозяйственных (экономических) циклов и инновационных показателей на всех уровнях народного хозяйства отдельно взятой страны

Время все видит, все слышит
и все раскрывает.

Софокл

Истина — дочь времени!

Старинная пословица

Проблемы, «узкие места» и «подводные камни» при анализе вклада отдельных ученых в области теории хозяйственных (экономических) циклов

В первую очередь отметим, что критика теории экономических циклов, например, К. Жуглара, М.И. Туган-Барановского, Н.Д. Кондратьева, Й.А. Шумпетера и их современников (ученых-экономистов) с нынешних позиций и достижений экономической науки о циклах, а также наличия в нашу эпоху персональных компьютеров и соответствующих компьютерных программ (Lotus 1-2-3, Excel, Quattro.Pro, а также написания сотен программ и др.) совершена бессмысленна.

Это то же самое, что обвинять, например, физиков XIX в. в том, что они не знали и не понимали ни частной, ни общей теорий относительности, ни квантовой механики, ни ядерной физики, ни прочих достижений физики XX в.

Необходимо объективно учитывать в их теориях те большие и малые «шаги» вперед, которые они сделали по сравнению именно с предшественниками.

Дополнительные смягчающие факторы критики работ, например, зарубежных ученых.

1. Анализ их работ, сделанный, например, Э. Жамсом [1] *и/или* Б. Селигменом [2], *и/или* Г. Хаберлером [3], показывает, что иногда непонятно, кто конкретно допустил ошибку/ошибки или же это просто непонимание:

- непосредственно сам автор работы (работ);
- первый интерпретатор работы (работ) автора (например, Э. Жамс *и/или* Б. Селигмен, *и/или* Г. Хаберлер);
- второй интерпретатор работы (работ) автора (например, Л.А. Метцлер *и/или* Ж. Тинберген *и/или* Л. Дюпрье);

- переводчики;
- это плод комбинаций нескольких.

Последний вариант — самый казусный, интригующий и забавный.

2. Анализ их переводных работ непосредственно на русский язык показывает:

- иногда некомпетентность, прямую халтуру, так называемый «бригадный» подряд (перевод) со всеми вытекающими отсюда последствиями⁵⁶;

- данная работа данного автора, как правило, является промежуточной работой — звеном в цепи, например, у Й.А. Шумпетера: «Теория эволюции» — «Экономические циклы» — «Капитализм, социализм и демократия»; с учетом вышесказанного выводы напрашиваются сами собой [4—6];

- незнание устоявшейся экономической и прочей терминологии на иностранных языках той эпохи и той страны, в которой жил и творил автор, например: 1) *oversea trade* — внешняя торговля (торговля за морем); 2) *bellweather* — колокол погоды; лидер погоды; 3) *bellweather stocks* — акции-лидеры, определяющие общее движение

⁵⁶ Например, перевод с немецкого языка книги выдающегося немецкого экономиста, философа-неокантианца, социолога, историка В. Зомбарта «Современный капитализм. Т. 3. Хозяйственная жизнь в эпоху капитализма». Автор статьи может привести десятки подобных примеров.

курсов (фундаментальный показатель) — *какой прекрасный, оригинальный поэтический образ!*; 4) термин «экономический цикл» имеет, минимум, три варианта на английском языке: business cycle; trade cycle; economic cycle; 5) термин «торговый капитал» имеет, минимум, четыре варианта на английском языке: commercial capital; trading capital; merchant's capital; mercantile capital; 6) термин «оборотный капитал» имеет минимум три варианта на английском языке: working capital; circulating capital; floating capital) и т. д. [7—8];

- сам автор имеет свою «фирменную», оригинальную терминологию и язык. (Как, например, переводить работы Ю.М. Осипова на иностранные языки, с его сочным, филигранно чистым, поэтическим, многогранным и многоуровненным и многослойным языком? Существуют ли на свете компетентные, первоклассные переводчики с такими умами и душами? Сомневаюсь!)

- иногда это «фирменная оригинальность — наоборот». (Особенно этим «славится» Дж.М. Кейнс⁵⁷. Например, приведем примеры

⁵⁷ Уже в первой половине XX в. в англосаксонской экономической литературе по экономическим циклам утвердились фундаментальные термины: Business index — индекс деловой активности; фундаментальный показатель для теории экономических циклов; Basic cycle — основной (главный) цикл; Anticipators of business cycle — Система экономических показателей, используемых для прогнозирования изменений экономической конъюнктуры; Business cycle (economic cycle) — цикл деловой активности; экономический цикл; Business cycle turns (business cyclical turns) — точки поворота (поворотные пункты) экономического цикла; Cycle of reproduction — цикл воспроизводства; Cyclical unemployment — циклическая безработица (*вызываемая циклическим спадом или кризисом*); Employment cycle — цикл занятости; Industrial cycle — промышленный цикл; Industrial trade cycle — промышленный экономический цикл; Life cycle — жизненный цикл, цикл долговечности; Major business cycle — большой экономический цикл; Major growth cycle — большой цикл роста; Product cycle — продуктовый цикл, жизненный цикл продукта; Reinvestment cycle — инвестиционный цикл; Specific cycles — частные циклы; циклическая динамика различных сфер экономической активности; Cyclical downswing — циклический спад производства (фаза спада!); Cyclical fluctuations — циклические колебания. У Кейнса их просто нет! У Кейнса в монографии также нет ссылок, ни на Н.Д. Кондратьева, ни на М.И. Туган-Барановского, ни на одного выдающегося французского ученого-циклиста (А. Афталиона [9—11], М. Ансьо [12], Ж. Десирье (был руководителем журнала «Экономическая и финансовая конъюнктура» («La conjoncture économique et financière»), занимающееся серьезным изучением конъюнктуры), К. Жуглара [13], М. Калецкого (в 1933 г. создал экономико-математическую модель, характеризующую цикличность развития капиталистической экономики) [14], Е. де Лавеле [15], Э. Лакомба [16], Ж. Лескюра [17], Ф. Симианда [18]), ни на одного выдающегося английского ученого-циклиста (Дж. Китчина [19, 10—16], Дж.Р. Коммонса [20, 244—263], У.Л. Крума [21, 17—28], Д. Роберстона [22—23], Л. Роббинса [24]), Й.А. Шумпетера и только упоминаются мельком два выдающихся американских ученых-экономистов: С. Кузнец (между прочим Кейнс исказил и подтасовал одну его таблицу для своей «липовой» теории) и И. Фишер. Нет упоминания также трудов и вклада пер-

270

100% галиматъи: 1) disutility of the marginal employment — тягость труда при предельной занятости; 2) disutility of the marginal unemployment — тягость труда при предельной безработице; 3) act of production — производственный цикл, а должно быть — manufacturing cycle, так как термин «act» на русский язык переводится как — акт, дело, поступок, а термин «production» — как производство, промышленность; 4) national dividend — национальный доход, а должно быть — national income, так как термин «dividend» на русский язык переводится как — дивиденд, прибыль; квота; доля, часть⁵⁸ [31, 489—492]).

Поэтому, на наш взгляд, неверны высказывания некоторых участников нашей конференции про настоящий вклад отдельных иностранных ученых в области теории хозяйственных (экономических) циклов.

Также неверны высказывания некоторых участников нашей конференции про настоящий, выдающийся вклад наших великих ученых-экономистов М.И. Туган-Барановского и Н.Д. Кондратьева в области теории хозяйственных (экономических) циклов.

Коротко проясним эти ракурсы исследования.

1. Теория кризисов М.И. Туган-Барановского быстро приобрела сторонников среди европейских ученых-экономистов-циклистов и легла в основание исследований немецких экономистов конца XIX — XX в.: А. Шпитгофа [32, 8—91], Л. Поле, Эйленбурга и др., воспринявших ее целиком или в значительной части [33, 510].

Французский экономист Ж. Лескюр в своем обширном исследовании истории кризисов попытался объяснить, исходя из нее, промышленные кризисы в других странах, кроме Англии [33, 510].

И даже не согласный с ней выдающийся немецкий экономист В. Зомбарт в своем реферате о германском кризисе 1900 г., прочитанном на собрании «Союза социальной политики» в 1903 г., признал ее «чрезвычайным шагом вперед и, без сомнения, высшей формой теории кризисов» [33, 510].

Три фундаментальных идеи Туган-Барановского в теории хозяйственных (экономических) циклов мы использовали при разработ-

воклассной по научным результатам Гарвардской школы (Гарвардского бюро) (У.К. Митчелла [25], А.Ф. Бернса [26], Ф.С. Миллса [27], У.М. Персона [28], В.Л. Торпа [29], К.Т. Шмидта [30]). Он ничьих современных, выдающихся работ не знал и также поэтому «сел в лужу по уши» со своей псевдотеорией экономических циклов [31].

⁵⁸ Он как истовый средневековый китаец-филолог создавал или пытался создать новые иероглифы в теории экономических циклов. Зачем? На большее не был способен?

ке собственной теории хозяйственных (экономических) циклов (приведены ниже).

2. Выдающийся немецкий экономист-циклист Э.Ф. Вагеман свою теорию экономических циклов построил именно на кондратьевской концепции «длинных волн» [34].

Еще лауреат Нобелевской премии по экономике Й.А. Шумпетер в 1939 г. признавал циклы Н.Д. Кондратьева, наряду с циклами К. Жуглара и Дж. Китчина. Разве не является это признанием выдающегося вклада Кондратьева в теорию экономических циклов?

Восемь фундаментальных идей Кондратьева в теории хозяйственных (экономических) циклов мы использовали при разработке собственной теории хозяйственных (экономических) циклов (приведены ниже).

Авторская теория хозяйственных (экономических) циклов

Блажен, кто устоял и низкой лжи в угоду
Высокой истине не шел наперекор,
Не принуждал перо кропать постыдный вздор,
Прислуживать к тем, кто делает погоду...

Ж. дю Белле

Любой предмет является неисчерпаемым
объектом для познания, и глаз видит в пред-
мете ровно столько, сколько смотрящий по-
нимает в нем.

Т. Карлейль

Верь сам в себя, наперекор Вселенной.

...

Пусть час не пробил, жди не уставая,
Пусть лгут лжецы, не снисходи до них.

Р. Киплинг

Не правило рождает успех, но успех рож-
дает правило.

Наполеон Бонапарт

Если, например, поручить исследовать экономические (хозяйственные) циклы человеку, не знающему этой области (как и экономику — хозяйство — в целом), но знающему, что такое «научный метод» вообще, то он может, рассуждая вполне логически, прийти к любому из множества не совместимых между собой выводов, в том числе к гениальным открытиям (например, У. Петти и Ф. Кенэ (врачи, сделавшие научные революции в политической экономии, используя биологические аналогии) [35, 54, 60, 133—134, 136], Д. Дальтон (метеоролог, сделавший научную революцию в химии) [36, 10; 37, 167—173; 38, 10; 39, 158], Н.Я. Данилевский (биолог, сделавший на-

учную революцию в истории используя биологические аналогии) [40], К.Н. Леонтьев (врач, дипломат, писатель, сделавший научную революцию в истории, используя биологические аналогии) [41], а иногда — к бессмысленным — с экономической точки зрения — выводам, но с научной точки зрения — к строго логичным выводам.

К какому именно из этих строго логичных выводов он придет, будет определено его прежним опытом в других областях науки, которые ему приходилось исследовать ранее, а также его собственным индивидуальным складом, глубиной и широтой ума, кругозором, эрудицией, озарением, проницательностью, интуицией, удачей, научными подходами и инструментариями, которыми он владеет.

Интеллектуальный и культурный прогресс, как показал выдающийся американский ученый Т. Кун в своем классическом труде «Структура научных революций», *состоит из замены одной парадигмы, которая перестала находить объяснения новым или вновь открытым фактам, иной парадигмой, которая более полно толкует эти факты.* «Чтобы быть принятой как парадигма, — писал Т. Кун, — теория должна лучше, чем ее конкуренты, но ей не нужно — и на самом деле она никогда этого не делает — объяснять все факты, с которыми она может столкнуться» [37, 27].

Нужны явные (эксплицитные) или неявные (имплицитные) теории (модели), которые позволили бы исследователю следующее.

1. Использовать принцип актуализации (принцип А. Пуанкаре) [42, 275—276]⁵⁹.

2. Располагать простыми принципами или допущениями (лучшая теория — та, которая наиболее плодотворна, экономична, доступна и приносит наиболее интеллектуальное удовлетворение)⁶⁰. Эта простота не нарушается тем, что получение некоторых выводов требует использования сложной и/или очень сложной математики и программирования.

3. Использовать только те понятия, действительность которых эмпирически разрешима (принцип В. Гейзенберга) [43, 117].

4. Разработать собственную математическую структуру явлений, непосредственно выводимая из опыта (принцип М. Борна) [43, 123];

⁵⁹ Законы природы, наблюдаемые сейчас, так же действовали в прошлом. Это относится к массовым явлениям, но не к единичным фактам. Все природные закономерности вероятностны и, следовательно, подчинены закону больших чисел. Значит, чем выше порядок, — тем неуклоннее воздействие закономерности на объект; и чем ниже порядок, — тем более возрастает роль случайности, а тем самым и степень свободы.

⁶⁰ Принцип Птолемея, Н. Коперника и А. Пуанкаре.

5. Рассуждать, опираясь на мысленный эксперимент с *идеализированными объектами* (метод Г. Галилея)⁶¹.

6. Не рассуждать о том, почему происходит какое-то явление, а количественное его описать (принцип Г. Галилея) [46, 112].

7. Измерять измеримое и попытаться сделать измеримым то, что не поддается непосредственному измерению (принцип Г. Галилея) [46, 113].

8. Получать знания из наблюдений, а не из книг (принцип Г. Галилея) [46, 114].

9. Систематизировать и обобщать реальность (при этом необходимо располагать большим количеством фактов, полученных более или менее непосредственно из эксперимента, чтобы их можно было считать надежными).

10. Отделять важное от неважного и лишнего.

11. Понимать причинные связи между явлениями. Это не всегда и не полностью получается на практике, например, сам великий И. Ньютон так и не дал качественного объяснения происхождения сил

⁶¹ Приведем два примера применения этого метода в экономике. 1. В августе 2001 г. мы смоделировали экономико-математическую модель хозяйственных (экономических) циклов на примере ВВП США в ценах 1929 г. Были сделаны прогнозы на 1994—2020 гг. По этим прогнозам в 2001—2004 гг. предполагалась (и так оказалось на самом деле) фаза депрессии [44, 293]. С учетом того факта, что 50% стоимости экспорта РФ составляет продажа нефти и газа, и они же — примерно 50% прихода (актива) федерального бюджета РФ, то экономика РФ должна была сама попасть в фазу депрессии и в социально-политическую трясину, но этого не случилось. В соответствии с этим принципом был проведен мысленный эксперимент: мы предположили, что на мировом потребительском нефтяном и газовом рынках появились новые большие игроки: КНР и Индия, а также то, что доля ВВП КНР составляет около 1/3 ВВП США, а энергоёмкость, материалоемкость и металлоёмкость ВВП КНР приблизительно в 3 раза выше соответствующих показателей США. Тогда объёмы потребления нефти и газа экономикой КНР приблизительно равны соответствующим показателям США. Но у нас не было соответствующей статистики. Только три года назад во время официального визита бывшего Президента РФ Д.А. Медведева в КНР (26.09.—28.09.2010 г.) из уст одного из официальных высокопоставленных должностных лиц КНР прозвучала цифра (Телерепортажи визита бывшего Президента РФ Д.А. Медведева в КНР по российским каналам), выведенная нами еще 12 лет назад! 2. По нашей методике построения экономико-математической модели хозяйственных циклов, используя аналогии из теории полета ракет, теоретической механики и физики, вводятся понятия аналогов: 1.1) силы Гука (действует при растяжении (сжатии) пружины и направлена в точку подвижного равновесия) $C_3 \times Y_{(t-1)}^{теор. цикл. кр}$; 1.2) аэродинамической силы сопротивления (направлена в

точку подвижного равновесия) $C_2 \times \left(\dot{Y}_{(t-1)}^{теор. цикл. кр} \right)^2$. По данному принципу $c_2 < 0$, $c_3 < 0$, что

подтвердили практические расчеты [45, 267—268].

всемирного тяготения и тяжести, а также — их первопричин, хотя на этих, неявных постулатах, построил всю свою теорию Солнечной системы [47, 156; 48, т. 1, 32—33, т. 2, 199, 253, 289, 292]⁶².

*Современная наука спрашивает о том, что и как, но не спрашивает о первичном почему*⁶³.

12. Достаточно точно соответствовать фактам.

13. Все время необходимо следить за тем чтобы не приспособлять свою теорию к тем или иным конкретным фактам, т. е. она не должна быть теорией *ad hoc* (специально «для этого случая», «для данной цели»).

14. По возможности использовать математизированные модели.

Преимущества экономико-математических методов перед другими методами следующие.

14.1. Реальный объект неисчерпаем по своему богатству и многообразию. Прогнозирование поведения объекта (а это — главная задача любой науки), и, следовательно, управление им возможны на основе ограниченной эмпирической информации и в оперативные сроки.

14.2. С помощью информации создается упрощенное подобие объекта — математическая модель. В выборе свойств объекта, которые необходимо включить в модель, решающую роль играют неформальный анализ объекта, творческий интеллект, озарение, проницательность, опыт, интуиция и удача исследователя. Вопрос же о соответствии математической модели реальному объекту решается формальными средствами (нижеуказанная система «сит» и разумные прогнозы *ex ante* — на последующие периоды).

14.3. Хотя математическая модель уступает реальному объекту по богатству и многообразию, возможности использования модели для исследователя шире по сравнению с реальным объектом. Математическая модель дает возможность определять прогнозы *ex ante* (на последующие периоды) и *ex post* (за прошлые периоды)⁶⁴.

14.4. Именно математическая модель, т. е. упрощенное представление объекта, обеспечивает возможность классификации, ибо классификация невозможна без выделения сущности, без отбрасывания несущественного в наблюдениях за объектом с точки зрения целей данного исследования. Без математической модели исследователь тонет во множестве несущественных подробностей, задыхается от

⁶² Автор может привести много иных подобных примеров в различных областях науки.

⁶³ Эта историческая заслуга Г. Галилея.

⁶⁴ Это на практике, к сожалению, не всегда получается.

избытка или недостатка информации, а также вынужден бесконечно и бесцельно вращаться вокруг прописных истин: «вода водяниста, а масло маслянично» и пр.

14.5. Анализ изучения и сопоставление прогнозов для больших и достаточно сложных эконометрических моделей, основанных на умозаключениях и банальных расчетах, проведенные американским ученым В. Зарновицем в 1960—1970-е гг., показали, что эконометрические модели представляют собой самый эффективный из существующих инструмент для прогнозирования [49, 181, 50—51].

15. Последовательно стремиться добиваться согласия математических выкладок с реальностью (принцип Н. Коперника и И. Кеплера) [46, 96].

16. Предсказывать будущие события с достаточной точностью. Это — главная задача любой общественной, как и естественной наук. Если нет, то теория, модель отбрасывается или видоизменяется. Прогнозирование поведения объекта и, следовательно, частичное управление им возможны на основе ограниченной эмпирической информации и в оперативные сроки, так как никому не нужны великолепнейшие по точности прогнозы, всегда сделанные после наступления этих событий.

В то же время модель, которая логична, корректна, но мало связана с реальным миром, может быть весьма опасной. Она может спровоцировать на плохо продуманные действия, такие, которые не излечивают, а скорее, усугубляют болезни национальной экономики (национального хозяйства), как, например, авантюрная «перестройка» М.С. Горбачева с товарищами-подельниками.

В современных математизированных теориях *идеализированный объект* выступает в виде математической модели или совокупности таких моделей.

Любая модель является абстракцией *и будет более полезной для одних научных и практических целей, чем для других.*

Нам нужна теория, модель, модели, которая *одновременно и отображает, и упрощает реальность* таким образом, чтобы это лучше всего соответствовало нашим целям.

17. Иметь в виду, что длинная цепь суждений, звенья которых не проверены опытом характеризуется малой надежностью, и вероятность того, что окончательный вывод из этой цепи суждений будет справедлив, весьма мала ($P_{Общ.} = \prod_{i=1}^n P_i \approx 0$); этот вывод характеризуется

высокой степенью неопределенности. Такое положение характерно для всякого рода спекулятивных теоретических систем в области фи-

лософии, политической экономии (в том числе в теории хозяйственных (экономических) циклов), социологии, космологии, геологии и т. п. Именно этим объясняется бесплодность научных теорий, основывающихся на чисто спекулятивном суждении, не контролируемом частыми обращениями к опыту [52, 172].

Нас поразила колоссальное количество школ и школок (как и теорий) по экономическим циклам, которые как противоречили друг другу, так и не соответствовали разным наборам вышеуказанных семнадцати принципов [1—3]. С каждым годом количество теорий растет как на дрожжах по формуле геометрической прогрессии, а «воз и ныне там»!

Эта ситуация напоминает нам древнегреческих и древнеримских софистов и средневековых схоластов — которые как бы все объясняли и ничего и никогда не умели предсказывать и делать.

Все вышеуказанное является смертным приговором для классической политической экономии, причем этот приговор не подлежит никакой апелляции.

В то же время иногда устаревшие теории нельзя в принципе считать ненаучными только на том основании, что они были отброшены.

В таком случае едва ли можно рассматривать научное развитие как простой прирост знания. Развитие науки — это, возможно, вовсе не простое накопление отдельных открытий и изобретений, а нечто совсем другое! В науке, как и в жизни, есть трудности роста, а есть безнадежность и безвыходность тупика.

Авторскую теорию хозяйственных (экономических) циклов предопределили, в том числе, выдвинутые фундаментальные идеи и/или гипотезы выдающихся ученых:

Таблица 1

Фундаментальные идеи и/или принципы и/или гипотезы	Авторы
1. Опыт и только опыт вскрывает истинную закономерность природы; теоретическое же построение, не связанное с опытом, пусты и произвольны	Леонардо да Винчи
2. Число есть основание оформленности и познаваемости всего сущего. Ведь все познаваемое имеет число. Ибо без него невозможно ничего ни познать, ни познать	Пифагореец Филолай Понтийский

3. Те науки пусты и полны ошибок, которые не рождены опытом, матерью всяческой несомненности, и которые не кончаются в опыте, т. е. такие, начало, конец, или середина которых не приходит через одно из пяти чувств	Леонардо да Винчи
4. Сама истина не какое раз навсегда данное состояние человеческого знания, а длительный процесс достижения конкретных и даже точных истин	Г. Галилей
5. Не должны требовать в природе других причин, сверх тех, которые истинны и достаточны для объяснений явлений	И. Ньютон
6. Целостность (системность) и междисциплинарность (многоцветие)	Б. Паскаль, Н.Д. Кондратьев и др.
7. Наука, по самому своему характеру не могущая иметь никакого применения в жизни, вовсе не есть наука, а в лучшем случае — умственная игра, вроде игры в шахматы	М.М. Филиппов
8. Идея, не подкрепленная измерениями, мертва	Э. Роджерс
9. При анализе экономики, в том числе цикла, необходимо сочетать экономический, исторический и статистический подходы	К. Жуглар и независимо от него — Й.А. Шумпетер
10. Войны, неурожаи, злоупотребления кредитом, чрезмерные выпуски банковских билетов — все эти причины не могут вызвать промышленного кризиса, если общее положение народного хозяйства не благоприятствует этому	К. Жуглар
11. Периодичность колебаний промышленности коренится в социальных условиях современного строя хозяйства и потому принципиально не сводима к каким бы то ни было условиям внешней природы, например, периодом наибольшего появления пятен на Солнце и т. д.	М.И. Туган-Барановский
12. Кризисы возникают на основе всей совокупности явлений общественного хозяйства и потому не могут быть приурочены ни к одной отдельной его сфере; круговорот общественного капитала, неизбежно приводящий к капиталистическому циклу и кризисам, включает в себя как производство, так и обмен и распределение	М.И. Туган-Барановский

Продолжение табл. 1

13. В Англии не колеблющиеся доходы (т.е. не зависящие от циклов) составляют около $\frac{1}{2}$ всех доходов, обложенных подоходным налогом. Сбережения всех классов, получающих не колеблющиеся доходы, продолжают в годы промышленного застоя идти обычным темпом	М.И. Туган-Барановский
14. Деление динамических экономических процессов на: эволюционные (неповторимые или необратимые) процессы и волнообразные, колебательные (повторимые или обратимые) процессы	Н.Д. Кондратьев
15. Сделать предметом изучения в теории динамики специально обратимые или необратимые процессы или те и другие вместе, <i>но без смещения их</i>	Н.Д. Кондратьев
16. Волнообразные колебания или колебания конъюнктуры капиталистического хозяйства представляют из себя процессы то нарастающего, то ослабевающего нарушения равновесия капиталистической системы, то усиливающегося, то ослабевающего отклонения ее от уровня равновесия	Н.Д. Кондратьев и независимо от него Й.А. Шумпетер
17. Уровень равновесия, к которому тяготеет система элементов капиталистического хозяйства, представляет из себя уровень <i>подвижного</i> равновесия	Н.Д. Кондратьев
18. Если в очищенном ряду имеются большие циклы, то в нем имеются не одни эти циклы	Н.Д. Кондратьев
19. Материальной основой больших циклов является изнашивание, смена и расширение основных капитальных благ, требующих длительного времени и огромных затрат для своего производства; <i>смена и расширение фонда этих благ идут не плавно, а толчками, другим выражением чего и являются большие волны конъюнктуры</i>	Н.Д. Кондратьев
20. Перенесение той или иной идеи из одной науки в другую не может оспариваться, если оно научно плодотворно. Раз оно плодотворно, значит, оно и правомерно, так как никакого иного критерия для решения этого вопроса нет и быть не может	Н.Д. Кондратьев

Продолжение табл. 1

21. Могут быть выявлены и колебания иной периодичности, кроме межкризисных циклов К. Жуглара, 22—24-летних «вторичных циклов» С. Кузнец и «длинных волн» Н.Д. Кондратьева	У.К. Митчелл
22. Выяснить, как много типов колебаний переплетаются в экономической жизни, отделить эти типы друг от друга, оценить продолжительность и регулярность каждого типа, наконец, построить теорию, которая адекватно учитывала бы все типы колебаний и выяснить их взаимосвязь	У.К. Митчелл
23. Существуют 16—24-летние, 33-летние и 46—49-летние, циклы	Г.Л. Мур
24. Существуют 22—24-летние «вторичные циклы»	С.С. Кузнец

Общая методика расчетов и качественное осмысление экономико-математической модели хозяйственных (экономических) циклов на основе философско-хозяйственного подхода

Сила доказательства определяется их вескостью, а не количеством.

Древнеримская пословица

Общая методика расчетов и качественное осмысление экономико-математической модели хозяйственных (экономических) циклов на основе философско-хозяйственного подхода⁶⁵ основана на следующем.

1. Деление динамических экономических (хозяйственных) процессов на:

1.1. Эволюционные (неповторимые, однонаправленные (из прошлого — в будущее), необратимые) процессы.

1.2. Волнообразные, колебательные (повторимые или обратимые) процессы.

2. Введение совершенно нового определения кривой экономического равновесия⁶⁶ в момент времени (t).

2.1. На базовые годы: она равна сумме оценок кривых:

- вековой тенденции (*secular trends*) — $Y_{k, t}^{\text{век. тенд.}}$;

⁶⁵ Разработана автором в 1977—1978, 1990—1991, 1998—2008 гг.

⁶⁶ Для целей и ракурсов исследований в рамках заданной темы автору необходимо именно это определение кривой экономического равновесия.

- влияния исторических событий (войны, революции, международные кризисы⁶⁷) — $Y_{1, t}^{истор. соб.}$;
- влияния социально-экономических событий⁶⁸;
- влияния повышения (понижения) таможенных тарифов⁶⁹ — $Y_{p, t}^{измен. тамож. тар.}$;
- влияния государственного программирования (например, в период правления каждого президента США⁷⁰ — на базовые годы на каждый год правления на динамику роста экономических показателей или же — руководства страной каждого генсека КПСС)⁷¹ — $Y_{g, t}^{госуд. прогр. и др. меропр.}$.

2.2. На расчетные годы: она равна оценке вековой тенденции.

3. Введение совершенно нового определения кривой экономической конъюнктуры в зависимости от (t): она равна сумме кривой экономического равновесия и (базовой или расчетной) теоретической циклической кривой в зависимости от (t). Что показывает: *циклические движения происходят вокруг кривой экономического равновесия* и на ее движения влияют экономические аналоги сил сопротивления.

⁶⁷ Например, Фашодский (1898), Марокканские: 1-й (1905) и 2-й (1911), Карибский (1962) и т. д. Приведем для наглядности, один конкретный исторический пример: Последствия «прыжка» германской канонерской лодки «Пантеры» в Агадир 01.07.1911 г. (2-й Марокканский кризис): На этот раз Англия решила не ждать, как поступит Франция, и приняла вызов. Речь канцлера казначейства, т. е. министра финансов Англии, Дэвида Ллойд-Джорджа 21.07.1911 г. была громом среди ясного неба. Впечатление от этой речи было в Германии такое, что перед банками и сберегательными кассами огромными очередями стояли несколько дней толпы вкладчиков, поспешно берущих обратно свои вклады. Волнения и паника на бирже были неописуемы. Демарш германского посла князя Меттерниха перед министром иностранных дел лордом Э. Греем не дал ничего положительного. Британский флот был приведен в полную боевую готовность [53, 467—470].

⁶⁸ Например, крупнейшие по времени и масштабам забастовки и стачки.

⁶⁹ Например, Кобденский торговый договор между Великобританией и Францией (1860—1871).

⁷⁰ В период правления 18 президентов США, начиная от Б. Гаррисона и кончая Дж.Г.У. Бушем-старшим, на рост ВВП США: в ценах 1929 г. (млрд дол. США). К большому удивлению автора невозможно положительно зафиксировать влияние государственного влияния на динамику экономических показателей Великобритании за XIX—начало XX вв. — их влияние сильно искажает общую базовую теоретическую циклическую кривую. Зато это влияние хорошо фиксируется на экономических показателях США, Франции и СССР.

⁷¹ В период правления пяти генсеков КПСС, начиная от Н.С. Хрущева и кончая М.С. Горбачевым, на рост ВОП СССР в текущих ценах (млрд р.).

3.1. Использование аналогии из теории полета ракет, теоретической механики и физики, вводятся понятия аналогов:

- расстояния (длины пути)⁷² —

$$Y_t^{\text{базовая вар. теор. цикл. кр}} = Y_t \text{ (млрд дол., млрд р., \%);}$$

- скорости — $Y_t^{\text{базовая теор. цикл. кр}} = Y_t \text{ (млрд дол./год, млрд р./год, \% / год);}$

- ускорения — $Y_t^{\text{базовая теор. цикл. кр}} = Y_t \text{ (млрд дол./год}^2\text{, млрд р./год}^2\text{, \% / год}^2\text{);}$

- силы Гюка⁷³ — $c_3 \cdot Y_{(t-1)}^{\text{теор. цикл. кр}} \text{ или } c_4 \cdot [Y_{(t-1)}^{\text{теор. цикл. кр}}]^2 + c_5 \cdot Y_{(t-1)}^{\text{теор. цикл. кр}};$

- аэродинамической силы сопротивления⁷⁴ — $c_2 \cdot Y_{(t-1)}^{\text{теор. цикл. кр}} \text{ или } c_2 \cdot [Y_{(t-1)}^{\text{теор. цикл. кр}}]^2 + c_3 \cdot Y_{(t-1)}^{\text{теор. цикл. кр}};$

4. Определение, классифицирование экономических (хозяйственных) циклов и их фаз: по территориальному разрезу — на пять вариантов; по отраслевому разрезу — на пять вариантов; по фазам — на четыре; по средней продолжительности основного, главного цикла — на 19 вариантов.

5. Установление экспериментально, например, размера жертвы коррозии от всей выплавленной стали во всем мире: 40% (1890—1925); 33,3% (1926—1980).

Это влечет за собой, например, замену шпал, ремонт и реконструкцию старых железных дорог; таким образом, большая часть производства рельсов идет не на новое строительство, а на замену испорченных и изношенных рельсов. Плюс несовершенство и непрочность построек. Таким образом, и этот непрерывный процесс объясняет переход от фазы спада (фазы депрессии, сокращения деловой активности) к фазе подъема (фазе процветания, расширенной деловой активности) через фазу оживления в специальном значении.

⁷² Качественно — это расстояние от кривой экономического равновесия в момент времени (t).

⁷³ Действует при растяжении (сжатии) пружины и направлен в точку подвижного равновесия.

⁷⁴ Направлен в точку подвижного равновесия.

6. Введение нами впервые в экономической науке понятия общего, главного периода сводной циклической кривой: T , определяемого модулем коэффициента корреляции (нециклическим и/или циклическим) для базовой теоретической циклической кривой.

7. Утверждение, что сводная циклическая кривая является наложением циклических волн⁷⁵ численностью (k) ($k \in [1, k_{max}]$) различной цикличности $T_k = (T/k)$, где $k_{max} = (T-1)/2$, при $T = (2 \cdot l + 1)$ и $l \geq 2$, и $k_{max} = (T/2 - 1)$, при $T = (2 \cdot l)$ и $l \geq 2$.

8. Все известные экономической науке до 1991 г. циклы: автора (малые волны 1-го уровня — 24—30-месячные циклы)⁷⁶, Дж. Китчина—У.К. Митчелла (малые волны 2-го уровня — 36—40-месячные циклы) [2, 102, 475; 19, 10—16; 54, 174, 474—475], Ю.М. Осипова (малые волны 3-го уровня — до 5 лет) [55, 212—220; 56, 139—146; 57, т. 1, 330—336, т. 2, 383, 390—391, т. 3, 136—232]⁷⁷, К. Жуглара (7—10-летние) [2, 17, 25, 30, 46, 48, 50, 102, 111, 319, 369, 383, 403, 475, 584; 13; 19, 173—174, 286, 301, 455], С. Кузнецца (22—24-летние «вторичные циклы») [58], Г.Л. Мура (16—24-летние, 33-летние, 46—49-летние) [59—60], Н.Д. Кондратьева (50—60-летние) [2, 102, 475; 3, 281, 285—286, 517, 541; 54, 170—411] являются составными, частными случаями математизированной теории экономических циклов автора.

9. Сводная циклическая кривая, экономические аналоги силы Гука и аэродинамической силы являются своеобразными «рулями, соплами» и «двигателями» для базовых и расчетных теоретических циклических кривых.

10. На основе вышеуказанного выявлены и вычислены новые циклы:

- длинные волны 1-го уровня (25—45-летние),
- сверхдлинные волны 1-го уровня (61—90-летние),
- сверхдлинные волны 2-го уровня (91—120-летние),
- сверхдлинные волны 3-го уровня (121—160-летние),

⁷⁵ Суперпозиция волн — на языке физики.

⁷⁶ Исследования автора за 1977—1978 гг. — Динамика вкладов населения в системе сберегательных касс Дзержинского района г. Москвы за 1974—1977 гг. / Аналитические материалы автора в Министерство финансов РСФСР и в городское управление сберегательных касс г. Москвы в 1977—1978 гг.

⁷⁷ Например: 1) доля на рынке, (%): электромеханических и электронных кассовых аппаратов в США (за 5 лет (1972—1976 гг.) первая с 90% упала до 10%, а у второй с 10% увеличилась до 90%); 2) шин прежней конструкции и радиальных шин в США (за 4 года первая с 100% упала до 3%, а у второй с 0% увеличилась до 97%) [61, 116, 136]; 3) моральный износ в машиностроительной промышленности в 1970-е гг. наступал менее чем через 5 лет [62, 159].

- сверхдлинные волны 4-го уровня (161—200-летние),
- сверхдлинные волны 5-го уровня (201—250-летние),
- сверхдлинные волны 6-го уровня (251—300-летние),
- сверхдлинные волны 7-го уровня (301—350-летние),
- сверхдлинные волны 8-го уровня (351—400-летние),
- сверхдлинные волны 9-го уровня (401—450-летние),
- сверхдлинные волны 10-го уровня (451—500-летние),
- сверхдлинные волны 11-го уровня (501—550-летние).

По нашей гипотезе, например, «ТОКАМАК» «тянет» на сверхдлинную волну в 150—250-летнюю.

11. Применения системы критериев — «сит» (качественные математические показатели), через которые пропускаются все экономические показатели, предварительно не очищенные от вековой тенденции, оценок влияний исторических, социально-экономических и иных событий, а также уравнения: вековой тенденции, оценок влияний: исторических событий, социально-экономических событий, государственного программирования и других мероприятий: в президентствах каждого президента США на базовые годы на каждый год президентства (для экономических показателей США).

Если не пройдено хотя бы одно «сито», то неудачные варианты отбрасываются.

В свою очередь, успешно прошедшие всю систему «сит», базовые варианты теоретических циклических кривых экономических показателей являются своеобразным «нулевым» циклом, как в строительстве — фундамент и коммуникации, для вычислений расчетных теоретических циклических кривых. На успешно прошедших всю систему «сит» базовых теоретических циклических кривых экономических показателях построены различные эконометрические модели и дифференциальные уравнения Абеля второго порядка [63] (аналог ускорения в физике) экономических циклов (четыре укрупненные модели, каждая из которых конкретизируется в десятках (сотнях, десятках тысяч) подмоделей):

- вышеуказанные эконометрические модели и дифференциальные уравнения Абеля второго порядка экономических циклов позволяют заблаговременно и достаточно точно предсказывать *ex ante* — на последующие периоды (фазы цикла, их сроки и глубины фаз спада и подъема);

- на основе анализа зарождения и развития крупнейших 913 гражданских, 219 военных технических и технологических изобретений и 56 технических и технологических открытий в области ядерной энергии (мирной и военной; атомной и термоядерной) за 1904—1990

гг. западных стран, Российской империи, СССР и Российской Федерации за 1430—2005 гг.⁷⁸ можно сделать следующие выводы.

Жизненные циклы техники, технологий и отдельных товаров, например, паровая машина Т. Ньюкомена → принципиально новые паровые машины Дж. Уайта и И.И. Ползунова, паровые машины k -го поколения → паровые машины $(k+1)$ -го поколения, паровые машины → электроэнергия, свечи → керосиновые лампы, керосиновые лампы l -го поколения → керосиновые лампы $(l+1)$ -го поколения, керосиновые лампы → электрические лампочки, электрические лампочки m -го поколения → электрические лампочки $(m+1)$ -го поколения, шхуна → пароход, пароходы n -го поколения → пароходы $(n+1)$ -го поколения, паровозы o -го поколения → паровозы $(o+1)$ -го поколения, чугунные рельсы → железные рельсы, железные рельсы → стальные рельсы, стальные рельсы из бессемеровской стали → стальные рельсы из томасовской стали → стальные рельсы из основной мартемовской стали, паровозы → тепловозы, паровозы → электровозы; тепловозы → электровозы, тепловозы p -го поколения → тепловозы $(p+1)$ -го поколения, железнодорожный грузовой транспорт → автомобильный грузовой транспорт, железнодорожный грузовой транспорт → трубопроводный транспорт, ЭВМ q -го поколения → ЭВМ $(q+1)$ -го поколения, сталь марки r → сталь марки $(r+1)$, самолеты s -го поколения → самолеты $(s+1)$ -го поколения, атомные реакторы (u) -го поколения → атомные реакторы $(u+1)$ -го поколения и т. д. и тесно связанные с ними S -образные кривые (кривые Перла и Гомперца)⁷⁹ и циклы «технологических разрывов» (усредненные результаты статистических ситуаций) являются, во многих случаях, первоосновой многих экономических циклов.

2. Хозяйства развитых капиталистических стран, по крайней мере начиная с 1770 г., а также хозяйства социалистических стран (1924—1989) постоянно имели, имеют и будут иметь, а также воспроизводили, воспроизводят и будут воспроизводить «узкие места» и дефицит в колоссальных масштабах в материальных ресурсах, технике, технологиях, т. е. открыт своеобразный «ящик Пандоры», и поэтому они, под «страхом смерти» и развала, вынуждены постоянно заниматься «расширением узких мест», также стимулируют и порождают циклы «технологических разрывов» (анализ огромного и разнообраз-

⁷⁸ Ввиду большого объема этих приложений они не приведены в статье (их общий объем — 800 с.).

⁷⁹ Зарождение, скачкообразный рост и постепенное достижение стадии полной зрелости технологического процесса и/или продукта.

ного материала); «расшивая» одни «узкие места» они создают новые «узкие места».

3. При этом надо учитывать сумму прямых и общих косвенных затрат материалов, сырья, энергии, топлива, основных производственных фондов, рабочей силы через межотраслевые связи [63, 816—828; 64, 81—114; 65, 86—118; 66, 256—275; 67, 245—260; 68, 268—274⁸⁰; 69, 5—10; 70, 7—17; 71, 183—197];

4. Экономические (хозяйственные) циклы также являются наследственными, неотъемлемыми свойствами науко-технологическо-хозяйственных укладов современных хозяйств.

Все вышеуказанное является смертным приговором для классической политической экономии, причем этот приговор не подлежит никакой апелляции.

Предложение автора о начале реализации четвертой индустриализации РФ в периоды прогнозируемых фаз депрессий США (2014—2016 гг. или 2017—2018 гг.)

В августе 2001 г. мы разработали экономико-математическую модель хозяйственных (экономических) циклов на примере ВВП США в ценах 1929 г.

Исходные данные: ВВП США в ценах 1929 г. за базовые годы — 1890—1992 гг., т. е. за 103 года.

Расчеты были сделаны на 1792—1889 гг.⁸¹, 1890—1992 гг.⁸² и 1993—2020 гг.⁸³

Экономико-математическую модель хозяйственных (экономических) циклов для ВВП США в ценах 1929 г. строго рассчитана по вышеуказанной методике, за исключением того, что в данной модели не использованы аналоги скорости, ускорения, силы Гука и аэродинамической силы сопротивления.

По нашим прогнозам, экономику США ждут фазы депрессии в 2014—2016 гг. и в 2017—2018 гг. [44, 282—295].

Мы предлагаем начать реализацию четвертой индустриализации в РФ именно в периоды вышеуказанных депрессий, как это сде-

⁸⁰ Сумма прямых и косвенных затрат материалов, сырья, энергии, топлива, основных производственных фондов, рабочей силы через межотраслевые связи. По расчетам 2-го Управления Госснаба СССР (самое закрытое, сверхсекретное управление), по отдельным военно-хозяйственным программам общие косвенные затраты превосходят прямые затраты в 1,5, 2,5, 5,0 и даже в 10 раз (1988). Автор статьи вывел эти формулы, а ее рассчитывали ответственные работники 2-го Управления Госснаба СССР.

⁸¹ Для подварианта (10_2)_(11_2)_(28_1).

⁸² Для подвариантов (10_2)_(11_2)_(28_1) и (10_2)_(11_2)_(28_2).

⁸³ То же самое.

лал И.В. Сталин, начав свою великую индустриализацию в год начала Великой депрессии в США (1928 г.)⁸⁴.

Современные инновационные показатели на всех уровнях народного хозяйства отдельно взятой страны

Философия природы написана в величайшей книге, которая постоянно открыта нашим глазам, — я говорю о Вселенной; но нельзя ее понять, не научившись сперва понимать язык и различать знаки, которыми она написана. Написана же она языком математическим, и знаки ее — треугольники, круги и другие математические фигуры, без коих нельзя понять по-человечески ее слова: без них — тщетно кружение в темном лабиринте.

Г. Галилей

Для вычисления современных инновационных показателей на всех уровнях народного хозяйства отдельно взятой страны никакая политическая экономия не поможет. Здесь нужно творчески применить некоторые разделы математического анализа (криволинейный интеграл 2-го рода), физики (понятия работы и потенциальной функции), а также хорошо разбираться в технике, технологиях.

Анализируя много лет структуры ВОП, ВВП и ВВП СССР, Российской Федерации, США, Великобритании, Франции, Японии и других науко-технично-технологических развитых стран и технико-технологическо-экономические уровни их товаров, техники и технологий, мы давно усомнились в том, что официальные показатели ВОП, ВВП и ВВП, как и чисто физические натуральные показатели, например, объем выплавленной стали, количество выпущенных автомобилей, станков, цемента, телевизоров, магнитофонов, ЭВМ, танков, САУ, самолетов и т. д. за определенный период больше одного года, объективно, полно и по сути характеризуют инновационную составляющую развития их хозяйств.

Например, в США много так называемых эрзац-товаров и эрзац-услуг. Американцев с детства воспитывают в таком духе, что

⁸⁴ Благодаря этому СССР получил: 1) огромные кредиты по относительно низким процентным ставкам от банков и промышленных корпораций США, Германии, Великобритании; 2) трудовые ресурсы по не очень большим ставкам заработной платы западных первоклассных специалистов; 3) политически нейтрализовал агрессию западных анти-советских военно-политических кругов, так как в период великой депрессии им было не до очередной агрессии против СССР; 4) выдрессировал по полной программе свои инженерно-руководящие кадры на самых передовых западных заводах и фабриках.

взрослыми они стараются себя выдавать за более успешных, более богатых, принадлежащих к более высокому социальному слою и классу, чем они есть на самом деле. Отсюда колоссальная потребность в эрзац-товарах и эрзац-услугах, чтобы «пускать пыль в глаза» своим близким и неблизким. К тому же американцы, как правило, хорошие специалисты, но узкого профиля — «шаг в сторону», и они ничего не понимают — их на этом постоянно «дурят», «доят» и «ошипают». Достаточно вспомнить грязные и ожесточенные скандалы в области качества легковых автомобилей, «поднятых на щит» честным и мужественным американским журналистом-технократом А. Надером в начале 1970-х гг. [72, 20]⁸⁵.

К сожалению, СССР не отставал в этом отношении от США, несмотря на гигантские успехи в космосе, военной и гражданской технике и технологиях, здравоохранении, образовании, науке, социальной политике, жилищном строительстве и др.⁸⁶

Мы долго не могли найти тот «крючок», на который можно было «подцепить» «жертву», т. е. инновационную составляющую развития их хозяйств.

Валовой общественный продукт (ВОП)⁸⁷, а также средний синтетический индекс качества изделий народного хозяйства в целом (ССИКИНХ)⁸⁸ для простоты и полноты понимания, изложения и вычислений конструируем трехуровневым:

1) отдельно взятого j_{it} — $z O$ изделия i -й отрасли народного хозяйства

⁸⁵ В чем только его не обвиняли высшие руководители «Дженерал Моторс» и иных автогигантов США: он и гомосексуалист, он и антисемит, он и растлитель детей обоих полов нежного возраста с огромным трудовым стажем, он и коммунист, и т. д. и т. п. Затем им всем пришлось извиняться за эти незаслуженные, оскорбительные и бесконечно грязные и пахучие помой перед ним в присутствии телекамер ведущих телекомпаний США. Кое-кто был вынужден подать в отставку.

⁸⁶ Например, автор в конце 1980-х гг. вычислил перерасход черных металлов в СССР относительно США за счет технико-технологического отставания в размере ≈ 17 млн t (закрытое, секретное задание начальника Экономического управления Госснаба СССР тов. Селиванова). При выполнении этого задания автора консультировали первоклассные специалисты по черной металлургии из системы Госснаба СССР.

⁸⁷ ВОП — это аббревиатура. Далее она будет повсеместно использоваться. Анализ развития военной и гражданской техники и технологий и их технико-технологических характеристик за XIV—XX вв. в странах Европы, Америки, Московского царства, Российской империи и СССР, показывает, что необходимо все вышеуказанные и нижеуказанные вопросы решать именно с ВОП и его характеристиками на уровнях отдельной отрасли и отдельного изделия.

⁸⁸ ССИКИНХ — это аббревиатура. Далее она будет повсеместно использоваться.

$(\forall j_{it}/j_{it}=1, 2, \dots, n_{it}, \forall i_t/i_t=1, 2, \dots, m_t,$
 $\forall t/t=1, 2, \dots, \infty);$

2) отдельно взятой i -той отрасли народного хозяйства в целом ($(\forall i_t/i_t=1, 2, \dots, m_t, \forall t/t=1, 2, \dots, \infty);$

3) народного хозяйства в целом ($(\forall i_t/i_t=1, 2, \dots, m_t, \forall t/t=1, 2, \dots, \infty).$

1. *Набор инновационных показателей отдельного изделия:*

Синтетический индекс качества (СИК)⁸⁹ для отдельного j -го экспертируемого изделия⁹⁰ отдельной i -й отрасли народного хозяйст-

ва (безразмерная величина) $SQI_{j_i}^{экспертир}$ (трехуровневый).

СИК — это показатель технико-технологическо-экономического сопоставления экспертируемого изделия⁹¹ с эталонным изделием⁹².

Приведем конкретный пример практического применения расчетов СИКов экспертируемых изделий РКСН РС-24 «Ярс», LGM-118А «Реасекеерг» — МХ и УР-100Н УТТХ относительно эталонного изделия Р-ЯО Р-36М2 «Воевода»

В наших статьях «Контурь инновационных волн валового общественного продукта России» [73, 136—141] и «Инновационные показатели отдельного изделия, отдельной отрасли и всего народного хозяйства» [74, 5—8, формулы 1.1.1.1.—1.1.1.3] приведена методика расчетов СИК.

В апреле 2012 г. нами были сделаны расчеты СИК экспертируемых изделий РКСН РС-24 «Ярс», LGM-118А «Реасекеерг» — МХ и УР-100Н УТТХ относительно эталонного изделия Р-ЯО Р-36М2 «Воевода». Из сопоставления данных следует, что самыми мощными и результативными системами РКСН (*по убыванию*) являются: 1) РС-24 «Ярс» (РФ); 2) LGM-118А («Реасекеерг» — МХ (США); 3) УР-100Н УТТХ (индекс ГРАУ — 15А35, код СНВ (РФ).

Таким образом, РФ в этом вопросе идет впереди США (что можно только пожелать всем основным науко-техничко-

⁸⁹ СИК — это аббревиатура.

⁹⁰ Многомерная степенная зависимость.

⁹¹ Экспертируемое изделие — это анализируемое изделие.

⁹² Эталонное изделие — это базовое изделие, т. е. это уровень, «печка», относительно которой идет отчет.

технологическим и иным направлениям). Все вышеприведенные показатели являются первыми вариантами.

На V международной научной конференции «Инновационное развитие экономики России: сценарии и стратегии» (МГУ, апрель 2012 г.) на секции лаборатории философии хозяйства: «Обновление инновационного механизма: неолиберализм вкупе с неодирижизмом» автор выступил с докладом «Инновационные показатели отдельного изделия, отрасли и всего народного хозяйства», где продемонстрировал данные вышеуказанной табл. 1.

Р.С. Президент РФ В.В. Путин 12.06.2013 г. наградил Государственной премией Российской Федерации за 2012 г. создателей ракетного комплекса стратегического назначения «Ярс» Ефима Леонидовича Межирицкого, Сергея Петровича Никулина и Виктора Александровича Шурыгина [75—76].

Таким образом, авторская методика расчетов СИК и ее реальная реализация на примерах экспертируемых изделий РКСН РС-24 «Ярс», LGM-118А «Peacekeeper» — МХ и УР-100Н УТТХ относительно эталонного изделия Р-ЯО Р-36М2 «Воевода» полностью совпали с мнением Президента РФ В.В. Путина [77, 287—292].

Приведенная инновационная валовая стоимость (ПивСИ)⁹³ j -го изделия i -й отрасли народного хозяйства в t -м году (млрд р., млрд

дол. и т. д.) $\left(\text{ПивСИ}_{ji; 0t}^{\text{привед}} \right)$;

Новый (в авторской версии — и далее) цепной индекс физического объема j -го изделия i -й отрасли народного хозяйства для ПивСИ j -го изделия i -й отрасли народного хозяйства отчетного s -го года к

базисному 0-му году (безразмерная величина) $\left(\text{QIA}_{ji; 0s}(\nabla \text{ПивСИ}) \right)$;

Новый цепной индекс СИКа j -го изделия i -й отрасли народного хозяйства для ПивСИ j -го изделия i -й отрасли народного хозяйства отчетного s -го года к базисному 0-му году (безразмерная величина)

$\left(\text{SQIA}_{ji; 0s}(\nabla \text{ПивСИ}) \right)$;

Сумма новых цепных индексов физического объема и СИКа j -го изделия i -й отрасли народного хозяйства для ПивСИ j -го изделия i -й отрасли народного хозяйства отчетного s -го года к базисному 0-му

году (безразмерная величина) $\left(\overline{\text{VIA}}_{ji; 0s}(\nabla \text{ПивСИ}) \right)$;

⁹³ ПивСИ — это аббревиатура.

Пивси j -го изделия i -й отрасли народного хозяйства отчетного s -го года к базисному 0 -му году за счет учета влияния суммы новых цепных индексов физического объема и СИКа j -го изделия i -й отрасли народного хозяйства (млрд р., млрд дол. и т. д.)

$$\left(\overline{\text{Pr_VIA}}_{j_{is} 0s} \left(\nabla \text{Пивси}_{j_{is} 0s}^{\text{привед}} \right) \right)$$

2. Набор инновационных показателей i -й отрасли народного хозяйства

Средний синтетический индекс качества изделий отрасли народного хозяйства (ССИКИОНХ) отдельной i -й отрасли народного

хозяйства в t -м году (безразмерная величина) $\left(\overline{\text{SQI}}_{it, 0t} \right)$.

ССИКИОНХ — это технико-технологический уровень i -й отрасли народного хозяйства отчетного t -го года к базисному 0 -му году без извлечения влияний суммы новых цепных индексов цен, физического объема и СИКа.

Технико-технологическо-экономические показатели i -й отрасли народного хозяйства отчетного t -го года без извлечения влияний суммы новых цепных индексов цен, физического объема и СИКа — это экспертируемые показатели i -й отрасли.

Новый цепной индекс физического объема для ССИКИОНХ i -й отрасли народного хозяйства отчетного s -го года к базисному 0 -му

году (безразмерная величина) $\left(\overline{\text{QIA}}_{i; 0s} \left(\nabla \overline{\text{SQI}} \right) \right)$;

Новый цепной индекс СИКа изделий для ССИКПОНХ i -й отрасли народного хозяйства отчетного s -го года к базисному 0 -му году

(безразмерная величина) $\left(\overline{\text{SQIA}}_{i; 0s} \left(\nabla \overline{\text{SQI}} \right) \right)$;

Сумма новых цепных индексов физического объема и СИКа для ССИКИОНХ i -й отрасли народного хозяйства отчетного s -го года

к базисному 0 -му году (безразмерная величина) $\left(\overline{\text{VIA}}_{i; 0s} \left(\nabla \overline{\text{SQI}} \right) \right)$;

ССИКИОНХ i -й отрасли народного хозяйства отчетного s -го года к базисному 0 -му году за счет учета влияния суммы новых цеп-

ных индексов физического объема и СИКа $(\nabla SQI + \nabla q)$ (безразмерная величина)⁹⁴ $\left(\overline{\text{Pr_VIA}}_{i, 0s} \left(\nabla \overline{SQI}_{i, 0s} (\nabla SQI + \nabla q) \right) \right)$;

Приведенная инновационная валовая стоимость i -й отрасли народного хозяйства (ПИБСОНХ)⁹⁵ в t -м году (млрд р., млрд дол. и т. д.);

Новый цепной индекс физического объема i -й отрасли народного хозяйства для ПИБСОНХ i -й отрасли народного хозяйства отчетного s -го года к базисному 0 -му году (безразмерная величина) $\left(QIA_{i, 0s} (\nabla \text{ПИБСОНХ}) \right)$;

Новый цепной индекс СИКа изделий i -й отрасли народного хозяйства для ПИБСОНХ i -й отрасли народного хозяйства отчетного s -го года к базисному 0 -му году (безразмерная величина) $\left(SQIA_{i, 0s} (\nabla \text{ПИБСОНХ}) \right)$;

Сумма новых цепных индексов физического объема и СИКа изделий i -й отрасли народного хозяйства для ПИБСОНХ i -й отрасли народного хозяйства отчетного s -го года к базисному 0 -му году (безразмерная величина) $\left(\overline{\text{VIA}}_{i, 0s} (\nabla \text{ПИБСОНХ}) \right)$;

ПИБСОНХ i -й отрасли отчетного s -го года относительно 0 -го года за счет суммы новых цепных индексов физического объема и СИКа изделий i -й отрасли народного хозяйства (млрд р., млрд дол. и т. д.) $\left(\overline{\text{Pr_VIA}}_{i, 0s} (\nabla \text{ПИБСОНХ}) \right)$.

3. Набор инновационных показателей всего народного хозяйства:

Средний синтетический индекс качества изделий народного хозяйства в целом (ССИКИНХ)⁹⁶ в t -м году (безразмерная величина) $\left(\overline{SQI}_{t, 0t} \right)$.

ССИКИНХ — это технико-технологический уровень народного хозяйства в целом отчетного t -го года к базисному 0 -му году без извлечения влияний суммы новых цепных индексов цен, физического объема и СИКа; технико-технологическо-экономические показатели

⁹⁴ По простому этот показатель есть технико-технологический уровень i -й отрасли народного хозяйства отчетного s -го года к базисному 0 -му году.

⁹⁵ ПИБСОНХ — это аббревиатура.

⁹⁶ ССИКИНХ — это аббревиатура.

народного хозяйства в целом отчетного t -го года без извлечения влияний суммы новых цепных индексов цен, физического объема и СИКа — это экспертируемые показатели народного хозяйства в целом; технико-технологическо-экономические показатели народного хозяйства в целом базисного 0 -го года — это эталонные показатели народного хозяйства в целом.

Новый цепной индекс физического объема для ССИКИНХ отчетного s -го года к базисному 0 -му году (подварианты) (безразмерная

величина) $\left(QIA_{0s}(\nabla SQI) \right)$;

Новый цепной индекс СИКа изделий для ССИКИНХ отчетного s -го года к базисному 0 -му году (подварианты) (безразмерная величина)

на) $\left(SQIA_{0s}(\nabla SQI) \right)$;

Сумма новых цепных индексов физического объема и СИКа изделий для ССИКИНХ отчетного s -го года к базисному 0 -му году

(безразмерная величина) $\left(\overline{VIA}_{0s}(\nabla SQI) \right)$;

ССИКИНХ s -го года относительно 0 -го года за счет суммы новых цепных индексов физического объема и СИКа изделий народного

хозяйства (безразмерная величина)⁹⁷ $Pr_{\overline{VIA}_{0s}}(\nabla SQI_{0s}(\nabla SQI + \nabla q))$;

Приведенный инновационный валовой общественный продукт

(ПИВОП)⁹⁸ в t -м году (млрд р., млрд дол. и т.д.) $\left(ПИВОП_{0t}^{привед} \right)$;

Новый цепной индекс физического объема для ПИВОП отчетного s -го года к базисному 0 -му году (безразмерная величина)

$\left(QIA_{0s}(\nabla ПИВОП) \right)$;

Новый цепной индекс СИКа изделий для ПИВОП отчетного s -го года к базисному 0 -му году (безразмерная величина)

$\left(SQIA_{0s}(\nabla ПИВОП) \right)$;

Сумма новых цепных индексов физического объема и СИКа изделий для ПИВОП отчетного s -го года к базисному 0 -му году (без-

размерная величина) $\left(\overline{VIA}_{0s}(\nabla ПИВОП) \right)$;

⁹⁷ По простому этот показатель есть технико-технологический уровень всего народного хозяйства отчетного s -го года к базисному 0 -му году.

⁹⁸ ПИВОП — это аббревиатура.

ПИВОП отчетного s -го года к базисному 0 -му году за счет факторов — суммы новых цепных индексов физического объема и СИКа изделий (млрд р., млрд дол. и т. д.) $\left(Pr_{\overline{VIA}_{0s}}(\nabla ПИВОП^{привед}) \right)$

Выводы

Критика теории экономических циклов, например, К. Жуглара, М.И. Туган-Барановского, Н.Д. Кондратьева, Й.А. Шумпетера и их современников (ученых-экономистов), с нынешних позиций и достижений экономической науки о циклах, а также наличия в нашу эпоху персональных компьютеров и соответствующих компьютерных программ (Lotus 1-2-3, Excel, Quattro.Pro, а также написания сотен программ и др.), совершенна бессмысленна.

Необходимо объективно учитывать в их теориях те большие и малые «шаги» вперед, которые они сделали по сравнению с предшественниками.

Читая и анализируя работы иностранных ученых, необходимо понимать и принимать возможные ошибки разных интерпретаторов и переводчиков. Необходимо знать устоявшуюся экономическую и прочую терминологию на иностранных языках той эпохи и той страны, в которой жил и творил данный автор. Поэтому неверны высказывания некоторых участников нашей конференции про настоящий вклад отдельных иностранных ученых в области теории хозяйственных (экономических) циклов.

Также неверны высказывания некоторых участников нашей конференции про настоящий, выдающийся вклад наших великих ученых-экономистов М.И. Туган-Барановского и Н.Д. Кондратьева в области теории хозяйственных (экономических) циклов.

Авторская теория хозяйственных (экономических) циклов основана на семнадцати принципах и допущениях великих западных ученых (К. Птолемей, Н. Коперник, И. Кеплер, Г. Галилей, А. Пуанкаре, М. Борн, В. Гейзенберг, О. Ланге).

Авторская теория хозяйственных (экономических) циклов также основана на фундаментальных идеях ^{и/или} гипотезах великих западных и русских ученых (пифагореец Филолай Понтийский, Леонардо да Винчи, Г. Галилей, Б. Паскаль, И. Ньютон, М.М. Филиппов, К. Жуглар, М.И. Туган-Барановский, У.К. Митчелл, Г.Л. Мур, С.С. Кузнец, Н.Д. Кондратьев, Й.А. Шумпетер, Э. Роджерс).

Общая методика расчетов и качественное осмысление экономико-математической модели хозяйственных (экономических) циклов на основе философско-хозяйственного подхода основана на семнадцати вышеуказанных принципах

По нашим прогнозам экономику США ждут фазы депрессии в 2014—2016 гг. и в 2017—2018 гг.

Предлагаем начать реализацию четвертой индустриализации в РФ именно в периоды вышеуказанных депрессий, как это сделал И.В. Сталин, начав свою великую индустриализацию в год начала Великой депрессии в США (1928 г.).

Официальные показатели ВОП, ВВП и ВВП, как и чисто натуральные физические показатели, например, объем выплавленной стали, количество выпущенных автомобилей, станков, телевизоров, магнитофонов, ЭВМ, танков, самолетов и т. д. за определенный период — больше одного года, необъективны, неполны и, по сути, не характеризуют инновационную составляющую развития хозяйств.

Нами в 2008—2010 гг. разработан новый, оригинальный набор инновационных показателей: отдельного изделия (9 показателей), отдельной отрасли народного хозяйства (13 показателей) и всего народного хозяйства (16 показателей), которые тесно связаны с техникой, технологиями и естественными науками.

Авторская методика расчетов СИК и ее реальная реализация на примерах экспертируемых изделий РКСН РС-24 «Ярс», LGM-118A «Peasekeeper» — МХ и УР-100Н УТТХ относительно эталонного изделия Р-ЯО Р-36М2 «Воевода» полностью совпали с мнением Президента РФ В.В. Путина.

Также не надо забывать о материалоемкости металлоемкости, энергоемкости j -го изделия i -й отрасли народного хозяйства, i -й отрасли народного хозяйства, всего народного хозяйства в целом в динамике, а также об инновационном межотраслевом балансе производства и распределения товаров и услуг, инновационных межотраслевых балансах производства и распределения товаров и услуг в разрезе областей, краев, республик в составе Российской Федерации.

Литература

1. Жамс Э. История экономической мысли XX века. М., 1959.
2. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968.
3. Хаберлер Г. Процветание и депрессия. Теоретический анализ циклических колебаний. М., 1960.
4. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М., 2008.
5. Schumpeter J.A. Business Cycles. N.Y.; L., 1939.
6. Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия // Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М., 2007.

7. Англо-русский словарь по экономике и финансам: около 75 000 слов и выражений / Под ред. А.В. Аникина. СПб., 1993.
8. Мюллер В.К. Англо-русский словарь: 53 000 слов. М., 1987.
9. Aftalion A. Essai d'une theorie des crises générales et périodiques. P., 1909.
10. Aftalion A. Les crises périodiques de surproduction. Vol. 1. P., 1913.
11. Aftalion A. The Theory of Economic Cycles based on the Capitalistic Technique of Production. // Review of Economic Statistics. 1927. Oct.
12. Ansiaux M. L'inflation du credit et la prevention des crises. P.; Dalloz, 1934.
13. Juglar C. Les crises commerciales et de leur retour périodique en France, en Angleterre et aux Etats-Unis. P., 1862.
14. Kaleski M. Essai d'une mouvement cyclique des affaires // Revue Economique et Politique. 1935. Mars — april.
15. Laveleye E. de. Le marché monétaire et ses crises depuis cinquante ans. 1865.
16. Lacombe E. La prévision en matière de crises economique. P., 1926.
17. Lescure J. Les crises générales et périodiques de surproduction. P., 1907 (2 éd. 1910; 3 éd. 1923.).
18. Simiand F. Les fluctuation économiques a longue periode et la crise mondiale. P., Alcan, 1932.
19. Kitchin J. Cycles and Trends in Economic Factors // Review of Economic Statistics. 1923. Vol. 5. No 1. Jan.
20. Commons J.R. Secular Trends and Business Cycles: A Classification of Theories // The Review of Economic Statistics. 1922. Vol. 4. Issue 4. October.
21. Crum W.L. Cycles of Rates on Commercial Paper // Review of Economic Statistics. 1923. Vol. 5. No I.
22. Robertson D.H. A Study in Industrial Flultuation, L., 1915.
23. Robertson D.H. Industrial Fluctuation and the Natural Rate of Interest. // Economic Journal. 1934.Vol. 44.
24. Robbins L. The Great Depression. L., 1934.
25. Mitchell W.C. Business Cycles: The Problems and Its Setting. N. Y., 1927. (NBER publication).
26. Burns A.F. Production Trends in the United States since 1870. N. Y., 1934 (NBER publication).
27. Mills Fr C. Prices in Recession and Recovery. 1936.
28. Persons W.M. Forecasting Business Cycles. N. Y., 1931.
29. Thorp W.L. Business Annals. N. Y., 1926. (NBER publication).

30. *Schmidt C.T.* German Business Cycles, 1924—1933. N. Y., 1934. (NBER publication).
31. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978.
32. *Spiethoff A.* Krisen // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Bd. 6. Hfl. 4. Jena, 1925.
33. *Туган-Барановский М.И.* Основы политической экономии. 2-е переработанное издание. СПб., 1911.
34. *Wagemann E.F.* Struktur und Rhythmus der Weltwirtschaft: Grundlagen einer Weltwirtschaftlichen Konjunkturlehre. Berlin, 1931.
35. *Аникин А.В.* Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М., 1979.
36. *Абрамов А.И.* Измерение «неизмеримого». М., 1986.
37. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975.
38. *Пономарев Л.И.* Под знаком кванта. М., 1984.
39. *Фолта Я., Новы Л.* История естествознания в датах. Хронологический обзор. М., 1987.
40. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991.
41. *Леонтьев К.Н.* Избранное. М., 1993.
42. *Тяпкин А.А., Шибанов А.С.* Пуанкаре. М., 1982.
43. *Борн М.* Моя жизнь и мои взгляды. М., 1973.
44. *Антропов А.А.* Экономико-математическая модель хозяйственных (экономических) циклов (на примере ВВП США в ценах 1929 г.) // Экономический суверенитет и суверенная экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, С.Ю. Синельникова, Е.С. Зотовой. М., 2009.
45. *Антропов А.А.* Некоторые аспекты естественнонаучных и технико-технологических трактовок и аналогов экономических процессов и явлений. // Философия хозяйства. М., 2010. № 6.
46. *Клайн М.* Математика. Поиск истины. М., 1988.
47. *Кириллин В.А.* Страницы истории науки и техники. М., 1986.
48. *Роджерс Э.* Физика для любознательных. Т. 1—2. М., 1969—1970.
49. *Кади Дж.* Количественные методы в экономике. М., 1974.
50. *Zarnowitz V.* An Appraisal of Short-Term Economic Forecasts. N. Y., 1967.
51. *Zarnowitz V.* Forecasting Economic Conditions: The Record and the Prospect // The Business Cycle Today / Zarnowitz V. (ed.). N. Y., 1972.
52. *Ланге О.* Введение в экономическую кибернетику. М., 1968.
53. *Тарле Е.В.* Европа в эпоху империализма // Политика: История территориальных захватов (XV—XX вв.): Соч. М., 2001.

54. *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики. М., 1989.
55. *Осипов Ю.М.* Опыт философии хозяйства. М., 1990.
56. *Осипов Ю.М.* Основы теории хозяйственного механизма. М., 1994.
57. *Осипов Ю.М.* Теория хозяйства. Начало высшей экономии. Т. 1—3. М., 1995—1998.
58. *Kuznets S.S.* Cyclical fluctuations. N. Y., 1926.
59. *Moore H.L.* Economic Cycles: Their Law and Cause. N. Y., 1914.
60. *Moore H.L.* Generating Economic Cycles. N. Y., 1923.
61. *Фостер Р.* Обновление производства: атакующие выигрывают. М., 1987.
62. *Бялковская В.С., Демченко М.Н., Косичкина В.Б.* Экономика машиностроительной промышленности СССР. М., 1978.
63. *Антропов А.А.* Применение обобщенного метода численного интегрирования Рунге — Кутты при изучении мировых экономических циклов // Экономическая теория на пороге XXI века» — 7. Глобальная экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2003.
64. *Антропов А.А.* Цикличность динамики валютного курса российского рубля // Альманах Центра общественных наук МГУ. М., 1999. № 12.
65. *Антропов А.А.* Новый подход к вычислению цепных индексов физического объема и цен. // Альманах Центра общественных наук МГУ. М., 1999. № 13.
66. *Антропов А.А.* Философско-хозяйственный подход к теории экономических циклов // Экономическая теория на пороге XXI века — 6. В 2-х книгах / Под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой. М., 2002.
67. *Антропов А.А.* Анализ методики определения циклических кривых Н.Д. Кондратьева // Философия хозяйства. Спец. выпуск. 2006. Ноябрь.
68. *Антропов А.А.* Эссе о В.В. Леонтьеве, его времени и проблемах времени // Философия хозяйства. 2006. № 6.
69. *Антропов А.А.* Экономические циклы: длинные, средние и малые волны // Материалы научных конференций «Ломоносовские чтения 2004—2005—2006» кафедры математических методов анализа экономики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова / Под ред. М.В. Грачевой, Л.Н. Фадеевой, Ю.Н. Черемных. М., 2006.
70. *Антропов А.А.* Обобщение методики определения циклических кривых Н.Д. Кондратьева (в порядке постановки) // Сборник научных работ кафедры математических методов анализа экономики

«Ломоносовские чтения 2007». Под ред. М.В. Грачевой, Л.Н. Фадеевой, Ю.Н. Черемных. М., 2008.

71. *Антропов А.А.* Циклическая составляющая инноваций // *Философия хозяйства*. 2008. № 4 (58).

72. *Райт Дж.П.* «Дженерал моторс» в истинном свете. Автомобильный гигант: взгляд изнутри. М., 1985.

73. *Антропов А.А.* Контуры инновационных волн валового общественного продукта России // *Финансово-хозяйственные инновационные инициативы* / Под ред. Ю.М. Осипова, С.Ю. Синельникова, Е.С. Зотовой. М., 2012.

74. *Антропов А.А.* Инновационные показатели отдельного изделия, отдельной отрасли и всего народного хозяйства // *Неолиберализм и модернизация российской экономики* / Под ред. Ю.М. Осипова, С.Ю. Синельникова, Е.С. Зотовой. М., 2013.

75. В День России в Кремле вручены Государственные премии Российской Федерации // <http://news.kremlin.ru/news/18322/print>.

76. Стенографический отчет о церемонии вручения Государственных премий Российской Федерации // <http://news.kremlin.ru/transcripts/18323/print>.

77. *Антропов А.А.* Сводные данные по экспертируемым изделиям систем РКСН РС-24 «Ярс», LGM-118А «Peacekeeper» — МХ и УР-100Н УТТХ относительно эталонного изделия Р-36М2 «Воевода» // *Философия хозяйства*. 2013. № 4 (88).

В.Я. ИОХИН

Национальная модель развития России — дорога в будущее

Продолжающаяся неопределенность в отношении выбора курса развития России, связанная с противостоянием либеральных сил, окутавших структуры власти, и здоровых национальных сил общества — от «белых» до «красных», от «монархистов» до «республиканцев», стремящихся к национальному имперскому возрождению русской государственности, требует анализа конкретной историко-политической обстановки в мире, в которой протекают социально-экономические и духовно-культурные процессы в нашей стране. Если страна непременно должна совершить рывок в своем развитии, необходимость которого в полной мере осознали как общество, так и внешние эшелоны власти в лице президента России, то на первое ме-

сто выдвигается проблема средств и способов его осуществления. Причем последние, решая задачи среднесрочного развития, должны соотноситься с теми принципами и ценностями, которые закладываются в долгосрочную основу формирования и развития общества и государства, отвечающих, с одной стороны, национальным устремлениям народа и, с другой — требованиям всемирных тенденций политико-идеологического, социально-экономического и духовнокультурного развития человечества. Такому подходу к проблеме выбора курса развития России соответствует национальная русская модель, опирающаяся на ценности государствообразующей нации и на принципы социально-экономического и духовнокультурного процесса народно-хозяйственного воспроизводства.

В своем исследовании мы руководствуемся принципом признания важности теоретических положений, но при этом отдаем предпочтение анализу конкретной историко-политической обстановки, в которой протекали, протекают или будут протекать социально-экономические процессы. Жизнь всегда богаче любых теоретических построений, а поэтому, если русло ее течения резко меняется, все умозрительные и теоретические, казалось бы, верные положения и принципы, отражающие ее «нормальное» течение, оказываются не просто невостребованными, а в политикоэкономическом отношении даже вредными и губительными для нее⁹⁹.

В условиях, когда Россия на протяжении уже более двадцати лет находится в «подвешенном» состоянии, а либерально-капиталистическая модель социально-экономических преобразований, ориентированная на встраивание в систему Запада, оказалась дискредитированной в глазах подавляющей части общества, и сам капитализм в его виртуально-паразитической форме финансового капитала вступил в стадию системного кризиса, настало время переоценки ценностей и выбора такой модели развития, которая обеспечивала бы, как об этом заявил Президент РФ В.В. Путин, действительный рывок для нашей страны с целью преодоления той

⁹⁹ Наглядным примером может служить наш опыт коллективизации в сельском хозяйстве. И.В. Сталин был хорошо знаком со всеми имевшимися теоретическими наработками в данной области от В.И. Ленина до А.В. Чаянова, однако решение задачи по превращению в сжатые сроки Советского Союза в передовую индустриальную державу потребовало принципиально иного подхода к решению крестьянского вопроса. Логика обстоятельств в данном случае оказалось сильнее логики намерений, что и обусловило процесс раскулачивания и сплошной коллективизации. Кто игнорирует, не воспринимает или не понимает этого аспекта советского индустриального проекта, тот, очевидно, напрочь лишен как интуитивного дара, так и логического ума, либо шарлатан от науки и жизни. Нельзя было в тех обстоятельствах и в кратчайшие сроки реализовать индустриальный проект, не осуществив массовый сгон крестьян с земли.

пропасти, которая была вырыта «художествами» либералов от реформ и теперь отделяет нас от развитых в технико-экономическом отношении стран мира.

Необходимость обратиться к специфической национальной (русской) модели социально-экономического и духовно-культурного развития России подтверждается целым рядом объективных предпосылок, связанных с геополитикой, глобальными проблемами мирового сообщества и глобализацией, кризисом мировой системы капитализма, многовекторностью развития природно-культурных и социально-экономических систем. Итак, начнем по порядку.

Первое. Главными вызовами, вытекающими из геополитических сдвигов, происшедших в результате краха одного из полюсов мира (СССР), являются следующие.

- Угроза развязывания третьей мировой войны с целью установления однополярного мира. Попытки добиться такого устройства мира путем развязывания локальных войн и всякого рода революций терпят неудачу. Для США становится все более очевидным, что в мирных условиях формирование новых полюсов, представленных то ли другой сверхдержавой (КНР), то ли группой стран (ШОС, БРИКС, ЕврАзЭС), неизбежно, а это подталкивает их к применению силы в условиях все еще сохраняющегося и их явного военно-стратегического превосходства.

- Угроза непосредственной внешней агрессии для России проистекает и из того факта, что она выступает в качестве главного военно-стратегического и политического препятствия на пути установления «нового мирового порядка» под эгидой США и попыток перекройки под него действующих международных институтов и международного права.

Второе. Разрешение таких глобальных проблем, как перенаселенность мира, с которыми неразрывно связаны претензии на «жизненное пространство», и исчерпаемость невозпроизводимых природных ресурсов, ставят нашу страну в положение либо изоляции, либо противника мировому сообществу.

- Открытые претензии со стороны внешних сил на обладание природными богатствами России под предлогом необходимости преодоления «несправедливости», возникшей в результате отсутствия доступа к нашим (пока) природным ресурсам других стран, в том числе ТНК, свидетельствуют о намерении Запада лишить Россию суверенитета на определенные ее территории и передачи их под юрисдикцию международного права с целью трансформации их из статуса национальных в международные.

- Огромные малонаселенные и незаселенные территории Сибири и Дальнего Востока становятся вожделенными пространствами для густозаселенных и перенаселенных стран, прежде всего Азии, которые в своих устремлениях к их освоению, несомненно, получат поддержку со стороны Запада, который, в свою очередь, постарается заручиться их поддержкой в отношении свободного доступа к освоению российских (пока) природных ресурсов.

Эти два обстоятельства обуславливают необходимость ускоренного развития ВПК и совершенствования Вооруженных сил РФ как решающей предпосылки отстаивания своих национальных и геополитических интересов на мировой арене, а также важность фактора защиты уникальной кладовой природных ресурсов страны и недопущения расчленения Российского государства, как это произошло с СССР. Предпринимаемые усилия в этом направлении В.В. Путиным после его избрания Президентом России требуют своего продолжения, чтобы в среднесрочной перспективе выйти на рубежи реального обеспечения национальной безопасности страны.

Третье. Системный кризис мирового капитализма вызывает необходимость не просто избежать втягивания России в эту ущербную и не имеющую перспективы экономику, но и освободиться от нее. Это обусловлено следующими обстоятельствами.

- Стремлением развитой части мирового капитализма дестабилизировать мировую социально-экономическую и политическую обстановку, породить хаос и раздуть тлеющие угли локальных и региональных военных конфликтов до масштаба пожара третьей мировой войны во имя преодоления системного кризиса, спасения и сохранения господствующего положения финансового капитала и осуществления очередного передела мира.

- Нарастающими противоречиями между западной бездуховной денежной цивилизацией и цивилизациями, сохранившими в своей основе традиционные этнокультурные ценности, которые неминуемо ведут к их столкновению. Иначе говоря, противоречие между Востоком и Западом, проистекавшее в XX в. из социально-экономических и политико-идеологических принципов двух систем (социализм, капитализм), трансформировалось в культурно-цивилизационное противостояние. Россия, пожалуй, как ни одна другая страна мира подвергается осуждению и нападкам за противодействие аморально-безнравственным нормам, навязываемым ей под лозунгами свободы (читай, вседозволенности) прав человека (без его обязательств и долга) со стороны Запада. Одновременно со стороны «пятой колонны» идут непрерывные нападки на РПЦ с целью ее дискредитации и недопущения превращения в центр идеологического единения русского

народа как государствообразующей нации, а также достижения симфонии духовной и светской власти как определяющего условия нашего будущего.

- Непрерывающимися попытками встраивания России в большую и агонизирующую систему мирового капитализма, что ведет к инфацированию ее финансов, экономики, политики, сознания и воли общества и власти и требует дистанцироваться от нее путем реализации русской социально-экономической модели развития. Необходимость такого шага подкрепляется историческим опытом успешной реализации советского индустриального проекта в условиях глубочайшего кризиса мировой капиталистической системы в 1930-е гг. («Великая депрессия»). Нам надо воспользоваться замешательством Запада, его кризисным состоянием, задействовав всю мощь государства и его ресурсов в интересах технико-экономического и культурно-интеллектуального рывка нашей страны.

Четвертое. Глобальные угрозы исчерпаемости невозпроизводимых природных ресурсов и экологической катастрофы обуславливают необходимость замены разнообразных моделей экономического роста моделями действительного устойчивого развития социально-экономических систем, что требует следующего.

- Отказа от имитационных вариантов перехода стран на «модели устойчивого развития», так как на самом деле имеет место продолжение использования моделей экономического роста, базирующихся исключительно на стоимостных оценках результатов хозяйственной деятельности, на господствующих позициях капитала, занятого извлечением прибыли путем нагнетания потребительского ажиотажа в отношении материальных благ, что ведет к усугублению обеих угроз.

- Внедрения действительной национальной модели устойчивого развития, которая базировалась бы на принципах функционирования не капитала, а труда, на этико-культурных ценностях русского народа, обеспечивающих ориентацию общества на обеспечение биосоциального равновесия в процессе взаимодействия человека с природой и наиболее полно отвечающих вызовам и требованиям времени.

- Демонстрации миру возможностей и преимуществ национальных моделей развития, ориентированных на переход от экономических принципов социально-экономического развития к принципам хозяйствования в условиях отторжения модели «общества потребления», базирующегося на всевластии капитала и навязывания мировому сообществу химеры XXI в. — глобализации — в силу как использования ее в качестве инструмента установления «нового мирового

порядка» по-американски, так и ее научной и практической несостоятельности, хотя бы по той причине, что человечество не прошло еще этап регионализации мирового пространства.

Пятое. Необходимо отказаться от навязанной миру Западом идеи линейного, поступательного и прогрессивного развития человечества, базирующейся к тому же исключительно на истории и опыте Европы, как не выдерживающей научной критики и не подтверждающейся историческим опытом народов мира. Именно наша русская философско-общественная мысль противопоставила Западу цивилизационный подход (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев) к классификации и смене социально-экономических систем. Мало того, основоположник теории этногенеза Л.Н. Гумилев показал многовекторность истории народов и впервые действительно обосновал объективность естественно-исторического развития этносов, опираясь не на социально-экономические закономерности с экономическим их приматом, а на природно-культурные основы бытия народов. Надо не забывать, что все народы, в том числе русский, в настоящее время проходят определенные фазы длительного природного процесса. Для нас важно определить то состояние русского народа как государствообразующей нации, в котором он находится, а также степень его пассионарности и силу действующей антисистемы, проявившей себя дважды в течение всего лишь одного столетия и каждый раз ставившей Россию на грань катастрофы.

Для реализации национальной модели мы обладаем главной и определяющей объективной предпосылкой — наличием субъекта в лице русского народа как носителя системы духовно-культурных ценностей, на базе которой возникла уникальная цивилизация, венцом которой, в свою очередь, стали достижения русской культуры и русского духа в XIX и XX вв. Редкие нации мира могут сравниться с русскими в таком динамичном социально-экономическом и духовно-культурном развитии за последние два века. Причем обращает на себя внимание прежде всего тот факт, что, несмотря на наличие различных по своей сути технико-экономических и социально-политических отношений, доминировавших в XIX и XX вв., в России шел непрерывный процесс упрочения национального духа. Если в XIX в. имели место проникновение в глубинные пласты национального духа русских и извлечение из них жемчужин их духовно-культурного бытия, то в XX в. развернулся процесс, который втягивал все новые и новые слои русской нации и других народов России в творческое созидание нового, невиданного в мировой истории очеловеченного общества по всем азимутам его бытия: социально-политическому, технико-

экономическому, духовно-культурному, образовательно-интеллектуальному.

При этом мы полностью отдаем себе отчет в том, что Россия по представительству народов имеет многонациональный характер. Однако это не западная так называемая мультикультурная модель, которая, не успев установиться, распалась, рассыпалась (как это происходит со всем искусственно созданным), к разочарованию и огорчению ее творцов, а естественная этноприродная многонациональность, сумевшая консолидироваться в великое полиэтническое российское пространство, организатором и творцом которого был русский народ, но не вопреки, а благодаря устремлениям других этносов. Причем этот процесс протекал в длительном историческом периоде, порой мучительно и больно, но невероятно успешно.

Среди множества этносов именно русский этнос стал центром формирования многонационального единства российской государственности. Вокруг государствообразующей нации — русского народа как магнитного стержня — начали концентрироваться силовые линии многонационального притяжения. При этом совершенно очевидно, что русский народ играет определяющую роль по всем направлениям общественно-государственных отношений в нашем полиэтническом доме.

За попытками принизить русскую специфику нашей многонациональности, поставить русский этнос на один уровень с другими этносами (при наличии преимуществ его качественных и количественных характеристик) свидетельствует о стремлении воспрепятствовать воссозданию нашей многонациональной духовно-культурной среды с ее интегрирующим русским началом, возрождению российской государственности с ее цементирующим русским ядром, сбережению народов, прежде всего главного этноса — русского народа — как условия дальнейшей их консолидации, а не разобщенности. Еще большую опасность для России несет псевдонационалистическая идея выделения «Русского государства» как основы выстраивания будущей Российской империи по образцам Запада с метрополиями и колониями. Более грубого способа дискредитации русского национализма трудно себе вообразить, так как эта идея претит как православному духу русского народа, так и его природному инстинкту.

Что касается духовной составляющей, с которой неразрывно связана наша многоконфессиональность, то здесь не может быть иного пути кроме как сосуществования. Это не желание, не пожелание, а исторический факт многовекового духовного бытия, прежде всего православия и ислама, пришедшего на нашу землю при хане Золотой Орды Узбеке, который, силой насаждая ислам в своей среде, тем не

менее содействовал установлению союза православной Руси (вассала) и мусульманской Орды (господина). Этот союз практически никогда не нарушался, а постоянно укреплялся, несмотря на то, что роли между вассалом и господином в дальнейшем поменялись. И это произошло не только в силу благодарности русского народа за проявленную терпимость к нашей вере, не только в силу исторически возникшего союза между Русью и Ордой, начиная с начала ига, когда в противостоянии с Западом князь Александр Невский принял покровительство Орды, и до его конца, когда хан Тохтамыш оказался на стороне Руси в ее противостоянии с Мамаем, союзником Литвы, но и в силу самой православной веры, так как РПЦ как истинная хранительница христианства отвергает насилие и всегда и везде проявляет терпимость к другим вероучениям, руководствуясь принципом любви к Богу и ближнему, среди которых нет ни избранных, ни отверженных. Она никогда не навязывала своих ценностей другим народам, а русские адаптировались к образу жизни аборигенов.

Здесь отметим, что РПЦ необходимо предпринимать усилия по распространению действительно божественных ценностей христианства, Нового Завета, дарованного нам непосредственно самим Господом Богом. Иисус Христос явился миру не для того, чтобы повторить заповеди пророка Моисея, а чтобы дать людям Новый Завет, отторгнув ветхозаветного человека. «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всею душою твоею и всем разумением твоим и всею крепостью твоею» — это первая и наибольшая заповедь... «Возлюби ближнего своего, как самого себя...» — другой большей заповеди, чем эти две, нет. «...Нет больше той любви, как если кто положит душу свою (отдаст жизнь свою) за друзей своих», — говорит Христос апостолам на тайной вечере. Мало того, Христос призывает нас: «Любите врагов ваших, благотворите ненавидящих вас, молитесь за обижающих вас и гонящих вас...». Вместо ветхозаветных заповедей: «око за око, зуб за зуб», — «подставь другую, если ударили по одной щеке», вместо «не убей» — «всякий гневающийся на брата своего уже подлежит осуждению», вместо «не прелюбодействуй» — «всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал в сердце своем», вместо «давайте деньги в рост» — «не давайте деньги в рост» и т. д. до бесконечности.

При этом под ближним, братом, другом понимается любой человек вне зависимости от его расы, национальности, социального положения, конфессиональной принадлежности, лишь бы он был добродетельным, творил добро (вспомним притчу Христа о добром самарянине). Поэтому идеология, базирующаяся на православии, — идеология истинной любви к человеку, ко всем людям, она противо-

стоит идеологии вымороченного западного гуманизма, сформировавшегося в рамках бездуховной капиталистической денежной цивилизации.

В чем же заключается принципиальное отличие новозаветных ценностей от ветхозаветных? Их отличают друг от друга направленность и характер. Ветхозаветные заповеди содержат экстравертную направленность, сопряженную с характером прямого и внешнего действия: «не убей», «не прелюбодействуй», «не укради», «не лжесвидетельствуй» и т. д. Здесь зло сопряжено с прямым, непосредственным деянием, направленным против другого, других¹⁰⁰. Новозаветные заповеди имеют интравертную направленность, т. е. ориентированы на внутренний духовный мир человека, что позволяет увидеть, созерцать греховность или праведность не самого деяния (оно вторично, производно), а намерение о нем, зарождение его замысла.

Для иллюстрации обратимся к такому греху, как убийство. Носитель такого деяния совершил зло, впал в великий грех перед Богом и ближними. Происходит осуждение злодеяния тем или иным способом. Но обратим наш взгляд на новозаветного человека — христианина, как он мыслит и поступает. Хорошо известно, что, как правило, деянию предшествует замысел. В нашем случае замысел убийства. В таком случае христианин должен помнить, что «гнев на брата (ближнего) своего подлежит осуждению», т. е. признается грехом. И если он, осознав свое впадение в грех, отказывается от самого деяния, он будет прощен, но если он не отказывается от своего намерения, то тем самым уже совершает душегубство по отношению к прежде всего самому себе, так как он превращается в «зверя», утрачивая божественную суть человека. Само же убийство другого человека становится актом второго душегубства. Поэтому новозаветные заповеди ориентируют человека на то, что полем брани между добром и злом является прежде всего его душа, и что путь к спасению открывает недопущение воплощения злого умысла в деяние.

В то же время нельзя забывать, что православие связано с государствообразующей нацией — русским народом, который является подавляющей компонентой нашего полиэтнического единства. А поэтому определяющим в нашем единении должна быть православная идеология, базирующаяся на православной этике. Центральным и определяющим моментом данной идеологии должна стать идея создания справедливого человеколюбивого общества, которое соотносится с

¹⁰⁰ Правда, здесь надо оговориться, что эти запреты относятся к взаимоотношениям между «избранными», но никак не к «отверженным», иными словами, гоями. С «этими» позволено делать почти все, что угодно.

царствием Божиим на Земле. Это, с одной стороны. С другой — данная идея должна быть наполнена и социальным содержанием, которое находит свое выражение в принципах одухотворенного социализма, которые, секуляризуя общественные отношения, тем самым будут содействовать сублимации христианских ценностей в социально-экономическую действительность.

Это открывает путь к единению духовной и светской власти, к их симфонии, как говорил высокопреосвященный Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладонежский, что обеспечит морально-нравственное оздоровление государственной власти и будет способствовать упрочению ее связи с народом, сделав последний надежной опорой в деле реализации национального проекта по возрождению величия России и обеспечения ее прогресса. При этом формирование институтов общества и хозяйства, особенно правовых норм и законодательных актов, необходимо осуществлять на основе системы ценностей русского народа, православной этики, как наиболее полно отвечающих вызовам XXI в.

Русский народ стал основой как консолидации российского общества, так и упрочения суверенной российской государственности. Это обстоятельство обусловлено тем, что в России нет другого народа, который бы взял на себя функцию государственного строительства, формирования и развития нашего общества. По количественному составу русские в нашей стране составляют около 80% всего населения, что превышает международные параметры отнесения России к мононациональному государству (2/3). Однако, учитывая исторический опыт выстраивания национальных отношений, природно-этническую разнообразность наших народов, вряд ли в сложившейся обстановке целесообразно ставить на повестку дня вопрос об унитарном государстве.

В то же время мы солидарны с Н.П. Шмелевым и В.П. Федоровым в отношении отрицательной оценки положений действующей Конституции РФ, которые содержат в себе «динамит» сепаратизма, в связи с тем что республика как субъект Российской Федерации (России) приравнивается к государству, что явно угрожает государственной целостности России. Всякого рода рассуждения о субъектах федерации как о суверенных государствах, субъектах международного права должны рассматриваться как угроза целостности государства российского. Поэтому с целью предотвращения угрозы целостности России необходимо осуществить постепенный переход от этнического принципа к территориальному принципу государственного устройства страны.

В государственном строительстве наступает время органического сочетания принципов «народовластия» и сильной централизованной власти. При этом речь не о западной псевдодемократии, базирующейся на власти «денежных мешков», имитирующих борьбу политических сил, а о действительном представительстве народа в органах государственной власти. Для этого необходимо упразднить и заменить их национально-конфессиональными и территориально-профессиональными принципами непосредственного его представительства. В таком случае структура представительных и законодательных органов власти будет включать в себя пропорциональное представительство людей дела, рода деятельности, занятости, национальной и конфессиональной принадлежности.

В то же время, исходя из политико-исторического опыта государственного строительства в России, опираясь на национальные традиции, духовно-культурные ценности и менталитет государствообразующей нации — русского народа, при новом политическом устройстве российского государства, необходимы сохранение и укрепление института единоличной власти (монарх, вождь, президент), ответственного за единство, целостность и безопасность государства и нации. Способы реализации данного принципа и система подстраховок от непредвиденных обстоятельств могут быть самыми разнообразными.

В послании Президента РФ Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г. отчетливо прослеживается линия нового проекта для России, которая ставит задачу преодолеть «настоящую демографическую и ценностную катастрофу», «дефицит духовных скреп», «сделать богатой и благополучной Россию», «сохранить национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация. Быть и оставаться Россией», «связать воедино исторические эпохи» и т. п.

Можно сказать, что благодаря усердной, целенаправленной и терпеливой работе российских ученых, а также постепенной консолидации патриотических сил левого и консервативного толка в единый союз, поддерживаемый и благословляемый РПЦ, удалось если не разрубить, то хотя бы существенно ослабить помочи, на которых наши либералы и их зарубежные покровители волокли Россию в «новый мировой порядок» в качестве технологической зоны. Необходимо всемерно поддерживать Президента РФ в непростых начинаниях по изменению социально-экономического курса развития страны и продемонстрировать готовность быть надежной опорой проводимой им политики, нисколько не ослабляя свои усилия по корректировке этого курса на основе научно обоснованной позитивной критики. Послание Президента РФ Федеральному Собранию красноречиво свидетельст-

вует о его озабоченности поиском выхода из сложившейся социально-политической, технико-экономической и духовно-культурной ситуации, а также о его восприимчивости к разумным идеям, конкретным предложениям в области политики, экономики, демографии, государственного строительства, образования, культуры и духовной жизни общества.

В целях реализации национального проекта развития России требуется добиться единения общества и в социальном, и в национальном, и в конфессиональных планах. Учитывая те колоссальные наслоения социально-политических противоречий, которые накопились в обществе в последние два столетия непростой, порой драматической и трагической истории нашего Отечества, нам требуется вдохновиться на общее дело служения народу и государству на основе идеи, сформулированной митрополитом Псковским и Волоколамским Евсеваем в речи, произнесенной на митинге, посвященном 1150-летию образования Российского государства в г. Изборске: «...Давно пора понять и перестать делить наших предков на правых и левых, западников и славянофилов, консерваторов и революционеров, красных и белых. Давно пора понять, что это была единственная страна, где у каждого была своя правда. И делятся они по-другому. Делятся на тех, кто в решающий момент думал о своей шкуре, думал о своей выгоде, — и на тех, кто в этот момент думал о Родине и государстве. И только по этому рубежу мы должны их различать и оценивать» [1]. А поэтому в обстоятельствах нарастающих как внутренних, так и внешних угроз различным социальным слоям общества требуется осознанно пожертвовать частью своих интересов ради всеобщего спасения нашей Родины, отстаивания нашей государственности и сохранения многонационального народа.

Национальная модель развития России должна рассматриваться в пределах временных рамок, что, по нашему мнению, предполагает реализацию двух ее модификаций, одна из которых работает на среднесрочную перспективу (2020—2025), а другая — на долгосрочную (2050—2070).

Первую из них можно было бы назвать мобилизационной моделью реиндустриализации страны и подготовки перехода к постиндустриальному (посткапиталистическому) обществу, реализация которой связана с консолидацией национально ориентированной элиты и вытеснением ею из структур государственной власти антинациональных сил. При этом национальная элита должна прежде всего сама стать пассионарной силой, и только тогда можно ожидать роста пассионарности в народе, этносе, нации. Только всеобщая русская идея возрождения великой, могучей мировой державы может стать общим

русским и межнациональным делом. Эта идея уже озвучена президентом России через призму восстановления национального суверенитета России, нашей полноценной государственности, необходимости осуществления отраслевой и территориальной реструктуризации экономики, становления самодостаточной и независимой кредитно-денежной и финансовой системы, обеспечения демографического роста и экологически чистой морально-нравственной среды обитания, жизнедеятельности и жизнеотправления человека и общества, достижения полной национальной безопасности страны и ее самодостаточной обороны.

Реализация данной модели находится в прямой зависимости от места и роли государства в социально-политической и финансово-экономической деятельности. С точки зрения и национальной традиции и требований логики реальной действительности и текущего момента только государство — и как орган организации, регулирования и управления, и как определяющий хозяйствующий субъект — выходит на передний план активной деятельности на огромных просторах нашей страны. Необходимо отбросить вредоносный и ложный постулат либералов относительно неэффективности государственной предпринимательской деятельности и начать осуществлять крупные государственные инвестиционные проекты, не ограничиваясь инфраструктурными, с привлечением или без одного частного капитала. Слишком долго пришлось бы ждать стране частных инвестиций в важнейшие точки зрения государства отрасли и территории. Государственные чиновники, которые считают, что «все разворуют», «за рубежом более надежно хранить финансовые ресурсы», «не получим необходимых поступлений в бюджет, если изменим шкалу налогообложения», должны быть удалены из государственного аппарата, а остающиеся в нем должны нести всю полноту ответственности, как и положено государственным людям, ибо речь идет о судьбах Отечества, народа российского. При этом параллельно необходимо максимально упростить условия хозяйственной деятельности для предприятий малого и среднего бизнеса, прежде всего в сфере производства и венчурного предпринимательства.

Вторая модификация (долгосрочная) национальной модели развития России означает реализацию истинно национального проекта, что не исключает важной роли мобилизационной модели, закладывающей его основы. Она, несомненно, должна отвечать требованиям всемирных тенденций социально-экономического развития, предотвращения угроз экологической катастрофы и проедания невозпроизводимых ресурсов, принадлежащих будущим поколениям. Предотвращение упомянутых угроз сопряжено с отказом от модели

«общества потребления» с его безбрежным наращиванием потребления материальных благ и гедонизмом, которые насаждаются капиталом как средством собственного самовозрастания. Одновременно следует осознавать еще более опасную угрозу, которая сопряжена с установлением господства виртуально-спекулятивного финансового капитала. Устранение данной угрозы, равно как и производных от нее, связано с переходом к беспроцентной экономике, вернее, к хозяйству. В нынешней рыночной экономике процент пронизывает собой все без исключения современные капиталистические отношения и тем самым подчеркивает господствующее положение финансового капитала.

Что касается всемирных тенденций социально-экономического развития человечества, то они, натываясь на необходимые и неизбежные ограничения в сфере развития материального производства, указывают на приоритетность развития духовного производства, сопряженного прежде всего с образовательно-интеллектуальной и духовно-культурной деятельностью, направленной на всемерное выявление, формирование, развитие и совершенствование человеческого потенциала¹⁰¹. Это то общество, в котором и объектом, и субъектом, и целью социально-экономической деятельности становится человек. Это общество постиндустриальное, посткапиталистическое, коммунистическое, социалистическое, но неизменно христианское (православное) всечеловеческое общество, в котором растворяется и поглощается русскость, трансформирующаяся в основу ткани человеческого бытия. Именно русские с их православной этикой отвечают как вызовам, так и запросам будущего. Если мы добавим к ранее упомянутым новозаветным ценностям следующие духовно-культурные и хозяйственные установки русского народа: «основным и определяющим богатством является человек», «потребление материальных благ определяется принципом необходимой достаточности», «источником собственности и богатства является труд и только труд», «труд — всеобщая и всепроникающая и всеохватывающая форма бытия человека, через который только и реализуется весь его потенциал, достоинства и таланты», то станет очевидным, что православная этика, ценности русского народа — это дар Свыше, который позволяет ему со спокойной душой и твердым убеждением принять будущее, которое сопряжено с земным преображением человечества, идущего навстречу предстоящему Божественному преображению.

В заключение хотелось бы сформулировать основополагающие постулаты предлагаемой долгосрочной модели развития России.

¹⁰¹ Термин «человеческий капитал» здесь неприемлем в силу его онтологической, методологической и аксеологической несостоятельности.

1. Идеология государства и общества базируется на ценностях православия как духовной основы государствообразующей нации — русского народа и позволяет консолидировать конфессионально-этническое многообразие российского общества. Идеология добра, справедливости и всечеловеческой любви перекликается с идеями социализма как общественно-политического и социально-экономического течения, и поэтому данная идеология сориентирована на создание общества одухотворенного социализма, или царства Божьего на земле. Именно православная идеология становится тем заслоном, который предотвратит наше общество от морально-нравственного разложения, его расчеловечивания под давлением бездуховной буржуазной денежной цивилизации, которая несет с собой противоестественные социальные отношения и позволит трансформировать сформировавшуюся безнравственную экономику в нравственно здоровое народное хозяйство. Безнравственная экономика не может признаваться эффективной, а коммерческий расчет вне этики не может быть основой для определения эффективности хозяйственной деятельности.

2. Политическая система исходит из симфонии духовной и светской власти и сочетает в себе элементы централизма и демократии. Верховенство духовной власти предопределяется не тем или иным вкраплением ее в систему институтов государственной власти, а нахождением ее над властными структурами и народом. Она выполняет своего рода функцию духовного пастыря в отношении и светской власти, и народа, который следит за соблюдением «законов» морали и нравственности в обществе и вырабатывает ориентиры в выстраивании взаимоотношений и взаимодействия между светской властью и народом. Светская власть сочетает в себе единовластие (глава государства) в единстве с народовластием, выраженном в непосредственном представительстве граждан в органах власти всех уровней на основе принципа пропорционального социально-профессионального и конфессионально-этнического их избрания.

3. Хозяйственная система призвана заменить собой экономическую систему путем вытеснения чисто экономических отношений, этико-хозяйственными отношениями, ориентированными не на рафинированные экономические, стоимостные, а социально-экономические показатели. Хозяйственная система в основе своей имеет не только этику хозяйственной деятельности, но и беспроцентную экономику, позволяющую устранить всевластие процента и тем самым упразднить виртуально-спекулятивный финансовый капитал с его паразитизмом. Критериями оценки хозяйственной деятельности являются не прибыль и выгода, а рост производительности труда и

удовлетворение духовных и материальных потребностей, направленных на формирование, развитие и совершенствование человеческого потенциала каждого индивида и общества в целом.

4. Социальная система прежде всего ориентирована на сбережение, преумножение и качественное совершенствование структуры населения и всемерную защиту государства как единственного института, способного обеспечить национальный суверенитет и независимость российского народа. Особую роль в этой сфере, помимо светской власти, призвана играть духовная власть, ответственная за чистоту морально-нравственной экологии в обществе и духовно-культурное его развитие. Особый акцент делается на решении демографической проблемы, с которой неразрывно связано укрепление институтов семьи, материнства и детства как единого целого, а не в их противопоставлении, как это имеет место на Западе с его ювенальной юстицией. Государство и общество не могут проявлять толерантность противоестественным и противоречащим природе человека взаимоотношениям между людьми¹⁰². Необходимо прекратить насилие над природной плотью человека, его физиологией и, самое главное, его сознанием. Необходимо объявить вне закона не только педофилию, но и мужеложство. Что же касается стимулирования деторождения и финансового его обеспечения, то следует восстановить в праве налог на бездетность. Решение демографической проблемы требует проведения всего комплекса мероприятий: морально-нравственных, экономических, финансовых, юридических, образовательных, просветительских¹⁰³.

Таким образом, национальная модель развития России в силу уникальности русской цивилизации, отвечающей запросам во всечеловеческой любви и всемирного единства, в силу системы ценностей русского народа, соответствующей вызовам и требованиям вектора будущего развития человечества, может стать образцом для подражания и центром консолидации народов в условиях деградации и угасания западной цивилизации.

¹⁰² Даже язычник, римский император Октавиан Август (63 г. до э.н. — 14 г. н. э.) осознал колоссальные потери римского населения в результате гражданских войн, последовавших за убийством Гая Юлия Цезаря, озаботился восстановлением его численности и сохранением вымирающих старых римских родов и начал с оздоровления нравственного климата в обществе, издав череду законов о супружеских союзах, поддержке семей, имеющих детей, и карающих граждан за их аморальное поведение. Он не пощадил даже свою дочь Юлию, осудил на изгнание за ее распущенность.

¹⁰³ Несомненно, после вышесказанного либералы причислят меня к «мракобесам». Но, очевидно, лучше ощущать себя естественным человеком, чем страдать умопомрачением, сдвинутой психикой и сознанием, не говоря уже о каких-то плотских и физиологических отклонениях.

С.В. КАЙМАНАКОВ

Многоуровневая экономика и экономическая безопасность России: теоретические подходы к исследованию

Анализируя своеобразие отечественной хозяйственной мысли, российские исследователи обычно рассматривают экономические взгляды своих предшественников из достаточно отдаленного прошлого. Но и в конце XX в. были выдвинуты теории, концепции, научные подходы к изучению экономики, отличные от зарубежных теорий. Они родились на российской почве и созданы и обоснованы отечественными учеными. По нашему мнению, первой в ряду таких теорий следует назвать философию хозяйства (Ю.М. Осипов, развивающий философско-религиозные взгляды на хозяйство С.Н. Булгакова). Надо сказать, что философия хозяйства в отечественной литературе получает все большее признание. Некоторые ученые признают ее как методологическую школу, равноправную австрийской школе, кейнсианству, неоклассике и институционализму [1, 104]. Можно упомянуть также современную научную школу русского циклизма (Ю.В. Яковец, предшественники: А.Л. Чижевский, В.И. Вернадский, М.И. Туган-Барановский, А.А. Богданов, Н.Д. Кондратьев).

Специфическим национальным продуктом экономической мысли, по нашему мнению, является и теория многоуровневой экономики академика РАН Ю.В. Ярёмченко [2—4]. Разработанная для научного и практического обоснования механизма структурных сдвигов в советской модели экономики, она показала свою пригодность и для анализа российской переходной экономики. Более того, эта теория имеет научный инструментарий для исследования структуры всего мирового хозяйства.

С нашей точки зрения, теория многоуровневой экономики недостаточно оценена в современной экономической литературе, хотя у нее есть последователи. Возможно, что это связано с тем, что она как более реалистичная исследовательская программа противоречит зарубежным представлениям, имеющим лишь отдаленное отношение к специфике российской цивилизации и ее экономике. Поэтому остановимся на изложении основных положений теории Ю.В. Ярёмченко более подробно.

Основные положения теории. В экономике задействованы ресурсы разных видов (труд, капитал и сырье), причем они неоднородны и различаются по качеству. Для рабочей силы под качественными характеристиками имеются в виду образование и квалификация, для оборудования, энергоносителей, материалов — совокупность различ-

ных технических и полезных свойств. Во время подготовительного цикла, который предшествует моменту вовлечения ресурсов в производство, происходят формирование квалифицированной рабочей силы, проектирование и освоение необходимого оборудования, создание материалов с требуемыми характеристиками.

Судить о качестве видов хозяйственных благ можно с помощью двух взаимодополняющих и количественно измеримых параметров. Первый из них — отдача ресурсов, или производительность. Вторая характеристика качества ресурсов — затраты на их производство. Производительность ресурсов должна оправдывать затраты на их производство. Отсюда следует, что высокопроизводительные ресурсы, как правило, воплощают в себе и большие затраты.

В процессе воспроизводства происходит взаимодействие разнокачественных хозяйственных благ. Один и тот же объем выпуска (например, ВВП) может быть обеспечен как малым количеством высокопроизводительных и сравнительно дорогих качественных ресурсов, так и большим количеством низкопроизводительных и относительно дешевых ресурсов низкого качества. Экономика представляет собою некую пирамиду, где на вершине находится ограниченный объем высококачественных ресурсов, а в основании — большое количество массовых (низкокачественных) ресурсов. При эффекте замещения ресурсы невысокого качества в определенном секторе экономики замещаются меньшим количеством высококачественных ресурсов. Эффект компенсации происходит, когда недостаток высокоэффективных ресурсов компенсируется применением большего количества ресурсов, низкокачественных, разумеется, если они доступны и имеют относительно низкую цену. Исходя из этого, процесс экономического роста в национальной экономике связан с уникальным распределением и взаимодействием эффектов компенсации и замещения.

Нужно отметить, что Ю.В. Ярёмченко хорошо понимал специфику неэкономических факторов, воздействующих на российскую экономику вне зависимости от общественного строя, той или иной экономической модели. Имеются в виду факторы географического (пространственного) и природно-климатического порядков. Россия имеет самую большую в мире территорию, причем большинство ее регионов находится в зоне холодного резко-континентального климата. Значительная протяженность транспортных коммуникаций и холодный климат делают необходимым использование массовых ресурсов в гораздо большей степени, чем это требуется в странах с умеренным климатом и меньшей по размеру территорией.

В советской модели экономики ресурсы распределялись в значительной степени не столько исходя из закономерностей экономического развития, сколько по принципу реализации политических приоритетов. Для СССР важнейшим из этих приоритетов были достижение и поддержание военно-стратегического паритета в холодной войне. Руководством страны наибольшее внимание уделялось отраслям и секторам экономики, которые способствовали достижению этой цели. Остальные секторы снабжались по остаточному принципу. В результате многолетнего использования таких механизмов распределения в народном хозяйстве сформировались несколько технологических уровней. В работах Ю.В. Ярёмко данная хозяйственная система получила название *многоуровневой экономики*. На верхнем уровне, преимущественно в оборонно-промышленном комплексе, в течение длительного периода времени концентрировались самые высококачественные ресурсы: эффективное оборудование, лучшие материалы, квалифицированные инженеры и рабочие и т. д. Гражданским отраслям доставались почти исключительно массовые ресурсы. Их повышенное потребление компенсировало дефицит качественных ресурсов.

Беспрецедентная внеэкономическая нагрузка привела к нарастанию различного рода диспропорций во всей экономической системе. Длительное время удавалось нивелировать их разрушительное воздействие с помощью ряда отраслей, которые выполняли не только свою технологическую, но еще и функцию поддержки производства. Если выпуск продукции в определенной отрасли увеличивался за счет использования низкокачественных технологий с повышенными трудозатратами, то в этом случае происходило наращивание производства энергии, сырья и конструкционных материалов, увеличивался объем грузовых перевозок, массово привлекалась рабочая сила низкой квалификации.

Таким образом, поддерживающие отрасли выполняли важную задачу обеспечения структурной сбалансированности, макроэкономического равновесия всего народного хозяйства путем постоянно возрастающего производства массовых ресурсов. Принципиально важно то, что в советской модели экономики это было возможно, поскольку затраты на производство массовых ресурсов были низкими. Соответственно была построена система ценообразования.

Проект перехода к новой экономической модели. В конце 1980-х гг. Ю.В. Ярёмко выступил с конкретными предложениями по проведению хозяйственной реформы в стране. Позже, по ходу трансформации советской модели в рыночную, он дополнял свой первоначальный проект новыми идеями.

Главные стратегические цели хозяйственной реформы: ускорение технического прогресса и повышение на этой основе эффективности общественного производства. Их нельзя достигнуть без устранения структурных диспропорций. Только посредством целенаправленного и комплексного перераспределения ресурсов в технологически отставшие отрасли, концентрации в этих отраслях новейших научно-исследовательских и проектных разработок, создания там производственной базы, обладающей всеми необходимыми составляющими современного производства, можно добиться сбалансированности структуры российской экономики, восстановить целостность всего воспроизводственного процесса. Важное значение приобретают демилитаризация экономики, снижение внеэкономической нагрузки на нее. В ВПК были сосредоточены наиболее высококвалифицированные кадры, мощный производственный аппарат, развитая база НИОКР и т. д. С помощью использования потенциала ВПК и грамотно проведенной конверсии можно было бы решить многие важные задачи: преодоление глубокой неоднородности технологической структуры экономики, применение высоких технологий оборонного комплекса для широкой горизонтальной кооперации с гражданскими предприятиями, формирование новой технологической базы для прорыва в развитии производства наукоемкой продукции. Наконец, в рамках такого подхода мог быть реализован основной структурный сдвиг: переход к относительно некапиталоемкому пути социальной переориентации экономики за счет массового вовлечения технологического потенциала оборонных отраслей в сферу отечественного производства традиционных и наукоемких товаров народного потребления. Все это потребовало бы стратегического и комплексного подхода к управлению всей экономикой, поэтому без современного аналога Госплана на весь период экономической трансформации страны не обойтись. Такого рода сильный централизованный институт был бы способен наиболее эффективным способом обеспечить достижение структурно-технологического равновесия в хозяйственной системе, реализовать сдвиг в направлении обеспечения отечественной продукцией растущих потребительских стандартов населения. Естественно, данный институт должен использовать в управлении обновленный арсенал инструментов воздействия.

Следующий пункт проекта Ю.В. Ярёменко — относительная автаркия российской экономики. Она позволила бы защитить нашу обрабатывающую промышленность, снизить спрос на импортный ширпотреб (расширить пространство для отечественной потребительской продукции), ограничить экспорт сырьевых ресурсов путем введения таких тарифов, которые давали бы возможность поддерживать

приемлемый уровень цен на продукцию добывающей промышленности внутри страны. Что касается сырьевых отраслей, то здесь понадобилась бы какая-либо форма их национализации для решения инфраструктурных и социальных проблем, задач модернизации производственного аппарата, восстановления технологического ядра обрабатывающей промышленности.

Таким образом, в работах Ю.В. Ярёмченко сформировался оригинальный проект реформирования советской экономики, соответствующий национальным интересам и основанный на идеях конверсии и широкого маневра ресурсами в пользу потребительского сектора, который можно назвать «социальной плановой экономикой».

Формирование российской рыночной модели экономики на практике происходило путем проведения радикальных реформ в соответствии с положениями «Вашингтонского консенсуса». Реформы начались с либерализации цен, что оказало существенное влияние на стоимостную и технологическую структуру экономики. Либералы-реформаторы полагали, что стоит одномоментно отпустить цены — и рынок расставит все по своим местам и, в конечном счете, приведет к прогрессивной структурной перестройке экономики. На самом деле отчислительные цены, которые сформировались после ценового шока, уже не обеспечивали распределения разнокачественных ресурсов в соответствии с техническими коэффициентами. Они перестали покрывать текущие затраты производства. Произошедшее отклонение цен от стоимостей, во многих случаях значительное, привело к нарушению и сбоям во всем воспроизводственном процессе. Из теории многоуровневой экономики следовало, что ценовой шок сам по себе не ведет к прогрессивным структурным и технологическим сдвигам. При изменении цен эффект замещения массовых ресурсов низкого качества меньшим количеством высококачественных ресурсов может сработать, если хозяйственная система имеет возможность производить качественные ресурсы в возрастающих масштабах. Это означает, что сначала необходимо произвести технологический маневр, который и должен подготовить изменение цен.

В первую очередь резкое увеличение цен на массовые ресурсы привело к негативным последствиям тех секторов экономики, которые преимущественно были ориентированы на внутреннее потребление. Произошел значительный спад производства, приведший к технологической деградации этих секторов. В отраслях, производящих массовые ресурсы, резко возросли цены, и они перестали выполнять поддерживающие функции всей экономики, функции ее балансирования.

Либерализация внешней торговли привела к тому, что многим производителям массовых ресурсов стало выгодно поставлять продукцию на внешний рынок. Сюда можно отнести топливно-энергетический комплекс (ТЭК), черную и цветную металлургию, отдельные предприятия лесной, целлюлозно-бумажной и химической промышленности, которые составили основу экспортно-ориентированного сектора отечественной экономики. Продажи за рубеж позволяют значительной части предприятий этого сектора получать не только прибыль, но и рентный доход. На российский же рынок производителям массовых ресурсов работать стало невыгодно, поскольку внутренние цены государством удерживались на довольно низком уровне. Эти предприятия стали оказывать мощное давление в пользу отказа от поддерживающих и балансирующих функций и повышения цен внутри страны. Начался процесс сближения внутренних цен на массовые ресурсы с мировыми ценами, что по технологическим цепочкам вызвало рост издержек производства предприятий внутренне-ориентированного сектора экономики. На этих предприятиях произошло резкое падение выпуска продукции. Освободившееся экономическое пространство было заполнено импортом.

Часть сверхдоходов от продажи сырья и продукции первого периферия за рубеж была направлена на развитие финансового сектора, компрадорской торговли и сферы услуг. Произошла анклавизация российской экономики, т. е. наличие отдельных очагов благополучия на общем фоне деградации. Таким образом, к концу 1990-х гг. была сформирована экспортно-сырьевая двухсекторная модель российской экономики полупериферийного типа. В 2000-х гг. она была определенным образом модернизирована, но не утратила своего кризисного характера.

В таблице 1 показано различие взглядов академика и приверженцев «Вашингтонского консенсуса» на российскую и мировую экономику, содержание и методы проведения экономических реформ.

Поскольку экономические реформы стали проводиться в жизнь не по научно обоснованной теории многоуровневой экономики, а по сценарию «Вашингтонского консенсуса», что в первую очередь отвечало интересам государств — геополитических и экономических конкурентов России, постольку результаты такого реформирования не могли не быть удручающими. Кроме процессов обвального падения производства, технологической деградации экономики, о чем предупреждал Ю.В. Ярёмченко, ситуация усугубилась последствиями распада СССР, разрывом хозяйственных связей с бывшими союзными республиками и со странами социалистического лагеря, раскрытием экономических границ перед развитыми государствами и ТНК. Все

это привело к значительному ослаблению национальной экономики страны, депопуляции и падению уровня жизни абсолютного большинства населения. Россия оказалась беззащитной перед внешними и внутренними угрозами.

Таблица 1

Сравнение позиций Ю.В. Ярёменко и либералов-реформаторов

Ю.В. Ярёменко	Либералы-реформаторы
Оригинальная теория многоуровневой экономики	Неоклассическая догматика
Экономика — живой организм, единое целое, у каждой отрасли — свои функции	Экономика — бездушный механизм, конгломерат хозяйствующих субъектов
Функционирование экономики — взаимодействие (замещение и компенсация) качественных и массовых ресурсов	Функционирование экономики как «горизонталь обменов»
Учет российской специфики (неэкономических факторов)	Национальная специфика особого значения не имеет
Создание структурно-технологических предпосылок для либерализации цен	Одномоментный отпуск цен, рыночная селекция предприятий (итог — экономический спад, разрушения целых отраслей)
Принцип соответствия институциональных изменений ресурсно-структурной среде	Фетиш институциональных изменений
Ведущий ресурс реструктуризации экономики — научно-производственный потенциал ВПК	Упор на развитие ТЭК
Использование ресурсов ВПК для реструктурирования всей экономики, конверсия	Резкое сокращение оборонного заказа — обвальное падение производства
Важная цель экономической политики — преодоление технологической неоднородности экономики, структурная сбалансированность	Важная цель экономической политики — подавление инфляции путем ограничения предложения денег и сокращения социальных расходов

Продолжение табл. 1

Приоритетное развитие потребительского сектора	Приоритетное развитие экспортно-сырьевого сектора, рост импорта (включая ширпотреб)
Эффективное госрегулирование экономики, стратегическое планирование	Уход государства из экономики, планофобия, нежелание проводить промышленную политику
Мировая экономика — иерархическая («сословная») система, в формировании которой особую роль играет технологическое лидерство, глобальный монополизм	Мировая экономика — горизонтальное поле свободной конкуренции, на котором все равны
Умеренная автаркия	Постоянный рост открытости экономики (+ вступление в ВТО на неприемлемых для РФ условиях)
Расширение внутренних рынков и укрепление на них позиций отечественных товаропроизводителей	Расширение экспортного потенциала за счет интеграции российских производителей в транснациональные технологические цепочки
Суверенное развитие в соответствии с национальными интересами	Фактически зависимое развитие в соответствии с интересами сформировавшейся в результате реформ олигархии и компрадорской буржуазии

Формирование теории экономической безопасности. Сложившееся положение потребовало от отечественных исследователей сконцентрироваться на разработке проблем национальной безопасности страны и экономической безопасности как ее материальной основы. Значительная часть ведущих российских ученых предложила свое видение этой насущной проблемы. Их работы были положены в основу формирующейся научной теории (системы) экономической безопасности. При имеющихся различиях в подходах к этой сложной системе постепенно сформировались ее категориальный аппарат и инструментарий. Достигнута определенная ясность в понимании предмета данной теории, объектов и субъектов экономической безопасности, ее уровней (международного, национального, региона, отрасли, фирмы и т. д.). К основным видам национальной экономической безопасности относят структурную, научно-технологическую,

энергетическую, промышленную, продовольственную, социально-демографическую, экологическую, финансовую, внешнеэкономическую и др. Поскольку понятие (категория) экономической безопасности так или иначе связана с состоянием защищенности интересов общества и его структурных звеньев в хозяйственной сфере от внутренних и внешних угроз, постольку учет экономических интересов разных групп населения, хозяйствующих субъектов, отраслей и регионов, их согласование и формирование динамического баланса этих интересов принципиально важны для механизма обеспечения экономической безопасности. Угрозами принято считать такие явления и процессы, которые оказывают негативное и даже разрушающее воздействие на объект безопасности, ограничивают экономические интересы людей. Угрозы экономике можно классифицировать по разным основаниям, но еще важнее их вовремя распознать и оценить. Оценку экономической безопасности производят с помощью критериальных показателей, которые должны отвечать составу основных угроз в сфере экономики. Их главное предназначение — сигнализировать о грозящих или уже действующих на экономику опасностях для того, чтобы предпринимать меры по их предупреждению и нейтрализации. Сравнение фактических и пороговых значений критериальных показателей и дает возможность оценить уровень экономической безопасности. В литературе предложены различные меры по повышению уровня безопасности в сфере экономики. Создана и совершенствуется правовая база регулирования всего комплекса проблем безопасности в стране. Сформировалась институциональная система обеспечения экономической и национальной безопасности. В 2011 г. утвержден госстандарт ВПО по специальности 080101 «Экономическая безопасность».

Надо сказать, что между теорией многоуровневой экономики Ю.В. Ярёмченко и теорией экономической безопасности есть много общего. Обе по существу являются теоретическим и практическим ответом на насущные проблемы отечественной экономики, продуктом русской экономической мысли, исходят из примата национальных интересов и адекватно отражают особенности российской цивилизации и ее хозяйства. Доказательная база этих теорий формировалась путем анализа большого фактического материала по хозяйственной системе нашей страны, а не была развитием неких заимствованных импортных концепций. Эти теории операциональны, они сформировали свой оригинальный инструментарий для исследования экономики и имеют прямой выход на хозяйственную практику. Теорию многоуровневой экономики можно рассматривать как концепцию механизма обеспечения экономической безопасности, во вся-

ком случае, ее структурного и научно-технологического видов. Обе теории должны стать важными разделами более общей теории национальной экономики России.

Литература

1. Орехов А.М. Методы экономических исследований. М., 2006.
2. Яременко Ю.В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. М., 1997.
3. Яременко Ю.В. Прогнозы развития народного хозяйства и варианты экономической политики. М., 1997.
4. Яременко Ю.В. Приоритеты структурной политики и опыт реформ. М., 1999.

И.С. ЗОЛКИН

Первые итоги членства России в ВТО: влияние на внешнеэкономическую безопасность

Больше года прошло после вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию (ВТО). Национальное хозяйство нашей страны было включено в глобальную экономическую систему в качестве полноправного члена. На протяжении переходного периода поэтапно будут снижаться различные барьеры на пути свободного перемещения товаров, услуг и других объектов экономики через границы российского государства.

В течение всех 2000-х гг. и в перспективе в мировой экономике происходили и будут продолжены различные процессы, которые можно идентифицировать как угрозы и риски для России. В мире усиливаются новые центры экономической силы, в частности, Китай, который завоевывает доминирующее положение на товарных рынках как «традиционно российских», так и новых, технологически сложных. Это может привести к дальнейшему углублению сырьевой направленности российского экспорта. Продолжается передел мирового энергетического рынка, связанного со «сланцевой революцией», использованием нетрадиционных и альтернативных источников энергии, снижением удельных затрат энергоносителей на единицу мирового ВВП и т. д. Соответственно изменяется динамика спроса и уровня цен на сырьевые товары российского экспорта, что ограничи-

вает потенциал дальнейшего роста доходов от продажи сырья на мировом рынке.

Угрозы российской экономике в инновационной сфере заключаются в том, что переход к инновационному развитию происходит не только в развитых, но и в развивающихся странах. Постоянно идет разработка новых технологий, продуктов и услуг, разнообразные инструменты государственной политики обеспечивают структурную перестройку хозяйства и повышение качества жизни, решение социальных и экологических проблем. В России процессы технологического перевооружения экономики развиваются с задержкой и далеко не так интенсивно, как в динамично развивающихся странах. Имеющийся потенциал отечественных производителей наукоемкой продукции используется недостаточно, в результате возрастает зависимость от иностранных технологий.

Наконец, неурегулированность и стратегическая нестабильность развития мировой финансово-экономической системы, особенно проявившиеся в период мирового кризиса, также не способствуют созданию условий для динамичного развития российской экономики.

На фоне этих процессов, угроз и рисков и произошло присоединение России к ВТО. Необходимость такого присоединения обосновывалась разными обещаниями, прогнозами и предположениями. Они выделены в тексте курсивом.

Рассмотрим, как сбылись эти прогнозы на основании недавно опубликованных Росстатом и ЦБР статистических итогов экономического развития страны за первое полугодие 2013 г. [1; 2]. Будем анализировать эти итоги с позиций внешнеэкономической безопасности как такого состояния и развития хозяйственной системы страны, при которых обеспечивается ее защищенность от воздействия угроз внешнеэкономической сферы. Сравним показатели внешнеэкономической безопасности первого полугодия прошлого года с показателями первого полугодия текущего года. В соответствии с разработанным ранее подходом во внешнеэкономической безопасности выделим ее следующие подвиды, связанные с перемещением через границы государства определенных товарных групп и других экономических ресурсов: сырьевую (включая энергетическую), продовольственную, промышленную, технологическую, миграционную и финансовую безопасность [3].

Прогноз: улучшится структура экспорта. Структура экспортной (в широком смысле) безопасности выглядит следующим образом. На основании данных по товарным группам ФТС РФ, сырьевая безопасность (доля топливно-энергетических товаров в экспорте в первом полугодии 2012 г. и первом полугодии 2013 г.) составила 71,0 и 71,3%

соответственно. Данные по продовольственной безопасности (доля в экспорте продовольственных товаров): 2,9 и 2,4%, по промышленной безопасности (удельный вес в экспорте машин, оборудования и транспортных средств): 4,6 и 5,1%, по технологической безопасности (доля в экспорте продукции авиакосмической промышленности, компьютерно-офисной техники, электроники и телекоммуникационного оборудования, фармацевтической продукции, научных приборов): 3,0 и 4,1%. Данные по миграционной безопасности (выбывшие из России, чел.): 1639277 и 1811043 (рост в 1,1 раза), финансовой безопасности (вывоз – ввоз капитала = чистый вывоз частного капитала, млрд дол. США): 40,1 и 38,4. Таким образом, сырьевая направленность экспорта несколько усилилась, эмиграция в основном качественной рабочей силы возросла на 10%, экспорт продовольствия сократился, но в то же время улучшились позиции по промышленной, технологической и финансовой безопасности.

Прогноз: улучшится структура импорта. Показатели структуры импортной (в широком смысле) безопасности: продовольственная безопасность: 13,2 и 13,4%, промышленная безопасность: 50,0 и 48,8%, технологическая безопасность: 15,2 и 12,4%, миграционная безопасность (прибывшие в Россию, чел.): 1781774 и 1940959 (рост в 1,1 раза). Импорт сырья в Россию незначителен (страна располагает значительной сырьевой базой), финансовая безопасность показана выше. Итог: усилилась импортная зависимость от продовольствия, почти на 10% увеличилось число иммигрантов преимущественно низкой квалификации, доля промышленных и высокотехнологичных товаров сократилась, что в условиях необходимости проведения ускоренной модернизации экономики вряд ли является позитивным моментом. Общий баланс по экспорту-импорту: минусов больше чем плюсов.

Прогноз: резко возрастет поступление иностранных инвестиций в Россию. Их общий объем в I полугодии 2013 г. в сравнении с I полугодием 2012 г. вырос на 32% и составил 98,8 млрд дол., причем прямые инвестиции увеличились на 60%. Больше всего зарубежных инвестиций поступило в обрабатывающую промышленность — 59% от общего объема. Правда, значительную долю иностранных инвестиций составляют различного рода кредиты, а не вложения в технологическое перевооружение и модернизацию российской экономики. Кроме того, нужно иметь в виду, что часть зарубежных инвестиций — это вывезенные российские средства, которые после легализации за границей (в основном в офшорах), возвращаются под видом иностранных инвестиций в Россию. Но в целом можно считать, что по данному показателю прогнозы начинают сбываться.

Прогноз: объем внешней торговли возрастет, внешний долг снизится. С этими макропоказателями пока все наоборот. Внешнеторговый оборот России в I полугодии 2013 г. по сравнению с I полугодием 2012 г. сократился на 0,7 % и составил, по данным Банка России, 413,4 млрд дол., в том числе экспорт — 252,5 млрд дол. (снижение на 3,8%), импорт — 160,9 млрд дол. (рост на 4,4%). Положительное сальдо торгового баланса сократилось на 16,7 млрд дол. Внешний долг РФ увеличился с 575 млрд дол. до 704 млрд дол. (рост в 1,22 раза).

Прогноз: в результате роста дешевого импорта (уменьшены таможенные пошлины) и усиления конкуренции снизятся цены на потребительские товары. Прогноз не оправдался. Индекс потребительских цен в I полугодии 2012 г. составил 103,8%, а в I полугодии 2013 г. уже 107,2% (при пороговом значении 106%).

Теперь приведем данные по динамике показателей национальной экономической безопасности в целом за те же периоды. Сначала рассмотрим те индикаторы, по которым в экономической литературе, в частности В.К. Сенчаговым, предложены пороговые значения [4, 290]. Принципиальное значение для защиты национальных интересов имеет темп прироста ВВП. Поскольку в мировом хозяйстве экономическая динамика важна не только сама по себе, но и в сравнении с соседними крупными странами, развивающимися ускоренными темпами, постольку темпы роста российской экономики должны быть сопряжены с динамикой этих стран. Иначе разрыв в уровнях экономической мощи и соответственно безопасности России и других государств будет постоянно увеличиваться. Речь идет, прежде всего, о темпах прироста экономики КНР. Больше тридцати лет они составляли 10% в среднегодовом исчислении. За это время наша страна пережила затухание темпов роста в позднесоветский период, глубокий и длительный трансформационный спад 1990-х гг., мировой финансово-экономический кризис 2008—2009 гг. Последние данные по темпам прироста ВВП Китая таковы: II квартал 2013 г. к II кварталу 2012 г. 7,5%. Прирост ВВП РФ I полугодия 2012 г. к I полугодию 2011 г. 4,5%, I полугодия 2013 г. к I полугодию 2012 г. 1,4% (т. е. падение в 3 раза). Правительство России определяет среднегодовой темп прироста ВВП в 2013 г. и в последующие годы не менее 5% (по существу, это пороговое значение вышеуказанного показателя) [5]. В.К. Сенчагов считает, что в данном случае порог составляет 6%, что, на наш взгляд, более обосновано, учитывая наше нарастающее отставание от Китая с 1978 г.

Международные резервы (так называемая «подушка безопасности») на конец I полугодия 2012 г. достигли величины в 514 млрд

дол., на конец I полугодия 2013 г. 517 млрд дол. при нижнем пороге 250 млрд дол. Но в данном случае, по-видимому, должен быть и верхний предел, поскольку выведение из воспроизводственного процесса слишком больших объемов ресурсов будет тормозить экономический рост, негативно отражаться на уровне жизни населения и т. д.

Данные по приростам отраслей экономики (I полугодие 2012 г. к I полугодю 2011 г. и I полугодие 2013 г. к I полугодю 2012 г.) следующие. Приросты продукции промышленности составили 3,1 и 0,1%, сельского хозяйства — 4,2 и 2,0%, грузооборота транспорта — 2,9 и -0,9%, оборота розничной торговли — 7,7 и 3,7%. Приросты инвестиций в основной капитал за соответствующие периоды также обнаружили тенденцию к снижению: 12,8 и 11,7%.

Таким образом, можно констатировать, что функционирование российской экономики по международным правилам ВТО в течение шести месяцев 2013 г. оказало противоречивое воздействие на внешнеэкономическую безопасность страны, но негативных тенденций в динамике ее показателей оказалось больше в общем балансе плюсов и минусов членства РФ в этой международной организации. Сложнее обстоит дело с влиянием новых правил на общеэкономическую и отраслевую динамику национального хозяйства России. В этом случае позитивных трендов по рассмотренным показателям практически вообще не наблюдалось. Такой результат вызван многими причинами, в том числе и действием различных угроз. Речь идет об изношенности основного капитала и инфраструктуры, недостаточно высокой конкурентоспособности российской продукции, существуют большие проблемы с финансовой системой, деловым и инвестиционным климатом, качеством государственного регулирования и институтов и т. д. Но все это было и до вступления нашей страны в ВТО. Следовательно, нельзя отрицать влияния новых правил экономической деятельности на современное состояние российской экономики.

Разумеется, годовое участие нашей страны в ВТО — срок небольшой, и рано делать далеко идущие выводы. Многие страны (как развивающиеся, так и с трансформационной экономикой) сталкивались с проблемой снижения темпов роста сразу после вступления в ВТО. Но затем экономики этих стран перестраивались, и экономический рост возобновлялся. Что же касается нашей страны, то для смягчения негативных последствий переходного периода правительство РФ разрабатывает специальные меры по адаптации национального хозяйства России к новым условиям хозяйственной деятельности.

Литература

1. Официальный интернет-портал Федеральной службы государственной статистики // <http://www.gks.ru>.
2. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации // <http://www.cbr.ru>.
3. Золкин И.С. Внешнеэкономическая безопасность России: содержание, угрозы и оценка состояния // *Философия хозяйства*. 2012. № 4.
4. Инновационные преобразования как императив устойчивого развития и экономической безопасности России / Под ред. В.К. Сенчагова. М., 2013.
5. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года // <http://government.ru/info/761>.

А.А. ЗАЛЕТНЫЙ

Сущее и должное в экономическом поведении: перекличка веков и народов

Проблема сущего и должного в экономическом поведении, как и в поведении человека вообще — одна из «вечных» проблем экономической (и не только экономической) мысли. Тем более важно обращение к ней в наши дни — во времена глобальных экономических трансформаций как в нашей стране, так и в мире. Тем более становится очевидным, что при всей ее «вечности» наиболее пристальное внимание эта проблема приковывает к себе на переломных точках экономической (и вообще человеческой) истории. Наконец, тем более обращает на себя внимание то обстоятельство, что во все переломные (и иные) времена, практически всеми представителями экономической мысли подчеркивалось одно обстоятельство: недолжное поведение экономических субъектов занимает одно из самых центральных мест в цепи причин экономических катаклизмов, да и вообще деструктивных для экономики (в том числе и для самих экономических субъектов) феноменов любого масштаба и характера.

В 2012 г. в мире «прогремело» выступление бывшего сотрудника высшего звена банка «Голдман Сакс» Грега Смита, опубликовавшего в марте 2012 г. статью в газете «Нью-Йорк Таймс» [1], а в октябре того же года — книгу [2], в которых изложил мотивы своей добровольной отставки из этого банка. С их деталями можно ознако-

миться, обратившись к первоисточникам, но для нас сейчас главное то, что лежало в их основе: безответственность и аморальность поведения при капитализме.

Эти безответственность и аморальность нередко оправданы принципом «невидимой руки», выдвинутым другим Смитом — Адамом. Названный принцип, вырванный из контекста весьма сложного и многогранного философского трактата, нередко совершенно бездумно приводится в оправдание несправедливости, неравенства возможностей, расслоения на богатых и бедных и т. п. Однако в чем же состоял этот принцип? Самое удивительное, что «невидимая рука», согласно Смигу, может действовать, если ей не будут мешать не только государство, но и монополии. А именно про монополии обычно и «забывают». Более того, согласно Адаму Смигу, люди могут процветать в своей экономической деятельности лишь тогда, когда они защищены законами от «беспринципного» эксплуататора, кем бы этот эксплуататор ни был [3; 4].

Но ведь именно то же и пытается донести до нас Грег Смит! Он выступает против монопольной власти банка «Голдман Сакс», власти не только экономической, но и социальной!

Обращаясь вновь к Адаму Смигу, вспомним: более того, богатство народов, по мнению Адама Смита, просто недостижимо, если значительная — тем более трудящаяся — часть общества живет в бедности и страданиях. Так, в частности, Адам Смит писал: «Скудное существование трудящихся бедняков, с другой стороны, служит естественным симптомом того, что страна переживает застой, а их голодание — что она быстро идет к упадку» [3, 125]. И — еще более широко: «Ни одно общество, без сомнения, не может процветать и быть счастливым, если значительнейшая часть его членов бедна и несчастна» [3, 130]. Эти утверждения Смита неплохо бы «открыть» для себя современным российским апологетам капитализма и чиновникам «от экономики».

А какую же роль А. Смит отводил государству? Российские реформаторы последних двадцать лет будут потрясены, но Смит считал, что именно государство должно заниматься не только национальной обороной, юстицией, обеспечением общественного порядка, но и *образованием* граждан. В труде А. Смита этим вопросам специально посвящено две статьи — вторая и третья — отдела третьей главы первой книги пятой «О доходах государя или государства», каковые статьи называются соответственно «О расходах на учреждения для образования юношества» и «О расходах на учреждения для образования людей всех возрастов». Для своего (да теперь и для нашего) времени значимо, как Смит подчеркивал: «Образование простого народа

в цивилизованном и торговом обществе требует, пожалуй, большего внимания и содействия государства, чем образование людей знатных и состоятельных» [3, 723]. Да, именно *государство*, а не частные высшие учебные заведения, а не частные «меценаты» — как минимум, две последние группы *не в первую, далеко не в первую* очередь. В этой связи, мягко говоря, неоднозначным представляется бытующий в нынешних слоях руководства экономикой страны принцип, что рыночная экономика должна означать в первую очередь негосударственное финансирование образования, если даже крупнейший теоретик рыночной экономики считал иначе.

Но самым главным, центральным принципом Адама Смита, позволяющим «невидимой руке» действовать, был принцип не делай другому того, чего не хотел бы получить сам, принцип в основе своей евангельский. Квинтэссенцию этого Смит дал в другом своем важнейшем труде — «Теории нравственных чувств» [5], в его главе второй «О чувстве справедливости, об угрызении совести и осознании добродетели» отдела второго «О справедливости и благотворительности» части второй «О пороке и добродетели или о поступках, заслуживающих награды, и о поступках, заслуживающих наказания». Вот слова А. Смита: «Если мы имеем в виду поступить так, чтобы поведение наше было одобрено беспристрастным наблюдателем (а обыкновенно это составляет предмет самых горячих наших желаний), то мы должны в таком случае, как и во всех остальных, умерить наше собственное самолюбие и довести его до такой степени, чтобы оно было признано прочими людьми» [5]. И именно этот принцип и никакой иной и делает «невидимую руку» работоспособной. Как особо подчеркивает ряд современных исследователей Смита, при игнорировании последнего принципа общество, по Смицу, в сущности, распадается, теряя возможность как создания «богатства народов», так и достижения членами общества счастья как такового [4].

В сущности о том же говорил великий российский современник Адама Смита — Михаил Васильевич Ломоносов. Экономическая тематика, возможно, и не центральная для всего многогранного ломоносовского наследия, не была и на периферии исследований М.В. Ломоносова. Его послание к И.И. Шувалову от 1 ноября 1761, получившее известность под названием «О сохранении и размножении российского народа», давно стало по сути хрестоматийным. В истории нашей страны, пожалуй, не найдется периода, когда выдвинутые им предложения утратили бы актуальность. Российская современность — не исключение. В настоящей работе мы постараемся ответить на вопрос о том, у истоков понимания каких именно экономических и управленческих проблем, неразрешенных ныне — не только в нашей стране,

но и в целом в мире, — видения путей их разрешения стоял Ломоносов, какой бы парадоксальной с внешней стороны в некоторых моментах не представилась бы такая постановка вопроса.

Институционализация. Известно, что идея Ломоносова о создании «Экономического лексикона российских продуктов» так и осталась не до конца реализованной, соответствующая систематическая работа прервалась со смертью Ломоносова. Но Ломоносовым велась немалая по объему подготовительная работа по его составлению. Вот важнейшие документы, им составленные: «Реестр российским продуктам, натуральным и рукодельным, для скорого прииску сочиненный по алфавиту» (не ранее 11 августа 1763 г.) [6, 297—299], где содержится алфавитный перечень этих самых «продуктов»; «Краткое расположение сочиняемого экономического лексикона российских продуктов и показание внутреннего и внешнего оных сообщения с принадлежащими к тому ландкартами» от 11 августа 1763 г. [3, 294—296], где обозначена предполагавшаяся структура этого самого «Лексикона»; распоряжения Ломоносова, адресованные структурам Российской академии наук и коллегиям (фактически тогдашним министерствам) о сборе необходимых сведений о производившихся тогда в России товарах, предприятиях, а также путях сообщения — «Определение Канцелярии Академии Наук об истребовании сведений, необходимых для составления карт российских продуктов» от 11 августа 1763 г. [6, 293—294], «Записка о сведениях, которые требуются для карт российских продуктов» от 11—13 августа 1763 г. [6, 299], в которой Ломоносов запрашивал сведения также и о количестве купцов и об их распределении по гильдиям; «Промемория Канцелярии Академии Наук в Главную соляную контору о сообщении сведений об усольях и варницах» [6, 299—300] и, наконец, «Определение Канцелярии Академии Наук о вызове купцов для получения сведений о продуктах, поставляемых в Петербург и другие порты» [6, 304].

Фактически Ломоносов не просто предвосхитил, но и ощутил потребность даже для своего времени в необходимости создания института единого *достоверного* реестра предприятий как экономических агентов, о котором во времена Ломоносова задумывался, пожалуй, лишь он один. Это едва ли не самый репрезентативный пример понимания Ломоносовым важности институционализации — создания новых для своего времени институтов как правил деятельности экономических агентов и механизмов поддержания работоспособности таких правил. Существующие в настоящее время формальные институты федерального «единого государственного реестра юридических лиц», на региональном уровне — реестров малых предприятий и прочих подобных, выражаясь ломоносовской терминологией, «лек-

сиконов» такой задачи не решили. Дифференциации реальных экономических агентов и «фиктивных» организаций (так называемых фирм-однодневок), служащих целям, прямо противоречащим сохранению и приумножению богатства России — начиная с уклонения от налогообложения и заканчивая выводом наиболее ликвидных активов за границу, ни в одном из указанных реестров нет. Это один из факторов, способствующих формированию и «успешному» функционированию соответствующих неформальных институтов, направленных на достижение вышеуказанных целей, прямо противоречащих интересам российской экономики.

Оппортунистическое поведение. Еще один нюанс, индикативный для характеристики всесторонности гения Ломоносова даже в рамках его социально-экономического наследия. При внимательном рассмотрении того самого ломоносовского письма Шувалову от 1 ноября 1761 г. мы можем обнаружить, что критика Ломоносовым методики крещения исключительно холодной водой в его п. 7 [7, 390—391] есть не что иное, как критика оппортунистического поведения духовенства, обладавшего государственными полномочиями, от чего такое поведение становилось еще более опасным для сохранения, как бы мы сейчас сказали, генофонда нации: «Таких упрямых попов, кои хотят насильно крестить холодною водою, почитаю я палачами, затем что желают после родин и крестин вскоре и похорон *для своей корысти*» (курсив мой. — А.З.) [7, 391]. Приведенный Ломоносовым пример фактически является примером неблагоприятного отбора, суть которого заключается в отсутствии какого-либо сознательного вмешательства человека в процесс.

Итак, фактически Ломоносов зафиксировал, что формирование *формальных* правил (институтов) экономической деятельности, на пути которого первым этапом должна стать «инвентаризация» всей экономики путем создания «Экономического лексикона российских продуктов» (который, как мы увидели, охватывает не только «продукты»), есть первейшая предпосылка российского экономического роста как в материальном, так и в духовном производстве.

Итак, мы увидели, что неизменными со времен Михаила Ломоносова и Адама Смита остаются (и останутся) три ключевых позиции.

Во-первых, институционализирующая роль государства в материальном и духовном производстве. Во-вторых, необходимость «самоинституционализации» человека как экономического субъекта относительно моральных принципов как первейших институтов. В-третьих, несоблюдение первых двух позиций приводит к нестроениям в экономической и социальной жизни, примерами чего являются разрушение генофонда народа (Ломоносов), баланса интересов экономи-

ческих субъектов (Грег Смит, указывавший, что в «Голдман Сакс» кредиторы-вкладчики банка используются лишь как поставщики денежных средств для генерации прибыли стейкхолдеров банка, но не как кредиторы и тем более не как партнеры банка), вообще упадок государства (Адам Смит).

Мы все (кроме, возможно, самых юных поколений) — свидетели упадка и разрушения такого государства, как Советский Союз. Даже отдаленное приближение к причинам и обстоятельствам его упадка и разрушения — вне рамок настоящей работы. Здесь же отметим, что одно из самых опасных последствий — система, сформировавшаяся на его месте, метко охарактеризованная Д.М. Котцем и Ф. Виром как «серийное хищничество» [8, 354]. Деинституционализация государства практически всегда влечет деинституционализацию экономики и, таким образом, еще опаснее, что «серийное хищничество» — применительно к любому разрушенному государству, а не только СССР — может превратиться в труднопреодолимый замкнутый круг. Максимы должного экономического поведения, сформулированные не только А. Смитом и М.В. Ломоносовым, но также — ранее — и Платоном, и Фомой Аквинским, и Монтескье — одно из немногих (если не единственное) надежных средств для того, чтобы вырваться из этого круга.

Литература

1. *Smith G.* Why I Am Leaving Goldman Sachs // The New York Times. 2012. March 14.
2. *Smith G.* Why I Left Goldman Sachs: A Wall Street Story. N. Y.; Boston, 2012.
3. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007.
4. http://www.britsattheirbest.com/freedom/f_adam_smith.htm
5. *Смит А.* Теория нравственных чувств. М., 1997.
6. *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 9. Служебные документы (1742 — 1765 гг.). М.; Л., 1955.
7. *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии (1747 — 1765 гг.). М.; Л., 1952.
8. *Котц Д.М., Вир Ф.* Путь России от Горбачева к Путину. Гибель советской системы и новая Россия. М., 2013.

А.С. РЫКАЛИН

Перспективы развития теории и практики кооперации

Отечественная кооперативная школа известна и ценится уже давно. Кооперация развита и достигает успехов во всем мире, а в России она по различным причинам предана забвению. Россия вступила в ВТО, члены которой активно поддерживают свое сельское хозяйство и сельские территории с помощью кооперативов. Если мы не сможем овладеть кооперативными инструментами управления экономикой, то нам будет проблематично конкурировать и сотрудничать с другими странами.

Кооперация сегодня может способствовать пересмотру сложившихся деструктивных парадигм: максимизации прибыли, конкуренции, эксплуатации труда, хищнического ростовщичества и т.п. Кооперативы ставят социальные цели и достигают их соответствующими средствами, работают по принципам сотрудничества, взаимопомощи, бережливого производства и уважительного отношения к сотрудникам и партнерам, ответственного бизнеса.

Кооперация — одно из возможных решений накопившихся социально-экономических проблем, например, в направлении конвергенции социализма и капитализма, малых и крупных форм хозяйствования, города и деревни; ответственного бизнеса, бережливого производства, народных предприятий, реальной демократии «снизу» и самоуправления.

Кооперация в мире

Отечественная научная школа кооперации в России сейчас находится в незаслуженном забвении, хотя она широко известна во всем мире еще с начала XX в. Книги выдающего теоретика и практика кооперации А.В. Чаянова можно до сих пор встретить в домашних библиотеках американских и европейских фермеров. И.В. Емельянов, эмигрировавший в США, по-прежнему считается одним из основателей американской школы кооперации [1; 2]. Большинство современных исследователей в США ссылаются на его работы середины XX в. Емельянов вместе с другими русскими кооператорами в 1921 г. организовал Русский институт сельскохозяйственной кооперации в Праге.

В передовых странах развитие получила не только теория кооперации, но и практика ее применения. Кооперативное движение сегодня объединяет более миллиарда людей по всему миру [3]. В 1994 г. ООН оценила, что средства к существованию примерно трех миллиардов людей, т.е. половины мирового населения, были обеспечены кооперативами. Эти организации продолжают играть существенную

социально-экономическую роль для сообществ, в которых они работают.

Кооперативы создают и поддерживают занятость. Во Франции 21 тыс. кооперативов обеспечивают более 1 млн рабочих мест, что составляет 3,5% активного рабочего населения. В Кении 63% населения получают средства к жизни благодаря кооперативным организациям. В Колумбии кооперативное движение обеспечивает почти 140 тыс. непосредственных рабочих мест сотрудникам кооперативов и дополнительно почти 560 тыс. рабочих мест работникам-собственникам в трудовых кооперативах. В Индонезии кооперативы обеспечивают почти 300 тыс. рабочих мест. В США 30 тыс. кооперативов обеспечивают более 2 млн рабочих мест.

Кооперативы — важный экономический фактор в национальных экономиках. В Дании в 2007 г. потребительские кооперативы контролировали 36,4% потребительского розничного рынка. В Японии сельскохозяйственные кооперативы, объединяющие 91% всех японских фермеров, докладывают о доходе в 90 млрд дол. В сельскохозяйственном секторе Маврикия примерно 50% производителей тростникового сахара объединены в кооперативы. В Кот-д'Ивуаре кооперативы в 2002 г. инвестировали 26 млн дол. в открытие школ, строительство дорог в сельской местности и создание медицинских центров для матерей. В Новой Зеландии кооперативные предприятия контролируют 95% внутреннего и экспортного рынка молочных продуктов. В Уругвае кооперативы изготавливают 90% всего молока, 34% меда, 30% пшеницы.

Большая доля населения являются членами кооперативов. В Канаде 40% населения являются членами хотя бы одного кооператива; в Квебеке примерно 70% населения — кооперативные члены, в провинции Саскачеван — 56%. В Малайзии 6,78 млн человек (27% населения) являются членами кооперативов. В Норвегии из населения численностью 4,8 млн человек 2 млн являются членами кооперативов. В Парагвае 783 тыс. человек (18% населения) — члены 1047 кооперативов. В Испании в 2008 г. 6,7 млн человек (15% населения) являлись кооперативными членами.

Международный кооперативный альянс (МКА) представляет порядка 1 млрд индивидуальных членов. Таким образом, по доступным данным, глобальный представительский орган кооперативов является одной из крупнейших неправительственных организаций в мире по количеству людей, которых он представляет.

Наибольшее количество индивидуальных членов кооперативов в рамках МКА числится за США и составляет 305,6 млн человек, объединенных в 30 тыс. кооперативов. На втором месте после США сле-

дует Китай с 160,8 млн индивидуальных членов кооперативов. Далее — Индия (97,6 млн), Япония (75,8 млн), Индонезия (40,6 млн), Франция (32,4 млн), Иран (25,5 млн), Канада (18,1 млн), Соединенное Королевство (11,5 млн) и Бангладеш (11 млн).

Особенно важной становится тема кооперации в условиях членства России в ВТО. Наши партнеры по ВТО имеют развитые системы кооперации. Кооперативная инфраструктура сегодня — признак хорошего тона в мировой экономике. С помощью кооперации можно эффективно развивать сельское хозяйство и сельские территории в рамках ограничений государственной поддержки по правилам ВТО.

Достижения отечественной кооперации

Россия пока не может похвастаться высокими результатами в сфере кооперации. Современной научной школы кооперации практически не существует. Есть разрозненные исследователи кооперации, есть доживающие свой век кафедры и научные отделы по кооперации. В основном используются советские наработки, которые подготавливались совсем при другой конъюнктуре. Ученые, как правило, предлагают в качестве единственного решения кооперативных проблем государственную поддержку, т. е. предлагают развивать кооперацию «сверху» без инициативы «снизу», что ничего общего не имеет с кооперативными принципами.

Практики кооперации жалуются, что наука не может сегодня сделать жизнеспособные предложения для практики с учетом современной экономической ситуации и законодательства. Государственные служащие также не обеспечены научным сопровождением и методикой развития кооперации. Практически нет актуальных исследований и работающих кафедр по кооперации. Даже в Московском государственном университете и ВНИИЭСХ (Россельхозакадемия) исследования по кооперации на современном уровне не ведутся.

Однако несмотря на современные незначительные успехи, отечественная история кооперации, как и зарубежная, имеет множество достижений.

Например, в сталинскую эпоху знаменитые автоматы Судаева в осажденном Ленинграде делались в артелях. А это значит, что они располагали машинным парком, станками и прессами, сварочным оборудованием, достаточно высокой технологией. Артели выпускали лимонад, леденцы, колбасу, консервы. В послевоенные годы в российской глубинке до 40% всех предметов, находящихся в доме (посуда, обувь, мебель и др.) делалось артельщиками. Первые советские ламповые приемники (1930), первые радиолы (1935), первые телевизоры с электронно-лучевой трубкой (1939) выпускала ленинградская артель «Прогресс-Радио».

Ленинградская артель «Столяр-строитель», начав в 1923 г. с саней, колес, хомутов и гробов, к 1955 г. меняет название на «Радиост» — у нее уже крупное производство мебели и радиооборудования. Якутская артель «Металлист», созданная в 1941 г., к середине 1950-х располагала мощной заводской производственной базой. Вологодская артель «Красный партизан», начав производство смолы-живицы в 1934 г., к тому же времени производила ее 3,5 тыс. т, став крупным производством. Гатчинская артель «Юпитер», с 1924 г. выпускавшая галантерейную мелочь, в 1944-м, сразу после освобождения Гатчины, делала остро необходимые в разрушенном городе гвозди, замки, фонари, лопаты, к началу 1950-х выпускала алюминиевую посуду, стиральные машины, сверлильные станки и прессы.

В дореволюционные времена тысячи маслодельных кооперативов производили масла на сотни миллионов рублей и продавали его непосредственно в Англию. В 1914 г. через кооперативы в Англию было продано 8 вагонов яиц. Разрушенная Гражданской войной Россия за экспортную поставку кооперативного льноволокна выручала до 100 млн. р, что составляло почти 10% экспортных поступлений.

«По размаху своей работы, русская кооперация первая в мире. Десятки тысяч кооперативов выросли во всех уголках нашего отечества, объединили в себе миллионы крестьян, рабочих и горожан; многие сотни союзов связали кооперативы в одно целое и придали ему исключительную мощь», — с гордостью писал Александр Чаев. (В 1917 г. в Российской империи насчитывалось порядка 50 тыс. кооперативов всех типов, объединявших около 14 млн человек) [4].

Перспективы кооперации

В отечественной и зарубежной истории кооперации имеется множество достижений. Какие же перспективы открывают кооперативы сегодня? Для ответа обратимся к теории кооперации. Кооперация дословно с английского (cooperation) означает «совместная деятельность». Это один из способов деятельности сообща, альтернативный деятельности по отдельности, отдельно, в конкуренции. Вот какое определение кооператива дает Международный кооперативный альянс (МКА): «кооператив — самостоятельное и добровольное объединение лиц для решения общих экономических, социальных и культурных задач в рамках предприятия с демократическим управлением и совместной собственностью». Ценностями кооперативного движения являются самопомощь, самоответственность, демократичность, равенство, собственность и справедливость. Согласно традициям основателей кооперации члены кооперативов во-

площадью честность, открытость, социальную ответственность и заботу об окружающих.

Многие исследователи начинают историю кооперации или с европейских рабочих, или с декабристов, или с социалистов-утопистов. Но кооперация как совместная деятельность была всегда. В истории менялись законодательство, организационно-правовые формы, имущественные отношения и другое, но совместная деятельность была всегда. Вся свою историю человечество вело совместный образ жизни. Форм «кооперации» было много: общины, артели, соборы, союзы, цеха, казачьи круги, ордена, племена и др. Многообразие форм совместной деятельности обширно и постоянно увеличивается.

Совместная деятельность характерна также для большинства биологических видов. В природе мы наблюдаем стаи, прайды, семьи, косяки, табуны и др. Кооперация естественна. Особенно всегда были развиты коллективные формы жизнедеятельности в русской культуре, что находит свое подтверждение в собрании пословиц и поговорок, в том числе в сборнике В. Даля «Пословицы русского народа». Великий русский писатель Лев Толстой всегда проявлял самый живой интерес к кооперативному движению, называя его «единственной общественной деятельностью, в которой в наше время может участвовать нравственный, уважающий себя человек», добавляя, что «в наше время это одна из лучших деятельностей, которым могут посвятить себя ищущие приложения своих сил молодые люди, желающие служить народу».

В современных условиях кооперация может быть новым парадигмальным решением для накопившихся в обществе социально-экономических проблем. Высокая социальная дифференциация, низкая мотивация и ответственность сотрудников, низкая ответственность бизнеса, недостаточно развитое самоуправление — эти и другие проблемы можно решать с помощью кооперативных организационно-правовых форм и принципов деятельности.

Что такое кооперация? Это третий сектор экономики, баланс между социально-ориентированным общественным сектором и инициативным, деятельным частным. Кооперация — это также баланс частного и общественного. Кооперация — возможность взять лучшее из капитализма и социализма. Это та конвергенция, которую искали на протяжении XX в. П. Сорокин, Ф.Д. Рузвельт и Д.К. Гэлбрэйт. По мнению министра сельского хозяйства России Н. Федорова, кооперация «представляет собой мощную «третью силу» наряду с государственными и частными подходами и видением проблем людей» [4].

Член кооператива остается собственником своего имущества и дохода, но при этом хозяйственно их использует и получает в совме-

стной деятельности с другими членами кооператива. Малые формы хозяйствования со своей инициативностью, предприимчивостью, мотивацией, рациональностью сохраняют свою индивидуальность, но при этом взаимоусиливаются и получают экономию на масштабе, скооперировавшись в более крупные формы.

Теория кооперации тесно связана с другими экономическими теориями, которые также целесообразно применять для всестороннего развития теории и практики кооперации. Институциональная экономика, организационное поведение, теория управления и менеджмента, бережливое производство, экономика соучастия и сотрудничества, ответственность бизнеса, самоуправляемые организации, распределенное управление, теория конвергенции, теория суперсистем, теория вертикальной и горизонтальной интеграции, картельная теория, теория игр, теория фирмы, теория финансов — вот далеко не полный перечень научных направлений, которые могут расширить понимание кооперативов и кооперации как объектов исследования.

В современных исследованиях по кооперации незначительное внимание уделяется внеэкономическим факторам, влияющим на развитие кооперации. Хотя культура, мировоззрение и миропонимание, история, традиции и обычаи, наука и образование, суверенитет и другие внеэкономические факторы имеют решающее значение для развития кооперативов.

Кооперацию эффективно изучать с точки зрения не только экономической науки, но и социологии, биологии, психологии, культурологи. В России, например, многие кооперативы не создались или развалились в первую очередь по причине не экономических, а психологических факторов.

Кооперативы состоят из людей, которые взаимодействуют друг с другом (социологи, психологи, культурологи). В природе есть множество примеров устойчивых сообществ, принципы развития которых могут применяться и для кооперативных сообществ (биология). Подробнее с междисциплинарными исследованиями по кооперации и коллективному взаимодействию можно ознакомиться на портале «The Cooperation Commons» [5] и в трудах Элинон Остром, лауреата Нобелевской премии по экономике 2009 г.

Кооперация против провалов рынка

Кооперация — один из механизмов устранения провалов рынка во всем мире. Это признают и американские, и европейские исследователи. В России рынки еще более несовершенны, чем в Европе и США с их продолжительной историей либерально-рыночных отношений. По данным экспертов Всемирного экономического форума [6],

Россия занимает 118-е место в мире по качеству институтов, 126-е — по эффективности рынка товаров, 72-е — по эффективности рынка труда, 121-е — по уровню развития финансового рынка, 135-е — по уровню конкуренции в экономике, 116-е — по качеству антимонопольной политики.

Провалы существующих рынков и рыночной инфраструктуры мотивируют экономических агентов переносить операции и сделки с рыночного взаимодействия на взаимодействие внутри фирмы, в том числе и кооперативной. Основная цель такого перераспределения управления и ответственности — снизить издержки и повысить результативность операций и сделок.

Кооперативы — это компромисс между издержками рыночных контрактов и издержками управления кооперативной собственностью. Если хорошо развиты рынки и существует низкое качество управления и самоуправления в сообществе потенциальных и существующих членов кооператива, то нет больших стимулов создавать кооператив, так как любые задачи можно решать эффективнее с помощью рыночных сделок. Если же рынки имеют множество провалов, а управленческие навыки кооперативного сообщества высоки, то целесообразно развивать кооператив. Кооперация нашла наибольшее распространение в секторах с большими провалами рынка — сельском хозяйстве и кредитовании.

В сельском хозяйстве существуют положительные экстерналии, которые не оцениваются и не оплачиваются рынком, в результате чего, несмотря на свою стратегическую важность, сельскохозяйственные предприятия имеют низкие показатели финансовой эффективности. Так, по мнению заместителя министра сельского хозяйства РФ А.В. Петрикова, сельское хозяйство как отрасль — не только поставщик продовольствия и сырья для промышленности, но и поставщик энергетических ресурсов (биотопливо), фактор сохранения обжитой сельской местности и контроля территорий, источник рекреации и туризма, фактор сохранения традиционной народной культуры [7].

Развитие кооперации на современном этапе

Для развития отечественной теории и практики кооперации целесообразно искать какую-то наилучшую модель или готовое решение для внедрения. Необходимо с учетом обширного мирового опыта, в том числе и российского, выработать принципы, подходы, пожелания, рекомендации, которые можно будет адаптировать и применять с учетом российских особенностей, в том числе менталитета, истории, конъюнктуры, демографии и др.

В свое время идеологи Вашингтонского консенсуса рекомендовали применять его принципы всем развивающимся странам. Только

после провала реформ по их лекалам, эксперты пришли к выводу, что «они не учли институты», т. е. не учли национальные особенности и стадию развития общества. В 2011 г. Доминик Стросс-Кан, глава МВФ, выступил с заявлением о том, что «Вашингтонский консенсус» «с его упрощенными экономическими представлениями и рецептами рухнул во время кризиса мировой экономики и остался позади» [8]. Так и применять современные наработки американских и европейских кооператоров или русских кооператоров начала XX в. без адаптации к российским условиям нецелесообразно.

Кооперативная наука изменяется в соответствии с вызовами времени, возникающими практическими проблемами, изменением конъюнктуры. Меняются технологии, институциональная среда, структуры рынков, экономические отношения, законодательство, ценности в обществе и др. Все эти факторы напрямую влияют на деятельность кооперативов. Целесообразно пересматривать и кооперативную теорию в соответствии с социально-экономическими изменениями в обществе, а не применять старые теоретические наработки, которые разрабатывались и применялись в совершенно других условиях.

Литература

1. Farmer Cooperative Theory: Recent Developments. Agricultural Cooperative Services Research Report. 1994. No 84.
2. *Ortmann G.F., King R.P.* Agricultural Cooperatives I: History, Theory and Problems. Agrekon, Agricultural Economics Association of South Africa (AEASA)/ 2007. Vol. 46 (1). March.
3. Co-operative Facts and Figures // <http://ica.coop/en/whats-coop/co-operative-facts-figures>.
4. Выступление министра сельского хозяйства Российской Федерации Николая Федорова на Первом Всероссийском съезде сельских кооперативов // <http://www.mcx.ru/news/news/show/10508.195.htm>.
5. <http://www.cooperationcommons.com/>.
6. Всемирный экономический форум: страны БРИК теряют конкурентоспособность // Финмаркет» 2013. 5 сент. (finmarket.ru).
7. Выступление 22.05.2013 на круглом столе Абалкинских чтений «Экономический рост России» по теме «Аграрная Россия. Судьбы российского крестьянства» // <http://www.veorus.ru/conference-220513.html>.
8. Возможен ли «московский консенсус»? // Еженедельное издание Русского института. Вып. 07(49). 2010. 25 марта // http://inozemtsev.net/doc/vert/1269590042_RussJournal.pdf.

А.А. СОБОЛЕВСКАЯ

Хозяйственная мысль и хозяйство на Смоленщине

На Смоленщине хозяйствовал и наблюдал крестьянский труд, описав его в своих знаменитых письмах «Из деревни», один из наиболее известных представителей русской агроэкономической науки Александр Николаевич Энгельгардт. Он стоял в ряду талантливых ученых XIX в., которые создали русскую земледельческую культуру, идя вровень с тогдашней мировой наукой и практикой. В этом ряду стоят И.Т. Болотов, И.М. Комов, В.А. Левшин, С.М. Усов, М.Г. Павлов, А.В. Советов, И.А. Стебут, Д.И. Менделеев, П.А. Костычев, А.С. Ермолова, В.В. Докучаев, А.А. Измайльский. Но хозяйственная жизнь в аграрном секторе России за последующие сто лет «не задалась». Во многом это произошло потому, что результаты подвижнической исследовательской, практической, педагогической и публицистической деятельности этих выдающихся представителей не только русской, но и мировой агрономической науки не нашел достаточного воплощения ни в царское, ни в советское время, а созданное ими научное наследие замалчивалось.

Не стало исключением и наследие Энгельгардта. Его письма «Из деревни» были популярны у широкого читателя, но для царского правительства, наверное, не без оснований, он был в первую очередь сосланным за участие в беспорядках и явно неблагонадежных взглядов человек. В мою бытность в университете о его наследии практически ничего не говорили: в ходу были идеи Ленина по крестьянскому вопросу, Вильямса, в крайнем случае — Докучаева. Видимо, его «крестьянский социализм» носил слишком «прорусский» характер, мало оставляя места революционной интернациональности.

Интерес к идеям Энгельгардта возник у меня на «земельной» почве: мои родители родом со Смоленщины, и я, занявшись в последние годы генеалогией своего семейства, кое-что узнала из жизни своих предков-крестьян и всего того исторического фона, на котором эта жизнь протекала. Можно было сравнить то, что казалось важным Энгельгардту, с тем, что происходило в реальных хозяйствах в последующие годы, а также с тем, во что вылились все усилия наших предшественников.

Из двенадцати писем 1872—1887 гг. одиннадцать впервые были опубликованы в «Отечественных записках», где главным редактором был М.Е. Салтыков-Щедрин, свойственник Энгельгардта по семье жены. Он-то и посоветовал Энгельгардту, обладавшему безусловным даром писателя, оратора и пропагандиста, начать писать деревенские очерки. Двенадцать писем А.Н. и еще письма 1863 г. со-

ставляют довольно увесистое издание в 500 с лишним страниц. В одном из них, седьмом, особенно выпукло подчеркнуты темы труда и его общественного устройства и того, что мы называем «философией хозяйства» — в ней как-то объединяется практически весь круг рассматриваемых им проблем в сжатой форме. Его-то я попытаюсь рассмотреть подробнее.

Хозяин поневоле

В своей деревне Батищево Дорогобужского уезда Смоленской губернии Энгельгардт оказался в 1871 г. по следующим обстоятельствам. 1 декабря 1870 г. он, будучи профессором химии и деканом химического факультета Петербургского земледельческого института, был арестован, около двух месяцев провел в Петропавловской крепости, а затем выслан без срока под надзор полиции по обвинению в «беспорядках и противозаконных сходках и сборищах в Земледельческом институте» [1, 617]. Существует точка зрения, согласно которой он был членом тайного общества «Земля и воля». Отец его, Николай Федорович, отличался взглядами либеральными: учась в Виленском университете, дружил с Адамом Мицкевичем и давал большие суммы на освобождение Польши.

Оказавшись в своем Батищеве, Александр Николаевич начал заниматься хозяйством и, как оказалось, весьма успешно. По словам его сына, Николая Александровича, именно здесь слава его достигает кульминационного пункта: «Его “Письма”... создают ему известность и популярность едва ли не на всю Россию» [1, 511]. Познакомившийся с Энгельгардтом, В. Вернадский, бывавший в тех местах в связи с изучением фосфоритов, считал, что «много зла сделано всем, России, оттого, что такой человек был оторван от дела, ему сродного, и заброшен в отдаленную глушь деревни» [1, 619]. А ведь сам А.Н. свое новое дело по хозяйственному устройению деревни в конце концов посчитал даже более нужным, чем занятия химией. Правда, вначале он с горечью пишет о том, что был лишен этого занятия и привычных устоев жизни. Описывая свой день в первом письме после первого года пребывания в деревне, Энгельгардт сравнивает себя с бывшим кондитером, жившим когда-то «при господах» в дворовых, Савельичем, чувствуя к Савельичу особенное расположение вследствие сходства положений: «Я — отставной профессор; он — отставной кондитер. Вместо того, чтобы читать лекции, возиться с фенолами, крезолами, бензолами, руководить в лаборатории практикантами, я продаю и покупаю быков, дрова, лен, хлеб, вожусь с телятами и поросятами, учу Авдотью делать пикули, солить огурцы, чинить колбасы. Он, Савельич, вместо того, чтобы делать конфеты, пирожки, безе, зе-

фиры, караулит горох, гоняет лошадей из зелени, топит печи. Масса специальных знаний, приобретенных многолетним трудом, остается без приложения как у меня, так и у него» [1, 18]. В то же время он пишет, что читает химические журналы скорее для очищения совести: неловко как-то, занимавшись двадцать лет химией, вдруг бросить свою науку. И признается, что очень часто, читая статью о каком-нибудь парохлорметаталуйдине, задумывается на самом интересном месте и начинает мечтать: «Как бы хорошо было, если бы удалось будущей осенью купить пудов 500 жмаков... навоз-то какой был бы!» [1, 7]. Через пять лет он расскажет о том, что все его мечты сбылись, и уже не будет даже мечтать о возвращении к прежним занятиям. Выпив водочки, в чем не видит никакого порока, подробно рассказывая о естественном и даже полезном умеренном употреблении алкоголя, и, поужинав, ложится спать. «Засыпая, я уже не мечтаю теперь о клевере, потому что мечты исполнились, и клеверные поля существуют в Батищеве. Теперь загады мои идут далее, и я мечтаю как бы устроить винокуренный заводец, и устрою, когда акцизное дело будет настоящим образом установлено, так что можно будет рассчитывать на что-нибудь верное» [1, 147]. Постепенно с вхождением в хозяйство складывалась в систему его хозяйственная мысль. Наиболее отчетливо она выразилась в седьмом письме, написанном осенью 1878 г.

Поэма о труде

Начинает Энгельгардт письмо рассказом о работе грабаров, т. е. крестьян, нанимающихся в свободное от обработки своей земли время расчищать поля и луга от самосеянных деревьев, копать канавы для стока воды, пруды и для других работ землекопов. Надо сказать, что он не ограничивается анализом труда работника, хотя и это есть: говорит о его особом инструменте, работе артелью, специфической пище и сравнительно высокой оплате их труда. «Инструменты грабора, заступ и тачка — топор они употребляют очень редко и даже при корчевке кустов обыкновенно отсекают коренья заступом — доведены ими до высокой степени совершенства. Применяет грабор эти инструменты опять-таки наисовершеннейшим образом, да оно и понятно, что человек, который совершенно точно знает, сколько на каком харче можно сработать, который считает, что на дешевой работе не стоит хорошо есть, такой человек не сделает лишнего взмаха заступом, не выкинет лишнего фунта земли, и для выполнения каждой работы употребит минимум пудо-футов работы. Понятно, что у таких людей и инструмент налажен наисовершеннейшим образом» [1, 248].

Но это еще и поэма о человеке труда. Энгельгардт пишет, что нельзя не залюбоваться на граборскую работу, тем более что грабор не делает особенных усилий, не мучается на работе, особенно напря-

гая мускулы. Он работает как будто шутя, как будто это легко: «дерн, глыбы земли в пуд весом грабор отрезывает и выкидывает на тачку, точно режет ломтики сыру». Сравнительное ли благосостояние вследствие большого заработка или особенности граборской работы, требующей умственности тому причиною, но граборы интеллигентны и смышлены. Замечательно еще и то, что граборы обладают большим вкусом, любят все делать так, чтобы было красиво, изящно. «Для работ в парках и садах, при расчистке пустошей, если кто хочет соединить полезное с приятным, граборы — просто клад. Даже немцы-садовники, презирающие «русски свинь мужик», дорожат граборами» [1, 249]. И еще: настоящих граборских артелях нет ни пьяниц, ни мошенников, а если и бывают, то сдерживаются артелью.

Мало кто даже из сочувствующих русскому трудовому люду так захватывающе и со знанием дела рассказал о сути его работы, об отношении к ней. Все больше говорили о его страданиях, протяжной песне, желании умереть «к утру» и т. д. Энгельгардт же в труде других видел внутренний смысл. Можно сказать, это не только один из первых опытов анализа труда, но и попытка показать внутренний мотив работника в этом труде. Вообще, не перестаешь удивляться, сколько было сказано и сделано в России, а за советом пошли, как всегда, к заморскому дяде, даже не к немцу.

Артельное хозяйство крестьян

Рассказав столь вдохновенно о труде граборов, Энгельгардт переходит к своей заветной теме — артельного, т. е. коллективного, хозяйства. За эти идеи его не без основания считали сторонником общины, а Маркс, знакомый с его идеями, даже говорил о возможности перехода к коммунизму для России, минуя капитализм. Энгельгардт ищет причину тому, что при общем более высоком благосостоянии граборских деревень по сравнению с большинством прочих крестьянских деревень, существует и множество голых бедняков, бросивших землю, нанимающихся в батраки. И видит корень этого явления в том, что граборы, которые так хорошо устраивают свои рабочие артели, в хозяйственных своих делах действуют разъединенно, не могут, не пытаются, не думают даже об устройстве хозяйственных артелей для ведения хозяйства сообща, хотя «именно коллективный труд лежит в основе зажиточности» [1, 256].

Этот свой тезис он обосновывает долго и тщательно. Примером общинного хозяйства, где сохраняется хороший скот и где ведется хозяйство на общих землях, он называет монастыри. Другой пример — ведение сообща дела, соединенного с общежитием, — зажиточные большие крестьянские дворы и их обеднение при разделах. «Крестья-

янский двор зажиточен, пока семья велика и состоит из значительного числа рабочих, пока существует хотя какой-нибудь союз семейный, пока земля не разделена и работы производятся сообща. Обыкновенно союз этот держится только, пока жив старик, и распадается со смертью его. Чем суровее старик, чем деспотичнее, чем нравственно сильнее, чем большим уважением пользуется от мира, тем больше хозяйственного порядка во дворе, тем зажиточнее двор». Но как ни важна роль хорошего, предусмотрительного и твердого хозяина, все-таки, пишет Энгельгардт, «коренная причина зажиточности и сравнительного благосостояния больших не разделявшихся семей заключается в том, что земля не разделена, что работа производится сообща, что все семейство ест из одного горшка» [1, 257].

Разделение земли, всего хозяйства и всей семьи он считает главным врагом благополучия крестьян. Непременным результатом раздела должна быть бедность, потому что почти все нажитое идет при разделе на постройку новых изб, новых дворов, амбаров, овинов, пунь, на покупку новых корыт, горшков, чашек, «ложек и плошек». Энгельгардт понимал, что удержать крестьянские хозяйства от раздела вряд ли возможно. Да и сам он был против «всяких чиновничьих мероприятий, касающихся внутренней жизни». Выход из бедности, если уж без раздела никак не обойтись, он видит в необходимости действовать в хозяйстве сообща, когда деревни, состоящие из небольшого числа неразделенных дворов, сообща обрабатывают землю, сообща ведут хозяйство. «Занимаясь восемь лет хозяйством, страстно занимаясь им, достигнув в своем хозяйстве, могу сказать, блестящих результатов, убедившись, что земля наша еще очень богата (а когда я садился на хозяйство, то думал совсем противное), изучив помещичьи и деревенские хозяйства, я пришел к убеждению, что у нас первый и самый важный вопрос есть вопрос об артельном хозяйстве. Каждый, кто любит Россию, для кого дорого ее развитие, могущество, сила, должен работать в этом направлении. Это мое убеждение, здесь в деревне выросшее, окрепшее. Мало того, я, веря в русского человека, убежден, что это так и будет, что мы, русские, именно совершив это великое деяние, введем новые способы хозяйничанья» [1, 277]. Все дело в *союзе*. Поэтому вопрос об артельном хозяйстве — наиважнейший, а все агрономические рассуждения о фосфоритах, многопольных системах, об альгаусских скотах и т. п. «просто смешны по своей, так сказать, легкости». Где-то его, наверное, «заносило»: не так уж все это «смешно». Но такой он был увлекающийся хозяин и теоретик.

Энгельгардт понимает, что скорого перехода к артельной обработке надельной земли вряд ли можно было ожидать от крестьян, потому что соединение людей, уже разделившихся и обзаведшихся дом-

ками, дело чрезвычайно трудное. Скорее можно рассчитывать на соединение крестьян для артельного арендования и артельной обработки сторонних земель, например, целых помещичьих имений в полном их составе, поскольку сами помещики устранились от ведения хозяйства. Если крестьяне чрезвычайно легко соединяются в артели для работ на стороне и устраивают свои артельные дела чрезвычайно практично, то они вполне могли бы соединяться для артельного арендования целых имений с полным хозяйством, т. е. постройками, скотом и т. п., тем более что примеры подобных артельных аренд уже были.

Говорит Энгельгардт и о помещичьих хозяйствах, которые в упадке после 1861 г., и о мечте о земле крестьян. Однако он не сомневается, что, будь крестьяне наделены землей в достаточном количестве, производительность громадно увеличится и государство станет богаче. Но, если крестьяне не перейдут к артельному хозяйству и будут хозяйничать каждый двор в одиночку, то и при обилии земли между земледельцами-крестьянами будут и безземельные, и батраки. «Несмотря на общинное владение землей, рядом с “богачами” будет много обезземеленных, фактически батраков. Что же мне или моим детям в том, что я имею право на землю, когда у меня нет ни капитала, ни орудий для обработки? Это все равно, что слепому дать землю — ешь ее!». А если бы целые деревни вели хозяйство сообща, продолжал он, то «крестьяне жили бы зажиточно и, так или иначе, *прибрали бы все земли к своим рукам*» (курсив мой. — А.С.). Ну, уж это было слишком! Кто ж бы позволил? Все эти идеи социалистического толка привели к решению и. о. Начальника главного управления по делам печати П. Вяземского признать неудобным «печатание каких-либо писем известного публициста и агронома Э-та» [1, 476]. А хозяйственная жизнь на Смоленщине шла своим чередом.

«Объективная реальность»

Теперь я перейду к рассказу о том, как реально жили мои предки в Смоленской губернии после реформы 1861 г. Не знаю, насколько крут был мой прадед Михаил, но сумел построить такое хозяйство, которое выстояло и при естественном разделе, вернее — выстояли хозяйства двоих сыновей. Да и как можно жить в одной избе и вести одно хозяйство, когда у обоих больше дюжины детей!

Родословная Соболевских начинается с истории двух братьев Козыревых. Оба они были крепостными крестьянами, проживавшими в деревне Рославльского уезда. Один из них перебрался в другое место — поселение Соболево на Монастырщине. От этого поселения, скорее всего, и произошла фамилия Соболевских. Семья Соболевских

оказалась довольно-таки далеко от первоначального бытования — в селе по названию Сноски Гжатского уезда, примерно в 250 верстах. Свою землю Михаил Соболевский, мой прадед, выкупил при отмене в 1861 г. крепостного права, так что когда у него родились сыновья Дмитрий (прим. в 1878 г.) и Сергей, они были уже свободными и обеспеченными имением людьми.

Капиталистские крестьяне Смоленщины владели мельницами крупорушками, маслобойнями и другими мелкими предприятиями либо арендовали их. Большинство мельниц губернии находилось во владении крестьян. Некоторые крестьяне в Сычевском, Бельском, Поречском и Гжатском уездах приобретали значительные лесные массивы, которые вырубались, и лесные материалы поставлялись купцам. Другие крестьяне имели обширные сенокосы и содержали большие стада коров — до 150 голов. К середине XIX в. получила заметное развитие товарная специализация зажиточных хозяйств смоленских крестьян на технических культурах: конопле, льне и картофеле [2, 58—59]. Одним из таких капиталистских крестьян был мой дед. Образование Дмитрия Михайловича — четыре класса церковно-приходской школы, что вполне хватило ему для того, чтобы не только продолжать дело отца и деда, но и выйти в купеческое сословие: имел он потомственную сметливость, удивительную трудоспособность и деловитость. Дмитрий Михайлович и Прасковья Тихоновна (род. в 1879 г.) обвенчались в 1895 г., а через год Бог им дал первенца, названного, как и отец, Дмитрием. Всего у них родилось 15 детей, но до взрослого возраста дожили восемь: шестеро сыновей и две дочери.

Где-то в 1907 г., когда проходила Столыпинская реформа, Дмитрий Михайлович переселился километра на два севернее Сносок на хутор Волосово. Но все дети записывались в Сносках — там была церковь. Ныне обе деревни ушли под асфальт скоростной автомагистрали Москва — Минск, а их остатки вобрала в себя деревня Сверчково, стоящая на правом берегу Гжати. Вместе с семьей росло и хозяйство. Стадо насчитывало до ста коров, дававших молоко, десятки бидонов отправлялись на близстоящий завод Бландовых и в более отдаленные пункты, даже в Москву. Наладили производство сыра, который реализовывали в торговых лавках того же Гжатска. Когда старшие сыновья начали подрастать, родители стали задумываться об их образовании: время наставало такое, да и возможности были. И постепенно созрело решение переехать в Гжатск. После переезда в город Дмитрий Михайлович занялся торговлей. У него было два магазина: в одном торговали бакалейными товарами и фруктами, в другом — пеньковыми и льняными изделиями, скупая лен по всей округе. Большую часть льна сортировали, прессовали и отправляли на

склад в село Поречье, теперь город Демидов, в 98 км к северу от Смоленска на месте слияния рек Каспли и Гобзы. Груз сплавляли до Риги и дальше продавали за границу. Другую часть сырья использовали на фабрике в селе Казаково, которая принадлежала немцу Рихау. Дмитрий Михайлович Соболевский имел неплохой доход от своего дела, перед Революцией вышел в купеческое звание.

После Революции, потеряв почти все и получив статус «лишняка», т. е. не имея основного гражданского права — избирательного, дед принял решение покинуть родные места. Примерно в конце 1926 г. Соболевские приехали в Москву, куда уже перебрались старшие сыновья, получившие неплохое образование. Так, Алексей Дмитриевич, к 1917 г. успевший получить высшее образование в Московском коммерческом училище, которое позже станет знаменитым Плехановским институтом, осенью 1921 г. поступает в только что организованный Московский химико-технологический институт имени Д.И. Менделеева, который заканчивает как раз в 1926 г. Чтобы получить свое жилье, Дмитрий Михайлович устраивается бригадиром на стройку. Но начинать новую жизнь, да еще на стройке, в 50 лет было ему явно не по силам. В 1930 г. он скоропостижно скончался от острого приступа аппендицита. Все его дети и внуки оказались в Москве, за исключением одного внука — Юрия Алексеевича Соболевского.

Мой двоюродный брат всю свою жизнь прожил в Гжатске. Его дед по матери Теодор Христианович Даувальдер был из семьи швейцарских сыроваров, служил управляющим у помещиков Шапошниковых в усадьбе Родоманово. После революции работал в министерстве сельского хозяйства, преподавал в сельскохозяйственном техникуме в Лотошино, где в начале XIX в. была основана первая и основная база отечественного сыроварения выходцем из Швейцарии Иоганнесом Мюллером. Интересно, что Энгельгардт — тоже из швейцарцев, про которых писал, что они, в отличие от немцев, «которые работать не умеют и не любят и, чуть поправятся, относятся к мужику с презрением и с той подлой грубостью, которой вообще отличаются немцы, особенно наши русские», крестьян так «не затесняют, расплачиваются честно, кулачеством, маклачеством и всякой подобной мерзостью не занимаются, пользуются даже уважением крестьян» [1, 299].

В 1995 г. Юрий Алексеевич пишет заметку в газете «Гжатские новости» (№ 44, 7. 06), названной так, хотя город носит имя Первого космонавта — Гагарин. В ней он затрагивает до недавнего время опасную тему жизни его семьи: рассказ идет о помещиках Шапошниковых и их имении Родоманово, которым когда-то управлял его дед. «Наша страна всегда была богата талантливыми людьми, которые не только жили в ногу со своим временем, но и значительно опережали

его, развивая технический прогресс и совершенствуя экономическую науку, стимулируя промышленное и сельскохозяйственное производство. Смоленщина тут не является исключением. Она дала Отечеству немало славных имен, вспомним хотя бы ученого, агронома Энгельгардта. В уездах в своих имениях жили и трудились помещики, немало делавшие в то время для внедрения всего нового, передового в повседневную жизнь», — пишет Ю.А., рассказывая о помещиках-землевладельцах братьях Шапошниковых, перешедших от старых методов сдачи земли в аренду к перестройке своих хозяйств, организовав переработку продукции земледелия и животноводства. В Родоманове действовали сыроваренный, маслодельный и спиртовой заводы. Шапошниковы не пожалели средств и пригласили к себе на работу высококвалифицированных специалистов из Швейцарии. В результате сыры и масло из Родоманова имели отменные вкусовые качества и пользовались большим успехом на рынках Москвы и Санкт-Петербурга.

Шапошниковы держали много свиней, скармливая им отходы от переработки молока, завели коров ярославской породы, молоко которых наиболее пригодно для сыроваренного производства. Для выдержки («созревания») сыра были построены особые бетонированные погреба, в которых перед Великой Отечественной войной родомановцы закладывали силос. В растениеводстве широко практиковался посев трав и особенно викоовсяной смеси. Во всем поместье не было ни одного клочка необработанной земли. В кичигинских болотах добывался торф, который в смеси с навозом вносился в почву. Большое внимание уделялось коневодству. Наряду с рабочими лошадьми Шапошниковы разводили рысаков. В зимнее время на таком рысаке от Родоманова до Гжатска доезжали за 20 минут. Был построен кирпичный завод, одна из первых электростанций. Шапошниковы непосредственно руководили делами в своем имении: один из братьев был агрономом, жена его — зоотехником, а другой брат вел все финансовые дела и занимался сбытом продукции. Поместье Родоманово выделялось высоким уровнем рентабельности. Шапошниковы доброжелательно относились к крестьянам, нуждающимся оказывали всестороннюю помощь. Для крестьянских детей была построена хорошая школа. Те, кто работал непосредственно в имении, имели хорошее жилье, земельные участки. Поэтому во время Революции 1917 г., когда Шапошниковых попытались изгнать и экспроприировать их личное имущество, на защиту этих помещиков встал весь местный крестьянский люд и дал им возможность спокойно уехать в Гжатск, где братья имели собственный дом. Позднее Шапошниковы перебрались в Москву, где работали в редакции сельскохозяйственного журнала.

Когда началась Великая Отечественная война, братья пошли защищать Отечество, и один из них дослужился до чина полковника.

В заключение Ю.А. пишет: «К сожалению, сохранить прежний высокий уровень производства в годы Советской власти в Родманове не удалось. Но показателен и другой факт — родмановцы за все советское время всегда были в лидерах сельскохозяйственного производства. Увы, погибли сады, посаженные и плодоносившие при Шапошниковых, разрушились заводы, построенные братьями, ослабла плодородная сила земли. Не надо забывать опыт Шапошниковых: в наше время сельскому хозяйству нужны именно такие люди. И мне лично из нашей газеты было приятно узнать, что родмановцы не пали духом, завершили 1994 г. с прибылью, успешно осваивают рыночные отношения».

Увы, надежды на «рыночные отношения» на Смоленщине оказались призрачными. Идет убыль не только сельскохозяйственного, но и населения области вообще. Идет сокращение производства тех сельскохозяйственных культур, которыми она славилась: льна, гречихи. Плохое использование пахотных земель под нужные культуры приводит к тому, что область стала «рекордсменом» по зарастанию заброшенной пашни лесом. Все это дало основание одному ученому географу в письме другому, ныне обитающему в США, написать стихи, в которых перефразируются известные строки Твардовского о войне: «Помнишь, Алеша, дороги Смоленщины? Как шли бесконечные, злые дожди. Как кринки несли нам усталые женщины, прижав как детей, от дождя их к груди». Стихотворение нынешнего географа звучит совсем грустно:

Помни, географ, саванны Смоленщины,
Дикие эти поля,
Освобожденная от деревенщины —
Ни мужика, ни ребенка, ни женщины —
Быстро пустеет земля.
Войны ли, голод, года одиозные,
Город ли, воля творца,
Только пустыней легли грандиозные
Эти просторы, уголья безхозные
Края им нет и конца... [3, 453]

Литература

1. *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872—1887. М., 1999.
2. *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991.
3. *Родман Б.Б., Сиглов М.Р.* Центральная Россия. М., 2009.

Н.М. ЧУРИНОВ
Режим собственности

По своему существу режим собственности есть главная пружина общественной жизни. Касаться этой пружины надо с крайнею осторожностью.

Ш. Летурно

Русский крестьянин зависит от своего клочка земли, стремится к созидательной собственности.

И.А. Ильин

Теоретическое знание о собственности предполагает формирование довольно широкого понятийного аппарата: способ понимания собственности, режим собственности, форма собственности, верховная собственность, абсолютная собственность, верховное обладание, государственная собственность, территориальная собственность, временная собственность, отчуждение собственности, право собственности, наследование собственности, полная движимая собственность, свободная собственность, ведическая собственность, распределение собственности, главная собственность и т. д. Это язык теоретического знания о собственности. И на основе данного языка, без сомнения, можно построить дедуктивные, индуктивные метафизические теории собственности, а также диалектические теории собственности. Однако поскольку в данной работе речь идет главным образом о русском экономическом проекте, постольку в развертывании теории собственности, естественно, оказывается востребованной русская методология, воспринятая отчасти от наших византийских учителей, которые были не склонны завышать значение римского права, как пишет Шарль Летурно (1831—1902), «наше законодательство еще все проникнуто римским правом» [1, 407]. Он (Летурно), несомненно, хорошо зная дело, пишет о западном законодательстве и, соответственно, о характере современной ему жизни Запада.

И когда он пишет: «Нам, с нашим поклонением римскому праву, все эти обычаи кажутся дикими. Тем не менее они господствуют во многих странах» [2, 187], речь идет о том, что способ понимания собственности, принятый на Западе, не совпадает со способом понимания собственности в других странах. Далее он пишет: «Есть основания полагать, что в очень отдаленную эпоху, предшествовавшую основанию греческих республик, Рима, все земледельческие народы

нашего континента жили деревенскими общинами, и организацию эту они сохранили тем дольше, чем больше были ограждены от греко-римского влияния. В Восточной Европе деревенская община удержалась до наших дней. Правда, что в некоторых местностях России деревенская община была восстановлена сравнительно недавно» [1, 320].

Во-первых, что касается греко-римского влияния на Древнюю Русь, то, согласно известным первоисточникам о русском полюдьё, отряды гостей ежегодно обходили огромные пространства русской земли, преодолевая весьма значительные трудности маршрута. При этом полюдьё приписывались качества грабителей и варваров, и, так сказать, независимо от полюдьё, упоминается в качестве мифического факта, что летом ежегодно тысячи, а может быть, десятки тысяч русских судов (по-гречески — моноксилов) с товарами причаливали к берегам византийского города Константинополя для купеческой вольницы. И хорошо известно, что уже начиная с X в. официально русскую молодежь отправляли для обучения в византийские учебные заведения, хотя очевидно, что путь для обучения в византийские учебные заведения был проложен русскими людьми, гораздо раньше. Во-вторых, естественно, что торговля и обучение в учебных заведениях Великой византийской цивилизации тогда, когда Западная Европа пребывала еще в пределах дикости и варварства, формировали мощное социально-экономическое богатство нашего Отечества. В-третьих, стоит задаться вопросом о том, что же в конечном счете представляли собой те товары, которые вывозили из нашей страны в Византию наши купцы? И естественно представить себе, что купцы вывозили произведенные в нашей стране излишки. Отметим, что на тысячах (или на десятках тысяч) моноксилов могло находиться большое количество товаров. И, следовательно, общинное хозяйство Древней Руси было весьма продуктивным, и излишков было достаточно много. Так что вопрос о том, что делать с излишками, да еще в таких масштабах, приобрел фундаментальное значение. И организация купеческих экспедиций посредством полюдьё, гостей представляла собой особую проблему. В некоторых странах излишки буквально сжигали, поскольку их наличие провоцировало определенную социальную угрозу.

Шарль Летурно приводит следующий пример: «С точки зрения земельной собственности если что и уцелело в Индии, пережив все завоевания, так это деревенская община, ведущая свое начало, вероятно, со времен глубокой древности. Уже в IV в. до Р. Х. Неарх, наместник Александра, констатирует существование земледельческих ассоциаций в некоторых местностях Индии — ассоциаций, члены

которых обрабатывают землю сообща и делят между собою продукты. Неарх говорит: “что когда количество продуктов превышало нужды населения, излишек сжигали для того, чтобы никто не оставался праздным”» [1, 243]. В Древней Руси находили более обдуманное применение. Однако объективно многое зависит от способа понимания собственности и принятого режима собственности, от характера верховной и главной собственности, поскольку произведенные излишки в западном их понимании также уничтожаются, но в других целях, порой вместе с производящими их средствами производства, т. е. вместе с заводами, фабриками, сельскохозяйственными производствами, по принципам бедноты от излишка, борьбы с подниманием цен, конкуренции и т. д.

Следовательно, это говорит о том, что уничтожение излишков уже в те времена представало как форма противодействия социальной деградации общества, и, таким образом, понятие «излишек» означает, что полученная в процессе производства собственность утратила созидательный характер и по мере данной утраты поощряет праздность и социальное разложение, т. е. социальную энтропию, рост социальной энтропии. И было ясно, что, если рост социальной энтропии не пресекать, то рост социальной энтропии может принять опасный для жизни общества характер. И, следовательно, представление о созидательной собственности предполагает определенное разнообразие антиэнтропийных процессов, среди которых, на наш взгляд, должны иметь место антиэнтропийные процессы, обеспечивающие, в том числе, уменьшение, ограничение и сокращение социальной энтропии, согласно которым уменьшение энтропии предполагает, что полностью уничтожить ее невозможно, но можно смириться с приемлемым количеством энтропии. Ограничение энтропии, что в данной работе особенно важно, означает устранение той части негэнтропии, которая порождает энтропию. И, наконец, сокращение энтропии — это замена одного качества энтропии на другое качество энтропии и т. д.

Однако очевидно, что поддержание социальной энтропии на приемлемом уровне имеет многообразные формы. Созидательный характер собственности может поддерживать международная торговля, например, известно, что русское полюдь, кроме всего прочего, имело целью установление договоренности регионов Древней Руси о снаряжении массовых торговых экспедиций в Константинополь. Это значит, что Древней Руси торговать с Византийской империей было чем. И действительно, русское полюдь проходило по тем местам, которые принято называть черноземьем, т. е. громадной полосой плодородной земли, где производилась масса излишков сельскохозяйственной продукции, а также той продукции, из которой ткались проч-

ные паруса, благодаря которым можно было совершать долгие торговые путешествия по морям в дальние страны и, продав свои товары, приобретать в центре цивилизованного мира (Византийской империи) то, что выводило Древнюю Русь в ряд передовых стран. Не случайно же исследователи полагают, что в Древней Руси XI в. уже циркулировало около 100 тыс. книг. И нельзя сказать, что Запад мог набраться учености больше у погрязшего в небытие Древнего Рима, чем Русь — у процветающей Византии. Ведь даже знаменитое римское право Запад знал не по римским первоисточникам, а по «Дигестам Юстиниана», и не исключено, что указанные «Дигесты» были византийскими юристами адаптированы не к реальностям погибающего Древнего Рима, а к процветающему Константинополю. Вот у кого учились русские люди. Они учились не у римских фантазеров — провозвестников западных средневековых схоластов, а у тех, кто закладывал основы теории познания как теории отражения, — у византийских иконопочитателей, наследников Гераклита, Эпикура, Аристотеля и т. д., считавших, что ощущения являются источником познания мира. И когда они писали, что человек должен хорошо познать сам себя, то они полагали, что основой данного познания являются ощущения. Русские люди учились диалектике, избегав ошибки западных визави, отождествлявших диалектику и формальную (дедуктивную) логику, и т. д.

Что же касается того, как распорядиться излишками по концепции южных славян, то Эмиль де Лавеле пишет: «Произведения земель и стад общины почти всегда удовлетворяют ее потребностям. Старцев и больных окружают попечения близких людей, так что здесь нет ни пауперизма, ни даже случайной нищеты с редкими исключениями. Когда урожай очень изобилен, то излишек продается господарем, который отдает отчет в употреблении полученных этим путем денег. Отдельные лица или хозяева не лишают себя также и дорогих вещей или роскошного платья, добывая их на продукты с промышленных трудов или со своего особого поля. В некоторых округах женщины поочередно, каждая в течение восьми дней принимают на себя заведывание различными хозяйственными заботами, состоящими в приготовлении кушанья, хлеба, доении коров, сбивке масла и кормлении домашней птицы» [5, 199]. Для де Лавеле наличие общинной собственности — это проявление консерватизма. Он не придает серьезного значения тому, что жизнь кровнородственных и жизни соседских общин принципиально отличаются друг от друга. Люди общины, связанные кровными узами, соединены между собою, в частности, сложными межпоколенными отношениями, где одни поколения возвышаются над другими, одни семейные ответвления оказываются более авторитетными, чем другие; обычаи и традиции общины складываются специфическим обра-

356

зом и т. д. Другое дело — соседские общины, где социальная структура общины должна постоянно упорядочиваться посредством антиэнтропийных процессов, где собственность существенна прежде всего не как частная или общинная, а как созидательная собственность, не позволяющая водвориться разладу в жизнь соседской общины. И, следовательно, излишек, который продается господарем соседской общины по мере вырученных денег, за расходом которых господарь общины отчитывается, идет на антиэнтропийные нужды общины.

И далее де Лавеле пишет о жизни и деятельности южнославянских общин: «Общины, обитающие в одной деревне, всегда готовы к взаимной

помощи. Когда дело идет о выполнении какой-нибудь неотложной работы, несколько семейств соединяются, и дело выполняется с общим увлечением: это своего рода праздник. Вечером поют народные песни под звуки гуслей и танцуют на траве под высокими дубами. Южные славяне любят петь; веселье у них бывает часто; их жизнь кажется счастливою. Это потому, что их участь обеспечена и что у них менее забот, чем у народов Запада, которые истощаются в напрасных усилиях, чтоб удовлетворить потребностям, с каждым днем все более многочисленным и утонченным. В этой первобытной форме общества, где нет наследования, ни продажи, ни покупки земель, желание обогатиться и выйти из данного положения вовсе не существует. Каждый находит среди семейной группы средства жить, как жили предки, и большего не требует. Здесь неизвестны волнения, занимающие умы людей в других странах: неизвестны ни распоряжения по наследству, подающие повод к стольким распрям между родственниками, ни горькие вожеления крестьянина, который лишает себя всего чтобы округлить собственный клочок земли, ни тревоги пролетария, неуверенного в заработной плате следующего дня, — ни опасения фермера, чтоб не повысили его арендную плату, ни часто встречающееся ныне честолюбивое стремление подняться до более высокого положения. Жизнь течет здесь однообразно и мирно. Положение людей и общественное устройство не меняется; того, что называют прогрессом, здесь нет, нет попыток добиваться положения лучшего, или, по крайней мере, различного против настоящего: здесь и на мысль не приходит, чтоб было возможно изменить существующий традиционный порядок» [2, 199—200].

Очевидно, что де Лавеле ведет речь о соприкосновении обществ, каждое из которых живет в соответствии со своей моделью мира, и существует их взаимное непонимание, в том числе по вопросу о собственности. Если западные общества обнаруживают способ по-

нимания собственности как того, что предполагает со стороны социального субъекта его степени свободы (владеть, пользоваться и распоряжаться), это касается и свободного субъекта, и трансцендентального субъекта, то славянские общества в соответствии со своей моделью мира предполагают явления собственности, которые характеризуют необходимость совершенства и совершенствования общественных отношений, и направленность антиэнтропийных процессов заключается в усовершенствовании данных отношений.

Так, в целях совершенствования общественных отношений необходим иной способ понимания собственности, отличный от западного, когда собственность выступает не как нечто существенное в системе принципа антропоцентризма (владеть, пользоваться и распоряжаться), а как то, что лежит в основе оформлений совершенства и выступает как созидательная собственность, т. е. нечто созидающее оформления совершенства посредством соответствующих общественных отношений и связей. Это информационная собственность. И никакой из двух способов понимания собственности не является приоритетным. Лучшим должен быть адекватный соответствующей модели мира способ понимания собственности. Тем не менее западный способ понимания собственности получил наиболее широкое хождение, и даже отечественные специалисты приняли западный способ понимания собственности как универсальный. Данное не критическое отношение к чуждому способу понимания собственности, к сожалению, вошло в отечественные учебники по экономике. В то же время издревле обосновываемое раскрытие явления собственности оказалось наименее изученным.

Что же касается западного способа понимания собственника, то оно нашло отражение в двух понятиях: «власть» и «богатство» (может быть, «выгода»). Власть — это идеал консерваторов, а богатство и выгода — это стандарт либералов. При этом, как пишет Шарль Летурно, «грабеж сделался главным источником власти и богатства» [1, 98]. Конечно, со временем изощренность форм грабежа становится делом все более утонченным, но от этого суть не изменяется. Собственность как богатство является достоянием либералов, а собственность как власть — достоянием консерваторов.

Собственность на средства производства принимается как самое важное. Но собственность на средства производства — это лишь часть того, чем располагает общество. Остальная часть, непосредственно не имеющая отношения к производству, — это не богатство и не власть, это имущество которое не является собственностью, это не частная собственность, это не общественная, коллективная собственность, поскольку богатство — это частная собственность и власть —

это общественная коллективная собственность. Частная собственность — это собственность свободного субъекта; общественная, коллективная собственность — это собственность трансцендентального субъекта. Тогда что представляет собой собственность соборного субъекта, раскрывающая непосредственность процесса производства и опосредствованность процесса производства? Так, соборный субъект: 1) исключает любую форму экономизма; 2) собственность, являясь отношением и связью, раскрывает свою включенность в систему других общественных отношений и связей и свою детерминированность непосредственностью и опосредствованностью остальных общественных отношений и связей, а также раскрывает соответствующую необходимости меру собственности как непосредственности связи и опосредствованности общественного отношения.

Все это вскрывает те стороны проблемы собственности, которые обнаруживают необходимость изучения отличного от западного способа понимания собственности и, следовательно, раскрытия иных режимов собственности — отличных от западных режимов собственности. И данное обстоятельство, т. е. необходимость незападного раскрытия собственности, актуализирует имеющая поступательный характер проблема информационной экономики, когда экономическая наука оказывается перед фактом многообразия теорий информации и перед соответствующим многообразием концепции информации и сущности каждой из концепции, сущности явления информации. И данное многообразие с необходимостью предполагает ответ на вопрос, в какой методологии разработана избираемая теория информации и, соответственно, концепция информации. При этом мы придерживаемся древней русской антиэнтропийной традиции и в какой-то мере негэнтропийного принципа информации Л. Бриллюэна и Э. Шредингера, на основе чего нами сформулирован негэнтропийный принцип информационной реальности, согласно которому антиэнтропийные процессы влекут за собой становление оформлений совершенства и свойственных им определений (свойств, функций, качеств), которые (данные определения) выступают как информация, а оформления совершенства со свойственными им определениями мы называем информационной реальностью. И, следовательно, в том значении, в котором собственность имеет созидательный характер (созидательная собственность), она может представлять собой не что иное, как информационную реальность, т. е. некоторое оформление совершенства со свойственными ему определениями. Это и есть иной, отличный от западного способ понимания собственности.

Но на что, как правило, не обращали внимания — это на то, что собственность изучалась в рамках одной и той же (западной) модели

мира, когда собственность представала главным образом как нечто, предполагающее три основных для нее (по отношению к ней) степени свободы субъекта: владеть, пользоваться и распоряжаться, т. е. на основе метафизической методологии, согласно которой актуализируются принцип дуализма и принцип антропоцентризма, фундаментализирующий свободу воли субъекта (свободного субъекта или трансцендентального субъекта). Но указанные степени свободы субъекта, судя по всему, актуализируют также универсалистскую модель мира, согласно которой экономика предназначена для установления власти (консерватизм) и для учреждения выгоды, находящей свое завершение в богатстве (либерализм). Все иные модели мира в расчет не принимаются. А между тем исконная русская модель мира (Лад) (не исключая универсалистскую модель мира и ее реализацию в вопросе о собственности) предполагает такое понимание собственности, когда на первый план выходят иные принципы, а именно: принцип единства мира и принцип всеобщей связи явлений. Согласно данным принципам, собственность предстает как общественное отношение, пребывающее среди других общественных отношений, причем в качестве отношения она опосредствована, а в качестве связи она (собственность) непосредственна. И в условиях русской модели мира экономика предназначается для реализации, так сказать, взаимопонимания природы и общества, для установления взаимного согласия общества и природы, о чем в свое время повествовали старшие стоики.

Так что созидательная собственность — это собственность гармонизации общественных отношений и связей, это собственность согласия природы и общества, это собственность установления той ниши в природе, где общество, находясь в согласии с природой, может успешно функционировать неопределенно долго и устойчиво развиваться в системе коэволюции природы и общества. При этом созидательная собственность выступает как общественное по-своему в системе русской модели мира явление, т. е. нечто подобное основным западным видам собственности (личная, частная, коллективная-общественная), когда в соответствии с диалектической традицией созидательная собственность всегда общественна и в то же время созидательная собственность всегда индивидуальна. И, следовательно, предполагается собственный, свойственный русской модели мира режим собственности, когда каждая разновидность данной собственности в своем отношении выступает как по-своему созидательная собственность, не расходящаяся с требованиями идеологии старших стоиков о жизни общества в согласии с природой. И в данном отношении особенно показательна мысль академика В.А. Коптюга о том,

360

что частная собственность и коллективная (в западном смысле слова) крайне опасны для жизни общества на нашей планете. И действительно, степени свободы, которыми измеряется полнота универсалистской модели мира, заключают в себе неистребимый момент агрессивности свободных субъектов либерализма, исповедующих приоритеты богатства и выгоды (частная собственность), и трансцендентальных субъектов консерватизма, исповедующих приоритеты властей (коллективная собственность).

Шарль Летурно неоднократно поднимает вопрос о понимании собственности: «Каждая из этих, столь несхожих между собой рас, имела свои стремления, свои особые свойства, свою цивилизацию, свой способ понимания собственности» [1, 118]. Летурно объективно преувеличивает значение западного понимания собственности, и данное (западное) понимание собственности автор принимает как всеобщую систему отсчета, как универсальный способ понимания собственности, утрачивая теоретическую осторожность в данном вопросе. Это значит, что собственность не обязательно должна пониматься в терминах степеней свободы (владеть, пользоваться и распоряжаться), но она должна пониматься в терминах актуальной модели мира, адекватной соответствующей цивилизации (Универсум, Космос, Лад и т. п.), как, например, созидательная форма собственности может быть адекватной только русской модели мира Лад. Это собственность тех, кто занимается созиданием, и до тех пор пока осуществляется созидание, так сказать, и поддерживает совершенство общественных отношений.

Летурно ставит вопрос о способе понимания собственности. Данный вопрос объективно может быть разрешен так: собственность может быть правильно понята на основе адекватной модели мира и адекватной данной модели мира методологии. По-западному собственность может пониматься только на основе методологических метафизических традиций и универсалистской модели мира, что и показывает Летурно.

Ш. Летурно пишет: «Общественное устройство и форма собственности китайцев несколько не похожи на наши, но, должно быть, они имеют свои выгоды, так как они были переняты, по крайней мере, в общих чертах, Японией, Индо-Китаем и Бирманией» [1, 186]. И данный, так сказать, режим собственности в свои времена дал миру азиатских «экономических тигров», т. е. адекватная цивилизации форма собственности при благоприятных условиях дает не заимствованные у кого-то (согласно чуждым стране формам собственности) феноменальные результаты.

Можно предположить, что данные успехи свидетельствуют об отторжении западных умозрительных экономических теорий, которым, так сказать, «втемную», к сожалению», следуют отечественные то плановики, то рыночники (консерваторы и либералы), которые руководствуются то целями власти (консерваторы), то целями богатства и выгоды (либералы). И их (отечественных экономистов в их большинстве), к сожалению, не вразумляют ни последствия «экономических перекосов», ни реальность экономических кризисов. В наши дни мы наблюдаем безрассудные «экономические форумы» (Красноярские, Санкт-Петербургские, Московские, Плехановские и т. п.), которые скорее похожи на сборища прожектеров от рыночной экономики или на сборища пожарников от экономики, бесплодно помышляющих о том, как «бороться» с экономическим кризисом, как быть перед лицом Федеральной резервной системы США, неутомимо печатающей все новые вороха «ничем не обеспеченных долларовых банкнот», а также перед все новыми массами облигаций, бонусов и т. п. И это при том, что азиатские «экономические тигры» процветают. Мы, конечно, не являемся сторонниками того, чтобы брать на вооружение стандарты экономической жизни азиатских «экономических тигров». Мы докладываем необходимость более предметно изучать преимущества отечественной действительности, а не придерживаться стандартов западному вымышленной экономической истории нашей Родины, в ее методологическом плане несовместимой с метафизической (западной) методологией. Упомянутые экономические форумы уже ничего кроме недоумения не вызывают, когда некоторые чиновники суесловно провозглашают свою преданность подмоченным европейским ценностям: «Мы европейская страна!» и т. п.

Усиленно пропагандируемые ныне несознательные режимы собственности, чуждые нашему Отечеству, не могут быть плодотворными в условиях реализации русской модели мира в экономической сфере жизни общества.

Запад не знал иной методологии, чтобы увидеть собственность иначе, чем с точки зрения либерализма или консерватизма. Так, в конце XIX в. отечественные экономисты после прочтения книг указанных французских исследователей вплоть до настоящего времени воспринимают явление собственности именно в западных значениях: либеральном или консервативном, т. е. в умозрительных значениях, далеких от отечественных наработок в данной области. И одним из сторонников западного прочтения собственности был, очевидно, Петр Аркадьевич Столыпин. Оттого-то он поспешил по-либеральному разделиться с общинами в России, как впоследствии по-либеральному разделились с православной церковью. Итак, в обеих книгах, во-

первых, дается анализ собственности с точки зрения принятых на Западе методологий, а также с точки зрения западной модели мира. Во-вторых, все не совпадающее с данными точками зрения и моделью мира подверстывается под западное или принимаются как первобытное и устаревшее. В-третьих, провозглашается: «Без собственности нет свободы». И собственность определяется как первое благо человека, свободные части общего достояния, право собственности, равенство, морализация собственности по мнению либералов, в то же время слишком масштабная собственность немногих исключает принцип свободы. Значит, по-либеральному данную масштабную собственность ради торжества принципа свободы надо изъять и поделить. Так что приснопамятный тезис о том, что нужно все отобрать и поделить, — это сугубо либеральный тезис.

Если исходить из того, что специфика философского познания состоит в изучении предметов как сущностей, то понятие «собственность» в универсалистской модели мира раскрывается как отношение к субъекту, т. е. как отношение к свободному субъекту или как отношение к трансцендентальному субъекту. При этом в отношении к свободному субъекту собственность качественно как либеральная ценность — богатство и выгода, а в отношении к трансцендентальному субъекту собственность качественно как власть, без собственности нет власти. В русской же модели мира понятие собственности формировалось в том значении, в котором нечто качественно как сущность в содержании всеобщей связи явлений, т. е. оформление совершенства (диалектическое противоречие, системность, сложность, организация, упорядоченность, гармония, красота и т. п.), где соборный субъект раскрывается в собственности как непосредственность связи или как опосредствованность отношения, поэтому созидательная собственность — это компонент оформления совершенства, благодаря которому в экономическом значении данное оформление совершенства выступает как часть большая, чем целое, или как целое большее, чем сумма частей, или как целое меньшее, чем сумма частей.

При этом нельзя отвергать точки зрения на собственность, свойственные западным исследователям: они знают свое общество лучше, чем мы, но мы должны иметь свою голову на плечах, чтобы не эпилгонствовать, чтобы отстаивать адекватные нашему обществу концепции, и в том числе концепции, касающиеся собственности. И, может быть, все экономические неудачи России в основе своей имеют то, что отечественные экономисты ошибочно воспринимали чужое (то либеральное, то консервативное) как передовое, не разрабатывали адекватное обществу нашей страны, тем самым препятствуя ее экономическому прогрессу.

Целые поколения русских людей подверглись обработке, согласно которой навязывалось западное как передовое и отрицалось отечественное в результате западной идеологической агрессии, вследствие чего отечественный экономический проект был, так сказать, размазан и погружен в такой омут эклектики, что его приходится отделять от всего наносного и укреплять его помехоустойчивость. Но Россия слишком большая страна, чтобы какие-либо теоретические предпочтения играли в жизни общества какую-либо заметную роль. Проблема собственности решалась здесь в рамках актуальной модели мира, которая не формулируется никем конкретно. Она (модель мира) разрабатывается предметно адекватно детерминантам, в системе которых живет и повседневно доказывает свою выживаемость общество. И потому совершенная (созидательная) собственность — это не результат чьего бы то ни было умозрения, в суровых условиях, в которых живет и жизнеутверждается общество России, — это дело его жизни и смерти.

И если частная собственность выступает как олицетворение в экономике верховенства светской власти над властью духовной (священное право частной собственности), либерализм; коллективная (общественная) собственность — как олицетворение верховенства духовной власти над властью светской, консерватизм; то совершенная (созидательная) собственность олицетворяет в экономике симфонию духовной и светской властей. И именно созидательную собственность, адекватную действительности нашей страны, как пишет Шарль Летурно, необходимо беречь и касаться ее с крайнею осторожностью, как главной «пружины» отечественной экономики.

Литература

1. *Летурно Ш.* Эволюция собственности. М., 2012.
2. *Лавеле Э. де.* Собственность и ее изначальные формы. М., 2012.
3. *Родоман Б.Б., Сиглов М.Р.* Центральная Россия. М., 2009.

Е.Х. ХАБИБУМИНА

Критика теоремы Р. Коуза в смысловых координатах русской хозяйственной мысли

Понимание проблем загрязнения окружающей среды с позиций институционально господствующей в настоящее время в экономической теории либеральной школы концентрированно выражено в тео-

реме Р. Коуза. Задача настоящей статьи состоит в попытке разобраться в истоках резкого диссонанса между эмпирически наблюдаемым разрушением природы, требующим радикального усиления защиты окружающей среды, с одной стороны, и безмятежными утверждениями теоремы об эффективности урезания государственного регулирования экологии — с другой. Принято считать, что теорема убедительно доказана. Между тем выделение опорных допущений теоремы, принятых в ней за самоочевидные и безусловные истины, выявляет их крайне ограниченную правомерность. Доказательство теоремы, базирующееся на сомнительных посылах, оказывается как бы подвешенным на гвоздях, вбитых в воздух и не способных выдержать и пушинки (метафора С.Н. Булгакова).

Центральное значение в теореме имеет экологическое допущение: проблема загрязнения окружающей среды якобы тождественно сводится к ущербу собственности затронутых субъектов экономики (*допущение 1*). Главный изъян его состоит в том, что проблема загрязнения природы изначально, в самой постановке задачи, редуцируется, и целое сводится к части, к частному случаю загрязнения окружающей среды. Получается, что природопользование, не затрагивающее собственности экономических агентов, например, на безлюдных территориях джунглей или тайги, исчезает из-под лупы либерального анализа теоремы, а значит, по умолчанию — не нуждается ни в осмыслении, ни в каком бы то ни было регулировании ни государственными, ни рыночными методами. Таким образом, область допустимых значений (о.д.з.) теоремы и ее потенциальная применимость уже самим принятием допущения 1 изначально резко сужены, поскольку вычеркнута сфера проблем экологии вне затронутых интересов частной собственности. Но этим первоначальным урезанием о.д.з. теоремы, ограничение сферы анализа теоремы не исчерпываются. Из нее фактически вычеркнут обширный пласт *аналогичных* изначально исключенным из рассмотрения ситуаций на территориях, где собственность, здоровье или безопасность экономических агентов терпят ущерб в результате загрязнения окружающей среды, но в силу разных обстоятельств, например, из-за недостатка информации, слабости переговорных позиций, недостаточной зрелости экологического сознания и т. п. агенты экономики не выступают с требованиями о компенсации ущерба. О.д.з. теоремы оказывается в итоге ограниченной узким сегментом ситуаций, а в дополнение она еще более ужата и архаичными либеральными предпосылками анализа, принятыми в теореме за аксиомы (рассматриваются ниже).

Теорема нацелена на обоснование вывода о желательности урезания государственного регулирования природопользования, а для тех

случаев, где она применима, единственное прописанное в теореме «рыночное решение», предложенное в качестве альтернативы государственному регулированию экологии, состоит в рекомендации переезда жителей из района потенциального загрязнения на другую территорию. При реализации такого рыночного решения в соответствии с логикой допущения 1, принятого в теореме, дальнейшее загрязняющее природопользование в рассматриваемом районе, из которого уехали жители, не будет нуждаться в каком-либо ограничении в силу правила о нерегулировании экологии на безлюдных территориях, что обеспечивает снижение издержек за счет экономии на очистных сооружениях.

Таким образом, в силу принятия за аксиому допущения 1 модель Коуза постулирует допустимость расширения сферы нерегулируемого природопользования: во-первых, на безлюдных экологически проблемных территориях, изначально не входящих в о.д.з. теоремы и их аналогов, во-вторых, на территориях, где применены «рыночные решения» (о переезде или «приспособлении» жителей). Описанную неолиберальную модель воздействия корпораций на природу с полным основанием можно назвать *моделью бездействия* в условиях нарастающих в мире процессов разрушения окружающей среды.

Наиболее полно оценить экологическую аксиому 1 теоремы и неправомерность принятия ее за безусловную истину, с нашей точки зрения, можно исходя из смысловых координат русской хозяйственной мысли. Экологическое допущение теоремы Коуза фактически означает введение *новой нормы* в философию ведения хозяйства, нового эталона экологического поведения: *допущения неограниченной агрессивности природопользования* при условии ненанесения текущего ущерба частной собственности затронутых субъектов. Традиционные нормы, принятые в христианской, в том числе, православной, философии ведения хозяйства, закрепленные в заповедях об отношении к природе как к «саду Божиему», который человек призван «возделывать и хранить», о дружбе человека и природы, самонадеянно и без попыток осмысления долгосрочных последствий нового философского выбора теоремой Р. Коуза отброшены.

Значительно мутировавшая, по сравнению с подходом к экологии А. Пигу, неолиберальная парадигма теоремы строится на отношении к природе как к фабрике, по отношению к которой «все позволено», в том числе и введение новых хозяйственных норм, основанных на своего рода «черных заповедях», допускающих любую степень агрессивности по отношению к природе — позволено все, вплоть до «природоубийства», все, вплоть до экоцида, при одном лишь условии:

если на рассматриваемых территориях нет заявленного на текущий момент ущерба собственности затронутых субъектов.

Между тем выбор новых базовых норм хозяйствования есть выбор в пользу той или иной философии хозяйства — это мировоззренческий и цивилизационный выбор, который далеко не является самоочевидным и может быть признан приемлемым лишь для части общества, разделяющей мировоззренческие позиции постхристианской, по сути неоязыческой, философии хозяйства Коуза. Пригодность использованных в теореме норм и допущений может быть оценена на основе конкретного хозяйственного опыта, негативного, по последствиям практического применения предложенного автором подхода. Согласно известному тренду, за последние 30—40 лет, начиная с 1970-х гг. по настоящее время, на территориях, идеально подпадающих под определение зон, не нуждающихся в регулировании в соответствии с допущением 1 теоремы, безлюдных зон и их аналогов, в тропиках, в результате нерегулируемой деятельности корпораций биоразнообразие сократилось на 60% [1, 12]. Это позволяет говорить об опасности принятия за безусловную истину центрального экологического допущения теоремы. Если же мы делаем выбор в пользу философии хозяйства, гарантирующей гармоническое взаимодействие биоты и хозяйства, экологическое равновесие на планете, что, как показывает весь исторический процесс, обеспечивается православной цивилизацией и православной философией хозяйства [2, 124].

Ошибочность принятия за безусловную истину допущения 1 подтверждает также и анализ экологического опыта США — страны, где подход теоремы был долгое время господствующим как в экологическом сознании общества, так и в законодательстве. Под влиянием нарастания экологических катастроф в этой стране отношение общества к проблеме стало постепенно меняться, с параллельным ужесточением законодательства. Конкретные примеры подтверждают это, в частности, пример экологической катастрофы на участках в районе Ниагарского водопада, признанных правительством США территориями не пригодной для проживания в 1977 г. В этой местности фирмы закапывали токсичные отходы, опасные для жизни, а позднее здесь были построены жилые дома, школы. Жители оказались подверженными тяжелым болезням, более 56% новорожденных получало врожденные дефекты. Государство в конечном счете вынуждено было взять на себя расходы по переселению граждан и устранению последствий загрязнения этих участков, понеся огромные расходы и затратив несколько десятилетий на ликвидацию катастрофы [1]. Между тем в свое время, корпорации-загрязнители действовали в полном соответствии с теоретической *нормой дерегулирования* для безлюдных

территорий, принятой в теореме за самоочевидную аксиому, что обернулось преступлением против жизни и здоровья людей, бесчисленными «нерыночными» и рыночными издержками для общества в целом.

Допущение 1, и содержащийся в нем в свернутом виде вывод о максимальном дерегулировании природопользования, в свою очередь, базируются на необоснованной гипотезе *бесконечности самовосстановительных функций природы*, абстрагировании от признания ограниченности несущей емкости биосферы (В.Г. Горшков, В.И. Данилов-Данильян) в рамках стандартной трактовки теоремы Коуза. Без вреда для экологии теорема и ее «рыночные решения» по переселению жителей как альтернатива государственному регулированию потенциально применимы лишь для крайне узкого сегмента экологических проблем, в частности, в случаях, когда не происходит накопления экологического загрязнения, ведущего к превышению несущей емкости биосферы, что потенциально возможно, например, для некоторых ситуаций с шумовым загрязнением.

Отметив *потенциальную* возможность применения теоремы в крайне узком сегменте экологических проблемных ситуаций, рассмотрим, насколько предложенные рыночные решения реально осуществимы и являются ли они в действительности оптимальными для общества в целом, что постулировано, но не доказано в теореме. Разберем следующие опорные допущения теоремы. В отличие от разобранных ранее экологической аксиомы, второе и в значительной мере третье допущение не содержат каких-либо новаций по сравнению со стандартной либеральной парадигмой. Ограниченная правомерность этих предпосылок для анализа ключевых задач была разносторонне исследована представителями альтернативных господствующему направлению школ. Однако фантомные стереотипы либерализма в силу идеологической востребованности отличаются большой живучестью.

В числе главных допущений теоремы — архаичная и однобоко упрощенная трактовка типичной мотивации экономического агента, целевая функция которого тождественно сводится Коузом к *максимизации текущей доходности (допущение 2)*. Необходимость отражения не только материального, но и духовного начал, действующих в человеке, многомерное, со всей сложностью, раскрытие материального фактора, исключающее «социальный детерминизм» и «механистический фатализм» в понимании типичной мотивации экономических агентов, содержится в работах С.Н. Булгакова. Мнимая научность экономического материализма, которой так кичится либерализм, в действительности выливается в граничащее с самонадеянным невеже-

ством игнорирование духовных аспектов экономических реалий. «Экономический человек есть одна лишь, хотя и очень важная сторона жизни человеческой личности. Вне личной инициативы, вне творческого к ней отношения, вне различных волевых импульсов, нельзя понять до конца хозяйственную жизнь. Человеческая личность — самостоятельный фактор хозяйства. В душе человека сочетаются различные мотивы, как своекорыстные, так и идеальные, и политэкономия не должна вычеркивать из круга своего внимания мотивы второго рода» [3, 213]. «Нужно понять, что и хозяйственная деятельность может быть общественным служением и исполнением нравственного долга» [3, 125], что особенно характерно для предпринимательского типа православной цивилизации. «Каждая хозяйственная эпоха имеет своего собственного «economic man». Последний представляет собой, конечно, не экономический автомат, приводимый в движение одной пружиной хозяйственного эгоизма и действующий с неумолимой прямолинейностью и безошибочной точностью, но конкретный духовный тип со всей сложностью и многообразием психологической мотивации» [3, 345—346]. Признание материальных мотивов, как подчеркивал С.Н. Булгаков, не дает оснований для отождествления человека со счетной машинкой, калькулятором, руководимым чисто денежными мотивами. Между тем именно механистический детерминизм и карикатурное упрощение факторов в трактовке мотивации обеспечивают тавтологическую четкость вывода доказательства теоремы Коуза. Но такой подход является «клеветой даже на современного, во многом отошедшего от христианских ценностей, западного человека».

Перекликающийся с такой трактовкой подход развивал, исходящий из подлинно христианской философии хозяйства, крупнейший французский институционалист XX в., Франсуа Перру. Как и С.Н. Булгаков, он констатировал ошибочность детерминизма неоклассической модели поведения человека, сводящей типичные мотивы к экономическому расчету, подчеркивал, что предприниматель может руководствоваться в своих действиях не только мотивом прибыли, но и *желанием славы, власти, мотивами, присущими игроку, художнику, завоевателю* [4, 173]. В развитие этого подхода Л. Тевено и Л. Болтянски включили в число неотъемлемых факторов хозяйственного поведения *вдохновение, традиции, общественное мнение, солидарность, учет экологических ценностей*. С этих позиций очевидно, что максимизация текущей доходности не может служить ни результирующей, ни квинтэссенцией перечисленных выше сложных и многообразных мотивов. «Рыночные решения» теоремы, основанные на выборе максимизации текущей доходности, с большой вероятностью

не будут привлекательными для многих экономических агентов и, следовательно, далеко не всегда могут «работать» на практике.

Допущение 3, на котором строится доказательство теоремы, состоит в принятии за тождество частного максимума по доходности и социального оптимума. Его несостоятельность в общем случае можно показать как формально, так и на практических хозяйственных примерах. Формализуем допущение 3 в виде уравнения: $\max \{X1, X2\} = \text{Opt}^S \{X1, X2\}$ (1).

Уточняя, его можно переписать так: $\max \{X1, X2\} = \text{Opt}^S \{X1, X2, Str\}$, где *Str* — национальная структура экономики в период времени *t*, детерминированная в соответствии со стратегией (индикативным планом) национального развития (1а). В записи (1а) подчеркнута, что выбор максимального по текущему доходу варианта действительно *может* совпасть с частным случаем реализации оптимума для всего общества в целом, но лишь *тогда и только тогда*, когда он совпадает с вариантом, предопределенным желательной структурой национальной экономики — в соответствии с планируемой стратегией национального развития, нацеленной, отнюдь не на максимальную текущую доходность индивидуальных единиц и не на оторванную от реальных задач искусственную Парето-оптимальность, но на цели реальных геополитических вызовов, на решение задач нормального устройства общества, концентрации ресурсов на приоритетных направлениях, сбалансированности развития производительных сил, осуществления структурных реформ. Иначе говоря не на бесконечный рост достояния отдельных экономических агентов, а на рост общего народного вещественного и невещественного богатства [5], сознательную гармонизацию социальных параметров и возможностей экономики, солидарность всех слоев общества.

Поскольку левая и правая части уравнения (1а) представляют собой две разные оптимизационные задачи, с двумя различными критериями оптимизации и разными системами ограничений на ресурсы, совпадение частного индивидуального максимума с оптимумом народнохозяйственным в рамках формальной математической интерпретации задачи возможно, но именно *в частных случаях*, но *в общем случае, очевидно, не выполняется*. Исходя из критерия достижения оптимальности для общества в целом, теорема Коуза *в общем случае неверна*, поскольку достижение народнохозяйственного оптимума в общем случае не обеспечивается. Предложенное в теореме рыночное решение спора о нанесении ущерба на основе выбора максимального по текущему доходу варианта использования ресурсов *не совпадает в общем случае с оптимальным для общества в целом решением*, и уже в силу этого *не имеет преимуществ перед регулированием проблемы*

нанесения ущерба государством. Только в ситуации безразличия имеющихся вариантов А и Б с точки зрения желательной структуры национальной экономики критерий сравнения текущей доходности может быть учтен наряду с другими критериями. Рост эффективности системы в ряде ключевых ситуаций может быть прямо противоположен выбору вариантов, обеспечивающих рост доходности одной из подсистем (свойство эмерджентности больших систем).

Несостоятельность допущения 3, принятого в старой эконометрике и воспроизведенного в теореме Коуза, доказывают также примеры ключевых экономических ситуаций.

1. При необходимости осуществления мобилизационного сдвига и структурных реформ экономики частный максимум по текущему доходу и общественный оптимум могут расходиться кардинально. Стратегические интересы национальной экономики задают такие критерии оптимального народнохозяйственного выбора, как критерий создания *сильной экономической структуры*, гарантирующей суверенитет нации; критерий *потенциальных* сравнительных издержек производства; критерии *национальной принадлежности* экономических единиц, принадлежности к *полюсам роста*, перспективным *отраслям-моторам*, *активным зонам* в экономике, влияние на *экологию*. Эти и подобные им критерии народнохозяйственной оптимальности были теоретически разработаны и практически использованы на практике в СССР, во Франции и в других странах. Для общества в целом может быть выгоднее, чтобы был реализован *вариант, финансово менее доходный на текущий момент и даже не оптимальный по Парето, но являющийся потенциально более перспективным для будущего*, позволяющий сконцентрировать ресурсы на приоритетных направлениях и обеспечить сбалансированность развития производительных сил, преодолеть отставание, ограниченность национального суверенитета, господство экономики страны-конкурента. Фальшь методологических допущений о критериях оптимальности либеральной школы — это не «случайные» методологические огрехи. Они не «нейтральны» в отношении различных экономических агентов. В данном случае они льют воду на мельницу интересов «господствующих корпораций» и «господствующих экономик» стран Запада, служат идеологическим прикрытием торможения процессов создания сильной экономической структуры в странах, подвергающихся господству и подчинению.

2. Национальная экономика должна гарантировать возможность удовлетворения потребностей в сельскохозяйственных продуктах и оборудовании, чтобы в случае войны не зависеть от иностранной помощи. Оптимальный народнохозяйственный выбор определяется с учетом *критерия обеспечения продовольственной и*

водной безопасности, а не одного лишь сравнения текущей индивидуальной доходности продуктов, как это постулировано в теореме Коуза.

3. Допущение о тождестве частных и народнохозяйственных критериев выбора несостоятельно в ситуациях взаимодействия отечественных и иностранных экономических единиц. Если А это иностранная компания, а Б — отечественное предприятие, *безотносительно к соотношению доходности вариантов А и Б* для народа данной страны в целом *оптимальным является защита национального производителя Б*, поскольку прибыли компании А, трансфертом уходящие из принимающей страны, означают кумулятивные потери для отечественной экономики.

Допущение 3 теоремы тесно переплетено со второй философско-хозяйственной новацией Коуза. Вместо христианской нормы запрета на нанесение ущерба ближнему в теореме делается еще один шаг назад от христианской философии хозяйства, вводится новая норма — о допустимости действий, наносящих ущерб ближнему — экономическому агенту, при условии количественного перекрытия выгоды единицы А потерь от нанесенного ущерба для Б, что отождествляется автором теоремы с ростом эффективности системы в целом, вне зависимости от того, кто является бенефициаром полученного прироста дохода, и что случится при этом с менее доходной экономической единицей. Получается, что при этом полностью игнорируются «нерыночные издержки» Б, здоровье и безопасность, *непокрытые издержки* уровня жизни «достойного статуса человека», издержки роста бедности, нищеты, безработицы, болезней, смертей, потери свободного времени (Ф. Перру). При этом потребности сводятся к материальным рыночным благам, а нерыночные потребности и блага такие как качество воздуха и воды, оказываются отпиленными прокрустовой либеральной пилой, признаются несущественными.

В числе предложенных в теореме «рыночных рекомендаций» — приватизация невещественных прав, юридическое закрепление правомочия на запрет нанесения ущерба одной экономической единицей другой. Утверждается равнозначность выбора, какой из единиц будет предоставлена собственность на этот своеобразный «ресурс». Но если эта собственность юридически закреплена за более «доходной» экономической единицей, деятельность альтернативной единицы должна быть прекращена. Теорема полностью игнорирует возможный и очень часто неизбежный при этом рост сопутствующих «нерыночных издержек», *не покрытых издержек* уровня жизни, «достойного статуса человека», издержек «кошмара экономической нуж-

ды» с холодной жестокостью и подлым расчетом устраняемой экономической единицы.

Рыночное решение спора об ущербе не является оптимальным для общества *в целом*, поскольку гарантирует улучшение *лишь для части общества и допускает ухудшение положения другой его части*. Утверждение о выгоде рыночного способа регулирования для общества *в целом* является поэтому *интеллектуальным подлогом*. Выбор в пользу новой разновидности неоязыческо-постхристианской философии хозяйства автора теоремы определяется мировоззренческой позицией и не является, как было показано выше, сциентистски-технократически самоочевидным, якобы ведущем к росту эффективности системы в целом. Рядом с вопросом о целесообразных методах хозяйства необходимо ставить вопрос о самом смысле хозяйственной деятельности, о ее ценности. «Хотя человек борется за свое существование, но по своему свойству он борется за достойное существование, не за животное прозябание, а за человеческую жизнь, и хотя он скован нуждой, но не отдается ей в плен, не спрашивая и не рассуждая, он действует всегда как разумное существо, способное к рассуждению, оценке и построению идеалов. ... человек всегда имеет известную философию хозяйства, то есть известную систему оценки, норм и идеалов в применении к хозяйственной жизни» [6, 33].

Разбор предпосылок теоремы показал, что предложенные в теореме рыночные решения по отношению к ключевым проблемам загрязнения природы либо неприменимы, либо не работают, либо неоптимальны для общества в целом, обусловлены отказом от учета «нерыночных издержек» и нерыночных потребностей, субъективным выбором философии хозяйства неолиберализма неоязыческо-постхристианского толка. Требования теоремы о дерегулировании природопользования крайне слабо обоснованы и опасны для широкого применения на практике. К построениям, подобным теореме Коуза, «как махровым цветам, возвращенным в логической оранжерее» [7, 282] и не имеющим практической пользы для решения ключевых экологических проблем, со всей беспощадностью должен быть применен «прагматический критерий: при всей стройности, логической последовательности, может быть даже и остроумии этих построений они бесполезны, ибо не имеют ориентирующей ценности, а потому должны быть признаны научными заблуждениями» [7, 186].

Констатируя в заключение теоретическое фиаско попытки апологии рыночных методов в сфере решения ключевых проблем загрязнения окружающей среды в рамках теоремы Коуза, трудно отрицать востребованность альтернативы — не сокращение, а усиление государственного дирижизма в области природопользования. В России в

целях восстановления и сохранения гармоничного взаимодействия природы и хозяйства приоритетным направлением представляется создание Федеральной службы экологической полиции, наделенной широкими правами, возобновление Федеральной службы управления лесами, системное усиление и дифференциация законодательных мер, мотивирующих проведение природоохранных инвестиций, введение уголовной ответственности за нарушения экологических норм, представляющих потенциальную, а не только материально проявившуюся опасность для экологии, для качества вод; установление ответственности за шумовое и электромагнитное загрязнение, размещение радиоактивных отходов и др.

Литература

1. *Брославский Л.И.* Экология и охрана окружающей среды: законы и реалии США и России. М., 2013.
2. *Евдокимов А.Ю.* Русская цивилизация: экологический аспект. М., 2012.
3. *Булгаков С.Н.* Народное хозяйство и религиозная личность // Булгаков С.Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов // <http://predanie.ru/lib/book/97600>.
4. *Perroux F.* Economie du XX-me sciecle. P., 1961.
5. *Платонов Д.Н.* Начало экономической науки в России: Первая половина XVIII века. Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 1997.
6. *Булгаков С.Н.* История экономических и социальных учений. М., 2007.
7. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 2008.

С.С. НИПА

Становление национального лесного хозяйства как фактор экономического развития России

Состояние лесного хозяйства неразрывно связано с развитием экономики страны. Лесные ресурсы всегда играли и играют существенную роль в экономике и пополнении государственной казны. Экономическая, экологическая и социальная роль леса и лесных ресурсов многогранна и неоспорима в жизни планеты. Проблема заключается в разумном, выгодном и целесообразном использовании полезностей

леса, сохранении лесных богатств, которые, как порой кажется, буквально «падают с неба». На самом деле для сохранения и приумножения лесов должного качества, отвечающих экономическим, экологическим и социальным требованиям общества, необходимы значительные политико-административные, научно-технические и финансовые вложения.

С одной стороны, более развитая экономика, в состоянии обеспечивать меры по сохранению и восстановлению природных, лесных ресурсов, выделять на эти цели достаточные бюджетные средства. С другой стороны, ускоренное развитие экономики вызывает усиление негативных техногенных и антропогенных воздействий на природу, в том числе и на лес. Возрастают потребительские запросы населения, промышленности в древесине и других лесных ресурсах, что приводит к увеличению объема лесозаготовительных работ, а в некоторых случаях и к хищническому истреблению ценных лесов. Все это требует применения действенных государственных мер по урегулированию процессов сохранения, использования и воспроизводства лесных ресурсов.

Важнейшие проблемы лесного хозяйства — рациональное использование лесов, их восстановление, улучшение состава, продуктивности и др. — могут быть успешно решены только на основе знания природы леса. Поэтому наука о природе леса — лесоведение, являясь важной основой лесоводства и других лесохозяйственных дисциплин, имеет большое значение и для научно-технического прогресса лесного хозяйства. В современных условиях выросла не только народнохозяйственная, но и социальная значимость лесоведения в связи с задачами охраны окружающей среды, в том числе и ее важнейшей составляющей — леса. Лес становится все более близким человеку, особенно необходимым в условиях урбанизации [1].

Выведение проблемы лесов на государственный уровень проведено во времена правления Петра I. В первую очередь это вызвано развитием кораблестроения. С именем Петра I связано становление лесного законодательства, впервые проведено описание лесных ресурсов, разработаны запретительные меры по рубке, начаты работы по искусственному лесоразведению, которые сводились в основном к выращиванию дубовых корабельных рош.

В этот же период начинает зарождаться наука о лесе. Появились первые отечественные деятели, которые понимали важность леса для экономики страны и при этом необходимость его изучения, М.В. Ломоносов, И.Т. Посошков, В.Н. Татищев и др.

У истоков науки о лесе и лесного образования стоял М.В. Ломоносов (1711—1765). Ломоносов предвосхитил важные современные

положения учения о лесе. Его всеобъемлющий гений успел проявиться в вопросах, близких для лесной науки, — о воздушном питании растений, о почве (особенно о гумусе), даже о роли различных древесных пород в образовании гумуса и др. Научные идеи М.В. Ломоносова о различной роли древесных пород в почвообразовании почти на полтора столетия опередили свое время. В то же время он указал на важное экономическое значение лесов [2].

Лесохозяйственные проблемы волновали умы передовых людей нашей страны еще до появления в России иностранных «лесных знатоков» и не зависимо от них. О том, что развитие российского лесоводства началось задолго до того, как в России появились переводные лесоводственные сочинения, свидетельствует работа И.Т. Посошкова «О скудости и богатстве». Современник Петра I, известный публицист и экономист И.Т. Посошков (1652—1726) в данной работе подчеркивает необходимость рационального использования леса и дает советы по его разведению и охране, рекомендует не рубить на дрова лес, который годится на строение, использовать валежник и не трогать молодой лес. Посошков говорит о необходимости охраны лесов от пожаров и рекомендует осеннее выжигание травы вблизи леса, чтобы весной степной пожар не повредил лес. Данное мероприятие и до сих пор находит применение в практике лесного хозяйства, хотя некоторые лесоводы признают его спорным. Кроме того, И.Т. Посошков высказал свой взгляд на причины безлесья степей, указав, что причиной этого являлись пожары. Подобный взгляд почти 200 лет спустя высказали некоторые наши ученые, причем в отношении северной лесостепи его разделяют многие и в настоящее время (учитывая также влияние рубок). В работе Посошкова имеются также советы по лесоразведению и уходу за посевами и посадками (прополка). Таким образом, работа И.Т. Посошкова содержит интересные лесоводственные предложения, но по условиям того времени далеко не все из них могли быть осуществлены [3].

Не обошел стороной проблемы леса и известный русский мыслитель, ученый и государственный деятель В.Н. Татищев (1686—1756). Он предложил меры по охране лесов от хищнического истребления. Еще в 1722 г. Татищевым составлена (первая для Урала) инструкция «О сбережении лесов». Татищев понимал, что неумеренное уничтожение лесов приведет к общему оскудению края. В своем дневнике 14 октября 1734 г. он писал: «Дело дойдет до того, что лесов и в пятьдесят лет дожидаться надежды нет» [4].

Интенсивное развитие горного дела на Урале явилось стимулом к изучению лесных ресурсов, решению проблемы их неограниченного использования. Еще в 1797 г. вице-президент берг-коллегии А.А. Му-

син-Пушкин составил докладную записку об упорядочении лесного хозяйства на Урале для нужд горного дела. Важную роль леса в экономике России, а также в связи с развитием горнозаводской промышленности понимал министр финансов Егор Францевич Канкрин (1774—1845). Интересуясь эффективным управлением государственным имуществом, анализируя состояние финансов и ведя поиски источников увеличения доходов, Е.Ф. Канкрин обратил внимание на огромные площади лесов России. В 1830 г. он подготовил и издал специальную «Инструкцию об управлении лесною частью на горных заводах хребта Уральского по правилам науки и доброго хозяйства», в которой подчеркивалось, что «...горные начальники всемерно должны стараться об устройстве и сбережении горных лесов, о разведении их, где нужно, вновь и об отыскании способов к уменьшению самой потребности в лесных припасах; за неисполнение же сего будут подвергаться строгой ответственности». Это была первая лесоустроительная инструкция. Большое внимание уделял Канкрин подготовке грамотных специалистов лесного дела [5]. Деятельность Канкрин является примером вклада государственного деятеля в науку и практику экономического развития страны.

Существует множество примеров хозяйственного и научного подходов в отношениях к лесу в частных хозяйствах. Пионером лесозащитного лесоразведения называют В.Я. Ломиковского, который послужил прототипом землероба Костанжогло во втором томе «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. Впервые идею использования леса для защитных целей выдвинул известный агроном, лесовод и плодовод А.Т. Болотов в 1771 г., а Ломиковский в 1809 г. претворил ее в жизнь в своем имении Трудолюб (ныне Полтавская обл.) [6]. В.Я. Ломиковский писал, «что правильное лесоводство, кроме собственной пользы, весьма много содействует и пользам сельского хозяйства». Хозяйство же свое он называл «древопольным», ибо совмещал на одной и той же площади возделывание сельскохозяйственных культур с выращиванием насаждений. Благодаря такому хозяйству при общих и крайних неурожаях в 1834 и 1835 гг. Ломиковский получал настолько «изобильный урожай, какой бывает в самые лучшие годы».

Известный практик-лесовод К.Ф. Тюрмер, длительное время проработавший в частных лесах графа А.С. Уварова в Московской и Владимирской губерниях (с 1853 по 1892 г.), наладил образцовое лесное хозяйство, создал целый ряд уникальных лесных культур, сохранившихся до наших дней и служащих эталоном высокопродуктивных насаждений сосны, ели, лиственницы. Он же предложил способ посадки семян и саженцев древесных пород в перевернутую дернину [7]. После смерти графа Уварова, работая уже в имении В.С. Храпо-

вицкого, в Судогодском уезде Владимирской губернии, он также добился больших успехов в улучшении лесохозяйственных работ и лесокультурном деле, но при этом столкнулся с непониманием со стороны конторщиков, приказчиков и самого Храповицкого. Занимаясь лесохозяйственной практикой более 50 лет, К.Ф. Тюрмер доказал преимущества научно-обоснованного и планомерного ведения хозяйства в лесах. Тюрмер придавал большое значение наличию в лесном хозяйстве постоянных рабочих и специалистов и писал по этому поводу: «Пока у нас не будет постоянных лесных рабочих, а также практически подготовленных лесных сторожей и помощников техников, способных точно исполнять предписания лесничего, до тех пор не может быть речи об интенсивном лесном хозяйстве, и деньги, затраченные на дорогостоящее составление слишком подробных планов, на описание лесной Дачи и на таксационные работы, можно считать выброшенными на ветер» (цит. по: [8]).

Во все времена, во всех странах, при любом политическом, экономическом и общественном строе существовали и существуют проблемы с разорительным отношением к лесу.

И.С. Мелехов приводит пример деятельности иностранных предпринимателей, заключивших во второй половине XVIII в. договоры на заготовку древесины, реализуемой на иностранных рынках [3]. В устьях некоторых рек, особенно на Онеге, англичанин Гом соорудил несколько верфей, на которых построил корабли и организовал вывоз за границу огромного количества лучшей северной древесины. Компания Гома, оказавшаяся в 1780 г. несостоятельной, оставила после себя тяжелое «наследство» в виде огромного скопления гниющих бревен по берегам Онеги и в лесах. Мелехов приводит отрывок из книги П.И. Челищева «Путешествие по северу России в 1791 году». Челищев возмущался сложившаяся тогда (во второй половине XVIII в.) практика, при которой «англичане и голландцы в торговом обороте платят России мене по 25 копеек за бревно, и то пивом, портером да пряными кореньями, а когда бы казне случилось строить флот в тех местах, то бы принуждена была платить по рублю за собственное свое дерево пиловое, а о корабельных частях не знаю как и сказать». Челищев обнаружил на Онеге большие злоупотребления, чинимые иностранцами, выступающими порою в невинной роли директоров русских лесных экспортных контор.

В 1911 г. В.И. Денисов, член Государственного совета, выпустил серию очерков о современном состоянии основных отраслей народного хозяйства России, в которых указывает главнейшие мероприятия, ведущие к подъему экономических сил страны, в том числе отмечается такая весьма важная отрасль

производительности и экспортной торговли России, как лесное хозяйство. Денисов в своей работе отмечает, что по лесистости Россия занимает первое место на континенте и в заокеанских государствах, а что касается эксплуатации лесов, стоит позади не только Америки, но и всех европейских стран. Наряду с лесоторговой отсталостью России, рельефно выступает сокращение лесных пространств, особенно при сравнении с другими странами. Главными причинами неудовлетворительной постановки дела в области огромного лесного хозяйства страны Денисов считает прежде всего отсутствие планомерной эксплуатации лесных богатств, что вызывает хищнические приемы вырубки, лесные пожары, уничтожающие обширные пространства ценного леса и показывающие недостаточность охраны и борьбы с этого рода бедствием, и, наконец, отсутствие правильной торговли лесом, что в значительной степени обесценивает русский лес и понижает доходность лесной промышленности, а также указывает на отсутствие правильного лесоуправления [9].

Состояние современного лесного хозяйства в России не вызывает оптимизма, несмотря на бесконечные реформы, проводимые как в годы советской власти, так и в настоящее время.

«Сейчас собственник лесов — государство — несет ощутимые убытки (упущенная выгода) в управлении своей собственностью, смирившись с весьма незначительным доходом от продажи права пользования различными видами лесных ресурсов (передача лесных участков в аренду и продажа права лесозаготовок с аукционов)», — говорит в своем интервью «Российским лесным вестям» А.И. Писаренко, академик, президент Российского общества лесоводов [10]. «Средств, получаемых при этом государством, не хватает для выполнения всех необходимых видов работ по управлению лесами. Сложилась бюджетная неэффективная система управления лесами. Попросту говоря, отсутствие лесной политики превратило государственное лесное хозяйство России в черную экономическую дыру. Лесной политике России пришло время».

Таким образом, из анализа истории становления лесного хозяйства в России, следует, что проблемы охраны, использования и воспроизводства лесных ресурсов волновали передовые умы человечества уже несколько столетий назад и остаются актуальными по сей день. Только рациональный и целесообразный подход к делу, независимо от того, частные это или государственные леса, с учетом будущего и прошлого развития лесного хозяйства, может дать положительный результат как в получении дохода, так и в сохранении и возобновлении лесных ресурсов. Изучение исторического опыта

хозяйствования в лесах необходимо для понимания важности лесного хозяйства как одного из основных факторов развития экономики нашей страны.

Литература

1. *Мелехов И.С.* Лесоведение: Учеб. для вузов. М., 1980.
2. *Мелехов И.С.* М.В. Ломоносов и истоки науки о лесе и лесного образования в России // Лесной журнал. 2001. № 3.
3. *Мелехов И.С.* Очерк развития науки о лесе в России. М., 1957.
4. *Архипова Н.П., Ястребов Е.В.* Как были открыты Уральские горы. Свердловск, 1990.
5. *Писаренко А.И., Страхов В.В.* Лесное хозяйство России от пользования — к управлению. М., 2004.
6. *Редько Г.И., Родин А.Р., Трещевский И.В.* Лесные культуры: Учеб. для вузов. М., 1980.
7. *Редько Г.И., Трещевский И.В.* Исторический очерк искусственного лесовозобновления и лесоразведения в СССР // Рукотворные леса. М., 1986.
8. *Редько Г.И., Редько Н.Г.* Лесное хозяйство в жизнеописании его выдающихся деятелей: Биогр. справоч. М., 2003.
9. *Денисов В.И.* Леса России, их эксплуатация и лесная торговля // К вопросу о подъеме экономических сил России. СПб., 1911.
10. Интервью Анатолия Писаренко «Российским лесным вестям» // <http://www.umocpartner.ru/press-centr/news/lesnoj-politike-rossii-prishlo-vremya-intervyu-anatoliya-pisarenko-rossijskim-lesnym-vestyam/>.

Вместо послесловия

Концептуальные выводы из Международной научной конференции «Своеобразие отечественной хозяйственной мысли в контексте мировой экономической науки и современный поиск новых парадигмальных решений» (20—21 июня 2013 г.).

1. Русская экономическая мысль представляет собой комплексную научно-образовательную школу, обладающую оригинальными типологическими особенностями и характерными чертами: философско-мировоззренческой направленностью, целостным подходом к хозяйству и человеку хозяйственному, повышенным интересом к конкретно-историческим формам хозяйства, особым вниманием к проблемам экономического развития России с учетом ее географических и социокультурных особенностей.

2. Политэкономия нуждается в уточнении своего предмета, в расширении методологических границ, преодолении доктринерского подхода и обращении к мировоззренческим вопросам, с опорой на богатое отечественное научно-культурное наследие.

3. Особым достижением русской экономической мысли является возникшая в Московском университете в начале XX в. и возрожденная в МГУ к началу XXI в. философия хозяйства, становление которой связано как с критикой политэкономии и других направлений научного экономизма, так и с плодотворным развитием русской национальной философии с рубежа XIX—XX вв.

Наши авторы

Осипов Юрий Михайлович,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России;

Зотова Елена Серафимовна,

академик-секретарь АФХ, член-корреспондент АГН, к.э.н., ведущий научный сотрудник, экономический факультет МГУ; заместитель директора Центра общественных наук при МГУ; первый заместитель главного редактора журнала «Философия хозяйства»; ученый секретарь Философско-экономического ученого собрания;

Антропов Анатолий Александрович,

действительный член АФХ, научный сотрудник, экономический факультет МГУ;

Бердникова Татьяна Борисовна,

к.э.н., доцент, директор ЗАО «ТРИН»;

Гиренок Федор Иванович,

действительный член АФХ, АГН, д.ф.н., профессор, кафедра философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ;

Горюнов Игорь Александрович,

преподаватель, кафедра менеджмента и маркетинга, Московский финансово-юридический университет;

Довгарь Андрей Владимирович,

научный сотрудник, Институт динамического консерватизма;

Ефимчук Ирина Викторовна,

действительный член АФХ, д.э.н., доцент, профессор, кафедра экономической теории, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского;

Залетный Алексей Алексеевич,

к.э.н., к.ф.н., старший научный сотрудник, экономический факультет МГУ;

Золкин Илья Сергеевич,

соискатель кафедры мировой экономики, экономический факультет МГУ;

Зяблюк Римма Трофимовна,

д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ;

Иохин Виктор Яковлевич,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, Российский государственный торгово-экономический университет;

Кайманаков Сергей Владимирович,

действительный член АФХ, к.э.н., ведущий научный сотрудник, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ;

Кашицын Виктор Валентинович,

действительный член АФХ, к.э.н., профессор, начальник кафедры экономической теории и мировой экономики, Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск);

Ковалев Сергей Георгиевич,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической истории, Санкт-Петербургский государственный университет;

Корняков Василий Иванович,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории, Ярославский государственный технический университет;

Кульков Виктор Михайлович,

д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ;

Мойсейчик Галина Ивановна,

действительный член АФХ, к.э.н., главный советник, Главное управление денежной политики и экономического анализа, Национальный банк республики Беларусь (г. Минск);

Нина Светлана Станиславовна,

член-корреспондент АФХ, к.с.-х.н., научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ;

Покидченко Михаил Георгиевич,

д.э.н., профессор, кафедра истории народного хозяйства и экономических учений, экономический факультет МГУ;

Пиеницын Иван Викторович,

действительный член АФХ, д.э.н., Российский государственный торгово-экономический университет;

Рыкалин Артур Сергеевич,

председатель ревизионной комиссии потребительского кооператива «Народное здоровье»;

Рышкус Владислав Валерьевич,

член-корреспондент АФХ, к.э.н., Российский государственный торгово-экономический университет;

Румянцев Михаил Алексеевич,

действительный член АФХ, д.э.н., доцент, кафедра экономической теории, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет;

Смирнов Игорь Павлович,

действительный член АФХ, к.и.н., заместитель директора Центра общественных наук при МГУ;

Соболевская Алиса Александровна,

действительный член АФХ, к.э.н., старший научный сотрудник, Институт мировой экономики и международных отношений РАН;

Тутов Леонид Арнольдович,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, заместитель декана по науке, и.о. заведующего кафедрой философии и методологии, экономический факультет МГУ;

Ушанков Вячеслав Анатольевич,

академик-секретарь АФХ, к.э.н., доцент, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет;

Фадейчева Галина Всеволодовна,

действительный член АФХ, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, к.э.н., доцент, профессор, заведующая кафедрой экономики и финансовых дисциплин, Владимирский институт бизнеса;

Хабибуллина Елена Хамзаевна,

к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Институт экономики, финансов и права;

Чуринов Николай Мефодьевич,

д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии и социальных наук, Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М.Ф. Решетнева (г. Красноярск);

Шапиро Наталья Александровна,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующая кафедрой экономической теории и экономической политики, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики;

Шулевский Николай Борисович,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии и методологии, экономический факультет МГУ; заместитель директора, Центр общественных наук при МГУ;

Юдина Тамара Николаевна,

действительный член АФХ, д.э.н., доцент, кафедра стратегического планирования и экономической политики, факультет государственного управления МГУ.

Содержание

Предварение (<i>Ю.М. Осипов</i>)	3
Раздел I. Отечественная хозяйственная мысль под углом зрения современности	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Своеобразие отечественной хозяйственной мысли: наследие и новый парадигмальный поиск	10
<i>Л.А. Тутов</i>	
Философия хозяйства и кризис неоклассики	37
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Горизонты русской философии хозяйства	48
<i>М.Г. Покидченко</i>	
Адаптация, инновация и вновь адаптация — история российской экономической науки	64
<i>В.М. Кульков</i>	
Интегральность российского экономического мышления	75
<i>М.А. Румянцев</i>	
Путь российского хозяйства и отечественная мысль	81
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Философия хозяйства — оригинал будущего в мире без будущего	91
<i>И.П. Смирнов</i>	
О синкретизме и философской направленности русской экономической мысли	107
<i>И.В. Пшеницын</i>	
Своеобразие отечественной мысли и его реализация в концепции общей теории экономики	124
<i>В.В. Рышкус</i>	
О специфике русской хозяйственной мысли, ее настоящем и будущем	131
<i>С.Г. Ковалев</i>	
Российская экономическая мысль сквозь призму ноосферного развития	137
<i>Г.И. Мойсейчик</i>	
Ю.М. Осипов как создатель новой парадигмы стоимости	153

<i>Н.А. Шапиро</i>	
Проблема ценности теории по С. Булгакову и политическая экономия сегодня	165
<i>В. А. Ушанков</i>	
Объектные основания «хозяйственности» русской экономической мысли	175
<i>И.В. Ефимчук</i>	
Телеология современной экономической мысли: между идеологией экономики и этикой хозяйства	184
<i>Г.В. Фадейчева</i>	
Современные вызовы и проблемы развития в контексте философии хозяйства	200
<i>Т.Н.Юдина</i>	
Феномен русской экономической (домостроительной) мысли: к 400-летию Дома Романовых	203
Раздел II. Реальная экономика в свете отечественной экономической мысли	
<i>Р.Т. Зяблук</i>	
Общеэкономические закономерности и своеобразие национальной экономики России	210
<i>В.И. Корняков</i>	
Забытое экономическое открытие И.В. Сталина и современность	221
<i>И.А. Горюнов</i>	
Сталин о ленинском стиле в государственной работе и реализации инновационных проектов	229
<i>А.В. Довгарь</i>	
Экономические аспекты позиции и политической деятельности М.О. Меньшикова	242
<i>В.В. Кашицын</i>	
Своеобразие отечественной экономической мысли как форма проявления особенностей эволюции российской экономики	251
<i>Т.Б. Бердникова</i>	
Три века исследований фондового рынка России: от монопредметной к мультидисциплинарной парадигме	256

А.А. Антропов	
Эссе о жизненности и плодотворности политической экономики философии хозяйства на рубеже XX—XXI вв. в области теории хозяйственных (экономических) циклов и инновационных показателей на всех уровнях народного хозяйства отдельно взятой страны	268
В.Я. Иохин	
Национальная модель развития России — дорога в будущее	299
С.В. Кайманак	
Многоуровневая экономика и экономическая безопасность России: теоретические подходы к исследованию	315
И.С. Золкин	
Первые итоги членства России в ВТО: влияние на внешнеэкономическую безопасность	324
А.А. Залетный	
Сущее и должное в экономическом поведении: переключки веков и народов	329
А.С. Рыкалин	
Перспективы развития теории и практики кооперации	335
А.А. Соболевская	
Хозяйственная мысль и хозяйство на Смоленщине	343
Н.М. Чуринов	
Режим собственности	353
Е.Х. Хабибуллина	
Критика теоремы Р. Коуза в смысловых координатах русской хозяйственной мысли	364
С.С. Нина	
Становление национального лесного хозяйства как фактор экономического развития России	374
Вместо послесловия	381
Наши авторы	382

Научное издание
Российская хозяйственная мысль:
своеобразие, история, перспективы

Под редакцией Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой

Редактор Т.Г. Трубицына
Оригинал-макет С.С. Нипа

Подписано в печать 01.11.2013 г.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Печ. л. 24. Тираж 300 экз. Зак. №
Издательство «ТЕИС»
115407, Москва, Судостроительная ул., 59
Тел. (495) 939-32-28

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6